Владимир
Кутырёв

Время
mortido

Владимир
Кутырёв

ВРЕМЯ MORTIDO

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2012

СЕРИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 001.18+130.3
ББК 87
К 954

Кутырёв В. А.

К954 Время Mortido. – СПб.: Алетейя, 2012. – 336 с.– (Тела мысли).

ISBN 978-5-91419-718-3

Человеческая деятельность достигла мега- и наномасштабов. Она превысила сферу жизни и стала определяться мощью постчеловеческого разума. Передовой отряд цивилизации втягивается в процесс инобытия, что проявляется в его влечении к Ничто, mortido и трансгоманизму. Перерождение человеческого духа в техногенный интеллект – трагическое следствие нерегулируемого прогресса. Автор решительно отвергает примирение с без (д)умным инновационизмом, противополагая ему консервативно-феноменологическую философию жизненного мира.

Вторая часть книги научно-художественная. В жанре афористических эссе раскрывается парадоксальная истина текущих событий. Наше положение безнадежно, значит надо сделать все, чтобы его изменить. Широкий диапазон: «от бытия до быта», концентрация универсальных идей и искреннее беспокойство за судьбу мира в эпоху трансмодерна отличают развиваемую в ней «философию (для) людей». Этот раздел доступен каждому, предполагая, однако, медленное чтение.

УДК 001.18+130.3
ББК 87

На обложке: Огюст Роден «Последняя мольба»

ISBN 978-5-91419-718-3

Введение

Книга написана по схеме «два в одном»: «Разум **pro**-тив человека» и «Философия жизни в постжизненном мире» вместе. Но это не разные темы, а разные способы рассмотрения нашего времени как эпохи глобального распространения техногенной цивилизации. Два этажа общего дома. Философско-теоретический, как о Бытии, и философско-практический, как о быте. О нашем жизненном мире в форме логического и художественного мышления. Книга о времени, когда человеческий разум начал выходить за пределы жизни, превращая все сущее в «пост», «ино» и «транс». Когда на (в)место вещей, тел и личностей заступают копии, симулякры и аватары. И о том, какая бы философия нужна тем, кто хочет сохранить свою бытийную идентичность, считая себя человеком.

Mortido — влечение к смерти, ко всему искусственному и техническому. В противоположность Libido как выражению и игре природных жизненных сил. Это два полюса направленности человеческого духа, оппозиция разума и чувств, научного и художественного в культуре, аполлонического и дионисийского внутри искусства, теоретического и экзистенциального в познании. Отождествление разума, технического и логического со смертью пугает, кого-то может оскорбить, но в философии понятие смерти имеет специфический характер. Она есть «ничто», через которое осуществляется изменение и развитие. Это отрицание одной формы бытия и замена ее новой, иной. Смерть как обновление. Консерваторы стремятся жить и сохранять, прогрессисты уничтожать и производить. Смерть — орудие прогресса.

Как и регресса. По отношению к тому, что погибает, смерть — зло. По отношению к тому, что возникает — благо. Человек умер. Но как часть природы, материи он не исчез. А, например, превратился в лопух среди других трав. Или его ушедшее в Интернет сознание стало каплей в океане информации. Он потерял свою телесную и/или духовную идентичность и превратился в инобытие, которое все равно бытие. Из бытия никуда не выйти. Его полюса: от Dasein = вот-бытия = человеческой формы реализации бытия через процесс его исторического восхождения/отчуждения

до инобытия = иного, чужого бытия. Которое для самого человек(еств)а в конечном счете равняется ничто. Инобытие — его смерть. В «знательной» проекции этому соответствует движение от алетейи (несокрытости =открытости = непосредственности) бытия через поиск внешней по отношению к человеку истины и постава до технического матезиса = «летейи» = ксенозиса. Mortido как влечение человека к не(й)му — регресс, де(э)волюция, зло.

«Ускользание бытия», «недобытие», «невыносимая легкость бытия» и, продолжая эксплуатировать М. Хайдеггера, «забвение бытия» — таковы печальные философские характеристики современности. Которая вся устремилась в будущее, к проектам и конструктам, новациям и инновациям, скорость внедрения которых безудержно нарастает, но их все мало. Богатые страны задыхаются от перепо(ис)требления, но ставят своей задачей непрерывно его наращивать. Стремимся ли мы к бытию, усилению Libido, расцвету жизненных сил? К состоянию внутренней радости (счастью) и самосовершенствованию? Мало кто решится ответить на этот вопрос положительно. Наоборот: от идеалов осталось погружение в комфорт с одновременным нарастанием техногенного отчуждения, принципиальной непредставимости, непонят(н)ости знания, рост тотального контроля, рисков, ожидание катастроф. Вплоть до состояния непрерывного вот-вот «конца света». Человечество устремилось к инобытию. Через кенозис как истощение творца в своих творениях. К чужому как своему Иному, вплоть до переселения в некие бессмертные искусственные тела. Чтобы, утратив жизненную идентичность, исчезнуть в них. Кенозис — это ксенозис.

В бытии человека ничто/иное заложено изначально. Как идеальное, как сознание и знание. Его первичной рефлексией стала метафизика, переросшая далее в науку и методологию. Ведущей тенденцией в борьбе вокруг трактовки бытия, длящейся всю историю философии в виде ее основного вопроса, было умаление вещности, чувственности и нарастание абстрактности, (по)знательности. В пределах метафизики — от мифа и поэзиса к софии и логосу, а после вступления человечества в неклассическую и постклассическую эпоху, к формализации и когнитивистике. Прямыми философскими (пред)вестниками гибели предметного жизненного мира были Кант и Гуссерль, подорвавшие связь мысли с бытием, обосновавшие переворот человека с ног на голову и поставившие его/ее мышление на собственные ноги. Потом оно все больше и больше стало обходиться без ног и постепенно (по)шло своим путем, стало чистым (от жизни), самоцельным и самоценным, — «трансцендентальным» и в этом

качестве амбивалентным по отношению к человеку. Служа ему, одновременно выступать против него. Быть pro-тив-ником. Создавать новую реальность, обладающую самостоятельным бытием. Опредмечиваться как субстанциально искусственное. По отношению к естественному «протяженному» бытию тел и вещей, живому природно-социальному человеку это «инобытие». Возникающее через победу над ними небытия и ничто. Трансцендентальное нанесло поражение трансцендентному. Произошел поворот от Dasein к «Neinsein», от вот-бытия к «нет-бытию».

Если выйти за рамки теории на простор практико-исторических событий, то это значит, что человечество начало окружать себя несоразмерной собственным жизненным масштабам средой, мега, микро и наномирами и, наконец, произошла Великая информационно-коммуникационная революция, захватывающая сферу за сферой и ведущая к замене любой субстратности отношениями, структурой, информацией и коммуникацией. Современная наука, «физика» неумолимо сближаясь с информатикой, превращается в «техносайенс», может быть точнее, в «инфо» и «вирту» — computer science. Возникла постчеловеческая, трансчеловеческая реальность, т.е. среда, в которой целостный человек как таковой жить не (с)может. Сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, их бытие вытесняется инобытием. Отражением этих процессов в философии и культуре стал постмодернизм. В преврат(щен)ной форме он воспроизводит самоотрицание человека и окружающего его мира, объявляя их «золой» и вытесняя естественный человеческий разум (дух) техническим, в пределе — чисто искусственным интеллектом. В конце концов, «переступив» через традиционное бытие, он перерос в трансмодернизм.

Без сознательного регулирования этих процессов, обеспечиваемый ими потребительский рай грозит обернуться апокалипсисом, для начала культурно-гуманитарным. Когнитизация и технологизация подавляет смысловое сознание человека, лишившись которого его разум становится без(д)умным. «Чистый разум — чистая глупость», — говорил Ницше. Это и осуществляется, только без всякой иронии. Утрата гуманистических целей развития означает, что разум начинает служить не человеку, а чему-то внешнему, иному, приобретая тем самым абсурдный характер. Абсурд — это без(д)умие в форме разума. Люди думают, но «не своем уме». Возникает «новый человек» — мыслящий зомби. Именно в его уме рождаются идеи изменения собственной природы, «расчеловечивания» и замены другими, более «совершенными» существами. Саморазвивающаяся технонаука начала это делать на практике. Как следствие, на Земле возникают силы, представляющие интересы своего рода инопланетных

форм бытия. Теоретически это выражается в движении трансгуманизма, а точнее, трансгоманизма, поскольку речь идет не только о ценностной проблематике, а о судьбе человека как такового, Homo sapiens, точнее, Genus Homo и трансномонизма, поскольку речь идет о судьбе его разума, Nomo. В обоих случаях трансгоманизм вполне обоснованно следует сопрягать с идеологией и философией пост(транс)модернизма. Это единый поток постчеловеческого развития нашей цивилизации, её вступления в эпоху вырождения и mortido.

* * *

Транс — 1) через, за, сквозь, пере, после; 2) состояние за пределами сознания и понимания. Трансгуманизм — относительно новое теоретическое движение (возникло в США в последнее десятилетие XX века, в России оформилось в первые годы XXI века), обосновывающее необходимость «усовершенствования» традиционного человека, вплоть до замены его иной формой бытия и превращения в «постчеловека». Оно опирается на достижения современной научно-технической революции, прежде всего в сфере Hi-Tech, особенно конвергирующих нано-био-инфо-когно (NBIC) технологий и искусственного интеллекта (AI), открывшиеся в ее ходе невиданные, ранее даже не предполагавшиеся возможности воздействия на людей и их жизненный мир. Соответственно подразумевается, что как идеология, трансг(у)оманизм должен прийти на смену антропологии и гуманизму — теориям и мировоззрению «старого», «традиционного», «естественного» человека.

Принято считать, что само понятие «трансгуманизм» появилось у Дж. Хаксли в книге «Новые бутылки для нового вина» (1957г.), а слово «транс-человек» впервые употребляется в научно-фантастическом рассказе Д. Бродерика «Выращивание» (1976г.).[1] Но обычно, беспорядочно перемежая, говорят то о сверх, то о транс, то о постчеловеке. В любом случае, однако, суть в том, что это человек, модифицированный с помощью новейших и будущих технологий до такой степени, что с общепринятой точки зрения является чем-то другим, в сравнении с «наличным», современным. Далее идеологическая развилка: многие адепты подобного развития все-таки продолжают называть это пред-будущее су(ве=тех)щество человеком, обещая нынешним людям золотые горы богатств, всяческого совершенства и, естественно, бессмертия. Это линия обмана и самообмана, выдающая «одно за другое», дабы обыватель, особенно

[1] См.: Летов О. «Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма. // Человек. 2009. №1.

ученый, находящийся на острие прогресса, не разглядел в ней перспективу своей фактической смерти и не о чем не тревожился, наоборот, продолжал считать все, предлагаемое наукой и техникой несомненным благом. Благом «для себя». Трансгуманисты отличается тем, что уходят с этой человеческой орбиты и отбрасывают какой-либо антропологический самообман. Они открыто хотят стать постлюдьми, радуются самоотрицанию и жаждут его скорейшего осуществления. Средства, которые при этом собираются использовать для превращения себя в постлюдей, включают: "молекулярную нанотехнологию, генную инженерию, искусственный интеллект, лекарства для изменения настроения и улучшения памяти, терапию против старения, нейроинтерфейс, программы для управления информацией, носимые и вживляемые компьютеры, когнитивные технологии и т.д.».[1]

Благодаря данным и похожим технологиям, перед человеком открываются захватывающие перспективы изменения, преобразования всего и вся, в себе и вокруг себя. Главным итогом, вершиной трансгуманизма (теперь будем писать: трансгоманизма) как нового состояния человека, или уже (пост, транс) нечеловека, будет достижение им все того же бессмертия. «Смерть ради бессмертия», «пережизнь», «позитивная смерть», «творческая смерть» — каким только самообманом, демагогией не маскируются нарастающие тенденции само-у-ничто-жения существующего Homo sapiens. Трансгоманизм — почти другое наименование иммортализма, или иммортализм — это трансгоманизм в состоянии его полной реализации.

Трансгоманизм нельзя понимать узко, как темы, которые обсуждаются на сайтах трансгуманистического движения в связи возможностями манипуляции человеческой телесностью и сознанием, споры о наилучших моделях биомонстров и киборгов. Как футурологические утопии, хотя и близкие к осуществлению. Это главная, организационно оформившаяся, но все-таки только одна ветвь антиантропологического (трансантропологического) и антигуманистического мировоззрения, порождаемого состоянием различных сфер современной жизни. На самом деле борьба с человеком имеет более глубокие корни, она зародилась в ходе его познания, постепенно приобретая в философии и антропологии артикулированное теоретическое выражение. Она имеет, не сказать что большую, но довольно определенную предысторию, историю.

Принципиальным историческим поворотом, глубинным философским фундаментом для возникновения трансгоманизма (трансантропо-

---

[1] Трансгуманизм: http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/43/47

логизма) является трансформация субстанциалистской парадигмы отношения к миру в функционалистскую, далее, что очень близко, в релятивистскую, а потом в конструктивистскую. Отказ от метафизики с ее непременным онтологизмом и гносеологизация философии. Впервые открыто отказ от человека как субъекта и как сущего в середине XX века провозгласил структурализм. Это, однако, представлялось неким теоретическим приемом. «Всерьез и надолго» о смерти человека объявил философский постструктурализм, или, если брать шире, культурологически — постмодернизм. И ставил ее достижение своей конечной целью. Трансгомонизм — составной элемент, состояние, результат, постмодернизма. Вытекающее из него следствие. Выступая в разных обличьях, прикрываясь благими намерениями и придумывая некие собственные ценности, постмодернизм/трансгуманизм подводит под разрушение человека концептуальный и методологический фундамент. Культивируются, с одной стороны, соблазны «Прекрасного нового мира», который теперь не пугает, а очаровывает, с другой — фатализм: трансформации человека все равно не избежать. Даже если это плохо, ужасно, но поскольку неизбежно, значит — хорошо. Смиритесь, и чем быстрее, тем лучше. От апелляций к синергетической вариативности развития, к свободе человека, к тому, что он как-то может выбирать, не остается и следа. На место возвышающего существующих людей гуманистического мировоззрения под разными соусами предлагаются идеи «расчеловечивания человека», сознательного или бессознательного отказа от него. И как любая патология, став реальностью, в конце концов, возводится в норму, так отрицание людьми самих себя постепенно предстает позитивом, объявляется благом.

... Впрочем, мы хотим уйти от дальнейшего предварительного знакомства с идеями по инобытийной трансформации человека. Попробуем ввести читателя в суть дела по-другому. В 2009 году в Интернете случилась полемика между живущим, точнее, функционирующим в США выходцем из России Александром Болонкиным и автором этого текста, живущим, точнее, существующим в России. Представляется, что она кратко, но вполне четко иллюстрирует принципиальные цели и идеалы трансгоманизма, открываемые им перед человеком перспективы — с одной стороны, и резкое, отчаянное неприятие, аргументы против таких перспектив — с другой. Этот спор «прогрессора» (А. Болонкина) и «консерватора» (В. Кутырева) своего рода «глаз циклона» для всей проблематики инобытия.

Прогрессор: неожиданный прорыв в бессмертие

Необычайно быстрое развитие компьютерной технологии и особенно микрочипов, позволяющих на одном квадратном сантиметре размещать сотни тысяч электронных элементов, открыло перед человечеством совершенно другой метод решения проблемы бессмертия отдельного индивидуума. Этот путь основан не на сохранении хрупких биологических молекул, а в переходе на искусственные полупроводниковые (силиконовые, галлиевые и т.п.) чипы, устойчивые при больших колебаниях температур, которые не нуждаются в пище, кислороде, сохраняются тысячи лет. И, что очень важно, информация из них легко может быть переписана в другой чип и хранится в нескольких экземплярах.

И если бы наш мозг состоял из чипов, а не биологических молекул, то это и означало, что мы получили бессмертие. И тогда наше биологическое тело нам стало бы тяжким бременем. Оно мерзнет, страдает от жары, нуждается в одежде и уходе, легко повреждается. Куда удобнее иметь стальные руки и ноги, обладающие огромной силой, нечувствительные к холоду и жаре, которым не нужны пища и кислород. И даже если они и сломались, то не жалко, — купим и вставим новые, еще лучше и современнее.

Может показаться, что у человека, получившего бессмертие, собственно говоря, в человеческом понимании, от человека и ничего не осталось. Но у него осталось самое главное — его сознание, память, представления и привычки, т.е. все то, что заложено в его мозгу. Внешне ему можно придать тот же человеческий и более изящный облик. Например, красивое молодое лицо, стройную фигуру, нежную атласную кожу и т.п. Более того, этот облик можно менять по желанию, в соответствии с модой, вкусом и представлениями о красоте самого индивидуума. Мы тратим гигантские средства на медицину. Если бы мы тратили хотя бы десятую часть этих денег на развитие электроники, то получили бессмертие уже в ближайшем будущем.

Согласно исследованиям автора такой переход в бессмертие (Е-существа) будет возможен уже где-то через 10... 20 лет. На первых порах он будет стоить несколько миллионов долларов и будет доступен только весьма состоятельным людям, крупным государственным деятелям и знаменитостям. Но уже еще через 10...20 лет, т.е. где-то к 2020...2035 гг., стоимость ЧЭК (человек эквивалентного компьютера-чипа), самодвижущего тела, органов чувств (датчиков) и коммуникаций упадет до нескольких тысяч долларов и бессмертие станет доступным для большинства жителей развитых стран, а спустя еще 10...15 лет, бессмертие будет практически доступно всем жителям Земли. Тем более что на первых порах можно будет записывать

в чипы только содержание мозга, а снабжать их телом для самостоятельного движение и существования позднее.

11 октября 1995 г. В «Литературной газете» была опубликована моя статья «*Если не мы, то наши дети будут последним поколением людей*», посвященная электронной цивилизации. Месяц спустя в ответной статье («*Не пора ли кувалдой трахнуть по компьютеру*» от 22.11.95) редактор Олег Мороз обсуждал этическую сторону уничтожения разумных электронных существ с целью сохранения человечества.

Но в случае снижения стоимости ЧЭК и доступности процедуры перевоплощения для большинства людей перед смертью в Е-существо (переход в бессмертие) — ситуация в корне меняется. В самом деле, такой переход, в первую очередь, будут осуществлять старые или неизлечимо больные люди. И трахать кувалдой по компьютеру будет равносильно убийству собственных родителей и уничтожению возможности самому стать бессмертным.

Во время выступления по американскому телевидению ведущий задал мне вопрос «А будет ли электронное существо полностью идентично своему родителю, с его эмоциями и чувствами?» Ответ: «В первый момент — да!». Однако развитие этих существ будет таким стремительным, что мы не можем предсказать последствия. Если биологическому человеку для изучения наук, иностранных языков и, т.п. нужны десятки лет, то Е-существо будет приобретать любые знания за доли секунды (время перезаписи их в свою память). А мы знаем, как отличается мировоззрение людей окончивших Вузы от мировоззрения дошкольников. В свете того, что первыми Е-существами скорее всего станет ныне живущее среднее поколение людей, которые на первых порах сохранят свои чувства к своим детям (к молодому ныне живущему поколению), ***вероятно*** *не будет массового уничтожения людей Е-существами*. Какое-то время они будут сосуществовать вместе. Скорее всего, рождаемость людей будет ограничена или падать в силу естественных причин, а живые с приближением старости будут переходить в Е-существа — т.е. число Е-существ будет расти, а людей уменьшаться, пока не дойдет до минимума необходимого *для зоопарков и небольших резерваций*. Очевидно, что чувства Е-существ к людям как к своим предкам, с ростом разрыва между умственными способностями людей и электронных существ, будут уменьшаться, пока не достигнут нашего отношения к человекообразным обезьянам *или даже к козявкам*.

Очевидно и другое, что биологическое размножение будет таким дорогим, долгим и отсталым, что уйдет в прошлое. Каждое Е-существо может повторить себя путем просто перезаписи всего содержимого своего

мозга в новое Е-существо, т.е. размножаться практически мгновенно, минуя все стадии детства, роста, обучения, накопления опыта и т.п. Правда полностью идентично родителю такое взрослое «дитя», будет только в первый момент своего существования. С течением времени, в зависимости от получаемой информации, рода занятий, Е-существо будет все более отделяться от своего предка, и, возможно, даже когда-то *может стать его врагом*, если интересы их пересекутся или будут противоположны.

Консерватор: прорыв в про-пасть небытия

Это прекрасный манифест идей и целей трансгоманизма и гуманологии (если она понимается как теория *любого, наряду с человеческим* разума). В прямой форме, с открытым забралом перед нами выступает последовательный идеолог компьютерного постчеловеческого мира, помещающий человека в зоопарк и резервацию (лагеря?) в статусе обезьяны или даже козявки. Е-существо сначала будто-бы называется человеком, а потом оказывается его смертельным врагом. И это правда! Последняя правда, к которой автор приходит в конце статьи как итогу технической де(э) волюции человека. Данный текст надо как можно шире показывать всем людям. Вот что стоит за разглагольствованиями насчет «бессмертия». Бессмертие возможно только в виде смерти живого человека и превращения в роботообразное, у которого ничего человеческого не останется. Эмоции, «привычки» жизни ему не нужны, страстей, чувств и влечений тела у него нет. Зачем о них «помнить» и сколько будут помнить, если даже захотят? Ведь ему не нужно «ни размножение», «ни пища и ни кислород». Тогда зачем маскироваться «под человека», к тому же ограниченного по способностям к вычислению и «мышлению», по количеству ног и рук. У Е-робота будет гораздо больше информационных возможностей, стальных рук, ног, а лучше колес. Он будет стремительно совершенствоваться, поколение за поколением, уходя в техно-виртуально-космическую бесконечность. В дурную бесконечность перемен без какого-либо образца и образа.

Таким образом, мы свидетели прямого объявления войны человеку. И, к сожалению, объявляет ее не сумасшедший, не шизофреник. По крайней мере, не совсем шизофреник. О таких существах мечтали Н. Федоров, К. Циолковский, сейчас мечтают многие другие космисты, их вовсю пропагандируют теоретики технического бессмертия и трансгомонизма. Наука и техника вырвались за пределы земной макрореальности и природных констант человека. Не регулируя их безумное развитие, не давая теорети-

ческого отпора и не изолируя практически идеологов нашего (кто чувствует и считает себя человеком) уничтожения, не предавая их «Нюрбергскому трибуналу», люди обречены. Нацисты практиковали геноцид по отношению к некоторым этносам и расам. Однако, выделяя «неполноценные расы», к животным, тем более к «козявкам», которых обычно рефлекторно давят, их они все-таки не приравнивали. Это даже не фашизм или нацизм, а своего рода абсолютный техногеноцид, который объявлен всему человечеству. Вопрос его стихийной самоликвидации только во времени. Параллельно, как радостно сообщает пресса, в Пентагоне люди (?) разрабатывают «робота-людоеда». И вот один из них .... (любая редакция все равно вычеркнет), дает нам для продожения жизни всего 10-20 лет. Более «добрые» технократы обычно лет 50-100. Маловато. Но то ли еще будет, по мере распространения компьютеризации и внедрения чипов! И найдутся «философы», которые все это будут оправдывать. Собственно, они уже нашлись в виде идеологов трансг(у)оманизма, представители которого все активнее выклевывают человеку его теоретические глаза. И потому основная масса людей ничего не видит. Поистине (повторю свой некий ранний тезис), «мы не будем знать, когда нас не будет». Те же, кто сопротивляется самоубийству, будут квалифицироваться как фундаменталисты, консерваторы, экстремисты, противники науки и прогресса, а также «свободы и прав человека». Вот трагическая ирония истории: идеология вырождения возводится в норму! «Прогресс не остановишь» — так обычно говорят о смерти, которой никому не миновать. Но как в личной жизни, зная о своем конце, мы к нему не торопимся, а живем вопреки перспективе, боремся с ней, так и человечеству в целом надо жить по логике сопротивления. Где только возможно уничтожая бациллы трансгоманизма, особенно в себе, как идейно, так и социально. Разоблачая соблазны и прельщения бессмертием, показывая абсурдность самоценного новационизма. Насколько сумеем осознать свое реальное положение и будем способны действовать — настолько и продлимся...

* * *

Разумеется, бо́льшая часть людей пока находятся в своем уме и, столкнувшись с идеями инобытия и трансгоманизма, несмотря ни на какие посу(ы)лы, выступает против собственного самоубийства. Однако нередко от теоретических предостережений насчет его опасности отделываются тем, что считают их преждевременными, выражением пессимизма, катастрофизма, паническими и т.п. Что они о чем угодно, но «не про нас», не о нашей ситуации. Вышеприведенная полемика показывает, насколько далеко зашло наступление инобытия, дело отрицания человека со стороны

его отдельных представителей, как легко и быстро людоделы становятся людоедами. Которых все больше — целое «трансгу(о)манистическое движение». И какие изощренные передергивания, обещания фантастических благ, вперемежку с пошлостями насчет их экономической дешевизны, предлагаются, «скармливаются» человеку. Чтобы он их проглотил — и отравился, возвел патологию в норму. Впал в транс.

А что же классическая философия, метафизика, антропология, ее разные ветви, философский, да и другие разновидности гуманизма, куда они смотрят, как реагируют на эту направленную против них агрессию? Пока практически никак. «Спящий гуманизм» — так можно определить его нынешнее состояние в свете нарастания отрицающих человека тенденций. Адепты и теоретики традиционного = гуманистического мировоззрения их почти «не зрят». Не замечают, что наряду с прямым отрицанием, выхолащивается, особенно через толки о необходимости «сдвига гуманитарной парадигмы», его внутреннее содержание или как место гуманизма занимают «гуманология» и «персонология». Как будто ничего не происходит. Но если не замечать, что трансгенно-и(на)нобытийное воронье уже кружит, пирует над живым человеком, его природой и культурой, если эти приемы обмана и самообмана не раскрывать, такого рода самоубийственные ходы мысли не анализировать, обнажая их действительную суть, они станут реальностью быстрее, чем можно ожидать[1].

Им важно противопоставить какую-то позитивную философию сохранения. Ради своего выживания люди должны вырабатывать философию, противостоящую инобытию. Она должна быть ориентирована не на устойчивость развития, а на устойчивость того, *что* развивается. Собственно философский смысл устойчивого развития — динамический консерватизм. Сохраняя истоки, динамический консерватизм необходимо укоренить в современных достижениях науки. Тогда это будет философия археоавангарда. *Неоконсерватизм как управляемое развитие.* (Controlled development). Преодоление абсурдности бесцельного инновационного

---

[1] На начало дискредитации человека внутри самой философской антропологии мы пытались обратить внимание общества с конца 80-х годов. См.: Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания. // Природа. 1989. № 5; Человек в XXI веке: уходящая натура… // Человек.2001. №1. Среди ее авторитетов первым тревогу насчет угрозы трансгуманизма выразил П.С. Гуревич. См.: Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека. // Вопросы философии. 2009. №3. Теперь, по-видимому, будет продолжение, какие-то дискуссии и человек, по крайней мере, не уйдет недостойно, без сопротивления, антропология и гуманизм не исчезнут не замеченными.

развития возможно на путях совершенствования той или иной формы сущего ради достижения ею «акме». Состояние акме всего бытия — Бог, но поскольку в цивилизационно-техническом сознании его «убили», то важно сохранить существующий (до трансгоманизма) идеал Совершенного Человека. Акмеология подкрепляется «эстетизацией философии», или метафизической трактовкой эстетики, созданием эстологии, в рамках которой любой вид деятельности предстает как самоценный, когда она рассматривается не с позиции эффективности, а с позиции «дара». Тем самым мы получаем право на «бесполезное», т.е. субстанциальное, а не функциональное бытие.

Онтологической основой такого поворота является мировоззрение полионтизма и коэволюции. Концепт полионтизма — единство во множестве. При постулировании взаимодействия разных миров преодолевается снимающие человека заданность и детерминизм развития. Оно открыто всем формам бытия, в том числе нашей реализации возможного. Человечество должно отстаивать свой «жизненный мир». Это мир феноменов как Umwelt — состояние реальности, адекватное человеческой сущности. Наше положение безнадежно, поэтому мы должны сделать все, чтобы его изменить. Такова главная идея, из которой целесообразно исходить в переосмыслении философии, как в современном состоянии, так и исторической метафизики, преодолевая ее рабскую зависимость от прогрессистской редукции духа к состоянию «чистого разума». Философия, которая не думает о целях, смыслах и ценностях, не нужна. «Чтобы не думать», достаточно науки. И научно-технической философии как методологии и технологии. Это означает необходимость превращения философии в герменевтику и феноменологию, точнее, в феноменологический реализм — бытийное философствование людей и ради людей.

Основная задача первой части книги «Разум pro-тив человека» в том, чтобы рассмотреть становление феномена инобытия, его фактические и идейно-теоретические проявления в разных сферах деятельности современного человека, прежде всего в науке и пост/трансмодернистской философии. Показывается, что это ведет людей к самоапокалипсису (термин, насколько я знаю, принадлежит О. Шимельфенигу), отказу от своей родовой сущности и возникновению трансгоманизма. Раскрывается его ложь и соблазны, особенно бессмертием, общее анти-антропологическое содержание. Предлагается реконструкция философии в плане обсуждения возможностей переориентации социально-исторического развития на сохранение жизненного мира людей, их идентичности как специфически

человеческой формы бытия. Очерчиваются контуры и основные направления данной ново-консервативной философии (для) людей.

Во втором разделе книги «Философия жизни в постжизненом мире», эти же проблемы представлены как экзистенциальные. В духовном мире личности, как своего рода «несвоевременные мысли думающей души». Частично — автора. Они развертываются на материале непосредственной реальности и событий нашего времени, в художественно-философской форме афоризмов и эссе, однако это не бриколаж как игра ума. Они претендуют на продолжение бытийного философствования. Для философски не специализированного читателя знакомиться с книгой можно начинать с этой второй части. Или даже ограничиться ею. Пере(в) водить,хотя бы и во введении, ее жизненно детерминированные мыслеобразы на язык сухого теоретизирования не имеет смысла. К ней есть «Увертюра», но лучшее представление об ее содержании можно составить, прочтя наугад 1-2 страницы.

Я благодарен всем, кого знаю. Особенно близко.

Часть первая. Разум pro-тив человека

Глава I. **ФИЛОСОФИЯ ИНОБЫТИЯ**

1. Из истории борьбы за(с)бытие(м)

Каждый философ знает, что на самом деле его нет. Как и то, что весь мир, в котором его «нет» — тоже иллюзия. Если этого не знает или не хочет знать, значит, он не достиг теоретического дна и далеко от перед(ово)него края философии. Как в ее истории, так тем более, сейчас. Или он не настоящий, думает, что философ, а на самом деле — нет.

Считается, что философия начинается с удивления. Вряд ли это правильно. Удивляется человек наивный, неискушенный, что свойственно мифическому переживанию мира. Первый толчок философствованию дает сомнение. Сомнение в том, что он воспринимает чувствами, во что верит, кого любит, чего боится. От удивления ахают и раскрывают рот, из-умляются и восхищаются. Это сфера эстетического, художественного сознания. Философия как мудрость и знание — то, что после удивления, следует за ним. Ее сомнительная честь, плотно сжав губы и недоверчиво качая головой — (в/за)нести в мир сомнение. К чему оно привело, каждый философ знает... С другой стороны, и *это — несомненно*, чтобы хотеть или знать, или хотеть знать, он (кто-то-что-то) должен(о) быть. Парадокс, но в любом случае философ думает, будто что он делает, имеет смысл.

* * *

Тяжба между бытием и ничто пронизывает всю философию. Как в истоке, так и по сей день. Она будет, пока есть развитие и сознающий его человек. Это основной вопрос (для) *Всего*. Рождался он, как известно, в виде метафизики. Это был процесс противостояния «поэзису», мифам и верованиям, метафизика крепла в борьбе с воображением, видимостью, непосредственностью, обыденными мнениями и прочими заблуждениями. В борьбе с явлениями, говоря по-латыни феноменами, ради проникновения, говоря онтологически, в сущность, ради достижения, говоря гносеологиче-

ски, истины. Преодолевала поверхностные различия во имя глубины всеобщего, кажущуюся множественность во имя подлинного единства. У греческих философов-натуралистов вместо бесчисленных разнокачественных вещей реальны четыре-пять стихий, Демокрит определил, что вода, земля, воздух, огонь тоже феномены, а «на самом деле есть только атомы и пустота». Это начало материализма. Его оппонент Платон, как известно, полагал, что все материальное, наш чувственный мир, включая самого человека, является тенью, отблеском мира идей. Идеи — нечто безвещное, бестелесное, непротяженное = духовное. Противоречие: земля — небо, материальное — идеальное, фюзис — логос является ядром смыслообразования в метафизической философии. Оно действительно было для нее основным вопросом. По крайней мере, до постмодернистской деконструкции. И в человеке, хотя он целостный, как можно отрицать, не признавать смыслообразующего значения противоречия между телом и духом? По крайней мере, до «смерти человека». (Разумеется, в разных терминологических облачениях).

И все же, у обоих противников было нечто общее. Каждый стремился, «редуцируя к себе», преодолеть феноменальность и считая бытие собой, отправить оппонента в небытие. Оппозиция между мнением и истиной, повседневностью жизненного мира и подлинностью теоретизирования проходит через всю историю борьбы за то или иное понимание бытия. С бытием отождествляется архе, сущность, субстанция. Феномены — сомнительное бытие, не совсем бытие. Если бытие как таковое — это перв(ичн)ое, начало и причина, то феномен — это втор(ичн)ое, акциденция, следствие и явление. На современном языке феноменальное — примерно значит виртуальное. Опираясь на предложенную С.С. Хоружим трактовку виртуальной реальности, о феномене можно сказать, что в нем выражается «недобытие» сущего. Виртуальность реальна, но условно, ибо продуцируется константной, «реальной реальностью». Тоже и феномен, как некое подвижное граничное состояние, область взаимодействия по перетягиванию каната между бытием и ничто. В конце скольжения того или иного сущего к своему пределу, оно, как бы максимально феноменологизированное, становится, объявляется несуществующим.

Если идти по цепочке исторического подозрения и лишения феноменов бытийности, то нигилистический конец бытия был представлен в его начале. В европейской, западной культуре — у элеатов. Парменид отождествил бытие с мыслью: «Быть и мыслить, не одно ли и тоже». Все, что вне мысли, просто не существует. Не тень, не отблеск, а «ничто». Если движение нельзя мыслить (апории Зенона), значит, его нет. Мир реален как

тождественная себе Мысль. Здесь происходит отказ от бытия как вещности, предметности, сопротивляемости в пользу бытия как отношений, виртуальности и мыслимости, через его переопределение и «рокировку» с Ничто. Оппозиция сущности и явления у(су)глубляется до оппозиции бытия и ничто, когда связь между ее сторонами разрывается. И феноменов как про-явления субстратного бытия больше не существует. Не случайно Хайдеггер, считая метафизику несущей в себе «забвение бытия», датировал ее исток элеатами, говоря, что атомная бомба взорвалась в трудах Парменида. (если на самом деле была личность с такими идеями или это позднейший концепт). Метафизика «по определению» была заряжена на преодоление феноменов, приравнивание бытия явленного мира к ничто, а его е(и)стины к чистой, строгой, «голой», точной = формальной, ничего не обозначающей и кроме самой себя ничего не несущей мысли. К «пробелу» и «свободе пустоты». К нигитологии. Смерть метафизической философии была заложена в ее «генах», она отражала возникновение «постава» как вооруженного науко-техникой практического о-владения человеком окружающей его внешней и собственной внутренней природой.

В материализме и его непосредственном гносеологическом выражении — эмпиризме, наоборот — к феноменам относили субъективное восприятие мира, чувственное и мысленное. Возможность существования идеального помимо человеческой головы не предполагается вообще. До небытия феномены в материализме доводятся, когда бытие отождествляется с будто бы объективно, само по себе существующим сущим, а природа рассматривается как механизм, автоматически функционирующая бессубъектная машина. В «механическом материализме». Но парадигмальное значение этот подход приобретает только с появлением неклассического и постклассического естествознания, что произошло гораздо позже, нежели по линии философско-спекулятивного идеализма. Апология ничто от имени естествознания стала распространяться, когда оно переступило порог макроразмерности, фактически переставая быть познанием естества, как окружающей природы и проникло в мега, микро и виртуально-информационные миры. Когда оно утратило эмпирическую наглядность, а материализм стал «научным», «функциональным», «бестелесным», «языковым» — «идеалистическим». Когда само познание заменилось деятельностью по изобретению и проектированию не-сущего и возник креативный меонизм.

Реально-исторически, двигаясь от сомнения в «таковости» воспринимаемого мира до отказа от него как такового и конструирования другого, от Бытия до Ничто и, по ленте Мёбиуса, бытия Иного, метафизика прожила долгую, двух с половиной тысячелетнюю жизнь. Если на ее могильном

памятнике обозначить календарные годы жизни, то это будет: VI – V век до н.э. — вторая половина XX века н.э. То есть она прожила от поиска первосубстанции древними греками до собственной деконструкции и замены пост(транс)модернистской грамма/би/тологией. Замены фюзиса информацией, жизни коммуникацией, логоса матезисом. Замены онтологизма когнитивизмом. Трансцендентальная феноменология Гуссерля и структурно-лингвистический поворот, ставшие предтечей информационной революции — это то, что *после метафизики*, особенно как онтологии, хотя проблемы матезиса, языка, коммуникации, так или иначе, всегда были в ее теле, иногда «у кожи». Особенно у Канта, когда в результате субъектно-гносеологического поворота они выступили на первый план, на поверхность. После феноменолого-структурно-информационной революции «безбытийный» трансмодернистский когнитивизм окончательно стал тем, что вместо нее. *В тяжбе с Бытием победило Ничто.* Оно стало основой всего. Иного. Вследствие чего в XX веке началось бурное теоретическое отчуждение мировоззрения человека от самого себя. Его «и(н)онизация». Сама метафизическая философия приобрела маргинальный статус, превратилась в традицию, перешла в тыл, обоз, в котором и пребывает в настоящее время.

Ей, однако, есть что вспомнить. Годы рождения и смерти крайн(и)е важные даты, но содержание жизни сущего — посредине.

Наибольшей полнотой и высшей тяжестью бытие, по-видимому, обладало в Средние века. Не зря в эпоху Просвещения их назвали темными. Эпоха веры заставляла считать, что бытие присуще всему видимому и невидимому. Не отрицалось ничего, ни Земля, ни Небо. Все либо прямо Бог, либо Его твари и творение. «Божий мир» или «Мир Божий» — так назывались учебники по естествознанию для школьников еще в начале XX века. Мышление было образным, символическим, самые тонкие явления представлялись реальными. Оно существовало преимущественно как воображение. Душа — маленькая копия человека, которую по смерти крючками достают из его груди и уносят на небо птицеобразные ангелы, сама смерть — старуха с косой. Все реально, живо — все бытийно=феноменально. Ничто мыслилось возможным только до на(за)чала мира, из которого тот и возник: Deux ex nihil. Но оно не первично, ему предшествовало или было равным бытие пред-вечного Отца-Творца. Философские споры реалистов и номиналистов — это споры за полноту, акме бытия. Господствовал либо крайний, либо умеренный реализм. В первом случае общие понятия, универсалии обладают самостоятельным бытием — линия Платона, во втором — линия Аристотеля и Фомы

Аквинского — они воплощаются в единичных вещах. Номинализм, считавший понятия не более чем именами вещей, обычно был на грани признания еретическим учением. Не случайно, он стал приобретать влияние только в позднее средневековье, по мере зарождения скептицизма и идей реформации (У. Оккам, М. Лютер). В отличие от via antiqua — старого пути реализма, это был via moderna — *современный путь*, который в философском плане вел и привел к эмпирическому материализму Нового времени, кризису веры и зарождению научного естествознания.

С появлением науки и ориентирующейся на нее философии буйное воображение человечества стало умеряться, рационализироваться, выводиться за пределы знания, локализуясь в художественных формах. В познании оно квалифицировалось как ложь, видимость и иллюзии. Оно не только не бытийно, не субстанциально, но и не феноменально. Феномен тоже не субстанциален, он «заряжен» ничто, однако все же часть бытия, он в-ходит в него. Это не иллюзия, чары или видимость, не относящиеся к бытию сущего. Явление существенно, сущность является — твердили когда-то очевидные азы гегелевско-марксистской диалектики. Следствие влияет на свою причину в виде положительной или отрицательной обратной связи — базисное положение ее младшей, «научной» сестры, синергетики. Таким образом, можно говорить о трех стадиях полноты/неполноты бытия: субстанциально-объективном, подлинном бытии, феноменально-субъективном, явленном недобытии, и кажущимся, иллюзорным небытии-ничто. Самой известной попыткой разделения бытия на действительное и феноменальное была наиболее четко выраженная Дж. Локком идея наличия у вещей первичных и вторичных свойств-качеств. Задача научного познания виделась в том, чтобы, преодолев феноменальную оболочку, прорваться к сущностному бытию вещей, которое фактически отождествляется с тем, что фиксируется в них количественно-математическими методами. Природа превращается в материю и, лишенная феноменальности, «перестает улыбаться человеку своим чувственным блеском». Применительно к обществу это означает прорыв сквозь психологию, традиции, пред-рассудки и мнения жизненного мира к законам его функционирования как Системы. В конечном счете, «науки в познании столько, сколько в нем математики» (Галилей). Первичные качества суть количество. Таков идеал по(до)стижения бытия как *его превращения в знание*, заявленный уже наукой Нового времени.

Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Этот, провозглашенный идеал, не достигнут до сих пор, а главное, по мере приближения нему, все больше возникает беспокойство, что произойдет с позна-

нием, да и самим человечеством, если и когда его достигнут. Надо ли к нему стремиться всем, во всех формах знания и надо ли вообще?

Тем более, в русле самого эмпиризма, Дж. Беркли и Д. Юм, неожиданно «зайдя сзади», с противоположной стороны, довольно убедительно, особенно если учитывать последующее появление неклассических форм науки, показали, что первичные качества тоже можно истолковать как вторичные, что они тоже связаны с органами человеческого восприятия (субъектом, наблюдателем). «Esse — esse percipy» (Быть — это быть воспринимаемым). В результате бытие приравнивается к феноменальности, какая-либо субстанция (материя) отвергается. Но тогда этот подход настолько противоречил зд(о)равому смыслу практиковавшего(ся) естествознания, его стремлению к объективности, что был принят в штыки, расцениваясь, как некая патология. Выступить против Ньютона, всей механистической парадигмы, а потом, опередив время, даже Канта, утверждая, что пространство тоже субъективно, феноменально, это действительно было слишком. Слишком рано. Только в наше время, после возникновения компьютерных экранов и виртуальных реальностей, опыта пребывания в космической невесомости можно по достоинству, хотя не без испуга, оценить утверждение-предвидение Юма: «Как «естественно» то, что камень, поднятый и оставленный без опоры, падает вниз, так точно так же было бы «естественным» и то, что он двигался по направлению вверх»[1]. Здесь корни философии возможных миров, виртуалистики, ориентации познания на потенциализм и чистый, безсубъектный (парадоксально, но от/из субъективизма Беркли!) логи(ци)зм. И операторского, становящегося парадигмальным, принципа: что вижу, то имею. Юм прямо отрицал существование «Я», как телесного субъекта, оставляя от него «связку или пучок» актов восприятия. «Сингулярность», «точку сборки» как потом будут говорить в постмодернистской философии. Крайности сходятся. Отказавшись от субстанции (Беркли от материи, а Юм и от Бога), радикальный сенсуализм в перспективе смыкается с отказавшимся от всякой чувственности, вещей и телесности когнитивизмом и дигитализмом. От их бытия в пользу ничто, когда не предполагается никаких феноменов. Или феноменализм Иного. Таково диалектическое коварство непосредственно анагогического развертывания философии в виде субъективной сенсуалистской феноменологии. Однако это была боковая ветвь, путь, в определенном смысле тупиковый, оторванный от общей линии реальной истории, гипотетическую воз-

[1] См.: Юм Д. Исследование человеческого разума. М., С. 59.

можность которого стало видно только «гипертекстуально», с вершины информационной эпохи.

Поэтому вернемся на главную, фундированную классической наукой и буржуазным хозяйством прогрессистскую сцену, где сюжет философской драмы «забвения бытия» приближается к крутому повороту. Еще раз напомнив, что роли в ней разыгрывались не по подкрепленному отсылкой к Пармениду и Пифагору пост-*модернизированному* сценарию (бытие есть мышление и число), а по основному, обеспечиваемому естествознанием историческому сценарию метафизики, ее вопросу о соотношении материального (телесного, протяженного) и идеального (мысленного, беспространственного). Бытие отождествлялось с опытом, практикой, тем, что существует объективно, независимо от его субъективного осознания. К феноменам относились «вторичные качества», а идеальное, особенно неземное, Высшее — к ничто. Какого-то универсального «бесчеловеческого» сознания не предполагалось. Бытие — это природа, материя, вещность. Именно в такой форме, если говорить о Новом времени, основной вопрос стоял в естествознании, в практической жизни. Декарт, как известно, стремился признать обе субстанции (Бог — гарант обеих), но вопрос об их взаимодействии остался открытым. И далее все время споры, иногда внутри системы у одного и того же автора: считать бытием, субстанцией материальное, а недобытием, феноменами идеальное или (в течениях, близких к религиозному мировоззрению) — Наоборот. В пределе, кого отправить в небытие.

Пока наука была преимущественно фюзисом, описательным естествознанием, она и опирающаяся на нее философия «работали» на природу. В познании господствующей была оппозиция: бытие и/или мышление, материя и/или дух (сознание). Однако по мере перехода к теоретизации и математизации, наука начала порождать импульсы «идеализма». Сама. Соответственно, в онаучивающейся философии онтология как учение о бытии постепенно отходит на второй план, оттесняясь гносеологической проблематикой. «Забвение бытия» происходит не через прямой отказ от него или замену сверхъестественным разумом, а через забвение онтологии. Общеизвестным поворотным фактором здесь стала философия Канта. Она в принципе «закрыла» метафизическую эпоху развития человеческого духа и в спекулятивно-философской форме поставила проблемы, которые потом будут смыслообразующими в неклассической, релятивистской, проективной, технизирующейся науке. Продолжив ассоциацию с Коперником, можно сказать, что Кант вынес точку отсчета познания и моделирования мира с Земли в Космос, в интенции даже за

пределы солнечной системы, на что наука решилась лишь в XX веке. И стал ориентироваться не столько на фюзис и логос, сколько на матезис. Однако, будучи первопроходцем, «первым убегающим» он не мог не оглядываться, не думать о судьбе того, что оставляет. По мере отрыва науки от естественно-сущего и перехода к проектированию искусственной реальности, «от познания к творчеству», все время усиливается противоречие, в рамках которого Кант движется: как совместить вещный мир, которого он не хочет лишать статуса бытия (рано), с «космизмом» и трансцендентальностью мышления. Со свойствами, которые находятся уже за границей непосредственного человеческого опыта, предметности, априорные, бескачественные, хотя теперь столь же необходимые в познании, как и чувственный опыт. Как совместить «чистый» космический и виртуальный разум с «грязной» земной и телесной жизнью. Афоризм Ницще «чистый разум — чистая глупость» яркий, но вряд ли он закрывает эту проблему.

Разумеется, мы не будем, да и не способны проникнуть во все тонкости кантовской мысли, но применительно к нашей задаче можно утверждать, что, решая основной вопрос философии через понятие вещь-в-себе, Кант придает традиционному бытию статус недобытия — феноменов. Хотя особого рода: когда бытие существует в форме «забвения бытия» в точном смысле данного слова. Будучи вещью-в-себе, оно, подобно переменным в алгебраическом уравнении, не отбрасывается, а заключается в скобки, капсулируется. Его недобытие в том, что, существуя, оно пассивно, не действует. «Спит». Поэтому бытие как вещь-в-себе не поддается познанию, хотя нужно в нем: в начале, фундируя его, или в конце, интерпретируя результаты. К подобным вещам-в-себе относится и человек как эмпирическое телесное существо. А также высшие сущности интеллигибельного мира, идея свободы, бессмертия души и сам Бог. У критиков Канта принято недоумевать, каким образом вещь-в-себе совмещает «в себе» апостериоризм и интеллигибельность. Что между ними общего? То, что обе трактовки «не теоретизируются», не вписываются в трансцендентально-аподиктические априорные структуры. Говоря прозаическим языком науки, не поддаются количественно-геометрическому выражению. Не когнитивируются, скажем мы от имени последних достижений современного интеллекта. В таком качестве они феноменальны, но это феномены особого рода — все еще «как бы» субстанциальные.

Субстанция, превращенная в феномен! Симулякр субстанции. И Бог, и материя. Существуют, но в статусе феноменов. Явное, но вполне жизненное, неизбежное противоречие, отражавшее сложный процесс «изживания

субстанции», ее начавшуюся замену функционализмом, умирание старой и зарождение действительно новой (на собственных принципах) постметафизической картины, вернее уже, модели мира. Обрезав у (по)знания природные бытийные корни и божественные помочи, Кант вывел его в стратосферу, но не за пределы земного притяжения. Перед тем, как уйти в свободный полет, гносеологическая ракета, ревя и содрогаясь, зависла в равновесии борьбы разнонаправленных сил. Окончательное решение в пользу самости космизации = виртуализации = когнитивизации = инонизации познания он оставил времени, потомкам, «неокантианцам». Первым этот гордиев узел попытался разрубить (и разрубил) Фихте. Он отбросил вещь-в-себе как излишнюю, поставив на ее место универсальное «Я». Я — субстанция, а «не-Я», ее внешний феноменальный мир. Однако этот мир теряет статус сущего, он производный, искусственный — схема, которая будет высоко оценена позже, при становлении конструктивизма. Кант не одобрил такой решительности, так как посчитал не объясненными существующую природу и Бога, полагая их необходимыми не только самипо-себе, но и для познания, кроме того, может, просто жалел их. Понимал сущностную связь судьбы человека с ними. Не отказались от онтологии, не вышли на чистый априорный простор, оставшись имманентистами, т.е. «при бытии», Гегель и Маркс. За это они поплатились невниманием, а иногда и снисходительным презрением к ним неклассической и постклассической науки.

Последовательное преодоление основного противоречия кантовской философии произошло к началу XX века в Марбургской школе неокантианства. В отличие от фихтеанской конструктивистской оппозиции онтологизму, Г. Коген и П. Наторп сохранили гносеологическую суть вопроса, более того, опираясь на новую науку, безжалостно довели эту суть до конца. Дошли до дна. То есть отбросили вещь-в-себе, все «означаемое», природу и Бога как ненужную для «математического естествознания», на которое они ориентировались. Импульсы к познанию дает не бытие, не сущее, не внешний мир, а сама чистая, беспредпосылочная, ау(тен)тичная мысль. Она есть субстанция без субстрата, а если феномен, то сугубо логический, хотя в таких онтических терминах они ее не квалифицировали. Инерционно говоря о естествознании, немецкие неокантианцы фактически были первыми когнитивистами. Предтечами информационно-дигитального моделирования мира. Отбросив вещь-в-себе, т. е. природу, жизнь, Бога, забыв про бытие и феномены, им пришлось провести на человеке операцию отсечения головы от тела. Взяли/оставили себе только голову и даже без органов восприятия — один мозг. Да и он бессубъект-

ный, в формалине, «в банке» — без психики. Ключевая для Канта задача трансцендентального синтеза чувственности и рассудка превратилась тем самым в сугубо формальную, логическую. Без лишних антимоний отбросили возникающие при этом и считавшиеся Кантом неустранимыми противоречия, антиномии. Вернее, считали их решение делом времени и логической техники. Очень многое из того, что сейчас обсуждается в русле когнитивизма, было изучено и обосновано ими. К сожалению, в современной научной философии это не учитывается, происходит очередное «начало с нуля», что не позволяет видеть проблемы, которые уже давали знать о себе тогда, однако маскируемые безбытийной стройностью и формальной чистотой любой формы когнитивизма, остаются не преодоленными до сих пор. Потому что в рамках когнитивизма они не могут быть преодолены в принципе. Во что не (по)верил и взялся за их решение самый выдающийся последователь Канта, но не неокантианец, а *Кант в XX веке — Эдмунд Гуссерль.*

2. Величие и коварство феноменологической идеи Гуссерля

Название программной феноменологической статьи Э. Гуссерля «Philosophy als strenge Wissenschaft» (Logos, 1910) на русский язык перевели: «Философия как строгая наука». Это не строгий, а буквальный перевод, а может быть и нестрогий оригинал. Слово «строгий» — не научное, метафорическое. Более точно, было бы, по-видимому: «Философия как точная наука». «Точная» — значит, избавленная от качественных характеристик, непосредственно чувственных данных, ценностных и любых внешних по отношении к знанию параметров. Точная — значит, чистая, количественная, формализуемая, поддающаяся математизации. Старая мечта настоящих, последовательных, абстрактных, особенно кабинетных, теперь компьютерных, теоретиков. По мере перехода науки от натурализма и эмпиризма к теоретизму, новых достижений в развитии математики и вступлении философии в «позитивную стадию», она стала казаться близкой к осуществлению. В начале XX века, как видим, ее фактически осуществили неокантианцы. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Вокруг башни из абстрактно-теоретической слоновой кости, то и дело, грозя ее обрушить, продолжал бушевать феноменальный мир.

Перед Гуссерлем встала задача: учесть, отразить, выразить в познании бытие вещей, не оставляя их «в-себе», тем более не отбрасывая, но и не

нарушая чистоты познания. Соединить лед холодного рационального сознания с энергией живого бытия так, чтобы он(о) у(вы)держало его высокую температуру. Как магнитное поле плазму. Кант гносеолог(ист), Гуссерль — *онтологический Кант*. Как ему так удалось? Для этого надо было по-новому посмотреть на сознание и увидеть, что по самой своей сути оно обладает свойством включать в себя бытие. Что оно интенционально — направлено на мир, вбирает его в себя. Оно всегда о чем-то, ибо мы не можем не осознавать какое-то нечто. Как глаз не может не смотреть, ухо не слушать, нос не нюхать, если они действуют, так сознание не может не воспроизводить, не нести в себе мир. Так мир попался в сети сознания/мышления, перестав быть вещью-в-себе, но и не загрязняя его, ибо он лишен своей субстратности. Он представлен как взаимодействие отношений, т.е. «в материале сознания». Фактически это означало, что Гуссерль в спекулятивно-философской форме предвидел и вслед за Ф.Брентано подошел к идеям будущего структурализма (Ф. де Соссюр, А. Богданов, В. Пропп), однако более фундировано, или даже подошел к идее, можно сказать теории, информации. На которые неявно стал опираться во всех дальнейших решениях встававших перед ним проблем, в любых своих представлениях об устройстве мира. К теории, которая параллельно (общие тенденции развития со-знания) к тому времени зарождалась и начала развертываться на собственной базе — внутри науки, особенно математике, приведя, спустя 50 лет, к «революции миров».

Информация — это ответ на многие принципиальные вопросы, поставленные еще Кантом в его усилиях объяснить взаимодействие чувственности и рассудка, природу синтетических суждений, трансцендентальной апперцепции т.д. Гуссерль, хотя как таковое это понятие не фиксировал, но пользуясь им по сути и смыслу, продвинулся в решении застарелых философских проблем гораздо дальше. Базисным для теории информации является положение, что качественно разнообразные феномены и относящиеся к ним сообщения, могут быть выражены на общем языке и количественно измерены. С помощью такой количественной меры можно сравнивать любые явления бытия, независимо от формы, в которую они облечены. Информация универсальна и аподиктична. Она позволяет подойти к миру с единой точки зрения, создать его целостную теоретическую модель. Содержательную, и одновременно чистую, строгую, точную — формализуемую. И когда теперь, имея перед собой столь мощный и весьма разработанный аппарат как теорию информации, рассматривают философскую кантовско-гуссерлевскую пробле-

матику так, будто его/ее нет, это, по меньшей мере, малопродуктивно, а по большей — интересно лишь узкой корпорации специалистов по истории философии, «кантоведам» и «гуссерлеведам». Между тем как она «постсовременна»[1].

Прежде чем позволить нам погрузиться в обоснование актуальности Гуссерля, Богиня справедливости с весами и завязанными глазами требует видеть, что проблема взаимодействия чувственного и рационального, вещи-в-себе и трансцендентального разума решалась посредством приближения к теории информации и с другой стороны — от чувственных вещей-в-себе, в материализме. В диалектическом материализме Нового времени, особенно в «ленинской теории отражения» (работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», изданная в 1909 г.) развивалась идея, что вся материя обладает специфическим свойством — отражения. Любая вещь, помимо качеств, обусловленных собственной природой, несет на себе следы воздействия другой. Она запечатлевает на себе, передает, «сообщает» качества этой другой вещи, становясь тем самым ее представителем, образом или знаком. Переставая быть собой, она, говоря современным языком, превращается в носителя информации. Становится информацией. Как изменяются формы материи, так историчны и способы отражения, передачи информации. Высшее свойство отражения, наиболее совершенный известный нам способ информационного моделирования вещей-в-себе, выводящее их из себя и превращающее в вещи-для-нас — сознание человека. Теория отражения материи, оставления вещами следов (trase) друг на/в друге, в пределе — в/на сознании и теория интенциональности, направленности на/в что-то сознания — это два способа приближения к теории информации. «Отражение» больше связано с естественными науками, физиологией и психологией, «интенциональность» продуцировалась и обусловлена развитием логики и математики. Теория информации снимает оба этих, идущих снизу и сверху потока деонтологизации мира и онтологизируясь сама, ставит вопрос о взаимодействии новой порождаемой ею «второй реальности», ее инобытия с феноменологическим бытием мира людей. Вопрос, который превращается в роковой. Он драматически

---

[1] Здесь нас подстерегает страшная опасность. Модернизации и антиисторизма, жертвой которых обычно являются энтузиасты «всего нового, прогрессивного». И тогда первобытные охотники гонялись в лесу не за мясом, а за информацией, в виртуальную реальность первыми вышли древние китайцы или Василий Великий в Византии, а Бог, естестественно, был Программистом. Пройти между Сциллой узко академического, отраслевого интернализма и Харибдой пошлого, поверхностного презентизма – вот условие продуктивного философствования.

обострился после возникновения виртуалистики и нанотехнологий, фактически поставив под вопрос существование собственно человеческой реальности. Но чтобы понять, как к этому все (при)шло, надо вернуться к сложно-поучительному философствованию Гуссерля, и в свете опыта новой эпохи попытаться глубже понять его феноменологическую идею, оценить ее величи(ну)е и объективный исторический смысл.

Решая поставленную Кантом задачу достижения аподиктического = общезначимого = универсального знания, то есть создания строгой = точной = научной философии, Гуссерль, первоначально поступает вопреки Канту. Как антикантианец. Отказывается от его главного принципа разделения априорного и апостериорного знания, отделения сознания от вещей-в-себе. И призывает возвратиться к «самим вещам». При том даже не к вещам-субстанциям с их первичными качествами, а вещам-феноменам, во всей их полноте, то есть к бытию. Благодаря интенциональности, он снимает антитезу априоризма-апостериоризма, синтезируя кантианство и линию Беркли-Юма, а заодно решает и проблему декартовского дуализма, соединяя протяженные «по определению» вещи и непротяженное «по определению» мышление. Феноменам сознания придается вещность, предметность, фактичность, а вещам — сознательность, мысленность, сущностность. Сознание и бытие — одно целое. Традиционная априорно-апостериорная, чувственно-рациональная, материально-идеальная, субъектно-объектная оппозиция устраняется. Устраняется? Да, но... как бы. Именно *как бы*: речь идет не о материальных (пространственных, «протяженных») вещах, а о «вещах сознания», «фактах мысли». Призывая возвратиться «к самим вещам», он отказывается от «естественной установки», имея в виду (вот западня для любой чувственной реальности) *мысленные вещи — ноэмы*. Возвратиться к самим вещам как «к самим ноэмам». Предметный момент/единица сознания — ноэма (от греч. — мысль, сущность, форма). К вещам непротяженным и бессубстратным, неподвластным пространству и времени. Стул, дом, могут сломаться или сгореть, рухнуть, человек умереть, но не их смысл, ноэма, сущность, структура, форма. Они останутся. Мыслеформы = *информация о (от, после) них — останется.*

Итак, «вещи сознания» — вот ключевое изобретение Гуссерля, позволившее ему решить проблему соотношения чувственного и мысленного, перенеся ее на трансцендентальный уровень синтеза единичного и общего, реализма и номинализма (если говорить в терминах средневековой философии). Вещи сознания = вещи мысли = мысленные вещи = тела мысли = мысленные (состоящие из мысли!) тела. «Тела» = (не)тела = ноэмы. Но это не знаки, где-то находящихся тел, а *сами (не)тела*. Теперь по-современному:

вещь и тело как мысль, как ноэма — это *информация о вещи/телах*. В отличие от идей-эйдосов Платона она не образ, так как «без психологии» и не форма Аристотеля, так как не предполагает матери(и)ала. В/на место вещей — пересечения, узлы отношений, «биты». На/вместо бытия вещей, их предметной реальности — информационная реальность. В Универсуме информации бытие предстает как мыс(ш)ление и мыс(ш)ление как бытие. Гуссерль открыл, подошел, спекулятивно очертил контуры теории информации. Контуры другого, невиданного (понятие «информация» появляется в энциклопедиях во второй половине XX века) мира. В этом его величайшая заслуга, которую, правда, до сих пор не оценивают. Почтение у философов к Гуссерлю всеобщее, но историческое, а почему и за что, не особенно ясно, просто за «сложность и непонятность». Наверное, все-таки из-за смутного понимания, что сущностно/фактически мы живем теперь в «мире Гуссерля», мире ноэм и миллионы людей, преодолевая «естественную установку», заняты «феноменологической редукцией», «ноэзисом», тем, что переводят вещи в информационное состояние. Делают вещи-в-себе сущностями как вещами-в-сознании., единицами значения и смыслов. Вещами сознания. Мыслеформами, виртуалами, концептами, персона(жа)ми, сингулярностями. Симулякрами. И все это на практике. Если традиционный идеализм, считая физический мир воплощением идей, редуцировал его к феноменам, а в виде субъективного идеализма, либо неокантианства — к ничто, если традиционный материализм, считая идеальное отражением материи (вещей-в-себе), редуцировал его к феноменам, а в виде современного «научного материализма», либо функционализма — к ничто, то трансцендентальная феноменология за(под)меняет те и другие феномены и даже ничто — новой реальностью, своеобразной феномен-субстанцией. Считает феномены/ничто вещами-сущностями, фактами-идеями. Она повышает их статус до бытия. Это, однако, бытие иного, второго мира. И на наших глазах, данный второй мир становится первым, а первый, как материальный, так и идеальный, вообще, трансцендентный — вторым. Стоит всеобщий крик, что «произошла великая информационная революция», что «мы живем в информационном мире» и «вступили в информационное общество». И это, ура/увы, сущая, субстанциально-феноменологическая, *(ино)бытийная правда*.

Ноэмы — ноо, нус, ноу-менальный, ментальный мир, всегда противополагался феноменальному. Особенность и коварство гуссерлевской онтологии в том, что ноумены в ней определяются как феномены. Или, сказать по-другому, феномены приобретают статус ноуменов. Умопостигаемые вещи выдаются за действительные, искусственное за естественное. Чув-

ственный, то есть предметный мир возгоняется в ноуменальный, то есть трансцендентальный и выдается за феноменальный, а «старого» феноменального мира сущего — больше нет. Он не нужен ни как субстанция, ни как феномен. Также происходит и с идеями-образами, со всей «психологией». Ноуменологическая = ноэмологическая редукция представляется и называется феноменологической, полностью исчерпывая собой сущее. «Созерцание созерцает *сущность* как *сущностное бытие* и не созерцает и не полагает ни в каком смысле существование»[1]. Трансцендентальное предстает как реальное, т.е. иное, чистое, вне(пост)человеческое, как будто бы «наше». А вторичными, не обладающими собственным бытием-существованием феноменами оказываются не только «вторичные качества», связанные с субъективностью восприятия, но и все, что считалось субстанцией, в том числе и кантовское созерцание пространства-времени. Вся субстратная физическая Вселенная! Она, первый мир поглощается вторым, что на практике пока только происходит. Пока признается два мира, а у Гуссерля уже был один, выдаваемый за единый, единственный и истинный. За единственно истинный. Универсальный и вечный. Как структуры в структурализме, как информация в информационизме. *Феноменологическая (трансцендентальная) идея — это структурно-функционально-информационная идея.*

В первой трети XX века она носилась в воздухе, так или иначе, улавливаясь разными направлениями знания. В социально-гуманитарном знании преимущественно в виде структурализма, структурно-функциональной методологии, в естественно-математических науках как разнообразные теории информации, организации и управления. Вместо вещей — системы (эмпирический уровень сложности) и структуры (теоретический уровень сложности). Начинался век «ноэм» как единиц структуры — кибернетики, генетики, информатики. В любом качестве это была реальность отношений, переход от тождества к различию, от субстратности и субстанциализма к ф(и)ункциализму и потенциализму, когда «сначала полет, а потом птица», сначала функция, число и действие, а потом вещь, предмет и результат. *Все сущее — суть количество.* Таков идеал (по)достижения бытия, заявленный наукой в XX веке. Это было начало становления ноотехносферы, проектно-конструктивистской парадигмы и практики производства искусственного мира, вплоть до искусственной ментальности. Феноменологическая идея философии как строгой науки — ее/его еще очень нестрогое спекулятивно-философское предчувствие и вы(от)ражение.

---

[1] Гуссерль Э. Философия как строгая наука. // Избранные работы. М., 2005. С. 214

Принято считать, что «поздний» Гуссерль отказался от задачи построения универсальной, точной, математизированной философии. Идея «жизненного мира» — своего рода признание невозможности осуществления идеи трансцендентализма и возвращение к естественной установке, к признанию вещей-в-себе. Думается, что дело обстоит сложнее. Происшедшее в этот период смещение его интереса к проблеме интерсубъективности сознания было вполне последовательным движением «вслед» за сдвигами в развитии науки. Ответ на старый философский вопрос: как совместить объективную аподиктичность знания и единичную субъективность человеческого сознания, не впадая в солипсизм и не опираясь на внезнательные предпосылки, он искал на новом, «постметафизическом» пути. Но поскольку опережал свое время, то методом проб и ошибок, порой мучительно, рас(пере)сматривая почти все великие рационалистические течения. Отказавшись от помощи Бога, к которой прибегли Декарт и Беркли, от «практического разума», к коему вынужден был обратиться Кант, от «материального единства мира», из которого фактически исходили все ученые-натуралисты, от «общественной практики» марксистов, (о) которой не знал, а если бы знал, то вряд ли принял, он обратился… к монадологии Лейбница.

В контексте нашей трактовки исторического смысла трансцендентальной феноменологии это представляется вполне логичным. Оправданным и естественным. Лейбниц — философ-математик, изобретатель дифференциального исчисления, автор первых опытов по созданию цифровых машин. Историю computer science отсчитывают от Лейбница, онтология которого представляет мир в виде множества монад. Монады — простые, непространственные, бестелесные субстанции. Они неделимы, закрыты, не имеют «окон», «лишенные души». Все это близко напоминает ноуменальные сущности, феноменологические единицы, ноэмы, разработанные для философии как строгой науки. А в 30-е годы Гуссерль прямо начинает трактовать свою феноменологию как трансцендентальную монадологию, становится «лейбницианцем».[1] Как и у Лейбница, перед ним возникает

---

[1] В рассмотрении идей позднего Гуссерля мы опираемся не столько на его оригинальные тексты, сколько на их исследование в гуссерлеведении. Потому что нам важны не теоретические тонкости, а принципиальные идеи. Для чего, в конце концов, существуют знатоки Гуссерля, зачем они работают? Надо пользоваться их трудами. Кроме своего рода классиков гуссерлеведения, Н.В. Мотрошиловой, В.И. Молчанова, Слинина А.Я., Чернякова А.Г. по данному вопросу это, прежде всего: Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки. //Современная философия науки. М., 1994; Борисов Е.В. Проблема интерсубъективности в феноменологии Гуссерля. // Логос. 1999. №1; Савин Э.А.

роковая проблема связи подобных замкнутых на себя, изолированных друг от друга элементов реальности. Каким образом они взаимодействуют и как в таком случае конституировать единый, универсальный, общий им мир? Лейбниц нашел выход в постулировании предустановленной гармонии, своего рода пережиток апелляции к Богу. Гуссерль не хочет, да и не может обосновывать единство мира Богом, как потому что живет в XX веке, так и потому, что тут вновь появляется внезнательный фактор, «нечистота». Вместо этого он постулирует или допускает возможность некоего «интенционального переплетения» монад, когда сознание каждой монады направлено на все остальные и тем самым несет их в себе. В результате между ними возникает универсальная взаимосвязь. Своеобразное множество в единстве, функционирующая целостность. Решение найдено? Почти, если его немного укрепить. Для этого постулируется существование специфической *Перво-монады*, которая задает тип и способы, направляет, запускает процесс такого переплетения. Взаимодействие «оживает», переплетение начинает функционировать. Здесь любой историк философии может сказать, что перво-монада напоминает старинное метафизическое «архе», творящую субстанцию, которые опять угрожают трансцендентальной феноменологии нарушением ее теоретическо-ноуменологической строгости. Если, однако, бросить взгляд не назад, в прошлое, а вперед, в настоящее/будущее, то эта ретроспективная монадология начинает напоминать что-то более чем перспективное…

В конце концов, не имея убедительного подтверждения своего монадологического разворота и чувствуя его известную произвольность, а главное, под нажимом сугубо нетеоретического «духа времени» (Zeigeist нацистской Германии 30-х годов), он действительно изменяет идее строгой деонтологизированной науки и «впадает» в то, что все время преодолевал, с чем боролся. Он обращается к вне(до)рациональным предпосылкам, к «жизненному миру» и говоря о «домашнем мире» (Heimwelt), как его конкретизации, вспоминает о традициях, важности места рождения, территориально понятой собственной стране (Heimland), различии «других наших» и «других чужих». Пока сам не оказался чужим. Обосновывая необходимость вживания в домашний мир, он призывает это сделать, чтобы «стать личностью в полном смысле слова». Пока сам не перестал быть полноценной личностью в глазах «других наших». И т.п. В духе отказа от чистой

Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Гуссерля. // Вопросы философии. 2009. №8; Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009.

науки и приспособления к нечистой политике. (Не забудем, что Хайдеггер в это время был членом НСДАП). Это действительно поворот-отказ от задачи создания философии как строгой науки, но он, конечно, «внешний», как бы ни толковать сам «жизненный мир», и обусловлен обстоятельствами бытия, а не признанием, что «ноэматическое» сознание невозможно. Наоборот, развитие науки, ее переход = «ноэзис» в неклассическую фазу в это время как раз его порождал в/из самой действительности.

Мы тоже вернемся к проблемам философии как точной науки и трансцендентальной монадологии как последнем образе феноменологической идеи. Гуссерль «подошел к», однако не знал, не произнес волшебного слова, которым легко разрешаются все его затруднения с объяснением феномена интерсубъективности. Это слово — *коммуникация*. Коммуникация — то, что связывает в одно целое множество разных элементов. Это про(воз)бужденная, активизированная, пульсирующая, туда-сюда передающаяся, о-кликнутая и «кликающая» информация, ее «живая», функциональная ипостась. Коммуникация — антропологизированное состояние информации, через которое она субъективируется, открывается человеку, делается ближе ему. Хотя в сущности это одно и тоже. В информационном мире коммуникация больше не рассматривается как средство связи между вещами, телами и субъектами, т.е. способ передачи содержания. Она онтологизируется: media is message — объявил в конце XX века М. Макклюэн. *Место Бога* или *материи* (самое слабое, требующее веры, место в «староевропейской» метафизической философии), место кантовской трансцендентальной и гуссерлевской *аналогизирующей апперцепции и интерсубъективного сознания* (самое слабое, требующее веры, место в обосновании трансцендентализма и феноменологии) отныне занимает коммуникация. В информационном мире она воспринимается аксиоматически, как воздух, которым мы дышим — не требует дальнейшего обоснования. В информационном мире она бытийствует.

Гуссерль «подошел к», однако не знал, не произнес другого волшебного слова, которое становится на место монад. Это слово — *агент*. Или концепт, сингулярность. Агенты-концепты-сингулярности активны, но не обременены «внутренним», то есть субъектны без субъективности, они функции резидента, а резидент является агентом другого резидента и все вместе они образуют действительное «переплетение интенциональностей» — *Сеть*. Это третье волшебное слово, которое Гуссерль характеризовал как переплетение (можно бы перевести как «паутина»), но не произнес. Личности, жившие в обществе, превращаются в агентов, блоггеров, (не) живущих в интенциональной паутине =сети. Сеть, Интер*нет*, *интел*нет,

что это как не переплетение артикулированных через агента значений и смыслов сознания! Агенты могут быть живыми, неживыми, действительными, возможными. Взаимодействуют они в сети не в силу предустановленной гармонии, а интенционально, направленно. Куда и как — определяется его *программой* — следующее волшебное слово, аналог первомонады, которого тогда тоже еще не было. Про-грамма — «порядок письма», чередования следов и различий, бит информации. Она задает тип и способы, организует и запускает процесс взаимодействия монад-агентов. Принцип универсально (за)программированного перво-монадой мира: It from bit (все из бита). Программа программ — Матрица. Бывшее яйцо, архе, Бог информационной эры. Онтология коммуникации, концепты, сеть, программа, матрица, априори коммуникации К.-О. Апеля, трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза и много, много других неслыханных в метафизике слов, генетически коренятся в идеях, подходах, описаниях и набросках трансценденталистского направления феноменологического движения в философии. Все они нашли свое оправдание в развитии науки второй половины XX века, времени создания теории информации и коммуникации, когнитивизма и виртуалистики. *Трансцендентальная феноменология — это философия информационно-коммуникационной революции, эпохи становления постмодерна.*

Как и положено философии, выполняющей свое культурно-историческое предназначение, она ее мировоззренчески предвосхитила. *Пред-(не) видела.* Что является заслугой прежде всего Гуссерля. На главный вопрос философии «что есть бытие?» всеми своими идеями он отвечал: «существовать — значит быть возможным»[1]. То есть решал его в пользу потенциализма и виртуализма, в конечном счете, небытия, ибо бесконечным числом возможностей обладает Ничто. Бытие — это ничто, а ничто как потенция, как возможное — это «недобытие», (не)бытие, инобытие, ~~бытие~~ = феномен, статусом которого в настоящее время обладают виртуальные реальности и которые постепенно, предварительно зачеркнув, водворяются на место нашего Бытия, Sein и Dasein, превращая его в Ничто, а сами предстают как субстанция и «подлинное Бытие». Даже стиль Гуссерля, с точки зрения традиционной логики и бинарного мышления, нестрогий, переплетающийся, «плывущий» (Марсель Пруст в философии) нередко самоотрицательный, похожий на клубок шерстяной пряжи с оборванными концами и новыми началами, является своеобразным первым приближением к гипертексту и сетевому мышлению.

[1] См.: Husserl E. Husserliana. 1950. Bd.3. S.104.

Его бессознательное сознание интуитивно предчувствовало децентрированную рациональность, ориентированную на узлы и точки пересечения отношений, хотя еще на живой, «естественной» основе, что технически впоследствии воплотится в Интернете. Опережая время, он, тем не менее, недостаточно оторвался от предметной действительности и, вступив в неклассическую эпоху, шел в/по ней к свету в темноте, ощупью, пробуя и испытывая возможные линии развития в разных направлениях. Хотя в гуссерлевской модели мира фактически открытое им информационное бытие выдается за бытие как таковое, вбирая в себя любые его формы, это коварство невинное, самообман, ибо непосредственно новой реальности еще не было. Постчеловеческий мир симулякров и виртуализма едва брезжил. Даже сейчас, вместо того, чтобы признать условием трансцендентальности современной когнитивной науки объективный характер техно-информационной коммуникации, ее пытаются объяснять общезначимостью интерсубъективного общения живых людей[1]. Проповедуя смерть, теоретически, тем более, практически, сами раствориться и умереть когнитивисты не хотят. Явная непоследовательность. Сознательную борьбу с традиционным бытием и бытием вообще повели другие поколения идеологов информационной революции, провоз(буре)вестники ее перерастания в высшую «позитивную» фазу как становления бытия Иного.

3. «И вот — зола»

Видит Бог (и) Читатель, до сих пор мы не злоупотребляли цитированием, а может быть, «злоупотребляли нецитированием». Это обличает устаревшую привычку, консервативную претензию на самостоятельное мышление, в то время как передовые, прогрессивные тексты, особенно компьютерного производства, чуть не наполовину состоят из ссылок и цитат. Будем модер-

[1] См., например, статьи в разделе: «Интерсубъективная возможность онтологии науки» // Философия науки. Вып. 14. Онтология науки. М., 2009. Или: В статье А.Н Павленко «Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной?» (Вопросы философии, 2009. № 11) социально-техническая природа интерсубъективной парадигмы говорит о себе прямо терминологически, в заголовке, однако ее влияние объясняется позитивистски, критикуется она за «неустранимый логико-эпистемологический изъян». Проблемы социологии науки, социальные теории познания разрабатываются, но видимо, в «другом отделе», за стенкой. Ее же не прейдеши.

низироваться. Не из-за того, что теперь доблесть автора в высоких индексах цитирования и я «даю, желая получить», а потому, что речь пойдет о вещах и идеях, в которые «на слово» трудно верить. Нужны прямые подтверждения.

Могли ли когда-то подумать люди, что придет время, когда они будут заниматься самоотрицанием, бороться с миром своего бытия как таковым. Буквально. И вот — пришло: во второй половине XX века, мировоззренчески выражаемое посредством философии постмодернизма. Или философии «постизма», «конца», деконструкции-демонтажа-разрушения среды, в которой человечество только и может жить, материального и духовного наследия, которое наработано им в процессе своего исторического развития. «До постмодернизма». Поистине Великий Отказ! Элиминативное отрицание собственного мира. Атаковано почти все: Бог, природа, культура, вещное, идеальное, трансцендентное, т. е. любое «присутствие». А также мифология, метафизика, религия, естествознание — любая «онтология». Наконец, антропология, т.е. сам человек, который приговаривается к смерти. Отвергаются принципы и формы традиционного со(по)знания: логос, истина, объект, субъект, означаемое, означающее, структура, даже знаки, если они не «пустые». В общем, «Анти»: тео-телос-онто-этно-фоно-фалло-лого-центризм. Если обобщить все эти и другие жертвы деконструкции, то можно сказать, что в целом, объектом пре(ис)следования, *Жертвой постмодернизма является Бытие*. В любой его трактовке — и реалистической, и идеалистической. Постмодернизм — философия постбытия. Антибытия. *Философия Ничто.*

Такова его «правда», которую, конечно, люди не могут понять и принять в чистом виде. Частично и сами его адепты не понимали себя и друг друга. На вопрос интервьюера «Как Вы относитесь к Делезу?» Ричард Рорти отвечал: «Его я просто не понимаю. Я читал «Анти-Эдип», его книгу о Фуко и о Ницше и ничего из этого извлечь не смог».[1] Тем более постмодернизм не понимали представители традиционной метафизики и читатели меньшего калибра, пока механически не привыкли к его смыслам и терминам, чтобы употреблять их *как бы* понимая. На этом уровне дело дошло до «смерти постмодернизма» и те, кто еще недавно его категорически отвергал, на всех перекрестках стали об(за)являть, что он был, но уже умер. Продолжающие им заниматься вчерашние новаторы, не успев сколько-нибудь глубоко обратить в свою веру философское сообщество, превращаются в отсталых консерваторов. Хоронят «не понятого», чтобы поскорее предаться, не видя

[1] Рыклин М. Беседы с философами. Деконструкция и деструкция. М., 2002. С. 153.

внутренней связи, какому-нибудь другому идейно-терминологическому течению, например, «когнитивному конструктивизму».

Постмодернистское философствование нельзя понять, если не отдавать отчет, что за ним стоит в реальности и во имя чего она «деконструируется». Если не отдавать отчет, что это превратное, идеологическое отражение наступав(пив)шей на нас информационно-коммуникационной эпохи. Хотя на первом этапе постмодернизм почти отождествлялся с деконструкцией, на «руинизации» метафизики, на расчистке от нее территории духа («детерриторизации») он не остановился. Он и в самом деле умер, однако, при родах. Родившийся ребенок — его продолжение, наследник. При том самостоятельный, растущий не по дням, а по часам и настолько, что постепенно стал претендовать на первородство («письмо» было раньше слова), на существование ab ovo.

Читая М. Фуко, Ж. Делеза, в самом деле, трудно решить, как они, борясь с бытием, описывая его преимущественно метафорами, эту новую, провозглашаемую ими философию соотносили с реальностью. «Ризома не начинается и не завершается. Она всегда в середине, между вещей, меж-бытие, *интермеццо*. Дерево — это родственная связь, а ризома — это союз и только союз. Дерево ассоциируется со словом «быть», а ризома, чтобы стать сетью, всегда предлагает коньюнкцию «и...и...и». У этой коньюнкции достаточно сил, чтобы *надломить и искоренить слово «быть»* (курсив мой — В.К.). Куда вы направляетесь? Откуда вы идете? Куда вы хотите прийти? — все это бесполезные вопросы»[1].

Что это было предвидение computer science, а ризома/лабиринт «нащупывающим» именованием паутины/сети Интернет, намеренная дискредитация бытия и метафизики с ее вечным вопросом: откуда мы, кто мы, куда идем — представляется очевидным, а вот в форме гениальной наивности или коварной мистификации — вопрос открытый. К сожалению, тысячи (по) читателей Ж. Делеза, трактуя его «как бы», вкривь и вкось, не учитывают этой идеологической наивности или мистификации и «не подставляют» под постмодернистские означающие их подлинного означаемого. Будто они существуют сами по себе, интерналистская филиация идей. Обусловленности идей постмодернизма Zeigeist (духом времени), его социально-историческим генезисом бесчисленные интерпретаторы не видят. Сколько ни говорилось в свое время в философии о феномене ложного, превращенного сознания, оно, увы, никуда не исчезает. Господствует и торжествует.

---

[1] Делез Ж.и Гваттари Ф. Ризома. // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 30-31.

Представляется, что в отличие от первых пост-структуралистов/модернистов, несколько позже выступивший на философскую сцену Ж.Деррида, хорошо = до конца понимал, чем занимается и к чему все идет. Во многом из-за этого у него виртуозно многозначный, хитроумный, «сказать и не сказать» стиль — игра смыслами, ассоциации, коннотации, уловки, маскировка. Высшим пилотажем такого подхода можно считать, по-видимому, его небольшую книгу «Feu la cendre», в простодушном переводе что-то похожее на «Угасший огонь» или «Тлеющая зола». Переводчик-публикатор, В. Лапицкий стремясь полнее учесть авторские тонкости, дает: «Золы угасшъй прах» (в русском слове «угасшей», именно «ъ», а не «е»)[1]. Весь текст фактически посвящен одной фразе: il y a la cendre, переведенной как: «И вот — зола». Французское «il y a» примерно соответствует английскому: there is, немецкому: es gibt, русскому: есть, имеется. Или, если брать в философском контексте: это — бытие = вот-бытие = наличие = присутствие = Dasein (!) = БЫТИЕ (человеческое). Это(а) бытийное утверждение-отождествление-связка существуют, минимум, во всех индо-европейских языках. И оно/она/они, провозглашает Ж. Деррида — зола! *Атакованы глаголы бытия*. Вместе с бытием отрицается способ его человеческого проявления. Sein и Dasein. Его ядро, «родовая клетка», исходное мыслительное выражение. На отождествлении, подведении единичного под общее («жучка есть собака») стоит все наше логическое, шире, языковое, еще шире, собственно человеческое сознание. Genus Homo (родовой человек) атакован не только как таковой, но и как Homo sapiens (человек разумный). Подрыв, разрыв, ликвидация такой связ(к)и стоит книги. В «тротиловом эквиваленте» — это «Большой взрыв Вселенной». Для начала — смысловой, языковой Вселенной. Как запуск и первые опыты на адронном коллайдере, предназначенные этот взрыв модельно повторить. Взорвать Вселенную в лаборатории. Здесь коллайдер гуманитарный, в теории (в игре с Вселенной в русскую рулетку) физики, как видим, не одиноки.

А что такое зола? Из непрерывно меняющихся, разъясняюще-затемняющих трактовок, которые дает ей Ж. Деррида, наиболее близкой к истине кажется: «Если само место окружается огнем, его уже нет. Остается зола. И вот — зола; перевожу: золы нет, она не то, что есть. Она осталась *от* того, чего нет, чтобы напоминать в своих ломких глубинах только небытие или неприсуствие»[2]. То есть зола есть прах бытия, то, что осталось от, после бытия, что находится, подобно платоновскому благу (и вместо него!) «по ту

[1] Деррида Ж. Золы угасшъй прах. СПб.,2002.

[2] Там же, С. 28-29.

сторону всего, что есть». Пустое место, отсутствие, небытие. Деконструкция бытия закончилась его сжиганием, провозглашением Холокоста (апокалипсис, мировой пожар, конец света). В сравнении с этой акцией «конец истории», означающий завершение культурно-политического, духовно-личностного развития человечества, но сохраняющий людей как дельцов, экономических акторов, их цивилизацию — детские страхи перед темной комнатой. Деррида — настоящий, последовательный, *абсолютный трансценденталист*. И, следовательно, фундированный когнитивист. Отсюда его заслуга перед прогрессом, историческая роль открывателя и философского выразителя идей самоапокалипсиса как принципиально новой постчеловеческой эры креативного меонизма.

Таким образом, если загадочную (проповедуя сожжение Бытия, сам он не хотел быть Джордано Бруно или снискать славу Герострата, предпочитая схему судьбы Коперника) фразу-формулу «И вот — зола» перевести в открытую форму, то будет: *Бытие (или Dasein) — это Ничто.*

Но все-таки оно что-то: зола. Сгоревшее бытие, потухшее, тлеющее бытие, но все-таки бытие. Какое? в отличие от многих, многих нигилистов, Ж. Деррида после деконструкции выходит на позитивную стадию постмодернизма, которая связана с «письмом», учением о письме, т.е. грамматологией, посвящая ей другую, намного более объемную книгу, где письмо ставится «в один ряд и вместо» природы и культуры. Вместо всего. (Первая часть книги называется «Письмо до письма», вторая «Природа, культура, письмо»). Единица письма — грамма, пустой знак, след-различие, вернее, «различание». В информационно-компьтерной реальности греческой грамме, если по-русски «единице письма», соответствует «бит». Вернее наоборот: есть единицы информации, биты, а граммы, грамматология — их гуманитарно-идеологическая транскрипция, специфически «дерридовское», культурологическое именование того, что в теории и методологии познания разрабатывается ныне как когнитивистика, а в «высокой» философской рефлексии предстает как трансцендентальный эмпиризм. Вместо вещей — информация, вместо онтологии — грамма(бито)тология, вместо поэзиса (качества) и даже логоса (смысла) — матезис (количество, цифра). И борьба с любым «И — вот-центризмом». За информацию и количество. Даже с языком, если он естественный, если он — дом бытия. Вместо него теперь: «зола как дом бытия...»[1]. (Какое тонкое, поистине методом «черенков и прививок» ис-пользование Хайдеггера(ом), чтобы его же и уничтожить!). А «грамматология — зола [онтологии]: после холокоста;

[1] Там же. С. 29.

холокост холокоста»[1]. Холокост — всесожжение, апокалипсис, уничтожение всего, что связано с бытием. Холокост холокоста — отрицание отрицания (прямо по Гегелю), заполнение пустоты новыми конструктами. Кто этого не сделал, тот консерватор, метафизик=философ, у которого, естественно, как у любого естественного и сущего, не ставшего хотя бы симулякром — все в прошлом.

Итак, Конец света состоялся, бытие во всех его проявлениях (как Sein и Dasein, Природа и Человек) деконструировано. Это было сделано в универсальном теоретическом крематории постмодернизма на первом (деконструктивистском) этапе. Столь радикального как Ж. Деррида философа–нигилиста и успешного, блистательного проповедника смерти, встречавшего у своих жертв восторженный прием, в истории человеческой мысли еще не было. Такие теперь всадники Апокалипсиса. На коне желтом, золотом. Но что же дальше? Дальше, как видим, оно заменяется неким сгоревшим бытием-небытием в виде «письма», би(граммо)тологии computer science как учения о дигитально-виртуальной реальности. Движением от природы к культуре, от культуры к письму составляющим эту самую реальность. Таков следующий, второй этап постмодернизма, который, пытаясь отличить от первого, начали невразумительно именовать after-постмодернизмом или пост-постмодернизмом. Совсем суетные толкуют о каком-то неомодернизме. Отсюда же пошли толки об общей устарелости эпохи постмодерна и его собственном конце. Как пожравший материал огонь, он потух. Прах и пепел. Небытие. Смерть.

... И чудо воскрешения. Новое небо и Новая земля. В теориях «младших» (ставших популярными после Делеза-Деррида) постмодернистов вновь поднимается вопрос о Бытии. Как главный для философии, с претензией пересмотреть его/ее «с самого начала». В 1989 году Ален Бадью выпускает «Манифест философии», основной идеей которого является возврат к бытию, при условии его трактовки как «родовой, изначальной множественности», возврат к платонизму, при условии разрушения в нем «империи Единого», к смыслу, при условии его «опоры на Двоицу». На смену метафизике как большой поэтической софистике должен прийти «новый философ, вооруженный матемой». От поэмы — к матеме, относя к поэме (лишая самости) и логос — такова суть «пост-постмодернистского» поворота в трактовке философии. «Тем самым ты отбрасываешь также поэматику присутствия и всякое хайдеггерианство в качестве возможного доступа к бытию сущего. То, что неисчислимо, то, что не счесть за одно,

---

[1] Там же, С. 118.

что вообще не сосчитать, не образует ситуацию и, следовательно, строго говоря, не имеет места» — так недвусмысленно отмежевывая от метафизики, хвалит Ж.Ф. Лиотар Алена Бадью при обсуждении его «Манифеста философии»[1]. И еще: «Меня впечатлил твой синтез двух, порождение двух исходя из ничего, исходя из нуля. Убедительное доказательство того факта, что у теории множеств нет референта, у нее есть только пустота, необходим всего лишь нуль, чтобы получить обычные, естественные множества»[2]. Как глубоко, ясно и по существу: нет референта, есть только пустота, все из нуля (хоть все подчеркивай курсивом) сказано о нигитологической, меон-конструктивистской сущности этой новой манифестируемой (не)онтологии, (ино)онтологии. Глубоко — и бездумно, никакой заботы о том, что это значит для человека и его мира. Как будто думает и пишет не человек. «Манифест философии» А. Бадью, столь доброжелательно вос-принятый его коллегами, в том числе патриархами французского постмодернизма, мы вправе считать идейным обоснованием пост-постдернизма (after-postmodernism-а) и начавшегося в эти годы укорененного в нем трансгуманистического движения. Конец нигилизма! Только вместо громоздкого слова «пост-постмодернизм» и по смыслу, и ради благозвучия, лучше говорить о трансмодернизме. Транс — это переход: сквозь, через, за границы чего-либо. В данном случае — традиционного исторического бытия и человека. Транс(пост-пост)модернистский «возврат к бытию» фактически означает его замену (второе отрицание) бытием иного. «Манифест философии» А. Бадью, отражающий передовое состояние французской, а в сущности, всей мировой прогрессистской философии кануна XXI века — это *«Манифест трансмодернизма»*. Который (другого значимого пока нет) успешно реализуется.

В конце 90-х годов, в русском переводе в начале XXI века, одновременно выходят книги: Ж-Л. Нанси «Бытие единичное множественное» Минск, 2004 и А. Бадью Делез «Шум бытия» М., 2004, обе посвященные восстановлению и реинтепретации бытия на началах виртуализма и множественности. С этой позиции, как недостаточно «математичный» критикуется даже Ж. Делез. За то, что, считая бытие виртуальным, более того, основанием актуального, он исходил из принципа Единства. Как вся прежняя метафизика. Тогда как «Единого нет, есть лишь актуальные множества, а основание пустует»[3]. Из-за сохранения Единого Ж. Делез в пони-

[1] Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. С. 106.
[2] Там же, С. 109.
[3] Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004. С.75.

мании бытия геометричен, а надо переходить к алгебраизму, более соответствующему принципу множественности и математической онтологии. Нужна дегеометризация. Геометрия все-таки содержательна, гео — земля, терра, территория, чуть ли не география. Пахнет натурой, физикой. Она не до конца трансцендентальна и несет в себе остаток неформализуемости. Как если бы дом (мир) сожгли, он однородно обуглен, но его остов, структура остается. Геометризм — это структурализм. Только алгебра, количество — зола, которая действительно безосновна, потенциальна и ничем не пахнет. *Исчисляющее мышление.* Оно имеет дело с возможностью, пустые знаки и функции. Пространство и един(ое)ица — тончайшая, но все-таки сублимация сущего, материи, только время и множественность являются настоящими «атомами» пустоты, чистой логикой отношений различия, из которых можно сфор(миро)вать бытие иного. Искусственного, виртуального, постчеловеческого. «*Бытие*, — утверждает Ж.Л. Нанси, — может быть, лишь когда это Бытие-одних-вместе-с-другими, лишь циркулируя во *вместе-с* и в качестве вместе-с этого единично-множественного сосуществования»[1]. Подлинное бытие — это со-бытие, рассеивание и связь единичностей, независимо от их собственной, живой, неживой, предметной или идеальной природы, их детерриториализованное (беспредметное) взаимодействие. Бытие как взаимодействие концептов и сингулярностей. На «карте», на экране. С*о*-б*ы*тие. Сначала информационно, а потом на объемном принтере из частиц «нанозолы» — материально. Человек, соответственно, редуцируется сначала к субъекту, потом к индивиду, который, в конце концов, тоже распадается на мультивидов как виртуально коммуницирующих персон(ажей). Сознание такого бессубъектного «человека» есть складка складки как «синтез различий». Параллельно ведутся работы по вопло(т)щению чистого искусственного интеллекта. И т.д.

Можно долго продолжать это, как нам представляется, великолепное описание функционирования Сети, информационно-коммуникационной реальности, удивляясь его точности. Наглядная иллюстрация теории отражения. А можно и не продолжать, так как, если не терять связи с жизнью и предметностью, чувствовать их, то уже ясно, что в пост-постмодернизме происходит *Переворот миров*. То, что называлось золой, «бит-ием» объявляется бытием, выдается за реальность как таковую, от века и везде. Тем самым информации, коммуникации, количеству, короче говоря, цифровой, дигитально-виртуальной реальности присваивается статус константной и универсальной, по старому говоря — субстанции.

[1] Нанси Ж-Л. БЫТИЕ единичное множественное. М., 2004. С. 17.

Про-грамма, матрица — вот оно, подлинное Бытие. Все, все остальное, от мертвой природы во всех ее состояниях, до жизни во всех ее видах, от человека, общества и культуры до сознания, языка, поэзиса и логоса (не говоря о душе и всех формах трансцендентного), все воспринимаемое и мыслимое, если они естественные, предметные, не математизированные, не машинно-технические — феномены. В лучшем случае — недобытие. Вторичные качества, которые существуют в силу особенностей человеческого восприятия. Если в устремившейся к научности метафизике Просвещения мнимыми считались чувственные, эстетические характеристики реальности, то в рамках «новой философии» пост-постмодернизма кажимостью объявляется все и от века, кроме Цифры — «следа и различия», 1 и 0. It from bit! Примитивный, эгоцентричный, чудовищный антиисторизм и редукционизм[1].

Итак, пост-постмодернизм — это *Трансмодернизм,* так как в нем человек переходит «через себя», в Инобытие. В (не)бытие на экранах, в сети, в «мыслях». От «пост» к «транс». Всего, что нас окружает и нас самих. Трансмодернизм = трансгресс = трансверсум = трансгуманизм[2]. Переход к искусственному station иноинтеллекту и транс(пост)человеческой реальности. Виртуальное, мнимое становится реальным, а реальное, предметное — мнимым. Но в информационно-коммуникационном мире человек как целостное, живое и физическое существо жить не может. По определению. «Не влезает». Как чистый, обезличенный носитель объема информации в сравнении с ее техническими носителями, он ничто-жен. Капля в море. Даже меньше. Его оторванная от природы и телесности мысль

[1] Взгляды Деррида, как у всякого творческого автора, менялись. Учитывая его манеру мышления, проследить их эволюцию действительно трудно. Но надо, будет справедливо отметить, что в начале своей философской карьеры он (см., например, доклад «Когито и история безумия» в 1963 году) отдавал должное бытийному истоку смысла и разума, видя причину их кризиса в его забвении, одновременно показывая, что оно обусловлено их развитием. «Кризис, где разум безумнее безумия, поскольку он есть бессмыслица и забвение, а безумие разумнее разума, поскольку оно, в свою очередь, ближе к живому, хотя и молчаливому или еле шепчущему источнику смысла, – этот кризис всегда уже начался и никогда не прекращался. То есть, если он и классичен, то не в смысле классической эпохи, но в смысле вечно и по существу классического и, в то же время, исторического в несколько необычном смысле». // Деррида Ж. Письмо и различие. М. 2000. С. 97. Эти идеи явно не деконструкция, больше похожи на Хайдеггера и еще не вписываются во всемирно известный «концепт Деррида».

[2] Подробнее у нас о феномене «транс» см.: Кутырев В.А. Философия Иного, или небытийный смысл трансмодернизма. // Вопросы философии. 2005. № 7, № 12.

может существовать там только на первых порах, дальше ей сказать будет нечего.

Трансмодернизм — это действительно зола, которая выдается за огонь жизни. Грамма(бито)тология за онтологию. Для нас — ничто, которое выдается за нечто. Таков итог «Чтения Деррида». Его, может быть, самой сокровенной книги: Feu la cendre (Золы угасшъй прах), где мир не просто деконструируется (разбирается на части), или доводится до деструкции (разрушается до материала, который может быть разного качества), но подвергается десубстрации — сжигается. В результате чего он превращается в новую, дисперсную количественную (до «нано»?) субстанцию. Великий деконструктор, в конце концов, стал *Десубстратором*. И Конструктором субстратно иной (инфо-виртуальной), транс(пост)человеческой реальности. Это ядро всей его философской системы, хотя она/оно, в духе сетевого антисистемного а(анти)центризма не находится в ее видимом центре. Отламывая кончик иглы, в котором как смерть Кащея, спрятана идея смерти жизненного мира человека, Жак Деррида скрывает это невольное (по причине безответственного достижения им предельной глубины = дна познания) (зло)деяние, парадоксами и отвлекающими ходами мысли. Фатально преданный прогрессу, он знает, понял, но не хочет предупреждать людей об его опасности. Подобного рода философствование служит эвтаназии, обману и самообману человека как родового существа. Если самообман Гуссерля в отношении исторического смысла трансцендентальной феноменологии простителен, так как это было пред–видение информационной эры, то самообман внутри нее, когда на происходящее смотрят в упор и в упор же не видят или не хотят видеть, вряд ли. «Про-чтение Деррида» — это прочтение всей современной прогрессистской философии, для которой, вместо стремления к принципиальному осмыслению ситуации, характерен страх «Больших теорий», от (для) чего и ведется их неустанная дискредитация. Потому что «думать в истине и смысле» — трагедия, переживать которую люди избегают. Хотя философы на это не имеют права. «Назад, к реальности» — испугавшись, стал кричать Славой Жижек, но кажется поздно. Манифест консерватизма, в чем мы убеждаемся на примере собственных попыток писать на эту тему, в том числе сейчас, мало кто у-слышит. Враг рода человеческого побеждает

Трансмодернистская «новая философия», основоположником и наиболее ярким выразителем которой справедливо считать Деррида, есть философия, обеспечивающая непонимание того, что происходит. Особенно то, как она воспринимается, означает, что мы вступаем в «эпоху затемнения», нежелания видеть, что прогресс, который «не остановишь», пре-

вращается в ре(транс)гресс, де(э)волюцию мира, которого для нас и нас в нем — нет. Пока частично, дальше — буквально. Втягиваемся (почти каждый), растворяемся (хакеры), сольемся (гомутер), а первые, вторые, третьи и т.д. чипы скоро начнут ставить себе многие нынешние читатели данного текста. Потом начнется соревнование в у-совершенствовании чипов. Земным предназначением человека, его головы становится ношение чипа (микромобильного компьютера), ибо вся информация, знание об окружающей действительности — в нем. А тело будет «подстраиваться», «ре-конструироваться» под возможности чипо-и-нанодостижений. Будет? Началось! Предусмотрительный Билл Гейтс запатентовал «исключительные права на использование человеческого тела как локальной беспроводной сети» (патент № 6754472). «New brave world» образуется на наших глазах, Дж. Оруэлла, О. Хаксли все читали и могут прочесть, а много ли толку? Мы не будем знать, когда нас не будет. В том числе благодаря апологии «желания письма», действительно заменяющего другие жизненные желания и смыслы у поколения пленников виртуальной реальности. *«Письмо(а)» Деррида нам — об этом.*

Трансмодернизм означает не просто отказ от признания человека высшей ценностью и «конец его исключительности». Он предполагает его замену другой формой разума, «преодоление» человека как Genus Homo, что все более агрессивно пропагандируется идеологами и практиками(!) трансгоманизма. Трансгоманизм — следствие, феномен трансмодернизма. Это трансг*о*м*о*низм, постчеловеческая, мизантропная вершина айсберга онтологии небытия. Всей «нашей» (в которой можно жить) Вселенной. Под флагом беспрерывных изобретений искусственного, собственно человеческий жизненный мир устремился к самоотрицанию и, выхолащивая себя через гонку технологий, трансформируется в тоталь(итар)ный инонизм. Таков исторический смысл охватившего человечество истерического ин(на)новационизма. *В-пало в трансгресс-ию:* в стихийный прогресс технонауки, сверхпотребления и потребностей, через деградацию труда, желаний и способностей. Трагическая диалектика Просвещения в действии. *Темное Трансвековье* †

...Читать Деррида. Хитроумного (не)Одиссея в океане (не)знания. Божественный дьявол во плоти мысли. *Понимать Дерриду...*

* * *

«Каждый философ знает, что мир иллюзия и самого его тоже нет...» Фраза, которая перестает быть метафорой, достижением теоретического ума, реализуясь на наших глазах. Если философ, просто человек не знает, или не верит в (по)гибель и отсутствие мира, где он сейчас живет, что

сам он ничто и звать его ник-ак, ему об этом скажут ученые. А главное, (с)делают для этого все возможное. Сеют иллюзии, вместо того, чтобы служить жизни. Агенты смерти, «ничто» их резидент. Технотронный рок.

4. Конец света по-научному

«Физика, бойся метафизики», — предостерегал Ньютон ученых. Против непроверяемого, не основанного на фактах и наблюдениях, спекулятивного, образного и метафорического знания от имени науки подлинную войну повел позитивизм. Это была война против метафизики, которая в ней потерпела сокрушительное поражение. Так казалось до второй половины XX века. В последние десятилетия, однако, поверженный противник строгой науки, как мы видели, перешел в контрнаступление. Общими рассуждениями, разговорами «о бытии», об основах и моделях мира стали грешить сами бывшие адепты позитивизма, как эмпирического, логического, методологически окормлявшие преимущественно естествознание, так и структурализма, траснцендентализма, теоретически воспитывавшие обществознание и гуманистику. Науку, строгое и строжайшее знание стали выводить из «жизненного мира», а еще больше из «общественного бытия», как в марксизме, но чтобы не запятнать себя связями с ним, эту истину переоткрывают заново, возникла особая социология знания, с разветвленными школами, течениями, борьбой направлений.

И, наконец, что особенно тяжело видеть, удар в спину позитивистским идеям точности, понятийной чистоты и опоре на наблюдаемые факты был нанесен изнутри самой физики. Хотя физики не любят в этом признаваться, продолжая считать себя, в отличие от философов «строгими учеными», сами их тексты не выдерживают критики с точки зрения теоретического качества категориального аппарата. Чего только не появилось в постпозитивистских теориях: никогда не наблюдаемые кварки, из которых состоит «все», гипотетический вакуум, своего рода физический Бог, из которого выводится «все», кем-то натянутые струны, составляющие «все», но это еще в пределах традиционной логической культуры. Параллельно, в многочисленных, претендующих (каждая) на единственную, наконец-то открытую истину концепциях, варили «супы», «бульоны», «клей», рыли «туннели» и «кротовые норы». Понятия стали цветными, четными/нечетными, появились таинственные, все затягивающие в себя как Харибда, черные дыры, недавно вдруг забытые и сменившиеся темной (= черной?) материей, при случайном соприкосновении с которой, светлая материя, как о Сциллу, раз-

бивается. Темная материя по определению неопределяемая, но составляет, как определенно подсчитано, ¾ (?) от материи как таковой. В довершение всего, как в любом свободном рыночном хозяйстве, в физике разыгралась космически-галактическая «инфляция». Если это не образы и метафоры, не мировоззренческие, иногда прямо сближающиеся с мифологией, а порой и мистикой, конструкции, то, что же такое метафизика? За что ее третировали, начиная с позитивизма? Метафизиками с некоторых пор стали физики, только старая метафизика была осмотрительнее и аналогии брала в природе, а не на кухне. Конечно, *это выражение кризиса понятийного аппарата науки из-за несоответствия «размерностей» нашего привычного мира и тех миров, «измерений», с которыми и когда она начала иметь дело.* Без помогающего философского осмысления, но действительно современного, а не имитирующего старые схемы, единственно физическими методами, хотя бы сколько-то теоретически приемлемым и приличным образом, кризис не разрешить.

Не претендуя на собственно научно-физические суждения или оценки по поводу устройства Вселенной, мы, с позиции «вненаходимости», имеем основание считать, что в последнее время среди ученых физиков возникла тенденция к единству и совместному отказу от метафор и расплывчатых понятий. Это происходит по мере того, как физика уходит из макромира в микро и мега-миры, окончательно переставая рассуждать о вещах и телах. В вузах последние «кафедры твердого тела» переименовываются в «кафедры конденсированных состояний». Явления макромира стали рассматриваться как проявления микропроцессов, следовательно, их по настоящему глубокое познание сразу переводит все проблемы на микроуровень. Подлинное знание теперь «там». Соответственно, о микромире перестают говорить, используя естественные языки, возникшие в макромире. Тем самым удается избавиться от сомнительных метафор, символов, расплывчатых, дву и много-значных понятий. Образное, даже смысловое сознание постепенно заменяется формульным, формализованным. В пределе, происходит отказ от семантики, что действительно дает необходимую гарантию от соскальзывания в обычное, естественное, лого(с)центричное человеческое мышление. И ... физика постепенно перестает быть физикой. Становится «алгебраической структурой», «универсальной теорией симметрии», «теорией метрических отношений элементов произвольной природы», в крайнем случае, геометродинамикой. Никакого «клея», «черных дыр», «туннелей», чистота и строгий порядок. Осуществленный идеал трансцендентальной феноменологии (будь жив Гуссерль, он бы порадовался). И ... естествознание окончательно перестает быть «познанием естества», наукой

в традиционном смысле слова. Отсюда толки о «конце науки». Чувственная, вещно-предметная реальность макромира исчезает как таковая. То есть в теоретизировании исчезает сам макромир, «наш мир», наше бытие, сама «реальная реальность». Потому что все превращается в математику. Даже не в геометрию, несущую на себе печать отражения его/ее пространственных характеристик, а лучше в алгебру, дигиталистику, исчисление.

Такой подход особенно укрепился с распространением так называемой эвереттовской, многомировой интерпретации (ММИ) квантовой механики. «Никаких «многих классических миров» на самом деле нет, — пишет ее сторонник и «расширитель» М.Б. Менский. Есть только один мир, этот мир квантовый, и он находится в состоянии суперпозиции. Лишь каждая из компонент суперпозиции по отдельности соответствует тому, что наше сознание воспринимает как картину классического мира и разным членам суперпозиции соответствуют разные картины. Каждый классический мир представляет собой лишь одну «классическую проекцию» квантового мира. Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя, тогда как сам квантовый мир существует независимо от какого то ни было наблюдателя»[1]. Из этого емкого высказывания о сущности многомировой трактовки квантовой механики вытекает много чего необычного, революционного для сложившихся представлений в физике и науке вообще. Но обсуждать, принимать или не принимать предлагаемые новшества и насколько — не нашего ума дело. И только как любой живой человек, живущий в «этом» мире, среде тел и вещей, даже если бы и (не)физик, мы имеем право заметить, что многомирие в данной концепции весьма странное, какое-то одностороннее.. *Статус подлинного бытия отдается несоизмеримому с человеком миру микро(нано)размерностей,* одному единственному, изучаемому квантовой механикой и математикой и используемого нанотехнологиями. Который, оказывается, *существует независимо от наблюдателя* (какое сальто по отношению к «традиционному» неклассическому подходу, какое отрицание отрицания!). Все остальные «классические и неклассические миры» — его проекции, феномены, при условии, если квантовый математик по своей остаточной человеческой доброте и теоретической снисходительности допускает, что кто-то, их = нас, трехмерных и макроразмерных осознает. Что кто-то нас, наблюдая и вычисляя, «выбирает». (Хотя бы). Конструирует. (Будем надеяться). Еще надежнее, что (бы) мы там (были) запрограммированы…

[1] Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук, 2005, т. 175, № 4. С. 424.

Кажется, начинает проясняться, куда идет дело, кто и где обладает реальным бытием. Но не для всех, особенно если они пленники своих теоретических занятий. Тогда нет предела уверенности и восторгам в утверждении самоотрицания. «Истинно существует некий, воспринимаемый только математическим разумом квантовый мир математических форм — алгебр наблюдаемых, недистрибутивных решеток и т.д. Его можно также назвать, следуя В. Гейзенбергу и В. Фоку, миром «объективно существующих потенциальных возможностей». При измерении происходит, аналогично, например, превращению света в звук, превращение этих математических объектов в физически воспринимаемые результаты наблюдений»[1]. В общем, причиной всего сущего, или, говоря метафизически, субстанцией бытия (об)является математика. Число. Цифры. И разумеется, не XIX века, не школьная, «человеческая», а «прикладная», то есть техническая, машинная, компьютерная, ставшая теперь фактически основной. В виде вычисления и программирования информации. Результатом чего является наш мир — «физически воспринимаемые результаты наблюдений». Не материя обладает свойством информации, а информация кодируется той или иной формой материи. И не человек теперь наблюдатель, а также вычислитель, наоборот, он результат, продукт наблюдений, а также вычислений. Да что тут удивительного, если: «Согласно ММИ человек — это волновая функция, которая является частью квантового состояния, представляющего собой мир, который, в свою очередь, является одной из компонент суперпозиции многих квантовых состояний, образующих то Состояние, которое является Вселенной»[2].

В итоге, из квантово-информационного состояния никому никуда не вырваться. Кроме него ничего не мыслится. Автор, вернее, последняя волновая функция, не дает ни человеку, ни предметной реальности хотя бы статуса феномена. Потому что их пока никто не измерил и не оцифровал. Это отказ не только от классического, но и неклассического мировоззрения, представленного как релятивистской, так и «копенгаген-

---

[1] Гриб А.А. Квантовый детерминизм и свобода воли. // Философия науки. Вып. 14. Онтология науки. М., 2009. С. 23.

[2] Вайдман Л. «Раздвоение сознания» у нейтрона, или Почему мы должны верить в многомировую интерпретацию квантовой теории» // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 183. В оригинале статья называется: On Schizophrenic Experiences of the Neitrons, or … Может быть, в переводе зря смягчено, автору виднее и речь надо вести «О состоянии шизофрении у…»?

ской интерпретацией» микромира. В свое время недалекие материалисты-сталинисты, исходя из классической парадигмы (В России к тому времени она не была преодолена), оказывается, далеко смотрели, когда, экстраполируя тенденции развития неклассической науки, утверждали, что «материя исчезает, остались одни уравнения». Так оно и происходит. В рамках теоретического мышления практически произошло. Наша Земля, ее природа, жизнь, люди, явления и события на ней, а также другие планеты, как и изучающие их физики, химики, биологи и дискутирующие с ними философы, короче говоря, весь «этот свет», в лучшем случае, «вторичные качества» и видимость, а лучше, если посмотреть на него глубже, «подлиннее» — отсутствует. Ситуация, которую, как мы видели, удачно выразил своей формулой, несмотря на ее загадочность, Ж. Деррида: «И вот — зола». Бытие — это Ничто.

Но все-таки оно что-то: информация. Вернее, оно/она теперь — *Все*. Информация, коммуникация и есть бытие. Разумеется, для тех, кто отождествляет себя и мир с ней и чье сознание, когда оно ясное, означает «состоявшийся вычислительный процесс», а неясное — «процесс, который не сошелся». В конце концов, дело дошло до представлений об эволюции земной жизни, а потом всей Вселенной как «эволюции Информации». Которая изначально не что иное как «глобальное галактическое информационное поле, продолжительность которого многократно превышает время жизни носителей этого поля — отдельных разумных цивилизаций и развивающееся по собственным законам».[1] Происходит своего рода информационная смерть Вселенной, как в XIX веке, когда боялись тепловой. Но боялись. Информационной почему-то не боятся. Не только человек, как живое, целостное существо, но даже отделившийся от него чистый Разум, больше «не венец творения». Потому что «эволюция бесконечна», «прогресс не останавливается». И все-таки его готовы остановить, если в качестве бытия вместо материи, энергии или напоминающего о чем-то человеческом Разума, признать «Галактические информационные поля». Вот они — венец творения! и эволюционная эпистемология сливается с информационной. Дальше уйти человеку от себя, кажется, больше некуда. Это сциентистское одичание, это техницистское умопомешательство, эта буквальная реализация «Матрицы» братьев Вачовски, называемая когнитизацией познания, захватывает в нем одну сферу за другой. Если в постмодернизме процесс трансформации мира в виртуаль-

---

[1] Панов А.Д. Разум как промежуточное звено эволюции материи и программа seti. // Философские науки. 2003. № 9. С. 137.

ное состояние как-то (само)маскировался, ибо его великие представители в той или иной форме понимали, что он значит для человека, то растущее число представителей когнитивной науки и философии утрачивает способность к мировоззренческой рефлексии. Они полны научного энтузиазма и искренне не ведают, что т(го)ворят, применяя свой редукционизм ко всему, что возможно и невозможно.[1]

Полагают, что если что-то «оцифровать», то это и будет означать: познали. Если, предварительно переведя в информацию, что-то уничтожить, хоть все живое, это будет означать: сохранили. Когда Эйнштейна спросили, все ли можно описать средствами науки, он ответил, что можно, но не имеет смысла. Это все равно как симфонию Бетховена выразить графиком изменения давления воздуха. Но так теперь слушают музыку жизни. Все больше. «Они не видят и не слышат, живут в сем мире как впотьмах» — так сокрушался поэт о современных ему обывателях. Теперь тьма наступает — научная. Без(с)мыслие — информационное. Безжизненность — техногенная. «Темное Трансвековье». Время Mortido.

Собственно говоря, это ситуация и экспансия на мир мировоззрения человека, проводящего время жизни в основном за компьютером и занятого либо программированием, либо пользованием. Например, «компьютерного физика», ставящего будто бы лабораторные эксперименты. Или подростка, который, раз/с(по)лагаясь на диване, будто бы мужает в опасных приключениях. Домохозяйки, выбирающей покупки будто бы на торгах. В любом случае с кругозором, не выходящим за рамки экрана. Его интересы ограничены виртуальной реальностью, жизненные силы и волевое начало атрофированы, все вопросы, даже быта, решаются посредством отчужденной технической коммуникации. Homo informaticus, с активностью «человека без органов», оператора с мировоззрением «что вижу, то имею». Хакера, гомутера. Свое «ускользающее бытие», «недобытие», он выдает за полноценное бытие, объявляя возможное действительным, а виртуальное реальным. И наоборот, реальное считается виртуальным. Внутреннее, духовное заменяется внешним, тех-

[1] Вместо дальнейшего текстуального подтверждения без(д)умной экспансии когнитивизма, достаточно, пожалуй, привести несколько заголовков: Анисов А.М. Вычислительная метамодель реальности и проблема истины. // Логические исследования. вып.13. М., 2006; Мальчукова Н.В. Субъектность и исчислительность в объяснении и функционировании языка. // Философские науки. 2009. № 8; Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая парадигма гуманитарного познания. // Вопросы философии. 2009. № 10 и т.д.

нологическим. Физические, пространственно-временные вещи действительно — «зола», они вытесняются «вещами сознания», в лучшем случае симулякрами, когда «копия важнее оригинала». Для «него» и все больше «нас», так оно и есть. Предметный мир, жизнь, деятельность, телесность и чувственность, понимающее мышление — то, что считалось подлинным, предстает мнимым, а абстрактное, частичное, мнимое — подлинным. Что бы ни говорили поверхностные головы, бытие определяет сознание. Небытие тоже определяет сознание. Возникает «сознание небытия». Эпоха начавшейся эвтаназийно-апокалипсической «перезагрузки». Ради иноми(е)рного бытия на том = новом свете. И борьба миров. Борьба за и вокруг человека. Пока.

Глава II. **ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГОМАНИЗМА.**

1. Гимн, переходящий в реквием

Адам — Антропос — Гомо — Жень = ЧЕЛОВЕК появился на Земле, по подтвержденным радиоуглеродным анализом точным данным археологической науки, по-видимому, приблизительно, около 3,5–2,5 млн. лет тому назад. Согласно авторитетному письменному источнику — Библии христиан — ему на момент 2012 года исполнилось 7817 лет. Такое временн*о*е разночтение обусловлено различием трактовок его сущности: в первом варианте это предельно, вплоть до отказа от себя, эволюционно развившееся природное животное, по второму он — тварь, результат волевого акта Супранатуральной Силы, запечатлевшей в нем собственный образ. В истории представлений о человеке данные версии переплетались, иногда сливаясь, чаще опровергая друг друга. Однако в обеих, а также прочих, паллиативных, при самых острых спорах, человек считался неким особым, уникальным феноменом, по крайней мере, на Земле. Существом, которое задает смысл существованию всего остального сущего. Это «малый мир», «микрокосм», «мера всех вещей», «эманация Абсолюта», «разум Вселенной». Универсальный по способу деятельности, он Единственный Субъект бытия ничем и никем незаменимый носитель свободы. Он второй после Бога и его небесных помощников — ангелов, которые и нужны-то для того, чтобы заботиться о человеке, содействуя ему в управлении собой и миром.

Соответственно, присущий философии как метафизике «основной вопрос» состоит из отношения «человек-мир». В перетягивании каната между его сторонами дело доходило до солипсизма, когда получалось, что мир, реальность возможны постольку, поскольку воспринимаются человеком. В истории науки возник и сохраняет влияние так называемый антропный принцип, согласно которому не будь людей, Вселенная в своих фундаментальных параметрах была бы совершенно иной (если бы она без него вообще решилась быть). Апофеозом значимости проблематики человека следует признать формирование в XX веке философской антропологии, претендующей на статус единственно адекватной современным требованиям философии. Ее исходная установка в том, что представление о человеке всегда лежит в центре любой системы мысли. Философствование «по определению» есть следствие жизненного опыта человека, его

прояснение и оправдание для себя и для мира. «Человек — это в известном смысле все» — провозгласил М. Шелер. Это положение можно считать credo философской антропологии.

Если природная реальность зависит от человека, то социальная состоит из него. Человек — микросоциум. Социум — мегачеловек. Человек предпосылка и продукт истории и любая попытка его противопоставления обществу несет привкус абсурда. Хотя, конечно, их отношение менялось. Состоянию дикости и варварства соответствовали стадные и кровнородственные формы совместной жизни, возникновение экономического разделения труда породило собственно социальные связи и Личность. С этого времени можно считать, что всякий, живущий в обществе человек является личностью. Мы говорим об индивиде как о человеке, когда сравниваем его с другими видами сущего, неорганическими или живыми и о нем же, как о личности, когда от-личаем от других людей. Личность — это человек с «определенным артиклем». Вряд ли можно считать обоснованным разведение данных понятий по признаку наличия или отсутствия в них природного, т.е. жизненного начала. Что за личность без страстей и телесных переживаний, в сущности говоря, без чувств? а значит без души, а потом и без ума. «Презумпция личности» — условие гуманистического мировоззрения. «Животворящая троица»: Природа-Общество-Личность (ПОЛ) воплощается в человеке «неслиянно и нераздельно». Все они живут, будут жить или умрут — вместе.

И в религиозном, и в светском философско-метафизическом сознании дальнейшее существование личности как вершины земного бытия мыслится прежде всего в плане духовного совершенствования, которое, в виду сложности и открытости человека миру, бесконечно. Конечные цели, правда, разнятся: в одном случае подготовка к индивидуальной вечности, переделка себя по канону богоподобия, в другом, социальное бессмертие рода и гуманизация жизни. В обоих случаях, однако, это антропоцентризм, хотя не онтологический, а ценностный. В XX веке задача социально-практической гуманизации жизни наиболее определенно и целенаправленно ставилась марксистской идеологией. При коммунизме личность впервые в истории должна перестать быть средством решения каких-либо других, пусть благих и великих вопросов и превращается в самоцель развития. Труд, любовь, познание, творчество наполнят ее бытие высшим смыслом. Это общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Несмотря на неудачу в реализации коммунистических идеалов, классическое сознание не могло и не хочет отказываться от гуманизма. На него ориентировано и содержание «академической» фило-

софской антропологии, а также образовательных стандартов при ее преподавании. Вот как виделись перспективы человека нашему, по историческим меркам современнику, официальному, а для многих и неофициальному философскому авторитету, «главному антропологу» России, организатору и первому директору Института человека, основателю журнала «Человек» действительному члену Российской академии наук И.Т. Фролову: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм — так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XX I века»[1]

...Так теперь все это не так — рухнуло. Если, конечно, следить не за благопожелательными, а фактически идущими в мире процессами. Бог умер. Мы его убили, — сказал Ницше в конце XIX века. Человек умер. Мы его убили, — смело можно сказать вслед за ним в конце XX – начале XIX века. Возникла принципиально новая среда жизни, техно-информационное общество, точнее, информационная и конструктивная нано-биотическая реальность. О ней много говорят, но слишком голословно, не отдавая отчета в вытекающих отсюда следствиях. Фундаментальное из которых, что это среда не тел и вещей, а отношений, не субстратов, а связей, коммуникации. Изменяется сама субстанция бытия и вся его целостность, что, в свою очередь, не может не влиять на состояние входящих в него частей и элементов. На основе информации образуются виртуальные формы реальности, создающие совершенно небывалые условия для тела и духа человека. Они радикально отличаются от тех, в которых он пребывал в течение тысяч лет природной эволюции. Это не может не отражаться в философско-социологической мысли, не иметь своей идеологии. На смену субстанциализму как принципу объяснения бытия идут релятивизм, коммуникационизм и конструктивизм. Классическое сознание, включая и «неклассическое» в его узком смысле, вытесняется постнеклассическим. Иными словами, реализм или «модернизм» в его широком смысле, уступают место пост(транс)модернизму. «Истина» постмодернизма — другая, противоположная прежней духовной традиции, более того — всей культуре. Главное в нем — отказ от метафизики, а значит и сложившихся в течение веков представлений о человеке, его месте в мире. Этого места «метафизическому человеку» больше нет. Отсутствие — автора, субъекта, человека является специфицирующим признаком, сутью актуального «постсовременного» философствования. В этом отношении оно прямо противостоит философской антропологии, отменяет ее. Кто еще говорит о человеке, его высшей ценности,

[1] К 50-летию журнала «вопросы философии». Интервью с И.Т. Фроловым. // Академик И.Т. Фролов. Очерки. Воспоминания, материалы. М., 2001. С. 62.

тот едет в карете прошлого. Он консерватор и фундаменталист. В той же повозке — гуманист. Если не хуже.

Живому, чтобы отсутствовать, сначала надо умереть. И человек умирает, активно, интенсивно и прогрессивно. Это настолько очевидно, что закрепилось в словарях и энциклопедиях. Правда, с самоназванием «новые». Например, в «Новейшем философском словаре» (2-е изд.., перераб. и доп. Минск. 2001) слову «Человек» уделена одна страница, слово «Личность» отсутствует совсем, в то время как «Смерти», с приложением к тому, что привычно считалось живым, отдано 12 страниц. Это что-нибудь да значит!

И, наконец, высшее достижение в развитии проблематики антропологии и гуманизма — трансгуманизм. В его русле обосновывается, что человек, не являясь последним звеном эволюции, может совершенствоваться до бесконечности, радикально повысив свои умственные и физические возможности, ликвидировав старение и смерть. Для этого надо перестать бояться «перестать человеком», наоборот, преодолев его, «стать более совершенным существом», «трансхьюманом», «постлюдьми». Трансгуманизм, а точнее, как мы уже говорили, трансгоманизм — прямой вызов идентичности человека, какого мы знаем, какими являемся тысячи лет или каким его сотворил Бог. Не столь последовательно, но в том же направлении развертываются теории «конструирования человека», отражающие реально идущие работы по его биогенетической и социально-технологической трансформации. Под давлением проектов и фактических достижений в модификации живого, начали колебаться ключевые фигуры, наследники и носители знамени «реального гуманизма», как он мыслился в конце XX века. «Пока трудно судить, — признает кризисный характер складывающейся в современной антропологии ситуации главный редактор журнала «Человек» член-корреспондент РАН Б.Г. Юдин, — является ли трансгуманизм развитием, современной фазой гуманизма, либо же с позиций трансгуманизма, привычный нам гуманизм должен быть вообще отброшен как нечто архаичное»[1].

Нам представляется, что ничего трудного в квалификации трансгуманизма нет. Это понятие говорит само за себя и означает выход человека за пределы своего бытия, оправдание этого выхода. Деконструкции всей метафизики и, прежде всего антропологии, окончательного отказа от различия между объектом и субъектом, означаемым и означающим, бессмысленным и смыслом — вот чего настоятельно требует становление информационной

[1] Юдин Б.Г. Обращение к читателю. // Конструирование человека. Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 2007. С. 4.

реальности, развертывание нано и биотехнологий и что фактически происходит в области мысли. Так следуйте за новым, потенциальным, передовым. Остальное приложится. Человек как венец природы, подобие Бога и Личность не отвечает этим прогрессивным тенденциям. В своей биосоциальной идентичности он стал традицией. Но замена ему, мы уверены, найдется. Она — здесь, «при дверях». Ее можно сконструировать. А пока, давайте, скажем: *покойся с миром*, *человек.*

* * *

Особое мнение консерватора, возражающего против у-ничто-жения человеком самого себя или хотя бы против мнения, что это хорошо и превращения реквиема в гимн.

Адам — Антропос — Гомо — Жень = Человек, признавая изменение своей роли в мире, в то же время считает данную оценку его современного положения и прогнозируемой участи контрпродуктивной. Не вытекая из первоначального, весьма хвалебного исторического описания и ставя тем самым под сомнение искренность его, как оказалось, миз-антропных коллег, она поспешна и поверхностна. *Адам* не может отрицать проблем, с которыми сталкивается в так называемом пост(индустриальном, модернистском) информационно-нано-био-технологическом обществе и возникновения в нем подрывающих его идентичность и гуманизм тенденций. Однако ссылки на прогресс не должны нас гипнотизировать до отказа от самих себя. *Антропос* вправе ожидать более глубокого анализа угрожающих ему опасностей, чтобы знать, во имя чего его ставят перед выбором: сохранение идентичности или дальнейшее существование. Мы отказываемся от подписи под выводами о конце этой уникальной формы бытия, превращающими гимн в реквием, поскольку в них не учитывается противоречивый, многовекторный, нелинейный характер происходящих процессов. *Гомо* имеет основание полагать, что провозглашение смерти всего сущего — природы, Бога, человека некой объективной необходимостью свидетельствует о фатальной перверсии мировоззрения ее протагонистов. Захваченные пафосом отрицания они оставляют без ответа самые принципиальные вопросы в своих собственных построениях. *Жень* просто обязан спросить: если «смерть» метафора, то насколько и метафорой чего она является? Если нет, то какая жизнь или форма бытия предлагается взамен нынешней, «устаревшей» и будет ли она «жизнью»? В конце концов, что за субъективные цели, кроме первичного рефлекса на информацию и биотехнологии, стоят за деконструкцией и каково ценностное оправдание ее применения к философской антропологии? Не доверяя пост-следователям постмодернизма, хотелось бы самостоятельно разо-

браться в этих явлениях и концепциях. *Всегда с позиции Человека*, даже если все будет против него.

2. Вос(нис)хождение человека: от жизни к знанию

Познай самого себя. (Сократ)

Если верить в вечное существование, то душа Сократа смотрит на нас, скорее всего, со смешанными чувствами. С удивлением и горечью, что через 2,5 тысячи лет самопознание все еще неразрешенная задача, с надеждой и радостью, что у человечества, наконец, дошли до него руки. Слушая наши речи и читая тексты, оценивая направление и характер практической активности, он не может не признать, что сейчас человек обратился к себе. И это обращение по преимуществу деятельно-познавательное.

Мощь нацеленных на него арсеналов науки и техники, отводимое ему в них место впечатляют и внушают уважение. В космологии, физике сохраняет влияние антропный принцип, согласно которому сама Вселенная, как таковая, существует благодаря человеку. Будь условия его жизни другие, наша Вселенная могла и не возникнуть. Биологические дисциплины проникли в святая святых — генную структуру и взялись за ее фундаментальную реконструкцию. Ради благосостояния человека ежегодно синтезируются тысячи новых веществ в химии, изобретаются невиданные средства в технике, не говоря о социально-психологических дисциплинах, непосредственно специализирующихся на его исследовании и трансформации вплоть до «моделирования души». Наряду с естествознанием, обществознанием и техникознанием на наших глазах конституировался особый блок наук о человеке — человековедение, в котором применяются все достижения предыдущих сфер познавательной деятельности. Оно как бы завершает эту величественную картину самопознания человека.

Что может отметить Сократ, оценивая общее расположение сил и течений в ней (хотя бы при самом панорамном, схематизирующем взгляде)?

Что познание человека решительно вышло за пределы этики, размышлений о добре и зле, судьбе отдельного индивида, с чего начинался поворот греческой мысли от натурфилософии к философской антропологии. Оно озабочено его перспективами как родового существа, от которых зависит и судьба индивида. Что, выведя за рамки философии и традиционных социальных наук, сделав предметом почти всех теоретических дисциплин, включая точные и технические, его нынешние представители больше всего озабочены синтезом накопленного. Дебатируется идея единой науки

о человеке, вокруг которой постепенно объединились бы все другие отрасли знания и культуры в целом. Слившись с философией, а скорее, преодолев ее, такая Наука будет заниматься человеком как одним из видов Разума. Это будет некая Гуманология, в которой человек рассматривается как часть Универсальной Мысли. Как УМ. Которая(ый) будет равна(вен) всей Реальности.

Итак, Человек! Нет человека, подошел к человеку, вижу человека, недоволен человеком, думаю о человеке — во всех падежах и склонениях человеческая мысль занята им. Самим собой. *Не пора ли задуматься о смысле и результатах этого познавательного бума?* Ибо одновременно, параллельно все говорят о кризисе цивилизации, тупике прогресса, конце истории и, без всяких шуток, *«смерти человека»*. В конце XX — начале XXI века перед ним грозно встал вопрос «быть или не быть». Здесь явно какой-то парадокс, который Сократ, со своим диалектическим чутьем, несомненно, видит. Души, однако, не вмешиваются в земные дела людей и нам надо пытаться решать его самостоятельно.

Еще не так давно полагали, что причина большинства существующих проблем, драм и трудностей в недостатке знаний о природе, материи, мире, слабом развитии науки и техники. Теперь такого мнения держатся лишь самые узкие, социально глухие и слепые сциентисты, безнадежные технари. Сетовать поэтому на непознанность природы, когда мы делаем с ней все, что заблагорассудится, проникли в микро- и мегамиры, овладели сверхзвуковыми скоростями и световыми волнами, магнитными полями и околоабсолютными температурами, преобразуя ее применительно к предварительно намеченным целям, становится как-то странно. Какой информации и сколько энергии еще надо? Можно ли поверить, что если человечество удвоит или удесятерит производство новых химических материалов, роботов и компьютеров, изменит наследственность всего живого, отменит пол и начнет клонироваться, то его перспективы посветлеют. Вряд ли?

Стихийность, непредсказуемость развития человечества все чаще является результатом нашей преобразовательной и проектировочной деятельности, нашего, прежде всего научно-технического, творчества. Оно становится глобальным источником угроз, рождая проблемы, влекущие цивилизацию к пропасти. Поскольку творческая деятельностью занят человек, она есть выражение его ума и воли, то как бы напрашивается вывод, что мы не знаем самих себя. *Не ведаем, что творим, так как не ведаем, кто творит.* Таково все шире распространяющееся убеждение на фоне ускорения прогресса и разочарования в нем, небывалого роста знаний о мире и сомнений в их благотворности. Убеждение, являюще-

еся логической основой для крутого поворота научных исследований в сторону человека.

Короче говоря, вслед за познанием и овладением природой пришел черед окончательного овладения ее преобразователем и властелином. Это трудно, так как он самый сложный элемент мира, наиболее загадочное его существо. Но тайна неурядиц в нем или рядом с ним, ключ к их устранению видят здесь. «В наши дни, — отмечал один из авторитетных философских представителей точного и технического знания, — самым большим и, пожалуй, зловещим является незнание человека. Попыткой понять природу человека был озабочен еще древний Египет. Это нашло свое отражение в знаменитой Египетской книге мертвых. С тех пор прошло 3500 лет и, кажется, существенного прогресса не было достигнуто».[1]

Познать самого себя! Вот путь спасения человека и человечества. В этом «закон и пророки».

* * *

Познавший себя — собственный палач. (Ницше)

Хотя новый виток человекопознания развертывается не на пустом месте (будем справедливы), задача видится в том, чтобы сделать его более глубоким, полным. Учитывая возлагавшиеся на это надежды, нам кажется теоретически и практически полезным представить мечту сбывшейся. *«Познанный человек» — каков этот феномен,* что он означает и на каком отрезке пути к заветной цели наука находится?

Как известно, взятое в чистом виде в соответствии с идеалом научности, познание функционирует в рациональной, знаковой форме и по сути является исчислением, гарантирующим получение точного и универсального результата. Оно математично и технично. По представлению М. Хайдеггера, доминирование такого типа мышления предопределено характером отношения к миру «западного человека». Оно сугубо деятельностно и предполагает знание того, как применив некоторые приемы, трансформировать предмет в другое состояние. Познать предмет — это суметь, для начала, воспроизвести, смоделировать, а потом и изменить, исходя из целей познания. Моделирование всегда беременно чем-то новым. На определенном уровне развития познание-вычисление, познание-моделирование с неизбежностью перерастает в технологию и проектирование, в инженерное творчество. Это относится и к живому человеку.

[1] Налимов В.В. Как возможна математизация философии. // Вестник Московск. ун-та. Философия. 1997. № 5. С. 16.

Познавательное изменение «живых предметов» обычно означало их превращение в нечто мертвое, нефункционирующее. Внешнее вмешательство в жизнь разрушает ее организацию. Существо становится веществом, хотя, быть может органическим.

«Кто хочет что-нибудь живое изучить
Сперва всегда его он убивает.
Потом на части разнимает
Хоть связи жизненной, увы, в нем не открыть»[1].

В основном, однако, такое грубое вмешательство в жизненные связи типично для науки до 18–19 веков. Гете, словами Мефистофеля порицал ее, когда главным средством исследования живого был анализ в теории и скальпель на практике. В 20 веке воздействие науки на жизнь стало более ей адекватным и виртуозным. Механические орудия — «нож и скальпель» уступают место органическим: генные инженеры разрезают ДНК с помощью ферментов; рентгеновские лучи и ультразвуковые волны проникают в организм, не меняя его структуры; нейтронная бомба, умерщвляя тело, оставляет в неприкосновенности его макроуровневые связи. Возникшие в сфере мысли теории системной организации, в значительной степени преодолевают механицизм аналитических методов.

Другим, пожалуй, самым мощным и перспективным направлением исследования живого являются подходы, не нарушающие его структуры не только на макро, но и на микроуровнях. Они *в принципе* не вторгаются в органическое тело. Это направление включает в себя различные способы имитационного моделирования, когда структурные связи переносятся на новый субстрат. При последующих любых манипуляциях первичный предмет, в случае живого — органическое тело, остается нетронутым, неповрежденным, так как все изменения происходят с его структурным аналогом. Возникает феномен «функционального бытия». На этот путь одна за другой сворачивают разные отрасли естествознания, в том числе биологии и даже медицины. Занимаясь, например, биосемиотикой, математической экологией или искусственным интеллектом, то есть проблемами жизни, можно не прикасаться ни к одному органическому субстрату. Можно и не видеть, не представлять ничего живого, были бы какие-то параметры. Сначала снятые с реальных форм, а потом условные, заданные.

С подобным типом познания связано функциональное определение живого, на него опираются критики традиционной теории эволюции,

---

[1] Гете И.В. Фауст. М., 1986. Ч. 1.Сцена 4.

обвиняя ее в «водно-углеродном шовинизме». Этим питаются все космические трактовки происхождения жизни, отождествляющие ее с разумом, а также логически отсюда вытекающие предложения отказаться от «белково-нуклеиновго центризма». Быть, жить — всего лишь функционировать и меняться; все определяется уровнем организации, а не субстратом, не телом — такова идеология имитационного познания, слепком с которой является техницистская и информационно-компьютерная по своей сути современная наука.

Полное, адекватное себе выражение, имитирующее моделирование нашло после появления нано и нейрокомпьютерных технологий, позволивших поставить задачу воспроизведения высшего свойства земной жизни — человеческого сознания. Его стали рассматривать в качестве аналога компьютера, а фактически как своего рода вычислительную машину, сверхсложную, но которая, тем не менее, эволюционирует как информационная система. Споры о том, может ли машина мыслить ушли в прошлое. Создатели индустрии искусственного интеллекта приводят такие аргументы, а область имитации компьютерами функций человека так быстро расширяется, что «гуманитарной общественности» приходится делать хорошую мину при плохой игре, признавая эту игру очень хорошей. Если вначале развития электронно-вычислительной техники ее сравнивали с человеческим мозгом, «измеряли человеком», то теперь отношение перевернулось: человека измеряют компьютером. Пока в основном «мозг», но в сущности больше нет ни одной сферы жизни, на которую не притязало бы научное познание, вооруженное информационной технологией. Его возможности бесконечны и хотя мир тоже бесконечен, он состоит из конечных предметов, а все конечное познаваемо, воспроизводимо и значит — заменимо. Заменяют обычно на «лучшее». Человек — конечное существо и он не так далек от того, чтобы быть познанным и смоделированным. Имитирующий, а потом превосходящий человека аналог, «транс-человек» — на подходе.

Если познавательное моделирование человека как телесного существа предполагает смену его субстрата, то его моделирование как субъекта сознания ведет к «снятию» его души. Говоря упрощенным материалистическим языком, к возгонке психики в интеллект. Предпосылки этого создаются самим актом замены органической телесности, ибо душа существует как напряжение противоречия между телом и духом, чувством и мыслью. Душа — вера, надежда, любовь и другие ее состояния, как бы их не мифологизировали, это — «духовные чувства». Когда ставят задачу преодоления не только чувственного, но и умопостигаемого начала в человеке, их

замены трансцендентально-знаковым, с целью «математического описания нашего внутреннего мира», то фактически хотят его ликвидировать. Душа, вслед за эмоциями, при целерациональной деятельности, ради которой создается Гомутер (гомо+компьютер) — фактор брака. Математическое моделирование и исчисление противопоказаны ей по определению, поскольку она есть следствие неопределенности живого и существует в силу того, что «сущее не делится на разум без остатка». Когда удастся разделить все на разум, описать математически, это и будет означать, что удалось построить мыслящую машину.

Предварительным условием достижения подобной цели должно быть преодоление традиционного (исторического, гуманного) человека и появление человеческого типа сходного с робототехническим устройством. В информационном обществе этот процесс резко ускорился и идет с двух сторон: по мере того как роботы становятся похожими на людей, люди становятся похожими на роботов. Возникает «технологический человек». (Другие варианты наименования, имеющие хождение в литературе: техногенный человек, компьютерный человек, мультипликационный, агуманный человек, человек Тьюринга, E-homo и т.п.). Главной особенностью такого человека является вытеснение из его поведения всего чувственного, интуитивного, непредсказуемого, превращение жизни сначала в целерациональную деятельность, а потом в ментальную коммуникацию, то есть подавление той самой души, а потом и духовности в целом, о совершенствовании которой обычно заботились, стремясь к самопознанию. Подобная “ирония развития” существует как на индивидуальном, так и на родовом уровне. Научное познание — одно из основных средств сужения многообразных духовных переживаний до чистой мысли, их выпаривания и высушивания до интеллекта, освобождения человека от способностей к вере и любви, от нравственного и ценностного отношения к миру. Оно превращает Homo sapiens в Homo ratio, sapientismus. Трансформация Духа в Разум, разума в Интеллект коррелирует с превращением, реального в виртуальное, общества в социотехническую систему, культуры в технологию, общения в коммуникации.

Долгое время было принято считать, что существуют бессмертные души и бренные тела. Но коварство безбожного технического мира в том, что души людей умирают раньше, оставляя после себя функциональные оболочки, которые и действуют. Мультипликационный техногенный человек не миф, а реальность, не будущее, а настоящее. Не потерявшие совесть (как раньше), а совершенно искренне не представляющие, что она такое, предприниматели и политики; оторвавшиеся от предмет-

ной реальности до отвращения к собственному телу “одержимые программисты”; другие многочисленные отряды быстро растущей искусственной интеллигенции; снижение уровня мотивации и потеря чувства жизни у «традиционного» человека (которое он чаще всего принимает за потерю ее смысла) — все это признаки появления своеобразного гуманоида. На повседневном языке ему, по-видимому, соответствует понятие “человеческий фактор”, а на социологическом — актор, квази-субъект, агент, но в любом случае — это стадии становления “познанного” или “почти познанного” человека, а фактически промежуточного существа в переходе к мыслящим формам нового типа.

Итогом всего этого мощнейшего научно-технического напора на человека стало вытеснение из человекознания философской антропологии и гуманитарных подходов к нему. Вместо них возникают и все шире распространяются трансгуманизм, posthuman study, гуманология, персонология и т.д. течения, рассматривающие человека как один из видов разума, наряду с его другими, возможно, космическими, а фактически, искусственными, создающимися в настоящее время на Земле. В свете этой, начавшейся плюрализации бытийных форм разума, мы должны озаботиться, *как будем жить в мире, где «не одни»*. Правда, прежде надо выяснить, кто есть «мы «, от имени кого и о ком должны заботиться.

В антропологической и технической философии, часто бессознательно, уже представлены интересы различных форм мыследеятельности. В большинстве случаев речь пока идет о сохранении, развитии и совершенствовании традиционного, исторического человека. Однако после завершения дискуссии на тему могут ли машины мыслить (сомневавшиеся глухо молчат), растет число носителей робототехнического мировоззрения — защитников роботов «от человека». Они указывают на несостоятельность «компьютерного агностицизма», с чем трудно не согласиться, возмущаются дискриминационным характером господствующего отношения к искусственному интеллекту, призывают к скорейшему переходу в «новый прекрасный мир», где все будет механизировано, автоматизировано, интеллектуализированно и закодировано. Восторги по поводу новых возможностей техники дошли до появления техноэроса. И блестяшие, талантливые и серые, рядовые технократы искренне восхищаются открывшимися перспективами замены человека: на производстве — предприятия без работников, в образовании — университеты без педагогов, в искусстве — кино без актеров, живопись без художников, музыка без исполнителей, секс без партнера. До какого распада дойдет (дошел?) человек, следуя по пути такой самодеятельности, прежде чем

окончательно будет вытеснен машинами, апологеты «окончательного» самопознания человека не задумываются и ставят после «познать» восклицательный знак. В пользу *«Иного»*. Ради *Постчеловека.*

Исходя из этой новой ситуации, современное общество раскалывается на людей, желающих остаться, сохранить свою идентичность и людей, чьё сознание похищено новой социотехнической реальностью и они стали «агентами своего врага». Впервые об этом внятно заговорил, кажется, Ж.Ф. Лиотар. «В технонаучном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы — всегда не того масштаба. Если смотреть на вещи с этой точки зрения, то требование простоты сегодня кажется воплощением варварства. Разбирая тот же пункт, следовало бы подробнее разработать вопрос *о разделении человечества на две части: одна принимает этот вызов сложности, другая — тот древний и грозный вызов, что связан с выживанием рода человеческого.* Вот, может быть, главная причина провала проекта современности, который, напомню тебе, в принципе относится к человечеству в его совокупности».[1]

Проект современности, «модерна» это, другими словами, проект эпохи Просвещения, Прогресса, эпохи надежд на торжество Разума, несущего человеку Благо. Он действительно провалился, модернизм сменился постмодернизмом, надежды на процветание надеждами на выживание у одних, и желанием, фаталистически оправдывая ход вещей, трансформироваться в нечто новое — у других. Второе желание есть желание смерти традиционного человека, хотя прямо его обычно не высказывали. До некоторых пор. Но вот теперь новый этап. «Принимая вызов сложности», ее идеологи начали выступать *открыто*. Они сбрасывают маскхалаты, прямо заявляя, что человек не только одна из форм разума, но форма низшая, будущее место которой «в зоопарках и резервациях». Главная «маска», приманка трансгуманизма, что человек при этом будет «более совершенным», а в конце концов, бессмертным. «Зоопарки для бессмертных», а роботы смертные? Или все наоборот? Ложь и противоречия на каждом повороте мысли! Странность, однако, в том, что желающие сохранить себя люди не хотят этого замечать, предпочитают не придавать значения все шире распространяющимся призывам к ликвидации человека, по прежнему полагая, что обосновывать необходимость его «ухода» со сцены бытия, никто не осмелится. Осмелились, а дальше, особенно если прогрессоры не встретят противодействия, иде-

[1] Лиотар Ж.Ф. Заметки о смысле «пост». // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 58.

ология смерти человека будет проповедоваться еще агрессивнее. Пора видеть, как это делается и, чье сознание еще не подавлено техносферой, — защищаться.

В гуманистике, как известно, роковое слово о смерти человека впервые было произнесено французским структурализмом. Цель гуманитарных наук «не конституировать человека, а растворить его» (К.-Леви Стросс). Но тогда оно рассматривалось как некий прием, специфическая методология познания, которое предпринимается, в конце концов, ради человека. Смерть как онтологическое состояние и Благая весть о ней /Евангелие антигуманизма/ была провозглашена постструктуралистской философией или, распространяя ее на всю культуру — постмодернизмом. Наиболее решительные «слова надежды» на результаты познания человека высказал М.Фуко: «можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке».[1] Это ставит его в ряд ключевых фигур вместе с Коперником и Дарвиным, символизируя наступление принципиально нового этапа в судьбе человека и его мира.

Но какой будет мир без человека? Что идет ему на смену? Сам Фуко оставляет эти вопросы без ответа. В последних работах он как бы даже отказывается от радикального антигуманизма, опять говорит о субъекте и герменевтике его познания. Однако идеи живут собственной жизнью и Ж. Делез в приложении «О смерти человека и о сверхчеловеке» к своей книге о Фуко такой ответ дает. «Силы в человеке вступают в отношения с силами внешнего: с силой кремния, берущего реванш над углеродом, с силами генетических компонентов, берущих реванш над организмом, с силой аграмматикальностей, берущих реванш над означающим... Как сказал бы Фуко, сверхчеловек — это нечто гораздо меньшее, чем исчезновение существующих людей, и нечто гораздо большее, чем изменение понятия: это пришествие новой формы, не Бога и не человека, и можно надеяться, что она не будет хуже двух предыдущих».[2] Ответ гораздо более конкретный, хотя тоже требует расшифровки: человек распался на факторы и силы; в этом качестве он вступает в отношения с техникой, прежде всего компьютерной /»кремнием»/, которая берет реванш над жизнью и естественным человеком /»углеродом»/; генная инженерия, манипулируя человеческой телесностью, разрушает его целостность как организма; победа над означающим означает ликвидацию субъектности человека. В итоге образуется новая форма «не Бог и не человек».

---

[1] Фуко М. Слова и вещи. М., 1994. С. 404.

[2] Делез Ж. Фуко. М., 1998. С. 171.

Что это за форма, о которой все сказано, но она не называется? Очевидно, это и есть искомый постчеловек, возникающий в результате смерти Homo sapiens как природно-социального существа. А постмодернизм, включающий в себя трансгуманизм, есть идеология этого процесса и замены человека постчеловеком. Это сциентистский технократизм, перенесенный на существующего исторического человека. Предавая его, постмодернизм открывает дополнительные шлюзы и так смывающему нас стихийному потоку техногенного прогресса.

* * *

Я вернусь к людям излечить их от знания,
не знающего любви (Будда).

Есть ли перспективы по установлению некоего modus vivendi между биогенным и возникающими на наших глазах техногенными формами разума? Каковы могут быть принципиальные подходы к этому?

Когда-то на Земле не было биосферы. Появившись, она охватила собой предшествующие виды неживой материи. Однако не полностью. Физико-химические структуры продолжают существовать самостоятельно, вне значимого биотического влияния. Возникновение другого не обязательно целиком и сразу отрицает бытие, послужившее его лоном. Со становлением ноотехносферы живая материя, человек с его естественным интеллектом превращается в “старую” форму бытия, но она вполне может продолжаться неопределённо долго, коэволюционно взаимодействуя с вновь возникшей. Содержание такого взаимодействия, его влияние на внешнюю и внутреннюю природу человека зависит от своевременного и правильного осознания им своего изменившегося положения, выработки жизнеутверждающей стратегии поведения. Немного, но зависит. Не может быть такого, что всё влияет на человека, детерминирует его, а он, обладая сознанием и волей, не определяет ничего.

Идеологи технократии выдвигают против человека в сущности единственный, но чрезвычайно серьезный довод, о котором они иногда сами / надо отдавать должное/ сожалеют: ПРОГРЕСС! Он неотвратим, его не остановишь. Так говорят о смерти, от которой все равно не уйдешь. Прогрессизм стал поистине «смертным», смертельным аргументом, как последний довод королей. Самоотрицание человека не благо, а зло, но поскольку оно неизбежно, то его надо признать благом — такова логика абсолютного, фатального детерминизма, отказывающего человеку не только в свободе, но и в субъектности. Конечно, как бы многие философы ни воспевали свободу, часто тоже как абсолютную, ни выстраивали на ней целые системы, она

у человека невелика. И все-таки есть, хотя бы потому, что как показывает история гибели или процветания народов, цивилизаций, развитие неоднозначно, оно ветвится, подвержено случайностям и люди иногда даже вынуждены делать выбор. В самой науке существует огромное количество разных теорий и проектов, одни из которых реализуются, другие отбрасываются. Их выбирают. Неодинакова и не предопределена мера энергии осуществления выбранного варианта. Как индивид каждый знает о своей будущей неотвратимой смерти, но ее можно сознательно приближать, вплоть до самоубийства, либо вести такой образ жизни, который ее отдаляет. Этот выбор делает каждый человек и может делать человечество. Технофаталистическая ориентация приближает его смерть, гуманисты должны отдалять, стремясь сохранить экзистенциального человека — как личность или, по крайней мере, его субъективность — как актора. (О новом Средневековье, возвращении к героическому варварству, яростной, негарантированной жизни дикаря пусть мечтают палеофантасты).

Ситуация выбора затрудняется растущей агрессивностью противников человека. Принимая вызов сложности и отвергая жизнь, они прокламируют этот выбор как единственно рациональный. Но бесчеловечная рациональность для человека иррациональна. Иррационализм — вот действительная характеристика положения человеческого фактора в сверхсложных нелинейных системах. Учитывая, что в ходе дальнейшего перерождения часть из них окончательно захочет «уйти в машину» и будет тащить за собой остальных, необходимо культивировать ценности плюралистического, разнонаправленного, разноскоростного развития. Ценности разнообразия, которое является условием выживания в быстроменяющейся среде. Несмотря на появление постчеловека и киборгов, люди как личности и акторы должны заботиться об обеспечении возможностей для параллельного с ними существования. На технотронном витке прогресса, представляя интересы своих членов в целом, общество не только имеет право, но обязано контролировать и регулировать деятельность в одной из своих сфер — научно-техническое производство, особенно когда оно влияет на человека непосредственно. Последствия творчества в биологии, виртуалистике или медицине сейчас не менее угрожающи, чем в ядерной физике. Не случайно, сами ответственно мыслящие ученые иногда высказывают озабоченность перенакоплением в современном обществе опасного знания. Что похоже на перенакопление в нем оружия массового уничтожения. Представляется, что в этих условиях *пафос озабоченности судьбой человека надо переносить от «познания» к контролю над этим познанием.* К его ограничению. Попытки разделить исследование живого по степени

угрозы людям, как известно, предпринимались, часть работ, по инициативе наиболее ответственных и человеколюбивых ученых была запрещена, но настоящей морально-политической поддержки и общественного резонанса эта внутринаучная позиция не получила. Сколько-нибудь осмысленной биополитики не существует и все процессы развиваются стихийно. Даже клонирование, отменяющее пол и подрывающее весь механизм развития человека как живого существа, действительно массовых протестов не вызвало и ползучим образом переходит от животных на него. При такой реакции на самые дерзкие посягательства на собственную природу мы даже не будем знать, когда нас не будет.

Чтобы отбить концептуальную атаку идеологов смерти человека в виде его технического перерождения, надо исходить из признания наличия границ в рациональном познании человека. С осторожностью, как бы бессознательно подбираясь к трактовке феноменов как субстанции и несводимости в феноменологии одного явления к другому, А. А. Гусейнов, например, пишет: «Возможно, в человеке есть нечто закрытое, принципиально недоступное для науки с ее объективными методами исследования. И сами успехи наук о человеке, подтверждают такое предположение… Человек не умещается в границу знания. Человек больше того, что он о себе знает или может знать»[1]. Исходя из этого надо пересматривать историю человеческой мысли, борьбу течений, выделяя в ней традиции, линии, идеи, на которые философская антропология могла бы опереться как на более глубокий и прочный фундамент, Это особая задача, направление решения ее пока можно только обозначить. Думается, что философия выживания должна исходить не из идеологии универсального эволюционизма и прогрессизма, возгоняющей все сущее к какой-то абстрактной точке, а из установки на коэволюцию и бесконечность Вселенной; при этом человек рассматривается как ее микрокосм; целью нашей деятельности должно быть бытие, а не становление /линия Парменида, а не Гераклита/; парадигмой культуры: Homo non vult esse nisi homo[2] /Н. Кузанский/; смысл жизни человечества надо видеть не в его конце, а в «совершеннейших экземплярах» /Ф. Ницше/; есть ситуации, в которых придется уповать на то, что «нас спасет только Бог» /М. Хайдеггер/; этическим идеалом должно быть богочеловечество, что предполагает отказ от прометеизма и претензий на человекобожие /Н. Бердяев/; а главным назначением философии считать поддержание «традиции воссоздания человека» /М. Мамардашвили/. Это

[1] Гусейнов А.А. Что же мы такое? // Человек. 2001. № 2, С. 7.

[2] Человек не хочет быть ничем иным кроме человека. /лат/.

та линия аргументов, вокруг которой можно выстраивать идеологию сохранения жизни на Земле. Она близка духу великих религий, призывавших не к трансформации, а нравственному возвышению личности. Она совпадает с perennial philosophy /вечной философией/ и может стать предпосылкой вечности человека.

Думается, что импульсы к реальной борьбе за поддержание жизни на земле — не только вообще, как природы, а в ее высших формах, как человека — могли бы исходить от собственно гуманитарного человековедения и церкви. Именно они могли бы предлагать "фильтры выживания", которые надо ставить на пути внедрения достижения познания в практику. Считается, что мыслью управлять нельзя. Да. Но наукой можно и нужно, ибо это социальный институт. Лихтенберг еще 3 века назад говорил, что "если бы бог когда-нибудь захотел создать такого человека, каким его представляют магистры и профессора философии, то этого человека пришлось бы в тот же день отправить в сумасшедший дом". Бог, к счастью, до сих пор нас миловал и не допускал реализации большинства проектов, вырабатываемых в различных теоретических центрах и технологических парках. Есть надежда, что и не допустит. А молиться надо за то, чтобы он как можно дольше не позволил нам познать самих себя — лишиться души и стать роботообразными зомби. Хочется верить, что бог (пока его самого не смоделировали), внушит людям заняться более насущным делом: защитой своего творения от их собственного творческого произвола.

Чтобы обеспечить поддержку борьбе с безответственным вмешательством науко-техники в природу человека, за спасение ценностей жизни и гуманизма, человековедение должно радикально изменить содержание своей деятельности. Оно должно стать духовно-практическим, занятым *внутренним, метафизическо–феоменологическим изучением человека, его совершенствованием и самосовершенствованием*. Которому нет предела! Оно, как и вся философия, должно стремиться *к союзу с религией против свободы внешнего научно-технического разума.* От религии же мы вправе ждать защиты устойчивости общества, его традиций, «генома», а не того, что она освоила рынок и последние компьютерные модели. Этот союз откроет дополнительное гуманитарное пространство для проявления тех сторон нашего духа, которые не находят выражения в обстановке засилья рационализма и информационности. Духовно-практические потребности необходимо рассматривать как точку отсчета при биополитической экспертизе научно-технических проектов. Это предполагает, что на первый план выйдут экзистенциально-этические аспекты человековедения. Это соотношение естественного и искусственного, жизни и смерти, здоровья

и болезни, вечных «констант» и исторической «меры» человека, его коэволюции с миром машин, вопросы биоэтики в предельно широком — до отношения ко всему живому, и в самом узком смысле — отношения к самому себе. Особенность большинства подобных проблем в том, что, будучи универсальными, они не имеют универсального решения. Это проблемы выбора, самоопределения и образа жизни. Их обсуждение нужно больше для самовыражения, нежели предполагает нахождение какого-то единого и единственного ответа. Они бесконечны и всегда актуальны, ибо каждый живущий решает их сам, по-своему. Познание и деятельность при этом уступают место общению и диалогу. Живому, а не коммуникационному. Коммуникация — это то, что *вместо* диалога. При всеобщей коммуникации, доведенной до состояния (как теперь ее хотят усовершенствовать) «от мозга к мозгу», наступит всеобщее молчание. Возникает ***Человек молчащий.***

Если из сказанного кто-то сделает вывод, что я предлагаю закрыть все центры исследования человека и вместо них открыть пивбары, то он будет прав только отчасти. Не вместо них, а при них — во-первых; во-вторых, мы полагаем, что наш читатель — пусть себя проверит — еще не стал жертвой машинного мышления и способен воспринимать метафоры; а в-третьих, данный акт был бы негуманен в отношении людей, которые стали преимущественно техногенными и тоже хотят иметь возможности для самовыражения. Однако поскольку для них человеческие проблемы лишь предлог для построения схем, графиков и типологий, с последующей математической обработкой и «ожелезиванием», то они здесь не должны задавать тон. Каждый имеет право на место в песочнице, пока не выбрасывает из нее песок. Феноменологические гуманитарные центры и журналы, в отличие от «гумано-лого-технических», видятся скоре центрами различного рода духовной помощи человеку, консультирования, медитации, философской терапии, включая терапию смыслоутраты. Это общественные органы если не любви, то сочувствия и понимания, а их внешняя деятельность будет направлена на оплодотворение такого рода ценностями остального мира. Это «церкви» для атеистов и агностиков. Только в этом случае можно надеяться на второе пришествие Будды. Или Христа. Вообще, на спасение Dasein — нашей формы бытия.

Познание и самопознание человечно, если осуществляется с позиций заботы о том, что познается, а значит ради его сохранения и самосохранения, ради дальнейшего развития, а не замены чем-то иным, всех, кто еще чувствует себя людьми, «снимающим» и уничтожающим. “Иное” позаботится о себе само. Чтобы противостоять движению по пути Mortido

(влечения к смерти), мы должны видеть, как это делается. Прежде всего, в самой философии, в ее современных («постсовременных») формах.

3. Деконструкция человека (тело)

При феноменологическом восприятии человек предстает как тело. Т(ч)еловек. Что у него есть душа, психика, сознание мы до-мысливаем, воображаем, а непосредственно ориентируемся на выражение лица, глаз, походку и поведение. На то, что он говорит. Языком, голосом. Такой «наивный бихевиоризм» господствовал тысячи лет, до тех пор, пока культура не расчленила мир на внешний и внутренний, а у человека не увидела «безвидную» идеальную сущность. Самые могущественные и таинственные мифические силы проявляли себя в зооантропоморфном облике. Даже в развитых монистических религиях трансцендентный Бог, дьявол и ангелы имеют тело. Умервщляет человека старуха с косой, а его душу птицеобразные ангелы достают из груди, зацепляя крючьями, ибо она миниатюрная копия своего большого носителя. Зооантропоморфная картина мира казалась настолько естественной, что в форме тел воспринимались, ими называли все остальные, в том числе неорганические элементы сущего. Планеты и звезды — это небесные тела, их сочетания — «стрелец», «дева», «козерог»; время делят между собой драконы, собаки и обезьяны; тела бывают твердые, жидкие, газообразные; просто геометрические; есть тела-туловища — «корпуса» станков, кораблей, орудий и т.п.

С развитием хозяйства и познания живая картина мира изживалась, превращалась в метафору. От материального отделяется идеальное, от тела сознание, от души логос, вплоть до их дуализации как противоположностей. Поскольку природа лишается зооантропоморфных характеристик, то какие в ней тела? Это «объекты», «вещи», «предметы», а идеальное либо трансцендентально, либо особая субстанция и весь вопрос в том, как оно связано с материальным, как решается психофизическая проблема. Ею и была озабочена философия в качестве метафизики, да и вся традиционная культура до XX века. Точнее до лингво-семиотико-структурного поворота, на который, после возникновения информационной реальности, мы вправе смотреть как на ее предтечу. Отказ от вещей и субстратов, от онтологии и замена их языком, текстом и структурой есть, в сущности, начало трансформации предметной модели мира в информационную. Трансцендентальное гуссерлианство, знаковые подходы, семиотизация артикулировали тень, которую информационная реальность отбрасывала

из будущего. Становление постиндустриальной цивилизации означает, что она стала настоящим, существуя рядом, вместе, а потом проникая внутрь вещно-событийного мира.

По мере проступания из тени контуров новой модели реальности трансцендентализм, семиотизм, структурализм и т.д. сменялись текстуализмом, постструктурализмом, деконструкцией тем, что обобщенно принято называть философским постмодернизмом. По аналогии со структурно-лингвистическим, можно, по-видимому, говорить о более крутом повороте в том же направлении — информационно-когнитивном и его гуманитарном выражении в постмодернистской культуре. Или о перерастании лингвистической революции в информационную. Без усмотрения этой связи информационная реальность проявляет себя в ложном свете: как «изм», как идеология и таком качестве начинает говорить от имени всей эпохи постмодерна. Это искажает, сужает ее до постмодернизма, из-за чего постмодернистское философствование для тех, кто хочет искренне в нем разобраться, предстает, по выражению одного из отчаявшихся в подобном занятии, «сплошной непонятностью». Ничего удивительного. Постмодернизм допускает, даже предполагает превращение других авторов и тем более читателей в некий материал, сырье, объект манипулирования при производстве собственных текстов. Такова конструктивно-деятельностная установка, принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели. Эффект, эффективность. Ее особенности весьма картинно обрисовал Ж. Делез: «В то время меня не покидало ощущение, что история философии — это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который при том оказался бы еще и чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»[1]. Чтобы не стать, «ничего не поняв», жертвой столь оригинального методологического подхода, заслуженно принесшего Ж. Делезу славу виртуоза в трак(х)товке других авторов, кроме личной бдительности, надо помнить, что в наше время все товары продаются в обертках и яркой упаковке. Чем опаснее продукт, тем затейливее тара. Чтобы избежать несварения головы со всеми вытекающими отсюда последствиями, постмодернистские тексты не следует употреблять без расшифровки и демистификации. Их нельзя принимать за чистую монету. Гениальность не гарантирует благомыслия.

[1] Делез Ж. Ницше. СПб., 2001, С. 171-172.

Их изготовляют те, кто в лучшем случае не ведают, что творят, игроки, а в худшем — люди, чье сознание похищено постчеловеческой реальностью, через которых говорит и наступает *Иное.* Еще недавно постмодернизм дружно и резко критиковался; теперь, во избежание прослыть отставшим от прогресса, этого делать нельзя; так, чуть-чуть. Более того, самые прогрессивные философы уже объявляют об его собственной смерти. Мы будем — «посредине», стараясь держаться здравого смысла.

Резонно ожидать, что информационная модель мира должна вести к умалению предметности, особенно ее живых форм. Идеологическая загадка постмодернизма в том, что в нем, напротив, провозглашается телоцентризм. Его внимание сосредотачивается на телесности. Телоцентризм противополагается логоцентризму и должен, по декларациям, заменить его. Девиз «от слова к телу», призывы к телесной парадигме культуры, к переходу от вербальности к зрительным образам, от мысли к плоти стали общим местом постмодернистского философствования. Непрерывная профилактика здоровья, порнографическая эксплуатация и косметизация тела, распространение фитнес-практик («мышечная косметика») как будто дает для этого основания. Однако не менее известен и лозунг «смерти человека», стоящий в одном ряду, вернее победно завершающий борьбу с логоцентризмом. А предшествовали ему отряды идей и аргументов против этно-фалло-фоноцентризма, свойств и органов, сопряженных с человеческой телесностью.

В контексте современной культуры понятие этноцентризма относится не к какому-то отдельному этносу или культурам, а человечеству в целом, характеризуя его как форму бытия, отличающуюся от других возможных форм. Оно является своеобразным аналогом «идолов рода» Ф. Бэкона, как бы второе имя человечества, выражающее его многообразие и в то же время универсальность. *Борьба с этноцентризмом — это борьба с антропоцентризмом, отрицание человека в качестве культурно-исторического существа.* Фаллоцентризм при поверхностном толковании представляется как обозначение мужской субъектности и патриархального общества, а его критика — подарок-дань феминизму-гендеризму, находящему некое удовлетворение в деградации человека и распаде природогенной ценностной иерархии: наконец-то все равны. Фактически это оригинальный символ любого индивида как конкретного телесно-духовного феномена, обладающего полом, возрастом, расовой и национальной принадлежностью. Гени/т/ально центричное обозначение естественности людей, их включенности в биоту. *Борьба с фаллоцентризмом — это борьба с телоцентризмом, отрицание человека в качестве живо(тно)го существа.* Соотноше-

ние между понятиями этно и фаллоцентризма сравнимо с соотношением понятий человека и индивида. Индивид — тоже человек, но с «определенным артиклем». Правда, вопрос с этно-фаллоцентризмом можно считать решенным раньше возникновения постмодернизма. Он перестал стоять сразу после семиотического поворота, да и идеализм рассматривает cogito преимущественно как бестелесное. Фоноцентризм сопротивлялся дольше, ибо в речи он проявляется в образности и звукоподражательных словах в силу ее сцепления с характером своего носителя. Связь речи с жизнью людей незримо (беззвучно) присутствует при ее самом широком толковании, прорываясь и в язык, когда его берут не в виде абстрактных отношений и искусственный, а как естественно-социальный. Это предметное взаимодействие человека с миром. Как живой феномен человек «фонит», шумит, жестикулирует. Есть язык поз и движений, смеха и плача. *Борьба с фоноцентризмом — это борьба с эмпириоцентризмом, отрицание человека в качестве чувственного существа.*

Как совмещается телоцентризм с *анти*-этно-фоно-фаллоцентризмом? Никак. Они друг друга опровергают. Все мы пока «этно», т.е. представляем ту или иную культуру, «фоним», т.е. говорим на том или ином естественном языке и имеем субстратное или (и) функциональное отношение к фаллосу. Если же в центре культуры и мира действительно оставляют тело, то оно какое-то странное: «без органов» и «без пространства». Воистину клубок парадоксов и противоречий. Как змей, обвивающих тело Лаокоона, чтобы задушить Героя.

Когда роль явления падает, его значение может возрастать. Чаще всего так и бывает. Все объявляется телом. Душа — тело, письмо — тело, наряду с телами природы появились «тела мысли», дигитальные тела и т.д. «Тело может быть каким угодно; это может быть какое-то животное, тело звуков, души или идеи; оно может быть лингвистическим телом, социальным телом, некой коллективностью»[1]. Если все — тела, то особенного тела, живого тела в его специфической идентичности — нет. В отличие от феноменологической архаики, когда антропная парадигма рассматривала неживое по подобию живого, и метафизического метафоризма, когда тело, не теряя самости, служит про-образом описания окружающего мира, в постмодернизме оно отождествляется с любой, в том числе неживой реальностью. Это некое «нечто», единица, элементы множественного сущего, взятые, однако, не в их разнообразии, а в их одинаковости. Универ-

[1] Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С. 346.

сальное бескачественное тело является «образным аналогом» информации и количества, так называемый «симулякр». Он(о) их воплощает. Для собственно информационной реальности достаточно чисел и «пустых знаков», но если через эту призму смотреть на материальный мир, ее приходится наделять субстратностью — в виде тел. Почему не вещей? Потому что за пределами вещи остаются живые формы бытия. Телом же можно обозначить все. К человеку можно отнестись как к вещи, но вещь — не человек.

Отождествление человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования при функционировании других систем. Прежде всего в современной медицине: одного тела для другого; мертвого для живого; живого для умирающего; молодого (младенцев) для старого; старого для экспериментов (муляжи) или «в искусстве» (выставки художественно обработанных трупов). Сначала для «лечения», а потом «улучшения», «совершенствования». Возникло тело без боли — но и без удовольствия, без запаха — но и без чуй(в)ств, без пота — но и без «мышечной радости». Охлажденная, нормализованная, пастеризованная плоть. Такое молоко хранится дольше. Если сравнивать продолжительность жизни современного цивилизованного человека с тем, сколько жили в традиционном обществе, то в 2–3 раза. Медицинские манипуляции телом являются своего рода подготовительным этапом, апробацией возможностей будущего более эффективного взаимодействия человека с машиной, их взаимопроникновения и сращивания, что позволит увеличить производительность труда, хотя чью и чьего — неясно. Распространение моды на пирсинг, это своего рода пробный шар внедрения чипов в человеческую плоть для «интуитивного», минующего органы чувств, контакта с компьютером «от мозга к мозгу» и создания «церебрально открытого общества». Глядя на эти процессы, дополняемые искусственной имитацией все большего числа органов, можно сказать, что в эпоху постмодернизма тело в самом деле находится в центре внимания. Однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. Ради реконструкции для чего-то иного (сбитый с ног и избиваемый толпой хулиганов человек находится в центре их внимания, но этот центр «не его»). Центризма собственно человеческого тела здесь нет. *Постмодернизм — это антителоцентризм.*

Концептуальным продолжением отмеченных тенденций является знаменитая постмодернистская идея «тела без органов» (ТБО). К легитимации данного феномена привлекаются самые косвенные или противоположные

по смыслу высказывания, когда-либо делавшиеся в истории культуры. Обосновать столь невероятный для «до» и метафизического времени образ человека, не рисовавшийся даже в мифах (прежним чудовищам органов обычно добавляли), весьма трудно. Апеллируют, прежде всего, к Антонену Арто, который действительно выступал «против органов». Но здесь повторяется история с критикой метафизики Ф. Ницше и М. Хайдеггером. Они порицали ее «справа», за эрозию присутствия, а постмодернизм, прикрываясь их именами, «слева», за то, что оно в ней все еще наличествует. Так и с А. Арто. Как актер, художник, эстет он выступал за спонтанное, естественное, одушевленное тело. За «тело чистой страсти», экстатическое и сомнамбулическое. Если танец, то в движении должны быть не ноги, а все тело, если секс, то любит цельный человек, а не орган (после виагры). «У настоящего человека нет полового органа», — пугал обывателей А. Арто. Потому что он сам, весь человек, является полом. Органы сливаются с телом — вот эстетический идеал тела, действующего и созерцательного одновременно. В нем воплощается тотальность, характерная для истоков человеческой культуры, дошедшая до нас преимущественно в образцах восточных боевых искусств и духовных практик. Современный человек причастен ей разве что в сновидениях.

Постмодернистское «тело без органов» прямо противоположно этой интенции. Его органы отрываются от целого. Они умаляются, отрицаются, ликвидируются. О них больше не вспоминают. Тем самым тело становится «пустым», «без свойств». Это биосубстратное воплощение социального феномена «человека без свойств», в художественной форме предвосхищенного Р. Музилем. Сейчас «человек без свойств» интенсивно культивируется. Когда мы общаемся по интернету, не зная ни возраста, ни национальности, ни «про органы» (вместо пола — гендер), то мы выступаем как люди без свойств. Как «некто». В Сети циркулируют чистые мысли с минимальным личностным окрасом в виде стиля и формы выражения. Чистому мышлению соответствует, противополагаясь, чистое тело. Компьютерные программы состоят из сочетаний пустых знаков. Коррелятивно им возникают, противополагаясь, пустые тела. Целостный телесный человек, человек как живой организм превращается в часть человека — посторганизм. В Corpus. (Корпус, если точно по-русски — вместилище, тулов(о)ище). В плоть. Обезличивание переходит в «обезорганивание».

Тело без органов — соматическое тело. Это бесформенное, бесструктурное образование, некое «расчищенное место» для нанесения знаков или вживления чипов. «Протоплазматическая субстанция», «среда интенсив-

ностей», «кинестическая амеба» — вот его типичные определения в постмодернизме. И если не поддаваться на отвлекающие уловки и случайные аналогии, то мы действительно обнаружим перед собой или самого себя в виде тела, оставшегося «после духа», ушедшего побродить по Сети и виртуальным реальностям. В этом путешествии оно ему не нужно. Бестелесные, в биологическом смысле = мертвые люди собираются и беседуют в «живом журнале». На самом деле — *как бы* живом, ~~живом~~. Виртуально, в сознании человек может мчаться с заснеженных гор, а телесно догнивать на диване, когда никакие органы не функционируют. Он может толстеть или истощаться как компьютерные наркоманы, но в обоих случаях тело атрофируется до биосубстрата. Тело как организм нужно для жизни в естественном, природном или в искусственном, но по крайней мере, предметном мире. Чтобы поглощать и преобразовывать его, сталкиваться и бороться с ним. Все живые тела, кроме простейших, имеют органы. Внутренние и внешние. Напротив, для восприятия и трансфера информации, для «жизни» в гиперискусственном, искусственном-2 достаточно мозга, дополненного, пока нет прямого церебрального контакта с машинным интеллектом, глазами и руками. Чтобы нажимать клавиши и шевелить мышкой. Не функционирующие органы рано или поздно отмирают. У современных интеллектуалов руки на глазах превращаются в ласты. Во что превращаются другие органы говорить не стоит. Просто не стоит. «Частичный человек», которого боялись классическая метафизика, марксисты и гуманисты — вот он какой! Мы его, и отражающий эту ситуацию постмодернизм, не бои(м)тся. Его описывают, проектируют и приветствуют. Для физиологического закрепления этого процесса нужно 2–3 поколения. ТБО (тело без органов) или НОТ (новое тело) появится как завершающий этап в реализации информационной реконструкции человека, предварительно осуществившейся на «главных» органах. Прежде всего — на внешних. А потом, когда, по-видимому, тело без органов будет совершенствоваться — на внутренних. Такова очевидная перспектива значительной части людей, с детства и много сидящих, а постепенно все больше лежащих перед экранами или в специальных шлемах.

Это перед экранами. *В натуре*. Но тела есть и на экранах, которых становится больше, чем живых, с органами или без органов. Для их обозначения тоже нужны соответствующие понятия. Ключевое среди них — «тело без пространства» (ТБП). Близкие к нему — «картография тел», «нулевое тело», «детерриториализованная телесность». Введение данных понятий было бы невозможно без огромной предварительной работы по разрушению метафизической картины мира, в которой тела существуют как вещи,

только живые. Они имеют массу, объем, высоту, глубину. Тело без пространства не вещно. Оно «не весит» (не вещит) и существует как конфигурация поверхностей. Теоретическая победа над высотой и глубиной тоже стала возможной после победы знаков и структур над вещами и субстратами. Но обоснование приоритета поверхностей и придания им мировоззренческой всеобщности происходит в рамках постмодернизма.

Решающий вклад здесь внес опять-таки Ж. Делез. Как всякий идеолог он апеллирует к процессам, протекающим не в производстве, универсуме техники или социуме, а к внутренней филиации идей. В борьбе с «вещностью» метафизической философии он ищет аргументы в самой философии, максимум, в личной жизни. Ссылается на стоиков, на Пифагора, вспоминает о ленте Мебиуса и т.д., лишь бы не выделять, не акцентировать подлинную движущую причину: возникла техническая реальность экранов и поверхностей, на которые сканируются, куда «уходят» вещи и живые тела; возник double world, (второй мир), что конечно важнее искусства поверхностей, необходимого для гомосексуальных отношений, опытом которых он, добродушно делится. Тело без пространства вместе с текстом становятся заместителями реальности вещей и заслоняют тысячелетия другого способа бытия людей. «Все что происходит и все, что высказывается, происходит на поверхности. Поверхность столь же мало исследована и познана, как глубина и высота, выступающие в качестве нонсенса... Двойной смысл поверхности, неразрывность изнанки и лицевой стороны сменяют высоту и глубину. За занавесом ничего нет, кроме безымянных смесей... Поверхность подобна запотевшему стеклу, на котором можно писать пальцем... Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхностей — клещ или блоха. Как назвать это новое философское свершение?.. Может быть извращением, которое, по крайней мере, согласуется с системой провокаций этого нового типа философа, если верно, что извращение предполагает особое искусство поверхностей»[1].

Как видим, Ж. Делез идет ощупью: вместо мониторов «запотевшие стекла», вместо компьютерных плат с напылением сверхчистых веществ «безымянные смеси», по экранам под воздействием мыши прыгает не курсор — это главное орудие мышления «сетевого философа», а «клещи и блохи». Таким же образом, описывая как будто с натуры тело без высоты и глубины — на телеэкране, он упорно избегает его соответствующей квалификации. «Всегда говорит именно рот; но теперь звуки уже не шумы

[1] Делез Ж. Логика смысла. М., -Екатеринбург. 1998. С. 181-182.

тела, которое ест — это чистая формальность; они становятся манифестацией выражающего себя субъекта»[1].

Итак, еда для тела без пространства чистая формальность. Шумит, фонит тоже не тело, а что-то другое, благодаря которому «звук становится независимым». Действительно, звук производят аппараты, которые потребляют электрохимическую энергию, а не хлеб с мясом, про которые как бы уже и стыдно вспоминать в серьезном научном разговоре о человеке. Все это правда, кроме… правды. Фактически речь идет не о теле, не о живом теле и не о человеческом теле, а о теле без тела. Нет главного признака тела, который в философии подчеркивается со времени Декарта — массы, объема и протяженности, т.е. пространства. Нет обмена веществ, без которого живое не существует. Информационизм — это антивитализм. Тело без пространства — тело на экране, экранное тело. *Это — антитело.* Антитела вокруг нас.

Трудно сказать, является ли подобная двусмысленность постмодернистского описания тела без пространства сознательным обманом с целью представления любого бытия информацией или это самообман, связанный с неразвитостью экранной среды времени становления данной философии. Ведь в 60-е годы эпоха постмодерна только начиналась. Удивительно другое. Сейчас, когда информационная цивилизация достигла апогея, а о деконструкции всего и вся написаны монбланы книг, эта неясность не просто сохраняется, она продолжает культивироваться. «Тело без пространства» всерьез обсуждается как тело человека. В то время как эти антитела начинают заслонять протяженные и живые, все больше составляя наше окружение. Среди них полно давно умерших (так осуществляется утопия Н. Федорова) или никогда не существовавших. Они энергичнее, красивее, совершеннее живых, кажущихся на их фоне неуклюжими и устаревшими. Копия стала лучше оригинала! (Вот причина, почему «повторение предшествует факту»). И без его примитивных проявлений. Поэтому восхваляется «желание без соблазна», т.е. без соблазнения, т.е. без телесного Другого. Сексуальность адресуется «напрямую, к образам без тел». Достаточно контакта с «телами без пространства». По старому это называлось онанизмом, тем, что возможно, но находится за пределами нормы. В нем как «любви без другого» находит свое техническое воплощение идеал свободы (никто ни в ком не нуждается) и а(в)то(но)мизация либерального общества, перерастающие в аутизм его членов. Для человека с «телом и органами» это плохо, печально, но …прогрессивно. Значит — хорошо. Сказать «плохо»,

[1] Там же, С. 245.

решиться на критику экспансии тел без органов и пространства страшнее, чем отрицать собственное существование. Ведь это значит вступить в противоречие с Техникой, прогневать наше новое божество. Быть «атехнистом» при идейном господстве техницизма и информационизма, (а скоро, вот-вот, будет и биотрансгуманизма) то же самое, как быть атеистом в Средние века. Это значит претендовать на то, что наше мышление должно быть не рефлексом событий, не «отражением бытия», а рефлексией над ним(и) и на то, чтобы остаться субъектом происходящих процессов — состояние, сохранить или достичь которого возможно не удасться вообще. Не успеем, ибо параллельно информационной реконструкции человека как тела развертывается де(ре)конструкция и «пересоздание» его духовно-личностной сущности.

4. Реконструкция человека (дух)

В XX веке всегда присущая человеческой истории трагическая сторона перестала быть локальной. Она глобализовалась в буквальном и переносном смысле слова. Достаточно вспомнить две унесшие миллионы жизней мировые войны. Меньше обращают внимания на то, что идейно, в символическом универсуме разыгралась своя кровавая драма: исчез, погиб, пропал без вести, умер — человек. Вообще! И не просто сам по себе. Его преследовали и убивали везде и как скоро обнаружат: как автора, читателя, субъекта, личность, сверхчеловека, творца. В философии удар направлялся прежде всего против субъекта. Субъект — это «теоретический человек». Он носитель сознания, языка, активности и свободы. Без него нет объекта (как верно и наоборот). В совокупности субъект и объект исчерпывают наше бытие. Борьба таким образом велась с моделью мира, существовавшей в течение 2,5 тыс. лет, с «осевого времени» как эпохи возникновения культуры и философии. Этот мир подрывается, деконструируируется, продолжая разрушаться посредством и в результате все той же лингво-семиотической, а если говорить принципиальнее, информационной революции. Становление техно-информационного общества — время, когда «сломалась ось времен» и «кончилась история». История как предметно-культурная, субъектная деятельность людей. Эту революцию можно сравнить и со становлением неолита. По своим же апокалипсическим тенденциям она, по-видимому, значимее всех предшествующих исторических поворотов.

Разумеется, борьба против субъекта была неоднозначной. Она была «вокруг него», его критиковали с разных сторон, с противоположными

намерениями. М. Шелер за то, что ориентация на него завела европейскую философию в трансцендентально-рационалистические дебри, где человек потерялся. Надо, возвратив субъекту тело, чувственность и тем самым целостность, поставить его в этом качестве в центр мира. Наше мышление, наша логика, так или иначе человекосообразны. Любое философствование мотивировано человеческим и приходит к нему. Так возникла философская антропология, претендующая быть смысловым ядром философии вообще. Единственно на человеке, его личности и индивидуальной свободе, отгораживаясь от проблем остального сущего, сосредотачиваются персонализм и экзистенциалисты. М. Хайдеггер, наоборот, отталкиваясь от экзистенциализма, вернулся к Dasein, «вот-бытию» как нераздельному бытию-сознанию. К субъектно-бытийному единству тяготеют теории «жизненного мира» поздних Э. Гуссерля и Л. Виттгенштейна.

Все это происходило под влиянием революции в естествознании, когда субъект, вопреки классике, включается в познавательный процесс, сначала как наблюдатель, а потом превращается в деятеля, проектировщика и конструктора фактов. Так возникли неклассическая наука, модернистское искусство и искусственная предметно-техническая реальность как повседневная жизненная среда человека. Они до сих пор превалируют в нашем окружении, хотя все это явления индустриального, доинформационного общества. Они современны, актуальны, но — не больше. На фоне «постсовременного», постмодернистского или, если бежать впереди прогресса, трансмодернистского развития цивилизации, они консервативны. Оставаясь модернистскими, они хотят, несмотря на перемены, сохранить человека в его традиционной форме. Они цепляются за его антропологическую идентичность. Между тем, с точки зрения деконструктивизма время человека и как телесного существа, и как субъекта истекает. Истекло. Чтобы вписаться в новую, «новационную» информационную реальность и полностью соответствовать ей, он, как минимум, должен быть реконструирован.

В отличие от косметического ремонта реконструкция предполагает предварительную деконструкцию: прекращение функционирования, разборку на элементы и части, если не деструкцию — разрушение до субстрата. На прекращении функционирования, объявив об изгнании субъекта из теории, остановился структурализм. Остановился на вытеснении, «не сотрудничестве» с ним, на методологическом приеме. В отличие от него постмодернизм (постструктурализм) не игнорирует, а действительно проводит деконструкцию субъекта, дискредитируя его по всем философски важным параметрам. Более того. В отличие от деконструкции человека как теле-

ного существа, которая сразу реконструирует его в «тело перед экраном и на экране», приспосабливая тем самым к жизни в новой информационной среде, деконструкция человека как субъекта ведется с «нуля», вернее до нуля. Сначала его «растворяют», доводя до смерти, по крайней мере, клинической. После, увидев, что делать с ним больше ничего, да и сами остались без работы, а главное огорчение, что люди, субъекты, не подозревая о своем небытии, продолжают суетиться, эти «проблемные поля» пришлось восстанавливать. Заговорили о «воскрешении субъекта», но... «после человека», в русле afterpostmodernism-а и трансгрессии.

Дело долгое, непоследовательное, с превратным результатом. Мы же пока должны рассмотреть основные аргументы против присутствия субъекта в мире, его центрального положения в нем, его статуса носителя мышления и свободы. Какими силами и во имя чего отрицается человек-субъект?

Вопросы кажутся сложными, однако если помнить об определяющей смысл всего деконструктивистского философствования борьбе с философией как метафизикой, то ответ не требует отдельных изысканий. Он вытекает из общего отрицания признаваемой в ней реальности (присутствия), не суть важно материальной или идеальной, из его борьбы с онтологией и теологией, отказа от различения означаемого и означающего. Это, говоря устаревшими словами, означает, что в нем нет ни объекта, ни субъекта. Постмодернизм, не признавая деления бытия на внутреннее и внешнее, стремится преодолеть бинаризм в подходе к нему, не суть важно дуалистический или диалектико-монистический. Можно бы утверждать, что для него оно едино и единственно по самой своей природе, если бы слово природа в нем не было табуировано. «Бытие» едино и единственно в языке, тексте, письме как некоем самодействующем (автоматическом) и саморазвивающемся множестве знаков. В том, что стало на место природы — в информации. Этапность постметафизического преодоления метафизической двойственности мира в том, что если в структурализме субъект снимается, «растворяется» как бы походя, наряду с предметной сущностью, то для постмодернизма смерть субъекта — credo или, говоря его языком — брэнд.

Общая незавидная судьба объекта и субъекта проистекает также из ориентации постметафизического философствования на переход от парадигмы бытия к парадигме становления. Переход «From being to becoming» означает потерю субстанциональности мира и его трансформацию в модальное состояние. «Становленческая методология» — синергетика. Если и когда ее превращают в мировоззрение, она ведет к потенциализму и нигитологии. Когда все — процесс и поток, если вещи и тела нам только

кажутся в силу медленности восприятия, то такая же иллюзия наше «Я», сознающий себя человек. Скорость естественной эволюции не поспевает за скоростью искусственных технических перемен, и естественное сущее предстает все более искусственным, феноменологическим, «вторичными качествами». Научная картина мира становится энергийной, «энергетической», в ней начинает превалировать идеология процессуальности. Хотя становленческая линия борьбы с человекоразмерным бытием не собственно семиотическая, по ней постмодернизм отрывается от статики структурализма, предполагающего сохранение вещей в качестве самих себя. Отрывается все активнее, резче и по мере приближения синергетики к противостоянию с системностью вступает в стадию трансмодернизма как «философии иного». Претендуя на мировоззрение, синергетика подрывает базу идентичности человека-субъекта, делая его из действительного возможным, из телесного виртуальным, из индивида «дивидом» и «мультивидом». Синергетическое мировоззрение коррелятивно или, можно сказать, создает условия для того, чтобы субъект трактовался как рефлекс тотально технологизированного общества и информационизма. Так, каким он в этих условиях становится — функцией, модусом, сингулярностью, складкой.

«Итак, на вопрос «Кто говорит?» мы отвечаем, — пишет Ж. Делез, анализируя традиционные метафизические ответы, — в одних случаях, это индивидуальное, в других, что личное, в третьих — что само основание, сводящее на нет первые два»[1]. Очевидно, в первых двух случаях речь идет о «нововременном», активистско-персоналистском воззрении на субъект, но все же в нововременных рамках. В третьем — о противоположном им, рассматривающем субъект как голос Бога или «просвет» Бытия. Они все не удовлетворяют Ж. Делеза. «Остается еще один, последний ответ, бросающий вызов, как недифференцированному первозданному основанию, так и формам индивидуальности личности, — ответ, отвергающий и их противостояние, и их дополнительность. Нет, сингулярности отнюдь не заточены безысходно в индивидуальностях и личностях; не проваливаются они и в недифференцированное основание, в бездонную глубину, когда распадаются индивидуальность и личность. Безличное и доиндивидуальное — это свободные номадические сингулярности. Глубже всякого дна — поверхность и кожа. Здесь формируется новый тип эзотерического языка, который сам по себе модель и реальность»[2].

---

[1] Там же, С. 245.

[2] Там же, С. 190.

Итак, человек-субъект превращается в сингулярность, некую доиндивидуальную, хотя выделяемую из тотальности бытия единицу. Она безлична, но не пропадает в его «бездне». Это артикулированное, свободно перемещающееся в (по) «языковой реальности» образование — номада. Не обремененное субстратностью, оно (она) кочует, где хочет, не подчиняясь «власти». Власти не узко политической, как думают, представляя постмодернистов какими-то борцами за права человека, а необходимости и обстоятельствам жизни, ее содержанию, «глубине» — не подчиняясь власти присутствия. Данная сингулярность и является тем, что когда-то было человеком, субъектом, индивидом, личностью, экзистенцией, вот-бытием. В сравнении с этими метафизически-антропологическими категориями у нее, кроме отмеченных, масса других преимуществ. Подобно тому, как через «поверхность» преодолеваются мучившие философию на протяжении веков оппозиции материального и идеального, объективного и субъективного, природы и ее «зеркала», так через сингулярность решается проблема психофизического дуализма человека — тела и духа, бессознательного и сознания, «нонсенса» и смысла. Экран, табло — это «представительство другого», чье-то материализованное сознание и идеализованная, превращенная в функцию материя. «Нонсенс и смысл покончили со своим динамическим противостоянием, и вышли в соприсутствие статичного генезиса — нонсенс поверхности и скользящий по поверхности смысл. Трагическое и комическое освобождают место новой ценности — юмору».[1]

Ж. Делез исполняет настоящий гимн юмору. Прослушивая его, не следует ограничиваться эстетическими и литературными оценками. Это философская категория, своего рода «картина мира», новая модель бытия, в котором нет ничего смешного. Это действительно эзотерический, т.е. тайный, эзоповский язык разрушения предметной среды, необходимой для существования человека и «диссоциации» его самого как субъекта ради их замены информационно-экранными аналогами. Если смех, даже ирония выражают чувства целостного, телесно-духовного человека, возникающие при его определенного типа столкновениях с миром, то юмор результат сдвига смыслов в тексте. Это игра понятий, сугубо умственный, «логический смех» вместо живого, телесно-духовного, не говоря о физиологическом выражении радости бытия в виде беспричинного, «дурацкого» смеха (обычно молодежи). Но открытые призывы к элиминации целостного человека встретили бы среди людей не ставших пленниками информационной реальности, много противников, их смех, гнев или плач. Поэтому яд

[1] Там же, С. 190.

лучше вливать незаметно, «логически». «Юмор — это искусство поверхностей и двойников, номадических сингулярностей и всегда ускользающей случайной точки, искусства статичного генезиса, сноровка чистого (т.е. не обремененного субстратом — В.К.) события и «четвертое лицо единственного числа» («оно», трансвестит? — В.К.), где не имеют силы ни сигнификация, ни денотация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены»[1]. Упразднен, позволим себе сделать обобщение, реальный предметно-телесный мир. Включая трансцендентный, куда человек возносится как духовное существо. В этом — «все» деконструктивизма, итог и смысл его методологических по(д)ходов, борьбы с метафизикой, переписывания истории и т.д. Это *природно-культурно-антропологический элиминативизм — освобождение места для универсального распространения искусственной, прежде всего информационной реальности.*

Однажды Ж. Деррида на докучливые вопросы своих поклонников о том, «Что же было в Начале?», до «повторения и различия» явно не без юмора, но совершено честно сказал: «В Начале была телефонная линия». Поклонники юмора не поняли и до сих пор спорят, что за загадку загадал им великий человек. О ней пишут в энциклопедиях как о чудачестве, которое позволяют себе, подобно эстрадным звездам, некоторые философские мэтры. И здесь подтверждается правота тезиса постмодернизма, что текст создается не столько автором, сколько читателями. Ж. Деррида открыто объявляет, что его философия есть модель информационной реальности и рефлекс computer science , тем более, что в годы, когда его спрашивали, в интернет можно было войти лишь по телефону, но ему не верят. Слишком просто. Оскорбительная ясность, как сказал бы Ницше. Правда, к извинению «читателя», Деррида одновременно маскирует суть дела томами текстов препарирующих развитие человечества под развитие искусственного интеллекта, «при этом так, чтобы он казался естественным». Его грамматология заменяет все когда-либо бывшие виды субстанции и онтологию. «Телефон» был раньше «Большого взрыва» и господа Бога. «Мы все живем внутри Универсального Компьютера» — эти последние открытия физики Деррида со своим телефоном сделал намного раньше, изначально и парадигмально. Прежние факты, взгляды и теории уродуются методами деконструктивистской оперативной хирургии, превращаясь в «безбородого Маркса, бородатого Гегеля и усатую Джоконду», т.е. В какие угодно «автору!» Но при наличии подобных откровенных признаний, а «телефонное» не единственное, и открытого про(ре)кламирования теоретического

[1] Там же, С. 190.

произвола, разобраться в этом воинствующем презентизме все-таки можно. И нужно.

Новые идеологии как правило агрессины, стремятся к «абсолютизации». В данном случае поражает размах, цинизм агрессии, хотя они адекватны масштабу наступления искусственного виртуального мира на естественный. Назначение философии, если она хочет служить благу человека, в том, чтобы видеть и «разруливать» такого рода аберрации. К сожалению, ослепленная прогрессом технонауки, она (их) видит все хуже. Видно мальчиков в ней, которые могли бы по достоинству оценить новое грамматологическое платье постмодернистских королей, все меньше. Открытое тоталитарно-технологическое общество враждебно рефлексии и игнорирует мыслящее мировоззрение. Оно подавляет в себе последние живые элементы.

Однако вернемся, вернее, подключимся к Началу, т.е. в Сеть. Из нее «нутри», вернее поверхности, легче понять всю неуместность присутствия в ней субъекта. Уже не в плане его телесности как совместной с любым объектом неуместности присутствия в семиосфере, а с точки зрения его собственной теоретической специфики. Субъект несет в себе Центр — по определению. Он, в отличие от объектного, страдательного залога — залог действительный. У Канта он стал солнцем, вокруг которого вращается Земля, у Фихте дело дошло до креативного солипсизма: я порождает не-Я, не говоря о библейском Все-вышнем Субъекте как создателе Все-ленной. Центризм — атрибут субъекта. Он несет в себе признание вертикального измерения сущего, наличия у него субординирующих параметров, его иерархическое устройство. Признание глубины и высоты, объемов и протяженности прямо противоречит апологии поверхностей и экранов. Центризм означает, что мир является или должен быть Территорией, Системой, у которой есть организующий фактор, Бог или человек как цели в себе. Если он не присущ самому миру, то мы его примысливаем в силу логики метафизического мышления. Деревья растут не только в лесах, но и в голове. И вот вместо них в наших головах прорастает «ризома» как «первый набросок», «проба пера» новой несистемной логики. Логики сетей, по которой функционирует информационная реальность. Сетевая логика — антипод иерархии земного притяжения с ее центризмом и вертикальностью, ядром и периферией. Это чистый, «бездомный» релятивизм и коннекционизм космической невесомости и виртуалистики, когда все может быть всем.

А(нти)центризм — теоретический фундамент борьбы с этно-фалло-фоно-логоцентризмом как неотъемлемыми свойствами человека

и субъекта. Удаление общего центра обрушивает все конкретные периферийные центризмы. Деконструкция центра — центральный момент в «растворении» субъекта. Но поскольку субъект все же не тождественен центру, то после уничтожения последнего, от него остается «субъективное» или «субъектность». Фактически это означает низведение субъекта до статуса объекта, только особого рода и состояния. В контексте «территориальной» системно-структурной методологии субъект как субъектность предстает функцией системы, модусом или складкой структуры. О «складке», складывании и складчатости, о «сгибах и карманах» как о том, что остается после субъекта, больше всего писал М. Фуко. У Ж. Делеза вместо субъекта сингулярность, у Ж. Деррида подпись, у М. Фуко складка. Они, однако, не противостоят друг другу. За небольшими различиями эти понятия открывают дорогу топологическому описанию явлений информационной реальности, их графическому выражению. Субъектное, наконец, становится гомогенным природе Сети, ее топологической конфигурации. Теперь «Бытие» действительно Едино. Оно стало количеством и информацией.

За ускользающую манеру высказываний, разрешение себе любых противоречий, софистическую подмену терминов недоброжелатели называли Ж. Деррида «лукавым», а особенно злые — фальсификатором. Это не всегда справедливо. У него есть поразительные по ясности положения, в которых значимо каждое слово, но они настолько необычны, революционны, что в них не хотят — боятся, вдумываться. В частности, как последовательно, «логично» завершается у него борьба с этно-фоно-фаллоцентризмом. Она завершается огказом от Логоса. «Логоцентризм идет рука об руку с определенностью бытия сущего как наличности. Поскольку этот логоцентризм присущ и мысли Хайдеггера, постольку она остается в пределах онто-теологической эпохи, внутри философии наличия, т.е. философии как таковой»[1]. Как видим, логоцентризм есть следствие допущения бытия, включающего природу и бога, составляющего смысл философии наличия, которая есть до сих пор существовавшая философия и которую он опровергает вместе с логоцентризмом. И конечно вместе с «этно-фалло-фоно» (заодно можно лишний раз убедиться в неправомерности опоры постмодернизма на Хайдеггера). Лого(с)центризм — это в сущности Слово, мысль, сознание как выражение любого внешнего — природы, Бога и их философской рефлексии в виде эйдосов, монад, вещей в себе, прафеноменов и т.д. и т.п. *Борьба с логоцентризмом — это борьба со словоцентризмом, отрицание человека в качестве духовного, мыслящего существа.*

---

[1] Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 127.

Таким образом в целом, борьба с этно-фалло-фоно-логоцентризмом на самом деле есть борьба с антропо-тело-эмпирио-словоцентризмом, то есть Homo *vitae* sapiens во всех его основных ипостасях. Информационная реконструкция субъекта, дополненная и продолженная ниспровержением Логоса, логоцентризма и замена его Письмом (про-граммологией) трансформирует философию, как и гуманитарное познание вообще в топологию и исчисление. Другими словами, она ее (его) ликвидирует. Грамматология — «золы угасшъй прах» онтологии. Конфликт двух культур завершается полной победой науки. Науки на новом, дигитальном основании. Топология и исчисление в совокупности являются количественно-математическим аналогом качественного естественно-феноменологического мышления. Аналогом и антиподом. После перехода от мифа к логосу, от преимущественно чувственного восприятия мира к рациональному, человечество совершает второй великий исторический переход от логоса к матезису, когда «живая» ценностно-целевая рациональность заменяется отчужденной от субъекта технологией информационных преобразований. Поворот, который в его судьбе может стать последним.

Что касается свободы и самости, других неотъемлемых от субъекта атрибутов, то после его информационной реконструкции, говорить о них не имеет смысла. Вопрос решается автоматически. Свободу всегда ограничивала власть «материи» или «Бога». Сеть — это артикулированный, детерриториализованный хаос, потенция, ничто, т.е. свобода. Абсолютная. Абсолютная — и «беспредметная». Абсолютная, но «в сетях»: субъектная (но без субъекта), складчатая, сингулярная, номадическая. Без имени собственного. *Постчеловеческая*. В отношении традиционных представлений о субъекте как духовном воплощении свободы в мире мы ограничимся мифо-лого-поэзоцентристским воспоминанием:

«Основано от века
По воле Бога самого
Самостояние человека
Залог величия его».

Вряд ли такие строки А.С. Пушкин мог посвятить человеческому фактору и субъектности, воспевать любовь к телу без органов и телу без пространства, заботиться о судьбе сингулярности и складки. Само-стоятельный человек, человек как цель, а не средство — наследие допотопной, доинформационно-новационной эры. Пока она не завершилась, есть возможность заняться рассмотрением того, «что день грядущий нам готовит». Как, предполагается, де(ре)конструированный человек будет жить дальше? Или «кто» в-место него?

5. Конструирование постчеловека (персона-ж)

Низвержение человека с пьедестала подобия Бога, венца природы и личности, его низведение до телесности, а потом тела без органов, пола и пространства с одной стороны, и до субъектности, а потом сингулярности и складки с другой, является содержательным исполнением приговора к смерти, который ему частично составил, а в основном зачитывает постмодернизм. Эти процессы инспирируются самой реальностью, ситуацией человека в ней. Но поскольку он, как мы уже удивлялись, продолжает жить, то возникают разнонаправленные желания: довести дело «до конца», найдя ему замену и называя ее кто «воскрешением», кто «позитивной смертью» или попытаться реформировать философскую антропологию с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Появились авторы, которые хотят *спасти человека.* Для этого надо поставить историческую метафизику на более адекватные современности основания. Если деконструктивизм, в сущности, конструирует антиантропологию, то в противовес ему надо развивать другую антропологию. Самую значимую ее версию, по нашему представлению, предложил С.С. Хоружий[1].

Современная цивилизация, считает он, испытывает неотвратимое влечение к Антропологической Границе и заворожена ею как кролик удавом. Отсюда проистекают опасные проблемы и угрозы человеку, которые невозможно предотвратить, центрируясь на субъекте, как это происходит в рамках субстанциально-эссенциалистской метафизической антропологии. Потому что субъект действительно умирает: «этот род антропологизма потерпел крах»[2] Вместо него остается «субъектная перспектива», которую надо, тематизируя, попытаться реализовать. Положение «Я есть субъектность, а не субъект» позволяет говорить об определенном консенсусе в отношении нынешнего антропологического кризиса. Важно найти корни, начала субъектности. Они не тождественны «Я», но тем или иным образом заключают его в себе — как направление деятельности и энергию, как сферу, в которой развертывается или умаляется наша идентичность. Такую возможность, будучи особой формой бытия, открывает Духовная практика. Она обладает синергийной природой при-

---

[1] Хоружий С.С. Заметки к энергийной антропологии. «Духовная практика» и «отверзание чувств»: два концепта в сравнительной перспективе. //Вопросы философии. 1999, № 3; Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия. // Философские науки.М., 2003. Вып.8.

[2] Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия. // Философские науки.М., 2003. Вып.8.С. 134.

общения к внеположенному повседневности источнику — Телосу. Опора на Духовную практику позволяет говорить о новой, сохраняющей субъектность «энергийной антропологической парадигме» как перспективе человечества на III тысячелетие.

Кроме принятия или непринятия энергийно-субъектной парадигмы, принципиальное значение имеет ее интерпретация. Например, в ареале энергийной по своей природе виртуальной реальности, человеческая субъектность остается недооформленной, «недородом», не говоря уже о самоидентификации. В стратегиях Бессознательного человек может обладать идентичностью, но она без топологического единства и цельности. Следовательно, ядром энергийной антропологии должна быть непосредственно персональная, личная Духовная практика, хотя и здесь есть одно «но». Как известно ее наиболее распространенными формами являются: христианский православный исихазм, когда в качестве телоса выступает «обожение» как соединение человеческой энергии с благодатью и древнейшие восточные практики погружения человека в нирвану, превращающие его сознание в поток дхарм. Возникающую альтернативу этих двух подходов, автор решает в пользу возведения субъектности в личность во все полноте ее идентичности.

Высоко оценивая этот замысел реформирования философской антропологии, решимся на его критическое обсуждение. Чтобы тематизировать влечение современного человека «к Границе» (а нам кажется возможным сказать решительнее: «к Иному», к самоотрицанию) предлагается поменять исходные категории традиционного метафизического мышления: перейти «от бытия к становлению» (от материи к энергии, от вещей к свойствам, от субъекта к субъектности). И так, чтобы это было «становление вверх», «возведение себя к Личности» — синергия с Богом. Неудача «самостояния» толкает к тому, чтобы искать внешние благодатные опоры. Ради спасения человеку надо стать Богочеловеком. Препятствием подобному направлению энергии видятся «разравнивание себя», восточные духовные практики и задержка с выбором у постмодернистского сознания, находящегося в «перманентной онтологической бифуркации». Думается, что это сильное облегчение и упрощение проблемы. Восточные духовные практики в моде, но они маргинальны, а постмодернизм вовсе не стоит на распутье. Переориентировавшись с бытия на становление, на энергию и субъектность, то есть на самом деле, как мы видели при анализе реконструкции субъекта, не отвергая, а используя энергийную парадигму, он, отталкиваясь от нее, пошел дальше: от становления к потенциализму и ничто (от свойств к отношениям, от субъектности к сингулярности). Становленческий принцип не

уводит нас от иного, а приближает к нему. Иерархия китов, на которых мир держался в индустриальную эпоху — материя, энергия, информация, разворачивается в направлении нового субстанциализма и монизма — информационного. На третье тысячелетие явственно намечается не энергийная, а «информационная парадигма», которая, по оценке самого С.С. Хоружего, является антиантропологией. Но «анти» — это отрицательная характеристика. Постмодернизм на ней не останавливается и ведя речь о постчеловеке, предлагает развивать «постантропологию». Ее исходная категория — хаос (ничто, вакуум, виртуальность), вместо принципа тождества принцип различия и повторения, вместо вещей и свойств «граммы» или, на техническом языке, «биты». Вместо онтологии грамматология, т. е. вместо бытия, которое всегда определяло сознание, «битие», которое заменяет его программой, вплоть до «снятия», до ~~сознания~~, вследствие чего мы все меньше отдаем в этом отчета.

Однако вернемся от общей картины мира к человеку, теперь, вернее, к постчеловеку. Насколько человек не равен субъекту, «теоретическому человеку», настолько и постчеловек не равен сингулярности или складке. Он в них «не вмещается». Как живое сознание не сводимо к конфигурации мозговых нейронов и не объясняется физикалистски, так информационизм не объясняет функционирrование складки и сингулярностей при их восприятии человеком. Складка должна интерпретироваться и иметь значение, поскольку информационная реальность соотносится с реальностью тел и вещей. Сингулярность есть некое единичное образование, но она не остается точкой без содержания и смысла. Выводимые на экран живого сознания информационные процессы поневоле приобретают понятийные формы. Даже у математиков и программистов. Доведя дело «до точки», до бессмыс(енн)(ов)ого абстрактного количества, приходится возвращаться к его какому-то качественному, семантическому или даже образно-чувственному наполнению. Это называется симуляцией бытия и воскрешением субъекта — на стадии afterpostmodtrnism-a. Когда речь идет о восприятии информации применительно к предметной реальности — это симулякры. Когда вещи и явления симулируются (воскрешаются) в контексте самой информационной реальности — это «тела мысли», концепты. Вся так называемая квантово-механическая онтология является, по-видимому, реальностью симулякров. Если симуля(криза)цией человека в предметном мире можно считать его превращение в «человеческий фактор», и в «гомутера» (гомо+компьютер), то концепт(уализация) человека в информационном мире конкретизируется через понятие: «персонаж». В целом это пост, точнее, after = транс-модернистские вариации на тему постчеловека, его

замены на «иное» и превращения философской антропологии в «постчеловеческую персонологию».

Разумеется, такой последовательности, какую мы приписываем рождающему трансгуманизм постмодернизму, в развитии не было. Это не шествие гегелевского духа. Но она не навязывается, она просматривается «по законам чтения», сквозь временные несоответствия и противоречия подходов. Право читателя на другую, «более правильную» интерпретацию автора обосновано самим постмодернизмом в тех идеях, которые направлены на постижение, а не мистификацию происходящих процессов, когда ответственный историзм, освобождающий Джоконду от усов и возвращающий бороду Марксу, служит не только истине, но и благу. Дальнейшая логика нашего собственного текста заставляет сосредоточиться на судьбе человека, загоняемого или безвыходно попавшего в капкан информационной реальности и трансформирующегося в ней в «концепт» и «персонаж».

Постмодернистский концепт — это понятие, потерявшее изначальный гносеологический статус и ставшее неким видом бытия, «онтосом». Это — ~~понятие~~ и в таком качестве относится к «вещам», хотя не является вещью в (мета)физическом смысле слова. Ближе всего оно, по-видимому, к формам Аристотеля, когда подсвечник состоит из бронзы как материи и «подсвечниковости» как формы. За исключением того, что концепт-вещь не предполагает бронзы. Мир концептов — мир чистых бытийствующих форм, «подсвечниковостей», существующих самостоятельно, без «бронзы». Тогда может лучше подойдет аналогия с платоновскими эйдосами, идеями? Да, за исключением того, что в отличие от эйдосов, пребывающих в трансцендентном мире, концепты по своей природе имманентны. Они не являются образцами для «земных» вещей, хотя могут с ними соотноситься, (тогда, правда, это будут симулякры). Концепты свободно конструируются как некие множественности, хотя не всякая множественность концептуальна. Задача философии, таким образом, в том, чтобы «творить концепты», создавая из их совокупности самоценную имманентную реальность. Философы должны культивировать, всячески усиливая, свою миропроизводительную потенцию.

А вот здесь, пожалуй, пора одуматься и при-тормозить. Концепты — вещь настолько тонкая, что мы рискуем быть обвиненными в том, в чем часто упрекают постмодернизм — в произвольной трансформации чужих смыслов. Описание концептов «со стороны» вызывает нарастающее недоверие даже у (о)писателя. Целесообразно поэтому дать слово оригинальным авторам концепции концептов. «Концепт, — полагают Ж. Делез и Ф. Гваттари, — лишен пространственно-временных координат и имеет

лишь интенсивные ординаты. В нем нет энергии, а есть только интенсивности, он аэнергичен. Концепт — это событие, а не сущность и не вещь... Концепт определяется как *нераздельность конечного числа разнородных составляющих, пробегаемой некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью»*[1]. Он реален без актуальности, идеален, но без абстрактности. У него нет *референции*; он (пересказываем идеи Делеза близко к тексту) автореферентен, а будучи творимым, одновременно сам полагает и себя и свой объект. В контексте метафизической картины мира, приводимые характеристики концептов ни на что не похожи или похожи на заумь (нет пространственно-временных координат, реален, но не действителен, не сущность и не вещь и т.п.). Если «модернистская» философия это не критикует, то либо из страха быть обвиненной в антиплюрализме и консерватизме (смертный грех в инновационную эпоху), либо загипнотизированная настроением ко всему толерантного равнодушия. Что касается безоговорочно «принявших постмодернизм», то в большинстве случае они пересказывают его идеи без понимания, о чем речь («без референции»).

Представители индустриалистского научно-технического, в том числе «неклассического» и так называемого постнеклассического знания отмалчиваются, уходя от оценки концепт-философствования как от чего-то постороннего, их не касающегося, считая, что это проблемы, придуманные гуманитариями. Иногда, правда, берут на себя труд продемонстрировать их некомпетентность в науке. Известная книга Алена Сокала и Жана Брикмона «Интеллектуальные уловки». М., 2002 вся построена на примерах несостоятельности апелляций постмодернистских авторов к физике микромира и научной эпистемологии, в показе, что их ссылки на «бесконечные скорости», «парения» и «ординаты» в лучшем случае метафоры, в худшем субъективные фантазии. Действительно, все приверженные истине метафизические философы и ученые естественники, положив при чтении постмодернистских текстов руку на сердце (нередко в силу суровой необходимости), должны честно сказать, что это некая разновидность абсурдистской литературы. Со всеми ее типичными признаками. Однако если им предложить, перенеся руку с сердца на «мышь» компьютера, посмотреть на экран и хотя бы минимально рефлексируя, пересказывать, что и как там делается, они должны будут, возвратив руку на сердце, признаться в своей ошибке. Концепт-философия характеризует происходящие на (в) нем процессы вполне адекватно. Она не только не заумна и не абсурдна,

---

[1] Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С.32.

она эмпирична, описательна и даже банальна. Делез не зря определял ее как «трансцендентальный эмпиризм». Трансцендентальный, но не трансцендентный. Трансцендентальный как иной по отношению к нашему миру. *У нее есть референт.* Им является информационная реальность, открывающаяся человеку при его присоединении к персональному компьютеру.

После квалификации постмодернизма в качестве философии computer science он становится «открытой книгой», которая свободно читается на любой странице. Применительно к человеку, к философской антропологии, концепт «разгадывается», конкретизируется как персона или «персонаж». Персона(ж) — эмпирический концепт личности, обозначающий то, что от нее осталось после вычета телесности и выпадения из реальных социальных связей. Личность имеет тело, а персонаж — «тело мысли». Личность предполагает внутренний центр, «Самость», а персона, начиная с Юнга, является символическим обозначение поверхностной стороны личности. Это маска, скрывающая действительную природу человека, или, применительно к современной ситуации, ее отсутствие. Личность живет в обществе, а персонаж на сцене, в кино или в персональном компьютере, в интернете. При электронной переписке, в виртуальных конференциях участвуют персонажи, часто анонимные, сталкиваются «интенсивности» отчужденных от человека мыслей. Персонажи — это некая активность, наделенная сознанием, или «артикулированное сознание». Они относятся к людям условно, «соотносятся» с ними, при том, если люди захотят их «приписать» себе как существам предметного мира. К поиску прототипов тех или иных персонажей, в случае их преступного поведения, приходится прилагать специальные усилия специальных служб. Их пытаются «натурализовать», очеловечить, но не всегда успешно. В отличие от архаического кино персонажи виртуальной реальности не зафиксированы неизменным образом. Вбирая в себя мысли человека, взаимодействуя с другими чистыми мыслями, они изменяются, развиваются. Делаются попытки полного сканирования содержания сознания с последующим его «культивированием» ради генерирования новых смыслов. Возникает «информационная синергия». Постчеловеческие (постприродные) и постличностные (постсоциальные) концепты начинают жить собственной жизнью, составляя, если опять вспомнить Ж. Делеза, не «народ-тело», а «народ-мозг», хотя и мозг здесь нельзя понимать буквально. Тем более жизнь. Это точки сборки информации, ее сингулярности, оформленные как «тела без пространства». Все остальное выносится за скобки.

...Если бы так! За скобки — еще полбеды. Драма человека в том, что постмодернизм не хочет ограничивать генезис концептов и персонажей информа-

ционной реальностью и стремится придать им статус всеобщности. Концепты вместо вещей и персонажи вместо людей везде — вот претензия! Постчеловек не намерен сидеть в компьютерной клетке и висеть в сетях интернета. Он пересматривает природу и историю как таковые. Он хотел бы расчеловечить всех, кто продолжает быть человеком: с «органами», чувствами, в культуре, способным к труду, любви, субъектному сознанию, быть личностью и верить в идеалы, если не «обожения», то хотя бы гуманизма. И развертывает соответствующую идеологию, предлагая ее на «третье тысячелетие». Не ту, не энергийную, о которой пишет С.С. Хоружий. Желая «концептуализировать» человека в целом и понимая на что замахиваются, Ж. Делез и Ф. Гваттари делают это, как мы убедились, завуалированно, на «эзоповском» мышлении. Это лидеры, первопроходцы. Эпигонам проще. Они выражают то, что еще недавно казалось немыслимым и непроизносимым. Такой откровенностью и претензией на фундаментальность среди такого рода подходов выделяется концепция «постчеловеческой персонологии» Г.Л. Тульчинского, «вмещающая в себя, — уведомляет аннотация к книге, ни много ни мало, — как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику»[1]. Учение о постчеловеке — наше все. Знай наших!

Воспроизводя основные идеи постмодернизма типа: «границы идентичности личности не совпадают с кожно-волосяным покровом» и в то же время считая главным делом — тело, он уверяет, что «так называемое «расчеловечивание» современной культуры и цивилизации, так пугающее иных записных гуманистов, в высшей степени плодотворно».[2] Открывающиеся перед человеком новые перспективы «открывают несущественность антропоморфности, человеческого. Можно сказать, что современная культура расчеловечивает — и слава Богу! Причем в буквальном смысле. Это расчеловечивание открывает важность постчеловечности, позволяет за тремя соснами увидеть лес и путь в нем.

Похоже, настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом — формами ограниченной гуманитарности. Гуманитарность же предстает персонологией свободного духа. Перспектива — постчеловеческая персонология»[3].

---

[1] См.: Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб,. 2002.

[2] Там же. С. 638.

[3] Там же, С.638.

Думается, что в свете столь захватывающих дух перспектив, от возгласов и восклицаний не может удержаться ни один живой человек. У традиционалистов, и религиозных, и светских с их представлением о человеке как подобии Бога и венце природы, они будут негодующими, испуганными и даже паническими. Особенно от этого: «И слава Богу!». Слабые души! Им всегда подавай какие-то подпорки и утешения. Вместо перспектив — надежды. Они, видите ли, хотят жить. Да поймите, вы, что «поэтика расчеловечивания (! — не удержался. — В.К.) помимо прочего открывает перспективу новой реаггрегации, возможность заново собрать человека и мир»[1]. «Вечно вчерашние», недоверчивые к прогрессу консерваторы все равно захотят разъяснений разного рода пустяков вроде того, какова будет судьба человека и его «обычного» феноменологического мира до аггрегации и по какому плану, какие «лего»-конструкторы его будут собирать заново. Зачем повторно собирать то, что было? Значит собирать будут нечто другое. Какое? Переведя дух, мы бы тоже решились вступить с этим ужасно прогрессивным автором в полемику.

...Если бы дело было в одном данном постчеловеческом персонаже. И если бы он сидел (висел) только в сетях Интернета.

6. Конструирование трансчеловека (ино-планетянина)

Согласно Священной истории европейской культуры, Бог, сотворив Землю, поставил владычествовать над всем сущим на ней человека. Говоря профанным языком экономизма, заключил с ним договор аренды, а в качестве платы просил немного — благодарить и славить Его. Хорошо или плохо, в течение веков человек это делал, выполняя роль работающего менеджера, пока однажды не объявил себя единственным господином всего и Сам сел на трон владыки. Настала эпоха гуманизма, разума и прогресса, люди начали жить не «ради Бога», а ради себя. Мир богател и развивался, прогресс науки и техники вёл к постоянному облегчению их быта, способов господства. Окружающая среда, место, на котором сидел человек — трон = пенёк, табурет, стул, кресло непрерывно совершенствовались, кресло стало таким мягким, что в нём можно утонуть, дизайнеры трудились над его формой, подгоняя её научными, «эргономическими методами», под малейшие изгибы тела и капризы духа. Богатство, комфорт и свобода как отказ от служения чему-либо Высшему стали

[1] Там же, С. 292.

последней высшей целью цивилизации, а в центре, как То, вокруг кого и ради чего всё растёт, меняется и вращается, кого славят и превозносят, стоит Человек.

Вернее, стоял, примерно до второй половины XX века. Примерно до открытия микро и мега-миров, где он не по степени, как на Земле, с усилением мощи и самоцен(ль)ности технических средств, смещался из центра на периферию, а по сути положения перестаёт быть субъектом происходящих процессов. Хотя в их исследовании представал в виде творца, если отвлечься от определяющего инструментально-приборного характера этого творчества. В целом, и на поверхности Земли, и в глубинах/высотах Вселенной зримым образом нарастает зависимость человека от опосредующей любую его активность науки, техники, особенно после их синтеза в technosciense = технологию. Как на огромном стальном корабле магнитная стрелка вместо севера, чуть дрогнув, начинает неизменно показывать на его корпус, так цели и потребности человека начинают определяться возможностями используемых им техногенных средств. Парадокс в том, что по мере расширения этих возможностей, свобода его выбора сужается. Он получает предложения, от которых трудно или вовсе, под угрозой потери всего достигнутого, нельзя отказаться. Возможности, открывая дорогу одна другой, саморазвиваются, трансформируясь в необходимость, как и весь прогресс, который «не остановишь». После превышения определённой, обусловленной природой живого и опирающимся на неё разумом меры в способности регулировать всё усложняющуюся деятельность, она перестаёт быть собственно человеческой и субъект становится её объектом.

Соответственно, внутри теоретизирования, прежде всего, как ни странно, гуманитарного, происходит развенчание человека как автора, субъекта, творца. Наиболее определённо это выразилось в структурализме. «Задача науки, — говорил К.-Л. Стросс, — не воспроизводить человека, а растворить его». Возникает феномен антигуманизма, вначале «слабого», «теоретического», в виде приёма познания (русские формалисты в литературоведении, французские в историографии и марксизме), а потом всё решительнее и фундаментальнее — онтологического, концептуально-мировоззренческого. Происшедший в структурализме отказ от объектно-субъектной парадигмы означал отказ от признания особого положения человека в мире. Он такой же элемент его функционирования и развития как все остальные. Он больше не человек, а «человеческий фактор», не личность, а актор, или даже агент. Ставшая общим местом структурной лингвистики «смерть автора» в тексте коррелировала со

смертью субъекта, его «факторизации» в социуме. Особое внимание смерти человека, но уже не в качестве субъекта и автора, а вообще, как мы видели и анализировали выше, уделяется в постмодернизме, где он деконструируется по всем параметрам, не только дегуманизируясь, а фактически деантропологизируясь.

Развенчание гуманизма в качестве ценностного понятия, несущего в себе представления о человеке как цели и смысле мирового развития, переплеталось и постепенно перерастало в отказ от онтологического антропоцентризма, антропоморфизма, антропологического мировоззрения как такового. «Гуманитарная парадигма» переживает внутреннее брожение, кризис, сопровождаемый предсказаниями или прямыми заявлениями о происходящей гуманитарной катастрофе. Стремясь учесть требования прогресса, её берутся модифицировать, но так, что от человека в ней мало что остаётся. Вместо гуманизма и антропологии предлагается, например, разрабатывать гуманологию, в которой человеческий разум уравнивается с техническим разумом, фактически искусственным интеллектом.[1] Однако поставленный на одну доску с машинным, человеческий разум вряд ли может с ним соревноваться, да и просто сосуществовать. Но это неважно, если радуются, что человеку как уникальному существу пришел конец.[2] Или выдвигается идея так называемой симметричной антропологии, в которой происходит уравнивание людей с вещами — любыми: природными, техническими.[3] Это тоже едва прикрытый риторикой слепок с положения человека в искусственной среде, его непрерывно умаляющейся роли. Не случайно, в компьютерных текстах исчезают имена собственные, которые теперь пишутся с маленькой буквы, ибо техника не отличает живое от неживого. Дальше — больше. Вместо антропологии, после соответствующей операции «расчеловечивания человека», вводится «персонология», личность в которой представляется как «сгусток свободного духа».[4] Сгусток этот, открыто объявленный уже постчеловеческим, бродит опять-таки по информационно-коммуникационным пространствам и даже терминологически совпадает с постструктуралистским представлением человека в виде концепта. В итоге или параллельно, эти и подобные абстрактные

[1] См.: Эпштейн М. Знак_ пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

[2] См.: Шеффер Ж.–М. Конец человеческой исключительности. М., 2010.

[3] См.: Бруно Латур. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.

[4] См.: Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.

брожения увенчиваются идеей возникновения «виртуального человека», естественно, более прогрессивного в сравнении со старомодным, телесным, хотя ещё в рамках антропологии и гуманизма. В предметном мире человек тоже не обойдён вниманием передовых, занятых «сдвигом гуманитарной парадигмы» теоретиков. Ради него, для его блага развёртывается целое направление по «конструированию человека», правда, не ясно какого: нового или реконструированию «старого», рождённо-смертного.[1] Воодушевлённые достижениями Hi-Tech в области биотехнологий, конструкторы человека начинают воспринимать его как полигон для «redesigning-a» = самых разных манипуляций и модификаций, хотя отсталые из них, оговариваются, что они «против» ликвидации существующего вида, особенно в лице самих себя. Чего/кого тогда конструируют?

И, наконец, к началу XXI века все эти двусмысленности, непоследовательности, самообманы, сопровождающие разложение гуманитарной парадигмы нашли своё разрешение в возникновении *трансгуманизма* как специфического социального движения. Хотя без самообмана он тоже не обходится (особенно более осторожный, российский), однако принципиальный шаг от человека к новосущему в нём сделан. Рубикон антропологии перейдён. В основе идеологии трансгуманизма лежит тезис, что человек не является последним звеном эволюции, а значит, может изменяться и совершенствоваться без каких-либо ограничений «до бесконечности». «Трансгуманисты хотят «не остаться людьми», а наоборот — перестать ими быть, став более совершенными существами, т.е. трансхьюманами, или же нелюдями. Трансгуманисты считают, что мы живём в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»[2]. Условием непрерывной эволюции человека является его бессмертие. Трансгуманизм — это почти другое имя иммортализма. Поскольку в нём имеется в виду не просто отказ от гуманизма как некой ценности, а преодоление человека как Гомо сапиенса, то точнее его следовало бы называть «трансг*о*манизмом» или трансантропологизмом. Но «сердцу не прикажешь», тем более трансгу(о)манному, постчеловеческому. В вопросе, что делать с «традиционным человеком» довольно чётко прослеживается два подхода. При одном полагают, что развитие новационных, прежде всего космических и нано-технологий даст изобилие ресурсов и жизненного

---

[1] См.: Конструирование человека. Сб. трудов Всероссийской научной конференции. Томск, 2008

[2] Электронный ресурс. Энциклопедическая справка // http//www.transhumanism – russia.ru/content/view/70/90

пространства для всех — «людей, транслюдей и постлюдей», другие считают, что тот, кто не хочет трансформироваться, должен уйти со сцены, освободив жизненное пространство и сняв нагрузку на ресурсы. В качестве примиряющей позиции высказываются предложения о выделении для этого «old-fashioned man», поистине ветхого Адама, специальных зон, резерваций или зоопарков (почему-то «зоо», хотя бы «гомо»), где он мог продолжать коснеть в своём живо(тно)м несовершенстве, смертности и нежелании воспользоваться потенциалом высоких технологий для своего непрерывного биотехнического (у)совершенствования. Так реально и намного фундаментальнее осуществилось высказывание Наполеона, оправдывавшего свои агрессивные походы, что «прогресс выше гуманизма».

Трансг(у)оманизм — это антропо(гумано)фагия, прямой вызов идентичности человека, какого мы знаем, какими в темпах живого и рождённого на его основе разума развивались миллионы лет или какими нас сотворил Бог, сказав: «Это хорошо».

Драматизм складывающейся ситуации в том, что пока на Земле миллиарды людей воображали и продолжают воображать себя венцом природы, надеясь на продолжение своего существования в обозримом будущем, прогресс создаваемой техники привёл к тому, что параметры их бытия начали его ограничивать. Исторически сложившийся традиционный человек и гуманизм как идеология его самоценности становятся тормозом ускоряющегося технического прогресса, который требует теперь подгонки не кресла под человека, а человека под кресло, «совершенствования» вместе с ним того, кто в нём сидит. Превратившись в трансгресс, он «переступает через человека», превращая его в элемент, фактор, агента в общем потоке преодолевшего устойчивость новационного развития. Существующий человек — это, по меньшей мере «недостаточно хорошо», если не совсем плохо, говорит нам наше новое божество — Конвергентная Технология НБИК (нано, био, инфо, когно). И заказывает, проектирует, моделирует Иное, при чём посредством самих людей, похищая их собственно человеческое сознание, заставляя мазохистски восхищаться тем, что их отменяет и заменяет. «Мы — биологическая протоплазма технической цивилизации, мы — носители прото--интеллекта, мы прото-машины, именуемые «организмами». Мы — робкие дебютанты на сцене технотрансформационной цивилизации. Вот это мироощущение я называю — debut de siecle», — провозгласил своё отношение к «гуманистическому человеку» М. Эпштейн, формально не входящий в трансгуманистическое движение, но наиболее авторитетно выражающий его идеи в русскоязычной литера-

туре[1]. Отношение к Иному, напротив, восторженное, описывающее его как «человека-ангелоида», живущего в «церебрально открытом обществе». Иногда, правда, слегка опасливое. Подобные взгляды, как видим, не фантастика и даже не футурология, о чём свидетельствуют потоки сообщений из лабораторий мира о новых и новых успехах в манипуляции человеком, его генами, вживлении чипов, чтении мыслей и т.д. и т.п.

В кризисе гуманизма, в «сдвиге гуманитарной парадигмы», переросшем в трансгуманизм находят теоретическое выражение процессы появления на нашей планете, не из космоса, а на её поверхности, представителей новых форм сущего. Сначала переходных — человек-без-чувств, человек-в-компьютере, человек-зомби, интелл*а*гент (таких уж много), потом гибридных — киборг, гомутер, e-Homo (единицы, но не гипотетические, а в экспериментах)[2], потом «небелковый» Искусственный Интеллект как форма разума, полностью преодолевшего зависимость от человеческого мозга. «Новосущие» пока не составляют большинства, но это передовой отряд цивилизации, её реальность. *Инопланетяне среди нас.* Порождаются = высаживаются десант за десантом из разных отраслей науки и техники, захватывая внешние (быт, территория) и внутренние (сознание) миры людей. *Они пришли.* По телесному образу они подобны человеку, но их сознание трансформировано, «перезагружено» нечеловеческими силами. Микро и мега-космос опускается на Землю. Уничтожение природы, её вытеснение искусственной средой, «забывание» экологии, извращение идеи устойчивого развития, культивирование приоритета прав индивида над правами рода и общества, вакханалия новационизма — всё это проявление *де(э)волюции человеческого бытия.* На словах, в глобаль-

---

[1] Эпштейн М.Н. Debut de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века. // Знамя. 2001, №5. С. 184. Последние, новейшие аргументы этого автора в обосновании необходимости смерти человека см.: Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию. // Философские науки. 2009. № 2. Или, для начала, несколько мягче: Аргонов В.Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или стимул развития. // Вопр. филос. 2008. № 12. Из содержания статьи следует, что стимул развития. Но программирование потребностей – это программирование (зомбирование) личности. Вот каких высот/низин достигла наука. К сожалению, редакции ни литературного, ни философских журналов не оговаривают своего отношения к подобным перспективам, так как всё чаще сталкиваясь с представителями пере(вы)рожденных форм человеческого сознания, они, по-видимому, уже не испытывают перед ними ужаса.

[2] См.: Gregory Stock. Metaman: The Merging of Humans and Machins into Global Superorganism. N.Y., 1993.

ной и национальной официальной идеологии, в образовании и пропаганде исповедуя гуманизм как благо человека, на деле человечество от него отказывается. Вооружённое могучей, подавляющей инстинкт самосохранения научной техникой, «преодолевая себя», оно движется по пути отрицания, к небытию, однако не в пустоту, не в хаос, а к самозамене, порождая новую, невиданную на Земле постчеловеческую форму сущего. Через 2–3 десятилетия эти мутанты объявят себя нормой, а всех не очипованных (и) не инвалидов недоразвитыми пережитками прошлого. И поведут борьбу с ними. Происходящее на наших глазах вытеснение гуманизма трансгуманизмом, интерес к которому распространяется, по заявлениям его выразителей (во что приходится верить) «экспоненциальными темпами», есть проявление Mortido как начинающего превалировать в наших чувствах и разуме влечения к танатосу. *Человечество вступило в эпоху Вырождения.*

7. Этот без(д)умно разумный мир

«Безумие единиц — исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времён — правило». Несмотря на принятое теперь некритическое отношение к философии Ницше, это высказывание обычно воспринимается как поэтическое преувеличение, «стиль». Безумие времён и народов — как это возможно? А если возможно, если оно прозаически истинное, что тут делать, кто, к какому времени и обществу решится его отнести? Это риск, на который можно пойти, только вооружившись неоспоримыми доказательствами и поняв природу данного явления. Разумеется, в философской проекции речь, прежде всего, должна идти не о нервно-психическом состоянии людей, а об объективно безумном результате их субъективно разумных, рациональных действий. Адекватнее, подобный феномен, следует, по-видимому, определять как абсурд. *Абсурд — это без(д)умие в форме разума.*

И тогда, при таком понимании, глядя на нашу техногенную потребительскую цивилизацию, риска в её квалификации как «безумно разумной», абсурдной — почти нет. О подрыве разумом самого себя говорили и говорят, теперь всё громче, самые авторитетные, «от Хайдеггера до Бодрийяра», мировые мыслители, но в основном это обличающие констатации, за(про)клятия. Пришло время направленной тематизации состояния разума современного общества, хотя бы попыток его общей философской диагностики. *Разум можно считать без(д)умным, если и когда он начинает действовать против себя и своего носителя.* Превратное представление о склады-

вающихся обстоятельствах, непоследовательность субъектных решений, когда первое тут же опровергается вторым и сознательная, хуже того, бессознательная подмена истины ложью, ценностей добра ценностями зла, стремление к целям, достижение которых грозит самому существованию мира — это рядовые, типичные способы действий «групп, партий, народов, времён» в наше время. «Правило», которое, в отличие от предыдущих эпох, становится глобальным. Если не пытаться как-то изменить, остановить это движение по пути mortido — «влечения к смерти», поддерживая условия сохранения разумности разума и предлагая направления его более здорового развития, абсурдность проникнет в сердце бытия и тогда человека как Homo sapiens, сначала в качестве живого, а потом разумного или наоборот — не будет.

* * *

Самой тяжёлой формой без(д)умия было бы отрицание великих достижений человечества, его разума в его историческом развитии. Оно прошло путь от жизни в пещерах до жизни в космосе, от нечленораздельных криков обезьяноподобного предка до творца машин и сооружений, бесконечно превосходящих его естественные силы, создав, в сущности, на Земле новую поверхность, открыв и осваивая микро-мега миры. Люди свергли и добивают некогда безраздельно господствующего властелина их жизни и смерти (В мире есть царь, этот царь беспощаден, голод — название ему), ликвидирован тяжёлый труд, массовые болезни, телесные наказания, пытки и казни. Остались в прошлом рабство, колониальная эксплуатация, почти изжита расовая, национальная, половая дискриминация. Это примеры, так сказать, негативных достижений. Позитивные — потребительское общество, невиданное изобилие продуктов, товаров, немыслимых когда-то услуг. Человек сейчас имеет массу свободного времени, путешествует по всему земному шару, овладел скоростями, с которыми не передвигается ни одно живое существо. Все удобства, вплоть до прекрасных гурий на дорогах и «умных домов» с автоматизированными, куда даже царь пешком ходил, то(л)чками. В разы возросла средняя продолжительность жизни, он замахивается на бессмертие. Enteitermant — беззаботное развлечение становится его главной заботой. Конечно, это относится не ко всем странам, а только к «цивилизованным», но перспективы есть у всех. Если нынешнее положение человечества оценивать исторически честно, то надо сказать, что осуществилась его самая великая мечта, самая универсальная утопия: *мы попали(сь) в Рай!*

Рай — аллегория места, в котором человек достигает счастья или блаженства через осуществление всех его желаний. В начале истории ввиду

недостижимости такого состояния оно переносилось в мифические, сверхъестественные миры. Потом о нём стали рассуждать как о реальной, при соответствующем устройстве земной жизни, возможности, конструируя рациональные утопии. Совсем близко, опираясь на максимально глубокий для XIX века теоретико-экономический анализ, к решению задачи построения рая подошёл марксизм с его концепцией коммунистического общества. «От каждого по способностям, каждому по потребностям» — осуществление этого принципа должно было означать конец истории, как времени нужды, страданий и борьбы, т.е. предыстории, и начало подлинной истории человечества. Истории высвобождения и раскрытия всех заложенных в его природе возможностей.

Представляется, что если мы говорим о рае и коммунизме, то по параметрам потребностей, соответствующих потенциалу человека как естественного существа, современное общество достигло потолка. Остаётся вопрос распределения производимого, «внутреннего обустройства рая». Сложный, противоречивый, но обусловленный не нехваткой созданных научно-техническим разумом средств и богатств, а разумом «второго порядка», его способностью к рефлексии и волевой социальной деятельности. Что касается духовных потребностей — в любви, вере, радости, красоте, стремлении к знанию и общению, то их правильнее квалифицировать как способности. Непосредственно не связанные с производством, они, хотя исторически модифицируются, по сути, всегда себе равны. Их нельзя удовлетворить никаким его уровнем и вопрос о таком удовлетворении — бессмысленный. Поэтому в современной литературе, как бы соединив, смешав потребности со способностями и «разделив пополам», говорят о «желаниях». В духовных способностях + потребностях = желаниях выражается континуальное единство социально-природной сущности человека.

Странность сложившейся ситуации в том, что человечество не осознает своего принципиально нового положения. И вместо того, чтобы озаботиться, как адаптироваться к нему, сохранив себя в качестве уникальной формы жизни, эволюционно сформировавшейся в процессе тяжёлого труда и жестокой борьбы за существование, оно продолжает наращивать технические достижения и опирающееся на них массированное потребление. Переходит к сверхпотреблению, то есть тому, что превышая жизненные потребности, начинает искажать, подавлять его природу и способности, трансформируя их, в качестве желаний, в сверх(пост)человеческое состояние. Продуцируемые стихийно и самостоятельно растущим производством, потребности становятся врагами способностей, притупляя их

истоки. Эволюция человека трансформируется, по «ленте Мёбиуса», в его де(э)волюцию.

Самая великая ложь нашего времени, которой предаются люди и правительства всех стран мира, что для счастливой, да просто благополучной жизни им не хватает средств. Мало добывается нефти и производится машин, недостаёт энергии, продуктов питания, комфорта и услуг, научных открытий и изобретений, и, в конце концов, денег, будто бы измеряющих эти блага. 365 сортов сыра (на каждый день новый), которые может купить и 150 телепрограмм, которые может посмотреть рядовой обыватель Америки и Европы — всё мало. Но куда же больше! Веками длившаяся борьба за ежедневный кусок хлеба превратилась в борьбу с ожирением, а зрелищ столько, что их нельзя пересмотреть в принципе. Вместо рая как селения божьих праведников или коммунизма как строя совершенных людей возникло общество самовозрастающего производства и сверхразумного потребления. Эта парадоксальная ложь «нехваток при избытке» проявляет себя в широко распространенном ощущении всеобщего кризиса. Вместо ощущения счастливой жизни, что больше пристало бы состоянию рая, потеря способности к/в любви, депрессии, наркомания и узаконивание эвтаназии — счастливой смерти. *Апокалипсис в раю/самоапокалипсис* — так можно определить содержание кризиса современной цивилизации. Тем не менее, выход из него видится в расширении ассортимента «райских благ» и все ставят задачу увеличения валового продукта, ориентируясь на передовые по этому параметру страны, хотя элементарный подсчет показывает, что при достижении идеала, переживаемый миром кризис, превратится в коллапс. Рай–кризис станет рай–адом. Для преодоления кризиса принимаются меры, которые его усугубляют, великие достижения разума превращаются в логически и эмпирически очевидное, которое, правда, упорно не хотят видеть и признавать, без(не)раз(д)умие.

Разумеется, не все и не всегда не хотели признавать патологический характер общества сверх(производства/потребления). Хотя пик этого осознания в прошлом. Он приходится на вторую половину XX века, когда человечество столкнулось с загрязнением и истощением природы, так называемым экологическим кризисом. Да, к сожалению, так называемым, ибо если тогда экологические проблемы видели на каждом шагу, отношение к ним было одушевлённое, то сейчас почти ироническое, как к заботам некоего «зелёного меньшинства», «радикалов», предупреждения которых напоминают глас вопиющего в пустыне. «Официальная» экология теперь ориентируется не на сохранение существующего, а на «экологическое (опять) производство». Собственно экология вытеснена на периферию обществен-

ного внимания, её фактически забывают. Также как деятельность знаменитого Римского клуба, когда человечество поднялось к вершине благоразумия и ответственности в понимании своего положения. В серии докладов, подготовленных наиболее авторитетными аналитиками мировых процессов, было показано, что экологический кризис обусловлен не частными причинами и субъективными ошибками, а следствие фундаментального несоответствия характера развития нашей цивилизации возможностям природы. Человечество сковано с природой одной цепью и если оно хочет выжить, этот характер надо менять. На обсуждение общественности, народам и правительствам были представлены проекты «пределов роста», «нулевого роста», «органического развития». И убедительно доказано, что их реализация требует перестройки не только экономики, но и социальных отношений, другого, «не прогрессистского» мировоззрения. Большой дискуссионный шум кончился частностями, мелкими решениями и Римский клуб, «уйдя в песок», к концу 80-х годов распался. Тем не менее, не без последствий.

Стимулированное им понимание опасности сложившегося типа хозяйствования и благоразумие к тому времени не до конца покинуло идейных вождей и политиков мира, что выразилось в 1992 году в Рио-де-Жанейро на конференции ОНН по проблемам развития и окружающей среды. Собравшиеся на неё высшие руководители Земного шара объявили, что «Забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития» (п. 1), само оно должно быть таким, чтобы «адекватно удовлетворялись потребности нынешних и будущих поколений в области развития и окружающей среды» (п. 3), для чего «государства должны сократить масштабы нерациональной практики производства и потребления, искоренить её и поощрять соответствующую демографическую политику (п. 8)[1].

Sustainable development — по-русски переведённое как «устойчивое развитие», по общему смыслу принятой Декларации выступает ответом мирового сообщества на остроту сложившейся экологической ситуации. Ответом на конкретно-эмпирическом, государственно-политическом и организационном уровне. Человечество не (с)могло принять идей «остановки роста» и «нулевого развития», слишком глубоких для понимания и решительных для практического воплощения, но провозглашает развитие, при котором сохранялись бы его «устои», т.е. система, которая развивается. Точнее говоря, речь идёт не об устойчивом развитии самом по

---

[1] Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. М., (1992).

себе, а об устойчивости того (обществ, культур и мира в целом), что развивается. Останавливаться нельзя, изменяться можно и должно, но так, чтобы не потерять равновесия. *Развиваться надо для того, чтобы быть*. Утратив равновесие, любая система разрушается, погружается в хаос, превращается в материал. Устойчивое развитие системы — это её пребывание в динамическом равновесии. Всё сущее, от машины до живого имеет свою, определённую его сущностью, скорость изменения. Являясь частью природно-предметной среды, люди, поскольку и насколько они разумные существа, не должны допускать процессов, ведущих к самоуничтожению, а значит при всех изменениях в отношениях с окружением и друг с другом, нужно стремиться к устойчивости = динамическому равновесию. Это принципиальный предел «роста», скорости, с которым надо считаться, чтобы сохранить свою идентичность и перспективу.

Кажется, мы имеем достаточно определённую, обусловленную вызвавшим её к жизни общим контекстом вставших перед человеческой цивилизацией к концу XX — началу XXI века проблем, вполне убедительную, «устойчивую» трактовку концепции устойчивого развития. Теперь, политически, экономически и организационно конкретизировав до программ, ей бы только упорно и на(у)стойчиво следовать. Бороться за реализацию. Но увы…

Американский писатель XIX века Эдгар По, говорил, что обычно в одном случае из 100, вопрос обсуждается, потому что он тёмен, в остальных 99 случаях он становится тёмным, потому что обсуждается. Это было сказано до взрыва информационного вулкана, непрерывно извергающего на людей потоки виртуальных текстов, печатных книг и диссертаций. И до споров о правильной интерпретации устойчивого развития, начиная от перевода слова, сравнений с переводами в других языках, заканчивая утверждениями, что устойчивости не может быть вообще, ибо «любое развитие ведёт к неустойчивости» (а то об этом не знали). К сожалению, дело не в особенной глупости тех, кто рассуждает на данную тему. Она запутывается силами, превышающими и ломающими устойчивость человеческого бытия, его равновесие. А сознание большинства, по великой формуле К. Маркса, определяется бытием. Дело кончилось тем, что концепцию устойчивого развития, принятую всем миром как последний бастион экологии и императив выживания, также всем миром стали подвергать эрозии, трактуя прямо противоположным её целевому смыслу образом. Именно: как всё более быстрое, непрерывное и самоценное развитие, безотносительное к состоянию того, что развивается. В районах, областях, графствах и кантонах, в странах и частях

света принимаются «программы устойчивого развития», где расписывается, как и насколько всё, от добычи нефти и получения атомной энергии до конструирования искусственного интеллекта должно на проценты и в разы увеличиться. О том, что любая система, общество, организм или машина при превышении нагрузки и скорости теряет управляемость, идут вразнос и разрушаются, о стержневой экологической компоненте концепции устойчивого развития либо почти забывают, либо отодвигают её на периферию сознания и деятельности. Хоронят. Притом недостойно, не попрощавшись. Вместо равновесия и «пределов роста» — *развитие как бес-предел*.

Форма, как известно, содержательна и инверсия концепции устойчивого развития до противоположности привела к тому, что она, не выдержав напряжения, лопнула. Исчезает терминологически. Вместо неё поднялся и стоит всеобщий оглушительный шум о «новационно-инновационном развитии». При этом теоретическое сообщество умудряется не замечать происшедшего парадигмального переворота, подмену целей и ценностей человечества, того, что своим остриём новационизм направлен в сердце экологии как концепции сохранения его родового качества. Ин-новационное развитие «по определению» предполагает, что любые сложившиеся системы существуют для того, чтобы, не успев изжить себя органически, скорее исчезнуть и замениться иными, новыми. Потом опять новыми, ещё раз новыми и т.д. — непрерывный, ничем не ограничиваемый поток перемен, который растворяет наличное, делая его материалом прогресса. Бегут к цели, чтобы, достигнув, вернее, миновав её, тут же бежать дальше. В терминах синергетики отрыв системы от своего начала, памяти о нём, вводит её в хаотический, т.е. *принципиально непредсказуемый* режим изменения. Новационизм и экологизм примиряются в концепции устойчивого развития, но она, как видим, отбрасывается. «Всё, что работает — уже устарело» — принято цитировать Леонардо-да-Винчи. Сейчас многие изделия стареют, не начав работать или на стадии замысла — ситуация, которую можно считать открытой манифестацией абсурда. Подобная инженерно-технологическая практика создания искусственной реальности, перенесённая на бытие в целом, превращает его в становление. Становится универсальной идеологией, мировоззрением. Возникает развитие без объекта, динамизм без равновесия, волна без частиц, энергия без вещества. Мир-материя превращается в (не)мир-движение, в «устойчивую неустойчивость», непрерывный кризис, т.е. В бифуркационный = хаосотворящий, с точки зрения сущего иррациональный = безумный процесс. В торжество Ничто над Бытием.

В социальной сфере, соответственно, общество и человек рассматриваются как средство для дальнейшего роста производства. Создание нового становится самоценным занятием и служит не удовлетворению естественно-витальных, исторических, но разумных, необходимых для достойной жизни потребностей, а когда ради него культивируются любые, самые странные, пустые или явно болезненные желания. Теоретики перестали искать истину и все хотят нового, хотя бы оно оценивалось как сомнительное. От возможной опасной перспективы отделываются о(т)говорками. Глобализирующаяся техногенная цивилизация впала в новационную истерию, породив феномен *неомании.* Неомания и безграничное потребление, коммерциализируясь, питают друг друга, и оба вместе истощают природу (и) человека, не заботясь о какой-либо их устойчивости. Не прогресс ради общества, а общество ради прогресса — вот что приходит на смену развитию, когда человечество, de facto, меняет знамя устойчивости на знамя новационизма. Нельзя слепо выступать против прогресса, но мы обязаны выступать против слепого прогресса, — писал основатель Римского клуба А. Печчеи. Против слепого, значит за разумный, т.е. контролируемый и регулируемый прогресс. Всё происходит ровно наоборот: «переступая» через то, что развивается, разум становится не-раз(без)умным. Или, точнее: абсурдом как безумием в разумной форме. Притом не в силу его силы или слабости у субъектов (хотя в этой субъектности наша надежда), а объективно. Потому что он становится не нашим, отчуждённым, постчеловеческим. *Прогресс превращается в трансгресс.*

8. Эта разумно без(д)умная философия

Исторической предпосылкой вытеснения человеческого иным, при желании, можно посчитать всю историю человечества. Признаки без(д)умия разума, рассуждения о них можно найти в истоках философии. Это будет глубоко, но бесплодно, по крайней мере, до тех пор, пока по-настоящему не оценено его настоящее состояние. Феномен антиномического самоотрицания разума, если он «чистый», выявил, как известно, И. Кант. Гегелевское «всё действительное разумно, всё разумное действительно» было апофеозом разума-в-себе, а заодно и эпохи Просвещения, не случайно называемой также эпохой Разума, но как убедительно показали Т. Адорно и М. Хоркхаймер в рубежной для философии разума работе «Диалектика Просвещения», приведшего её к трагическим результатам. Сущностная двойственность человеческого разума, его обременённость «своим другим» стала особенно

видна из нашего времени. К XXI веку человечество достигло величайших высот в применении разума в виде науки при одновременном нарастании неопределённости судьбы самого человека. Философия раскололась на обслуживающую инструментально-трансцендентальный разум (многообразный, «вширь и вглубь» позитивизм, трансцендентализм, структурализм) и оплакивающую его порабощающее воздействие на культуру, человеческую природу и ценности (философия жизни, феноменология, религиозные и антропологические направления). Однако всё это в пределах признания кризиса цивилизации, из которого есть выход, который надо искать. Философских течений, посягавших на жизнь, культуру и человека как таковые не было. Критика, даже нигилистическая, велась во имя сохранения некой подлинности бытия или возврата к ней. Разум был озабочен своей целостностью и человечностью.

Принципиально новые, небывалые в истории людского рода идеи начали культивироваться под эгидой постмодернизма, если брать его широко, как универсальный технологизм, не доверяясь суетным объявлениям об его конце. Брать как философию полной, решительной и окончательной де(кон)струкции всей существовавшей до него философии (метафизики), того мира, который она выражала, того разума, которым она жила. Тогда становятся понятными на первый взгляд странные идеи этого ультрапрогрессивного теоретизирования: отказ от бытия и человека, смерть объекта и субъекта, (означаемого и означающего), Бога и природы (считающихся абсолютной архаикой), отрицание истины, а потом и смысла, дискредитация логоса, даже языка, если он «натуральный», даже текста, если он «буквенный». Отказ/отрицание/смерть всего, что есть в нашем естественноисторическом окружении, чего бы не назвали, на что бы ни показали пальцем. Это философия катастрофы, апокалипсиса, а не кризиса человеческой цивилизации. Говорить о кризисе, хотя бы и всеобщем, «системном» старо — пройденный этап. *Меонизм — вот суть постмодернизма как прогрессивной идеологии нашего времени.* (Me–on, по–гречески, не–бытие). В нём о(т)провергается любое возникшее в ходе эволюции живого сущее и всё, что с ним связано. А на позитивной стадии, когда он перерастает в трансмодернизм и на расчищенном деконструкцией месте создаются конструкции новой реальности и её разума, он становится концептуальным обоснованием целиком искусственного мира, в котором «традиционной» природе и человеку места нет. После апокалипсиса, по-русски, светопреставления как свершившийся нигилистической революции, ее «страшного суда» над жизненным миром человека, возникает «тот Свет», рай/ад по-научному. Разрабатывается его категории: бессмертие, «пережизнь»,

след и различие, письмо, грамматология, симулякр, отсутствие, складка, тело без органов, без пространства и прочие понятия, необходимые для мыследеятельности в этой потусторонней по отношению к естественному, даже предметному миру, нано-виртуальной реальности. В которую вписывается и частью которой является трансгоманизм. *Инонизм — вот суть трансмодернизма/ трансгоманизма.*

В философии всеобщего отказа от исторического «нашего» и переходе к новационному «иному» недостаёт одного звена. Вернее, оно обозначено, но плохо осознаётся. Хотя Ж. Деррида проработал отказ от логоцентризма и заменил его «письмом», отверг «слово», смысл и заменил их грамма/битами, программированием, тем, что составляет основу когнитивно-дигитального «мышления без сознания», составляющего основу искусственного интеллекта, оно, однако, не продумывается в последствиях, тем более в предпосылках. В том, что технический интеллект, рождаясь внутри традиционного разума, с неизбежностью его модифицирует, делает типологически другим, без(д)умным, «слепым» и глупым по отношению к снимающим человека процессам. Настолько, что, мечтая о бессмертии или превращении в киборга, e-homo или вообще желая «уйти в машину» трансгоманисты продолжают говорить об этом феномене как о человеке, как «о нас». Например, А.П. Назаретян, известный пропагандист снятия человека, из статьи в статью провозглашает лозунг: «чтобы выжить, человечеству надо отказаться от самого себя»(!?). Отказаться от этнической, конфессиональной, половой, да и просто биологической идентичности. Что же человеческого тогда останется в этом абстрактном (без тела, чувств, без любви и воли, без истины и смысла) агенте, интеллагенте, номадическом «узелке» информации, перемещающемся по бесконечной коммуникационной паутине? Память? (За)чем и сколько она будет существовать без мотивации живым бытием? Что гуманистического в «суперорганизме», модифицирующем свои формы со скоростью смены технологических разработок, не зная, когда, на какой форме, каком «совершенстве» остановиться? Но всё это будто бы «Человек». Какова логика! и так у всех трансгоманистов, иммортализстов, прочих идеологов нашего вырождения. Вместо того чтобы честно сказать, что они являются носителями гибели человека, смертетворцами для всего живого на Земле и агентами своего врага, представителями «того света», они хотят считать себя людьми. Пусть хотят, но люди, которые хотят оставаться людьми, не должны (ими) обманываться.

Пост(транс)модернизм, пост(транс)гоманизм, н*е*люди/трансхьюманы постепенно оснащаются, что естественно, пост(транс)разумом. Деконструкция человека не может не включать в себя деконструкцию его

разума и мы вправе, даже обязаны говорить о возникновении наряду с трансгоманизмом — *трансноонизма* или *трансномонизма* (не предрешая, какой термин победит). Который, с точки зрения нашего исторического разума является без(д)умным. А с точки зрения Иного, таковым, т.е. безумным, является обычный разум человека. Констатация оппозиции разума и пост(транс)разума, оценка последнего как теоретически выражаемого постмодернизмом бездумия современной человеческой цивилизации, особенно когда о нём говорится без «д» (и без «б»), дело небезопасное и у бездумных людей вызывает агрессию. Защищаясь, напомним о первоавторстве здесь М. Фуко, его работе «История безумия в классическую эпоху», где он выдвигает тезис, что безумие — самый эффективный способ, посредством которого человек переходит на уровень объекта и становится доступным научному изучению. То есть исчезает. Для «после» Нового времени он квалифицирует безумие как норму, подчёркивая, что это не метафора, а теоретическое понятие. «Коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, мы также должны смещаться к бредовой точке зрения» — утверждает Ж. Бодрийяр[1]. «Каждому — своё безумие», по-доброму, демократически предлагал заключить мир между разумом и безумием другой представитель постмодернизма, автор шизоанализа Ф. Гваттари.

В нашей стране одним из первых «оппозицию разумов» человеческого и иного увидел и выразил выдающийся безумный мыслитель XX века, можно сказать, «классик постметафизического теоретизирования» Г.П. Щедровицкий. «По сути не человек мыслит, а мышление мыслит через человека. Человек есть случайный материал, носитель мышления... Трактовка мышления как эманации человека и человеческого сознания есть, по моему глубокому убеждению, величайшее заблуждение европейской истории. И это то, что сегодня делает нас идиотами...».[2] Вся деятельность лидера сначала предметно-деятельностного, потом просто деятельностного, затем *мысле*деятельностного, а потом мысле*коммуникационного* движения была направлена на эмансипацию разума от жизни, на борьбу за его самоценность и чистоту, сначала как естественного, а далее, сугубо технического, виртуально-проектно-конструктивного. Он первый, хотя постулативно, без осознания предпосылок и следствий, начал отделять мышление от сознания и, изобретая гуманитарную «машину мышления», придавал ему/ей статус самостоятельной искусственной реальности. Я по

[1] Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. М., 2000. С. 29.

[2] Щедровицкий Г.П. На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004. С. 120.

каплям выдавливал из себя человека, с гордостью говорил этот гениальный человек. Постчеловек. Транс-гоманист/номонист.

Подтверждением общности для постмодернистской философии подобной трактовки её разума — в свете безумия или наоборот является характер *рефлексии* истории и опыта мыследеятельного движения в Советском Союзе. На IX Чтениях памяти Г. П. Щедровицкого, один из авторитетных деятелей этого движения В.В. Калиниченко говорил: «Если бы я делал доклад, то назвал бы его в связи с темой «Георгий Петрович Щедровицкий и Мишель Фуко» следующим образом (довольно условно): *«Роль Георгия Петровича Щедровицкого в истории безумия XX века»*... Почему я рассматриваю Георгия Петровича как важнейшее *событие в истории безумия XX столетия?..»,* — ставит он вопрос, связывая безумие, с одной стороны, с тоталитаризмом и утверждая, что деятельность Г.П. давала из него выход, а с другой, считает им сам «опыт организации мыследеятельности, этот опыт *безумия»*, полагая что «эта, по отношению к человеку деструкция дала начало новым видам психологии и антропологии» (курсив везде автора, не мой — В.К.).[1] То есть безумие рассматривается вполне позитивно, как рабочая категория. И для адекватного, честного анализа современности она становится все более необходимой. В отличие от «обычного» иррационализма, наводимого бессознательными жизненными импульсами, безумие как трансноонизм/номонизм — это иррациональность самого разума, его преврат(щён)ная форма. Вопрос в том, как к такому его состоянию относиться.

С точки зрения человека, провозглашение им самим смерти себя, влечение к ней, конечно же, решающий критерий признания его вступления на путь вырождения и «обезумливания». Без(д)умия иллюзии, которая культивируется в постмодернизме, полагающем, что «хотя смерть человека утверждается, она одновременно предотвращается». Предотвращается *в новой постчеловеческой форме = некоем искусственном техническом сущем!* Подобную иллюзию искренне разделяло большинство постмодернистских авторитетов, за исключением, пожалуй, Ж. Деррида, понимавшим, чем это реально кончится и предусмотрительно оградившим себя от обвинений в антропофагии специфически сложным языком. Другие не ограждают, потому что счастливо избавлены от понимания того, что говорят и делают. Фр. Фукуяма, решившись, в противовес технопрогрессорам, провозгласить себя биоконсерватором, назвал трансгуманизм «самой опасной

---

[1] Георгий Петрович Щедровицкий и Мишель Фуко. Круглый стол «Линии и узлы»// Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2002-2003 годов. М., 2004. С. 108.

идеей XX века». Надо добавить, что это и самая сумасшедшая его идея. Включая то, что к ней ведёт — постулат самоценности прогресса, когда он, поглощая, превращая в материал свой объект, людей и их общество, перерастает в новационистский трансгресс. Сумасшедшая не в виде шизофрении, когда больной осознает свой недуг, а параноидальная, когда он в нём упорствует, считая здоровьем. И фанатически навязывает это «здоровье» другим. Особенно в виде бессмертия как «пережизни» и «позитивной смерти». «Быть или не быть» — мучился принц Гамлет за всё человечество. Теперь судьбу человечества воплощает другой персонаж той же драмы: «Где Полоний? // На ужине. // Да на таком, где не он ужинает, а его ужинают». Постмодернистская, трансгрессистская потребительская цивилизация *приступила к п(р)о(ис)треблению человека.* Начинает, закусывает, в виде трансгуманистической идеологии. Когда его (нас с вами, Читатель) подадут на Первое, думать будет поздно.

Чтобы этого не случилось, а если случится, то *как можно* позже, не стоит прятаться под стол. Наоборот: карты на стол! Что мы, надеюсь, сейчас делаем. Перед нами две колоды. Одной играют за Человека, его мир и живой, эволюционно сформировавшийся разум, другой — за порождаемое содержанием и логикой научно-технического прогресса, отрывающееся от нашего жизненного мира Иное. У каждого игрока своё мировоззрение, философия, связанные с ними преимущества и проблемы. Эксплицируя их, *мы называли разум безумным, когда и поскольку он играет против человека.* ***Когда человек мыслит, но «не в своём уме».***

Инонисты/трансгоманисты сильны тем, что вписываются в парадигму мышления, формируемого постчеловеческой реальностью, наступающей из будущего. Реальностью микро, нано и мега миров, нелюдей и люденов. Но в этом же и проблема, ибо сами они пока люди. *Они не соответствуют этим мирам.* Отсюда усиливающаяся ограниченность, безрефлексивность и иррациональность = защитное без(д)умие их сознания, склоняющегося к эвтаназии. Постепенно они будут отдавать его функции искусственному интеллекту, что происходит, когда место живого, ассоциативного, смыслового и творческого мышления целиком занимают мыслекоммуникация, схематизация, структурирование, тестирование, исчисление и программирование. Когда слово=логос вытесняется числом=матезисом, а поэзис практически исчез. «Человек пока умнее» — горько сокрушается газета «Новости науки» (ноябрь 2008г.) в репортаже с «соревнований» человека с компьютером в распознавании текстов. Судя по подобным идиотическим заголовкам, уже не умнее. Садисты по отношению к природе мы становимся мазохистами по отношению к технике. Всё это переносится в обра-

зование, которое, переставая быть личностным, собственно человеческим, превращается в автоматизированное, компьютерно-электронное. Духовность, рефлексия в «обществе знания» больше не нужны. Оно лишается сначала ценностей, а потом и смысла, самого знания, от которого остаются только «компетенции», т.е. знание куда ткнуть и что нажать, чтобы получить нужную информацию. Становится обществом (не)знания. А об-разование — об-программированием, когда, немного перефразировав, можно сказать: «технологии — вот ваша (не)жизнь».

К теоретически изощренной и под защитой этой изощренности откровенной, идеологии смерти человека эволюционировал М.Н. Эпштейн. Начав с забот о человеке, с гуманизма, он пришел к обоснованию необходимости его исчезновения. Но не простого, а «творческого». Через «сверхчеловека». «Завершается медленный этап эволюции разума в форме человека как биологического вида — и начинается новый этап ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. Трансгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точки развития, которая современными футурологами, такими как Рэй Курцвайл, — прогнозируется на середину XXI в. Тогда созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда упирающихся) человеков».[1]

По-видимому, «безнадежно отстающих», не способных угнаться за скоростью смены технологических форм, притом, что сама эта смена непрерывно ускоряясь, направлена неизвестно куда. Так может задуматься над бессмысленностью предлагаемой перспективы? Бессмысленностью не только для человека, но и «вообще». Может тогда лучше «упираться»? И надеясь на вариативность развития, на бифуркации думать о выживании, а не становиться могильщиками человечества. Собственными могильщиками. Думается, что с точки зрения исторически сложившегося способа мышления людей, когда в норме оно служит их жизни и опирается на жизнь, такая его трансформация может квалифицироваться как трагедия для его носителей. «Смертельная философия смертников» — так следует квалифицировать идеи трансгоманизма, когда лишенные маскировки и доведенные до своего логического конца, они предстают в виде идеологии «творческого исчезновения».

[1] Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека Введение в гуманологию. // Философмкие науки. 2009. № 2. С. 91.

Проблема философии людей, т.е. тех, кто сопротивляется вырождению, в том, что она больше «не современна», её парадигма деконструирована, руинизирована, существует в основном как история философии. Сталкиваясь с инореалиями, она не столько сражается, сколько сражаема. Это вовсе не означает, что от неё надо отказываться, сдавать, непременно заменяя чем-то другим. «Великие истины слишком важны, чтобы быть новыми», — говорил кто-то в «истории философии». Но нужна реконструкция, её переосмысление. Метафизика сама породила своё прогрессистское отрицание, и эта её ветвь больше не служит людям, ибо объясняет мир, который, как таковой, на глазах, с огромной скоростью, исчезает. *Она не соответствует их выживанию*. Надо перекапывать почву вокруг древа познания и поливать его корни свежей водой, надеясь на появление побегов, более приспособленных к жизни в радикально изменившейся среде. На плоды, устойчивые к новому климату и пригодные для длительного хранения. Пусть они будут горькими, но не усыпляющими, не одурманивающими. Какой должна быть философия перед фактом экспансии постчеловеческих миров и их идейных выразителей? Как обосновать право человека на бытие в этой апокалипсической для него ситуации? и какие шаги можно предпринять по её разрешению: когда борьбы, а где, до какого состояния приспособления? Вызов, который ждёт ответа. Хотя бы его (безумной?) попытки.

Глава III. **ФИЛОСОФИЯ (ДЛЯ) ЛЮДЕЙ**

1. Динамический консерватизм и археоавангардное сознание

Esto: в мире нет ничего вечного, кроме самого мира и его вечности. А способом существования вечного мира является временность, непрерывное возникновение и исчезновение всех его вещей и состояний. Любое «нечто» находится под напряжением двух полярных энергий: бытия — собой (тождества), когда А = А и бытия — иным (различия), когда А = В = С = ..., т.е. превращения в нечто новое, которое, в свою очередь, попадает под такое же напряжение между со-храня-ющим и у-ничтожа-ющим его полюсами. В сознании и деятельности людей первый полюс представлен идеологией консерватизма, радикальное прочтение которой означает стремление к удержанию вещей в их косности, изъятию из времени, которое всегда иное. Второй полюс представлен идеологией новационизма, радикальное прочтение которой означает стремление к разрушению идентичности вещей, их изъятию из бытия, которое всегда довлеет себе. Любая конкретная вещь, явление существуют, если и поскольку выдерживают это напряжение (на)стоящего на почве прошлого и на (бес)почве будущего.

Цель человека как «Разумного Нечто» в том, чтобы вмешиваться в происходящее в зависимости от состояния того или иного полюса. В традиционные эпохи, когда нормой была установка на сохранение, «сознательное сознание» людей направлялось на отрыв от нее, активизацию процессов обновления. Воплощением смысла бытия представал прогресс как движение к чему-то лучшему. К расцвету бытия. Под знаменем прогресса родилось и прошло Новое время, эпоха Просвещения = Модерна, которую по праву можно также называть эпохой Прогресса. Прогресс — это ориентация на будущее, которым беременно настоящее и которое рождается, «временится» из него. Несмотря на периодические революционные взрывы и «скачки», новое в эту эпоху, противостоя существующему, в целом, как норма, «снимает», а не уничтожает его. «Подлинно новая культурная ценность, — отстаивал бытийную трактовку нового Д.С. Лихачёв, — возникает в старой культурной среде. Новое нов*о* только относительно старого, как ребёнок по отношению к родителям. Нового

самого по себе, как самодовлеющего явления не существует».[1] Собственно говоря, при таком понимании прогресса он совпадает с «устойчивым развитием», предполагая сохранение развивающейся системы. Если это человек, то он меняется на протяжении всей жизни, однако в пределах своего генотипа. Если культура, то она меняется в границах своих универсалий, другими словами — традиции. Если системой является «объективная реальность» в целом, то все онтологии того или иного «жизненного мира» находятся в её рамках.

В отличие от модерна, постмодернистское информационно-коммуникационное, нанотехнологическое (в близкой перспективе) общество постпрогрессивно, это эпоха превращения прогресса в прогрессизм, точнее, в трансгресс, когда новое больше не соотносится с «наличным», старым, а будущее с прошлым и настоящим. Переставая быть об-*новлением*, оно отвергает существующее как таковое, обрывая свою связь с ним. Становится перманентным новационизмом, «непрерывной революцией», когда новое служит не развитию системы, а её абсолютному отрицанию в пользу (из)обретаемых «из ничего», синергетически самоорганизующихся из-мыс(ш)ленных конструктов. Критикуя идеологию прогресса, его нередко отождествляют с прогрессизмом. «Учение о прогрессе, — писал, в частности, Н.А. Бердяев, — есть, прежде всего, совершенно ложное, неоправданное, ни с научной, ни с философской, ни с моральной точки зрения обоготворение будущего за счет настоящего и прошлого»[2]. Он писал это, (пред)видя эпоху превращения модерна в постмодерн, когда новое обретало самоценность. Не новое — для Чего-то, а чего-то — для Нового. Когда, в противоположность модерну, настоящего в его самости не существует, оно «временится» из будущего, а прошлого как реальности, его истории нет вообще. Вместо них возникает ретроальтернативизм, допускающий любое «проектируемое» прошлое или остаётся «дискурс памяти». Вектор истории заменяется вектором футурологии, только с обратным знаком. Это парадигма «транс»(модернизма, ноонизма, гоманизма), переступания через мир человека и его реальное жизненное время. Философия (пост)людей, чьё сознание «переформатировано» отчуждёнными от них силами.

Перерастание прогресса в трансгресс, когда человек из субъекта процессов превращается в их фактор и материал, больше не даёт ему, опирающемуся на идеологию прогресса, перспектив на выживание. Если прогресс перерос в стадию деконструкции человека сначала как субъекта, а потом как

---

[1] Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М., 1984. С. 55.

[2] Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 145.

индивида, то для нас это регресс, вырождение. Философия людей должна искать о(бо)снование продолжения их бытия с учётом изменившихся обстоятельств. Представляется, что понятие «традиционного» прогресса как развития с сохранением того, что развивается (устойчивого развития), на мировоззренческом уровне целесообразно выразить через понятие *динамического консерватизма*. Динамический консерватизм — это идеология устойчивого развития как деятельности, обозначение процессов непрерывного движения и изменения, но не в каком-то направлении «вовне», а для сохранения равновесия системы. Как канатоходец может удерживаться на канате, только непрерывно двигаясь в разных направлениях, но цель этих изменений сохранение себя, так и человечество все изобретения и перемены должно приводить к своей мере. Динамический консерватизм или консервативная динамика — это естественное условие существования любой формы сущего до тех пор, пока она не превращается в нечто иное, а философия бытия в целом не заменилась философией становления, отправной идеей которой является непрерывность перемен и ничто, хаос. «...Для хаоса, — пишут Делёз и Гваттари, — характерно не столько отсутствие определённостей, сколько скорость их возникновения и исчезновения».[1] «Скорость убивает. Не превышайте её» — это требование на щитах ГИБДД относится ко всей нашей цивилизации. Но она его не соблюдает. Бог начал выписывать катастрофические штрафы. Может, успеет?

Итак, вечно движущаяся материя = реальность = абсолютная идея = циклизм = бытие — это единая линия динамического консерватизма, противостоящая возникновению из ничего = бесконечности становления = потенциализму = временности = меонизму — другой единой линии универсального трансгресса. С точки зрения динамического консерватизма мир всегда был и существует для того, чтобы существовать. Как и отдельные входящие в него «системы» уникальны и незаменимы в своём собственном бытии. Любое сущее, — говорил Спиноза, — стремится оставаться тем, что оно есть. Камень оставаться камнем, тигр тигром. Ну а человек, — продолжим мы, — человеком. Если он, разумеется, в своём, не чужом уме. Смысл нашего бытия в том, чтобы заботиться об укреплении и совершенствовании собственной идентичности. Так поступает человек как индивид, если он не самоубийца, так он должен поступать и как родовое существо, если не инонист и не трансгоманист.

Всё это при условии, если и насколько человек сознательно определяет свои поступки, способен, когда необходимо, грести против течения, а не

[1] Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., С. 57.

несётся (уносимый) им. *В эпоху Вырождения,* т.е. трансмодернизма, когда посредством человека начинает саморазвиваться техника, основные рефлексивные способности людей должны быть направлены на то, чтобы грести и править против течения. Мы всё равно будем двигаться куда-то вперёд, как индивид движется к превращению в иное, но правит, насколько возможно, в противоположном направлении. Это понимание есть даже в детских страшилках: «Мальчик шёл по тротуару, а потом исчез // Мальчик знает, что умрёт и живёт наоборот». Если «прогресс не остановишь», то незачем его и толкать. *В ситуации транс(про)гресса сознательные, смысловые усилия людей должны сосредотачиваться на управлении им. Идеологией нашего выживания должно быть «управляемое развитие» (controlled development).* Самое трудное, донести философию динамического консерватизма и управляемого развития до профессиональных учёных, технократов и философов науки, ибо они являются носителями технолого-океанического поток(п)а, его гениально без(д)умным материалом. Задача практически безнадёжная, тем не менее, руководствуясь проповедуемой консервативно–динамической философией, всё равно надо грести. Уповая и опираясь, кроме своих сил, на ту же воду, в которой, если она большая, много разных течений.

«Возвратиться к истокам» — призывал, как известно, М. Хайдеггер, проницательный аналитик истока отказа от истоков. Это линия экологии, реставрации и восстановления «ускользающей реальности», всяческого укрепления сохранившихся устоев её развития (констант, генома, фундамента, традиций). Консервативно–экологические подходы с не меньшей обязательностью надо культивировать по отношению не только к природе, но и к культуре, к формам социальной и духовной жизни. Пример возрождения традиционных религий, интереса к эзотерическому знанию, казалось бы, в окончательно секуляризованной цивилизации, показывает, что у человеческого духа ещё есть резервы. Возможен и моральный, художественный подъём, общее восстановление духовной вертикали. Многих, особенно либерал-технократов и техно-социалистов, это пугает, особенно опасными им представляются социально-политические консервативные движения, перспективы «консервативной революции» (трансгуманисты в своих программах прямо обозначают себя её заклятыми врагами). Потому что в них провозглашаются ценности, которые обеспечивают продолжение жизни, укрепление её корней. И напротив, культивирование ценностей, благодаря которым передовой отряд цивилизации перестаёт воспроизводиться, вымирает, уже не духовно, а буквально, демографически, и конечно, не из-за нехватки богатств, а из-за своего образа жизни, их не пугает. Ценностей смерти, mortido они почему-то не боятся, приняли их, восхваляют как

универсальные, провозглашая эталоном для всего мира, вплоть до навязывания военной силой. Эта перверсия говорит о глубочайшей, трагической инволюции трансгрессивного сознания.

Консервативное философствование, вина которого, с позиции трансгресса видится в том, что оно направлено на сохранение сущего, по определению насторожённо относится к новому. Это правда. Но было бы без(д)умием его игнорировать, уходя в глухую оборону, в отрицаловку. В высокой авангардной технонауке есть то, в чём оно может найти своё оправдание, обосновать необходимость и право на существование. Технонаука новационна, но не детерминистична, тем более не фаталистична. В её модели мира возможно «всё», любые формы и «проекты». Идеи бифуркации, плюрализма, мультикультурализма, гипертекста, нелинейности процессов, множественности миров и уровней реальности, вечного возвращения и т.п. оставляют, наряду с другими, место и консерватизму, дают ему теоретическую перспективу. Который, если он на них опирается, можно считать *неоконсерватизмом = археоавангардной философией.*

Археоавангардное сознание не боится нового, но оценивая его, производит отбор с точки зрения интересов и перспектив человека. Это естественно, ибо количество новаций близится к бесконечности, а их превращение в ин–новации происходит по случайным, политически сиюминутным или бухгалтерским соображениям. Стихийная свобода научно-технического разума не может удовлетворить никого, кто хотя бы претендует быть разумным субъектом. Как ни парадоксально, при её аксиологически осмысленном преодолении борьба за «настоящ(их)ее» людей и их мира, перестаёт быть верой и желанием, она укореняется в знании. Выступая против сведения органического к техническому, живого к бессмертному, мышления к исчислению, неоконсервативное археоавангардное сознание является вполне актуальным. В таком смысле оно тоже новое, ибо «вечно новое». То, что полезно, талантливо и человечно — всегда новое. И всегда — старое. Устойчивое = управляемое развитие, динамический консерватизм, археоавангардизм — это три имени одной и той же философии выживания людей как Homo *vitae* sapiens.

2. Акмеология и эстология

Поскольку сопротивление трансгрессу и трансгуманизму, всей без(д) умно научной идеологии «транс», заменяющей природу вещей принципом «пере»-ходности из одного в другое, предполагает опору на непрогрессист-

скую трактовку бытия, которая после Нового времени стала маргинальной, то с учётом изменившихся обстоятельств и угроз выживание человечества требует, по волновой логике отрицания, вновь поставить её в центр жизни. Это значит, что вместо не имеющего внешней цели бесконечного развития или признания таковой самого его процесса, мы должны признать наличие «целей в себе» у каждой вещи, у каждой, говоря современным языком — сингулярности. Подобно тому, как мир в целом существует для того, чтобы существовать, так и сингулярность имеет «цель в себе», которая состоит в как можно более полной реализации собственной природы, заложенного в ней потенциала, в достижении ею «акме». Учением об устойчивом развитии сущего в рамках его совершенствования могла бы стать *акмеология.*

Для этого нужна предварительная деконструкция сложившихся или на наших глазах складывающихся представлений о мире, «вытаскивание» из-под господствующих форм, в духе Ж. Деррида, подавленных ими смыслов. Про(транс)гресс зашёл так далеко, что вводит в норму отказ от признания у вещей какой-либо сущности (по-старому, природы), сначала заменяя её, относительно человека, понятием идентичности, а потом отрицая эту сущность/идентичность и у него. Распространяется «критика идентичности», расчищающая почву растворению человека в коммуникациях, его превращению из индивида в «мультивида», в концептуальные персонажи. Это в контексте информационизма. В контексте биотехнологий распространяется отрицание значимости наследственной обусловленности человеческих свойств, при том не среди приверженцев Дж. Локка, лысенкоизма или феминизма, а среди генетиков. Расчищается почва для биотехнической манипуляции человеческими свойствами и «легоконструирования» монстров с любыми(!) другими свойствами[1]. Впрочем, не будем повторяться в освещении ино-трансгуманистической линии, ведущей, здесь мы полностью согласны с Ф. Фукуямой, к постчеловеческому будущему, но не соглашаемся в том, что оно будет «наше».

Мы согласны с высказыванием некоего Римского Папы, который на предложение изменить христианский символ веры ответил: «Или мы останемся, какие есть, или нас не будет». И не надо лгать хотя бы себе, куда (при)идёт дело, если это движение не пытаться направлять, разрабатывая

---

[1] Разбор дискуссий вокруг генной инженерии, с подробным изложением позиций «либертарианского» и консервативного лагерей см.: Фукуяма Фр. Наше постчеловеческое будущее. М., 2008.

другие, более благоприятные варианты будущего. Под акмеологией мы понимаем не просто «состояние личности, характеризующееся зрелостью её развития и достижением высоких показателей в деятельности», а установку на раскрытие и изживание всех присущих той или иной сингулярности уникальных для неё свойств. Из психологии индивида это понятие переносится на человека как родовое существо и – шире, на мир в целом. Включается в мировоззренческую парадигму неоконсерватизма как идеологию выживания человеческого рода в техногенную эпоху. В утверждении её, чтобы снять у читателя нарастающее впечатление об авторе как зарвавшемся философском провинциале из России, сошлёмся на признанный мировой авторитет. «Любой род как таковой совершенен. Человеческий род совершенен, и он противится какому бы то ни было его усовершенствованию. Он плох, но он совершенен; взятый в его уникальности, он бесподобен. Конечно, здесь возникает определённая проблема: настаивая на совершенстве родов, мы рискуем впасть в креационизм, согласно которому всё имеет место по милости Божьей, всё неизменно и т.д.! Опасность возвращения к мифологическому восприятию вещей действительно существует, однако ориентация на исторический и ментальный эволюционизм не менее опасна…

Необходимо сохранять уникальный голос каждой детали, каждого фрагмента, каждого рода и освобождать их тем самым от гнёта конечного предназначения!»[1]

Да, мир, тем более человек, ни для чего не предназначены, даже, как ни тяжело это слышать технократам, для «реконструирования» и прогресса. Хотя, например, верующие живут не для себя, а «ради Бога», они стремятся к самосовершенствованию как спасению души, не превращаясь в материал для развития. Идеалом всех религий, так или иначе, является духовное преображение, воскрешение, перевоплощение, а не замена человека чем-то другим, «более высшим». Попытки интерпретировать обитателей божественных миров, особенно ангелов как «реальных виртуальных существ» и пусть косвенно, но обещать подобное небывалое состояние будущим людям показывает, какой абсурдный размах приобрела технизация современного сознания.[2] Философия людей не должна впадать в этот соблазн. Неоконсервативное акмеологическое сознание заботится

[1] Бодрийяр Жан. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург. 2006. С. 100.

[2] См., например: Носов Н.А. Психология ангелов по Я. Бёме. // Человек. 1994. №1; Носов Н.А. Эммануэль Сведенборг об ангелическом супружестве. // Урания .1995. № 2.

о земном человеке, не возгоняя его в/на новые «компьютерные небеса». Здесь оно совпадает как с каноническими христианскими представлениями о человеке в западной цивилизации, так и с восточными религиями и эзотерическими учениями о нём. Фактически со всей традиционной культурой. «Наша идея, — писал Шри Ауробиндо, — что жизнь есть поиск Бога и высочайшего «я» и что общество также должно однажды взять это положение за свой принцип. Современное общество — по крайней мере, в своём сознательном стремлении к цели –довольно далеко от любой попытки прийти к мысли такого рода»[1].

Считать, что светское общество не стремилось к «высочайшему я» на Земле будет не справедливо. Эта линия так или иначе присутствовала в любых его типах, может лишь, действительно, исключая нынешнее буржуазно-потребительское (без святых и героев), официальные великие цели которого не простираются дальше «комфорта». Эпоха Возрождения, гуманизм, марксистский гуманизм своей высшей целью считали формирование всесторонне развитого, гармоничного человека, безграничное совершенствование его телесно–духовного континуума. В основном неудачная, с кратковременным успехом попытка её реализации в условиях государственного социализма показывает, какие громадные резервы у земного человека для своего дальнейшего роста. Какие возвышенные, во многом утопические, а значит, требующие величайших усилий, задачи стоят перед ним. Бояться, что настоящий родовой человек — это некий «тупик в прогрессе» и без «генного дизайна» ему некуда развиваться, улучшаться, воистину чепуха, которую бессознательно или специально культивируют отдельные его носители “гена смерти». «We have no serios alternative then to be perfect» (У нас нет серьезной альтернативы тому, чтобы быть совершенными); в более вольном и точном переводе: *«У нас нет другого выхода, как быть совершенными»* — эту надпись я видел на майке молодого человека в московском метро. (В метро — важнее, нежели знать в какой книге, и каким знаменитым «скриптором» она была написана). Её можно считать девизом акмеологического философствования. Но девизы предполагают теоретическую проработку того, что в них выражается.

Ближайшим к акмеологии контекстом является эстетическое сознание. Особенно если брать его не в привычно узком смысле слова, как учение о прекрасном, а онтологически. В русле постмодернистского философствования всё настойчивее говорят об эстетическом повороте, возникновении своеобразной «метафизической эстетики» или «эстетизации метафизики».

---

[1] Шри Ауробиндо Человеческий цикл. С-Петербург, 1999. С. 172.

С этим можно согласиться, если учитывать двойственный, неоднозначный характер данного поворота. С одной стороны, в нём проявляется безответственное, игровое отношение транс(пост)модернизма к реальности, его принципиальный «антиэтизм». Это всё та же линия движения человечества к самоотрицанию: думать без рефлексии, не соотносится с реальностью, культивировать «игру ума», не заботясь о последствиях. Идеальная модель такого подхода реализуется в компьютерных играх. А может и наоборот, компьютерные игры становятся на/в место бытия. С другой стороны, если уже сейчас человек везде виноват как ф(u)актор и главная задача технологий убрать его отовсюду, даже из образования и медицины, то зачем и где он скоро будет нужен? С точки зрения эффективности, рациональности, на что ориентировано «процветающее общество деградирующих индивидов», составляющие его субъекты становятся лишними. Для начала — безработными. О смерти субъекта не писал только ленивый. Особенность эстетической онтологии в том, что в отличие от рационализма, она обосновывает право людей на будущее «бесполезное» бытиё в тотально технизированном обществе. (Бес)полезное, «по праву» существования любых форм и сингулярностей как таковых. Эстетизм меняет установку на явления, предлагая их оценивать не с позиции эффективности, а с позиции «таковости», «дара», подобно бытию в целом. Мы лишний раз убеждаемся в пророческой правоте Ницше: «Мир и человек имеют единственное объяснение, единственный смысл как эстетический феномен». Подчёркивание самоценности любой формы бытия, эстетизация жизнедеятельности людей оставляет им, перед угрозой исполнения её машинами, нишу для существования. *«Кот не перестаёт ловить мышей, даже после изобретения мышеловки»*.

Но *Ему* надо обеспечить подобную возможность, выстраивая соответствующую модель мира, сначала идейно, потом теоретически, а потом, если повезёт, да сам он постарается, то сможет жить в ней практически. Онтологический эстетизм предполагает эту модель и в таком качестве можно говорить о возникновении эстетической онтологии или «эстологии». *Эстология* — учение, в котором выражается общефилософский смысл эстетики, её трансформация в фундаментальную метафизическую онтологию, сливающуюся с акмеологией. Акмеология предстает частью эстологии, её высшим уровнем. Вместе они дают основание и образец совершенного бытия каждой вещи, преодолевая абсурд бесцельного эволюционизма perpetum mobile. Эст(акме)ология является ипостасью динамического археоавангардного консерватизма. Во взаимодействии с ним, насаждающаяся в потребительском обществе бездумная зрелищность, игровой, антиэтический и безответственный заряд эстетизма, могут быть нейтрали-

зованы. При, разумеется, дальнейшей концептуальной разработке и воплощении обозначенных мировоззренческих течений, а также, конечно, если кот будет ловить мышей. Динамический консерватизм, археоавангардизм, акмеология и эстология — это четыре стены философского дома людей, в котором, даже находясь в окружении зомби, люденов и трансхьюманов, можно надеяться на выживание. Но чтобы быть прочным, он нуждается в фундаменте.

3. Коэволюция и полионтизм

Его строительство — дело длительное, на данном этапе реально провести своего рода тендер проектов. Хотя это самое главное — не ошибиться в выборе.

Наиболее авторитетной теоретической моделью Бытия (в научных терминах — материи, Вселенной), начиная со второй половины XX века и по сию пору, является универсальный эволюционизм, методологическим стержнем которого является синергетика. Ему/ей присягнули почти все естественные науки, от микро и астрофизики до химии и биосемиотики. В этой модели сущее рассматривается как изменяющееся в определённом направлении: от низшего — к высшему, от простого — к сложному и его атрибутом в таком случае надо считать не любое изменение (движение), а развитие (становление). Это означает, что функционирование, устойчивость, равновесие, взаимодействие, другие возможные его состояния лишаются самостоятельного статуса и предстают материалом становления и развития. Источником направленного развития, о чём уже говорилось, признаётся ничто, хаос, пустота («Время предшествует бытию» — такую запись оставил И. Пригожин на стене для почетных гостей МГУ), а также самоорганизация, упорядочивание... времени(?). В бытийно-мировоззренческом плане это всё-таки некий творческий акт, ситуация креативного меонизма. Целью тоже является, например, в христианском эволюционизме Тейяра де Шардена «точка Омега» (фактически Бог) или просто Бог (без кодирования знаком), некий Разум (Бог по-научному) или просто дурная бесконечность. В любом случае развитие начинается или останавливается либо в Боге, который вечен, либо в хаосе бесконечности, которая, будучи бесцельной, допускает любые повороты, превращения и возвраты. «Развития по-научному» не получается. Неудивительно, что в физике продолжают существовать, «не сдаются» другие модели Вселенной: стационарная, пульсирующая, «схлопывающаяся» и наиновейшая, «матричная»:

it,s from bit. Каждая из них имеет своё теоретическое и эмпирическое обоснование, аргументы «за» и «против», по силе они нередко кажутся одинаковыми. Не нам судить, кто из «физиков» прав.

Однако без привязки к большой теории обойтись невозможно. Осуществляя её, надо помнить об обусловленности науки жизнью, особенно в социально-культурном плане, и наоборот, обусловленностью ею нашего жизненного мира. Окончательный аргумент в выборе должен быть за интересами сохранения человека. С этой точки зрения в нынешних обстоятельствах эволюционизм не может быть философией людей, их выживания. Универсальный эволюционизм — предельно обобщённое выражение идеологии линейного прогресса, когда он выходит за пределы социума и распространяется на мир в целом, в результате чего все формы сущего представляются «абстрактным моментом», предпосылкой какой-либо одной, той, что признается высшей или (по времени) — последней. Причиной такой универсализации является стремительное возрастание роли искусственного в окружающей нас реальности, через призму которого начинают рассматривать всё. Искусственное из-обретается, проектируется, «творится» — изобретается/творится и остальной мир, в том числе его прошлое и настоящее. Естественному, рождено-смертному человеку и «до-мысленной», не переработанной природе в искусственном мире не остается места. Потому что она — природа, и он — человек — не последние и не «высшие» состояния бытия. Последними, значит высшими, являются последние технологические достижения, которым сдают «на исправление и усовершенствование» человека. Универсальный эволюционизм — это фундамент инонизма и трансгоманизма, бесконечного новационно-технологического трансгресса, уносящего с собой всё суще(ствующе)е, в том числе людской род.

Философия сохранения любого сущего должна исходить из того, что бытие в целом какой-то высшей цели не имеет, что это реальность, отдельные части, сингулярности, «системы», уровни которой, взаимодействуя друг с другом, коэволюционируют. Коэволюция и изменение как атрибут бытия допускают одновременное разнообразие его форм и состояний. Если прогрессизм предполагает отрицание одной системы другой, когда микромир и виртуализм подавляют предметные макроотношения, социальное снимает биологическое, более мощный искусственный интеллект заменяет естественный, то коэволюция предполагает их совместное развитие в рамках некой целостности взаимодействия. Они — со-у(ю)зники. Это динамическое, внутренне расчленённое, субстратно разнородное состояние бытия, которое можно определить как *универсальное коэволюционирующее целое.*

Его компоненты связаны друг с другом не субстратом, а единством той или иной функции, местом в структуре/сети существования. Внешней среды для него нет, она трансформируется в способ взаимодействия включенных в него компонентов. Такой подход позволяет учесть специфику одновременного существования и поддержания самости естественного и искусственного, живого и мёртвого, человеческого и иного. Коэволюция — это неоконсервативная «модель», «схема» Вселенной, признающая самоценность и возможность развития всех её бытийных форм, в соответствии с их сущностной природой. Она, конечно, «философская», умозрительная, но не более, нежели многие другие модели, выдвигаемые в физике и фундированные математическими выкладками. За этими выкладками обычно всё равно стоит какая-то содержательно- смысловая идея, мировоззренческая концепция.

Для понимании явлений иногда достаточно послушать язык, особенно родной, который, в отличие от чужез(а)емного, информационного, укоренён в живой почве образов и культурных ассоциаций. Коэволюция — со-эволюция, совместная эволюция, со-развитие, со-действие, со-общество, со-гласие, со-общение, к(с)оммуникация, со-ю(у)зники — все эти понятия несут смысл взаимности, диалогизма, направленности друг на друга и обусловленности одного другим. «Со»=«вместе»=«купно» — это выражение общности=разделённости положения и судьбы. Со-вместности бытия. Для универсального коэволюционирующего мира нет внешней цели, она у него «в себе». Также и у его отдельных миров, направленных на иное, которое, в свою очередь, служит их бытийности. Это значит, что можно говорить о взаимо-со-купно-действии миров жизни и миров разума без их редукции к какому-либо одному из них. В том числе, и прежде всего, не допуская подмены качественной человеческой реальности информационно-компьютерной, гуманизма трансгоманизмом, проживания Бытия — его техногенным моделированием.

В тысячелетних спорах о природе сущего, Вселенной идея коэволюции порывает с его/её господствовавшей «аристотелевской», иерархической трактовкой как единственного целостного мира и опирается на модель (концепт) множественности миров. Она является *полионтической, мультиверсалистской.* Это, как показал выдающийся знаток данной проблемы В.П. Визгин, линия атомизма, Н. Кузанского, Дж. Бруно, Лейбница. «Природа не только соединяет вещи, — реконструирует он принципиальную идею Дж. Бруно, — но и заботливо их разделяет, что означает, что разъединение, множественность и разнообразие ценны сами по себе, так как настоящее единство живо именно неунифицированным

разнообразием»[1]. В истории человеческих идей эта линия боковая, как бы незаконная (Дж. Бруно за неё сожгли). Однако в последнее время именно в данном направлении развивается философская мысль в связи с идейным кризисом, вызванным постмодернистским отрицанием мира и человека в нём, вернее, с поисками выхода из сложившегося самоубийственного положения. Выхода путём возврата вспять, «к Платону», к «воскрешению основного вопроса философии» с одной стороны, и нарастающем влиянии полионтического моделирования реальности как новой парадигмы мышления, с другой. Выкристаллизовалась задача создания «позитивного постмодернизма», решением которой занимаются его последние могикане или, лучше сказать, «after-постмодернисты». Ведущий из них, Жан-Люк Нанси вместо (после) постмодернистских опытов деконструирования метафизики предпринял её новую реконструкцию, связывая это предприятие с идеей множественности миров. «Существование, — формулирует он исходный тезис своего проекта, — существует во множественном числе, единично множественном. Следовательно, формальное фундаментальное требование, видимо, таково: в отношении бытия не может быть выдвинуто даже предположение о том, что оно является просто единичным. Его единичность множественна в самом своём бытии. Из этого следует не только, *что бытие-друг-с-другом не должно пониматься исходя из положения о едином бытии, но, что напротив, именно единое бытие* (бытие как таковое, абсолютное бытие, или ens realissimum) *должно пониматься лишь исходя из бытия друг-с-другом* (курсив Ж.–Л. Нанси — В.К.).[2]

Соглашаясь с подобным подходом, мы не можем на него полностью, т.е. бытийно оперется. В силу природы постмодернизма, полионтизм в нём сводится к «математической онтологии», виртуалистике, а истиной бытия объявляется матема и её «пустые множества». Он очень близок ММИ — много мировой интерпретации Вселенной Эверетта и в ее расширенном варианте М.Б. Менского, которую мы обсуждали в первой главе, стремясь показать, что соединенная с редукционизмом, она лишает нас собственного мира. Что по сути своей, она не много мировая, а субстанциалистски «микро» мировая и информационная. В своём развитии она, как и проект Ж.–Л. Нанси, (или, может быть, наоборот, проект Ж.–Л. Нанси) поразительно напоминае(ю)т слепок с взаимодействия агентов (Множество), объединённых универсальной коммуникационно-

---

[1] Визгин В.П. Идея множественности миров. М, 1988. С. 183.

[2] Нанси Жан-Люк. БЫТИЕ единичное множественное. Минск, 2004 С. 95. Теми же мотивами пронизана книга А. Бадью: Делёз. «Шум бытия». М., 2004.

информационной Сетью (Единство). На(по)следники постмодернизма, как и «нанофизики», не могут освободиться из плена информационности и когнитивизма, им уже трудно представить, будто что-то существует в «обычном измерении», за пределами математики, языка, знания, текста, вне их граммато(логической) информационной паутины (как скоро будет страшно оторваться от всё более плотно окружающих нас, грозя окончательно замуровать в искусственном мире, экранов и симулякров). Нам представляется, что идея множественности миров прежде всего должна разрабатываться в бытийно-физическом и антропологическом плане, в русле соотношения субстратной и коммуникативной онтологии, смыслового, ценностного, а не только когнитивного моделирования. В отношении каждого отдельного мира она ориентирует на возможность взаимодействия и диалога с ним, исходя из того, что, как писал идеолог универсального диалогизма М.М. Бахтин, «ничего окончательного в мире ещё не произошло, последнее слово мира ещё не сказано, мир открыт и свободен, ещё всё впереди и всегда будет впереди».[1]

Концепт коммуникативного полионтизма — это *Единство во множестве*, *Со-бытие*, но далее, в отношении характера составляющих его миров и их взаимодействия — вопросы, открытые для обсуждения на разных уровнях знания. Речь может идти о бесконечно актуальных или потенциальных множествах; или когда бесконечное множество мыслится как потенциальное, а единство как актуальное, задаваемое субъектом, например, при постулировании «жизненных миров» в феноменологии; о взаимодействии единства и множества по принципу континуальности, голографии — всё в одном, одно во всём; или о моделях синергийного существование миров «неслиянно и нераздельно», подобно Троице, хотя не ограниченное базисным минимумом бинарной логики, а «неслиянно и не раздельно» в масштабах множества миров. И т.п. научно-теоретические модели, особенно на уровне квантовой механики, при обсуждении которых философии трудно претендовать на сколько-нибудь квалифицированный голос, однако она обязана, рефлексируя над принципами и общим движением мысли, над духом времени, делать это ценностно, оценочно. Что мы здесь и пытаемся, отдавая предпочтение полионтической парадигме как более адекватной для обоснования права на выживание «традиционного» человека. Много мировая интерпретация — да, но с позиции реализации Нашего Мира. Мира, в котором может жить человек как Homo *vitae* sapiens. В вопросе Генезиса ей соответствует не

---

[1] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. Изд. 4. С. 193.

креационизм в виде возникновения из ничего, а принцип феноменологической манифестации бесконечно вечного. В коэволюционно-полионтической редакции книги Бытия сказано: «*В Начале было Всё. И Всё было у Бога, и всем был Бог*».

4. Феномен-реалистическая реконструкция философии

«Каждый философ знает, что на самом деле его самого нет. Как и то, что весь мир, в котором его «нет» — тоже иллюзия». Свершилось! Именно к этому шла и пришла метафизика, особенно на современном этапе, начавшемся от Канта, содержанием которого являются трансценденталистско-структуралистские и логико-аналитические направления философии как философии науки — и сама наука. Дальнейшее движение человеческой мысли в том же направлении есть движение по пути «ничто», смерти и нигилизма, ее превращение в «философию отсутствия» как самого человека, так и его мира. За «смертью человека» провозглашенного постмодернизмом, следует смерть соразмерного ему бытия, Dasein, (впрочем, она в нем тоже обосновывается, особенно в виде борьбы с «присуствием»), наступление которой означает перерастание постмодернизма в трансмодернизм. Это этап когнитизации и дигитализации среды обитания Homo vitae sapiens, ее превращения в целиком искусственную, более того, несоразмерную ему микро и мега среду, универсум информации и виртуализма. Вместо реальности жизни и жизнедеятельности возникает абиотическая реальность чисто технической деятельности. Для е-Homo или пост-Homo, или что там будет «после» (см. нано-биотехнологии, виртуалистику, трансгуманизм, философию Интернет и computer sciense и американские фильмы, к которым надо относиться уже не как к фантастике, а как моделированию ближайшего будущего).

Соответственно, вал техногенной философии, точнее общенаучной методологии всех видов, т.е. постфилософии будет нарастать, экспансия ничто иррадировать во все сферы человеческого духа. Это — несомненно. Достаточно видеть, как в образовании гуманистическая проблематика вырождается в информационно-гуманитарные технологии, а гуманизм как мировоззрение, хотя тут пока начало — в трансгуманизм. Что же говорить о других сферах современной деятельности. Тем не менее, поскольку живой человек существует, иногда выступая все еще не как «фактор», но и как субъект, а его природа и природа вообще, хотя подавлены, но остаются, сопротивляются, людям можно надеяться на длительное, парал-

лельное с миром техники существование. Одним из условий этого является наличие у них адекватного складывающимся обстоятельствам жизненного мировоззрения, философии выживания. Представляется, что такой философией, в свете того, к чему пришла историческая метафизика, может быть феноменология. Не в узком смысле слова, как некое отдельное философское направление, а как современная онтологическая парадигма человеческого бытия, ибо по отношению к когнитивизму и дигитализму, оно все стало феноменальным. В статус феноменов попадают не только воспринимаемые чувствами «вторичные качества», но и любые макроразмерные вещи, вся реальность в человеческом измерении, в том числе реальность смыслов, от поэзиса до логоса. И матезис, если и когда он включен в собственно человеческую деятельность в качестве средства. Это если по отношению к информационной реальности. Для самого человека как носителя разумной жизни, как Homo *vitae* sapiens они являются феноменами особого рода — субстанциальными. Наш мир как мир в человеческом измерении, *наша реализация* одной из возможных форм бытия есть феномен-субстанция. Весь и все.

Феномен–субстанция — фундамент главного принципа феноменологии: «к самим вещам», означающий отказ от редукционизма как поиска за явлениями чего-то иного, все более и более глубокого и, в конце концов, потерю явления, которое искали и изучали. Это принцип бытия как такового. Что в Начале было «Слово» — не совсем так. В начале было главное, высказанное, правда, словом положение библейского Бога: «Ego cum qui cum». По-русски: «Я есмь сущий» (Исход, 3:14). Еще яснее, буквальнее, на английском: «I am that I am». (Я есть то, что я есть). И ничего больше, ничего дальше. Бытие ниоткуда не выводится. «Всеобъемлющее бытие единственно. Будучи самодовлеющим, оно не допускает ни над собой, ни возле себя ничего» (Гегель). Оно первично, аксиоматично и через «ничего» только транс-формируется из одного состояния в другое, из *этой* вещи в *ту*. Этот общий для бытия принцип проявляется в каждой вещи, поскольку она есть то, что она есть. В ней он предстает как принцип сохранения, т.е. тождества, идентичности данной вещи. Который тоже ниоткуда не выводится. Нарушив его, мы теряем ее как таковую. Не надо искать что-то другое/другую за зеркалом, царапать, скоблить или разбивать его, чтобы понять природу отражающейся в нем вещи или лица. Тогда они пропадают. Вместо них мы получаем «ничто» и «иное». Как происходит, произошло с развитием метафизики и науки. Снимая и отбрасывая слой за слоем оболочки луковицы, они остались без луковицы. Феноменология хочет ее сохранять.

Однако, не трансцендентальная. Трансцендентальная феноменология Гуссерля — это в действительности трансцендентальная *ноуменология*, феномен-ничто, потенция, которая, в отличие от метафизики, двигавшейся в направлении «ничто» сотни лет, приходит к нему сразу, по своей сути. Она его предполагает, с него начинает и им заканчивает, давая начало новой, постчеловеческой дигитально-когнитивной реальности. Это, в сущности, ноу(фено)менологический конструктивизм, не предполагающий удержания сущего. Об удержании суще(ствующе)го можно говорить при опоре на феномен-субстанцию, то есть на феноменологический реализм или «реалистическую феноменологию», идея которой наиболее осмысленно обосновывалась М. Хайдеггером. Хайдеггерианство — оппозиция гуссерлианству, что, в общем-то, как известно, сразу «опознал» Гуссерль, а потом в этом не раз признавался и Хайдеггер. «Наоборот, — говорил он прямо в противоположность гуссерлевской программе достижения чистого, в пределе, формализуемого знания, — все гуманитарные науки и все науки о жизни именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными. Конечно, жизнь тоже можно охватить как величину движения в пространстве и времени, но тогда нами схвачена уже не жизнь Неточность исторических гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение существенного для этого рода исследований требования».[1] Феноменологический реализм и есть «возврат к истокам», к бытию, которое постепенно в своем развитии забывала метафизика и от которого, «по определению», отказывается трансцендентальная ноу(фено)менология. *Феноменологический реализм **или** трансцендентальный идеализм — так сейчас воспроизводится (в общей маске феноменологии) тяжба между бытием и ничто, всегда пронизыва(вш)ющая философию как ее основной вопрос.*

«Возврат к истокам» вовсе не обязательно понимать как возврат «к досократикам», в какую-то первобытную доисторическую эпоху, что очевидно нереально. Его надо понимать как возврат к естественной установке, при том не редуцированной до научного познания. Как возврат к жизненному миру людей, философии сохранения условий их существования, их бытия. К сохранению чувственных, «вторичных качеств», которыми, перед фактом когнитизации мира стали и мысленные, «первичные», т.е. физические, весь предметный мир, включая его человеческое восприятие и о-сознание, поэзис и логос. «Непосредственное» (изначальное, не опосредованное, ничем не экранированное) — таков русский перевод слова «феноменологическое» («само-по-себе-себя-кажущее», по Хайдеггеру), то есть мир как он

[1] Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 44.

предстает человеку через его телесность, общение с другими, переживание окружающей реальности и основанное на нем живое знание. Знание, полученное не из текстов и интерпретаций, не подготовленное другими и даже не с чужих слов, не через язык. Вырваться из «тюрьмы языка» начали призывать даже те, кто начинал с пропаганды его абсолютности.[1] Удержать, сохранить то, что еще бьется, хотя все более глухо, внутри непрерывно утолщающейся и окостеневающей скорлупы экранов и технологий — вот содержание этого подхода. Все, кто хочет более или менее полноценно жить, а может и вообще жить, теперь консерваторы и феноменологические реалисты.

Феномен-субстанция, философия феноменологического реализма, в определенном смысле тоже есть «чистое знание», но очищено оно не от психологизма, субъектности и жизни, а, наоборот, от его абстрактных и отчужденных форм, от знаковости, текстуализма и автоматизма. Во взаимодействии с миром оно требует снятия, отбрасывания презервативов «ксерокс-знательности», не позволяющих чувствовать и продолжать жизнь. Не в том смысле, что формализация и математизация совершенно исключаются из познавательной деятельности, а в том, что так или иначе они всегда должны приводиться к живому знанию, присутствуя в нем на положении средства и никогда цели. Феноменологическое знание — это герменевтическое знание-понимание, знание-диалог, знание-переживание, такое, о котором обычно толковали как о специфическом для гуманитаристики. В информационном мире и при наступлении «общества знания», грозящего перерасти во всеобщее «знание без понимания» или даже «информацию без знания», когда когнитивисты и математики почти вслух начинают пренебрежительно говорить о смысловом и логическом мышлении людей, что «все это феноменология», сиречь иллюзии, реалистическая феноменология должна стать парадигмой нашего мышления вообще. Если оно хочет, будет оставаться собственно человеческим.

Трактовка феноменологии как преимущественно реалистической начинает пробивать себе дорогу в феноменологическом движении, базирующемся в основном на философии Гуссерля, подменившего, в погоне

[1] Показательна эволюция воззрений Ф. Анкерсмита, имевшего славу главного постмодерниста среди историков, пропагандирующего отказ от любых «метафор» в изучении прошлого (см. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры». М., 2003). В последнее время он удивил читателей, особенно своих приверженцев, призывами и «теоретической практикой» борьбы с «империализмом теории», реабилитацией исторического субъекта и его живого опыта (см. «Возвышенный исторический опыт». М., 2007).

за «строгой наукой», феноменологию ноуменологией. Однако видно, насколько непоследователен этот процесс. В опубликованную на русском языке (в серии «Реалистическая феноменология», с предисловием и с благословения Международной философской академии с центром в княжестве Лихтенштейн) «Антологию реалистической феноменологии» (М., 2006), наряду с Гете, наряду с Хайдеггером и В. Соловьевым включены тексты явно не имеющие отношения к реализму, трактующие феноменологию когнитивно и конструктивистски. «Из Гуссерля» почему-то взяты «Логические исследования», а не его поздние работы, и что самое странное, в антологию реалистической феноменологии не вошли такие авторы как Н. Гартман и Р. Ингарден (!), хотя только у них в XX веке она целенаправленно разрабатывалась. Они, можно сказать, ее классики, сознательные защитники Бытия, различавшие в нем слои и уровни, а также защитники Слова-Logos-а. Это показывает, что в феноменологическом движении пока нет смысловой ясности насчет различия между трансцендентальной (ноуменологией) и реалистической феноменологией (естественно и понимания значения предмета, которому посвящена упомянутая антология). Пришло время, когда движение pro феноменологию должно перерастать в исследования и развитие субстанциональной феноменологии как единственно адекватной нашему времени философии вечности Бытия в его проекции для Homo vitae sapiens.

* * *

«Сера теория, мой друг, но древо жизни вечно зеленеет» — утверждал гётевский Фауст. Ему не приходило в голову, что древо жизни может засохнуть, особенно из-за того, что люди начнут его подпиливать, обрубать ветви и обрывать листья. Образ человека, рубящего сук, на котором сидит, обычно сопрягают с окружающей природой. Это своего рода эмблематическая метафора экологической беззаботности человечества. Теперь её пора считать выражением общего отношения людей к своему бытию, эмблемой эпохи его Вырождения в инобытие. Как мы видим вокруг себя и чувствуем, кто способен, в себе, наша телесная, внутренняя природа подвергается не меньшему (по)давлению, чем внешняя, духовность и культура вытесняются технологиями, живое общение виртуальными коммуникациями и т.д. *Наша цивилизация влюблена в Иное. В смерть.* Во всё безжизненное, противоестественное, патологичное. Её передовой отряд влюблён безнадёжно, судьба о(т)ставших-ся ещё может быть всякой.

Параллельно успехам человечества в трансформации естественного в искусственное, в том же направлении, как мы видели, шло развитие

самой метафизики, приведшее к возникновению философии пост/транс-модернизма, её пере(вы)рождению в деконструкцию, безрефлексивные грамматологию и когнитивизм. Это единый процесс Эволюции, на пике которого произошёл её перелом, раздвоение на дальнейшую эволюцию техники и де(э)волюцию человека. Достаточно вспомнить хайдеггеровское утверждение: «атомная бомба взорвалась в трудах Парменида» и глубинно связанное с ним положение, что онтология теперь может быть только феноменологией. Но, скажем еще раз, не гуссерлевской, трансцендентальной, ставшей высшей точкой отлёта человеческой мысли от «натурализма», т.е. всего природного и живого. Не с этим великим спекулятивно-философским предвидением информационно-коммуникационной эпохи. Идеал «строгой науки» Гуссерля, вобравший в себя мечты всех «научных философов» и математиков о переходе к бессмысл(енн)овому формальному мышлению, от логоса к матезису осуществляется в виде «Вычислительной Вселенной». Это идеал искусственного интеллекта и когнитивизма, на основе которого возникает мир Иного.

Философия людей может существовать и развёртываться вопреки ему. И быть ею должна не трансцендентальная, когнитивно-научная, а только реалистическая феноменология, которую, для большей последовательности, не вдаваясь в обсуждение различий, мы также называли феноменологическим реализмом. Трансцендентальная феноменология и феноменологический реализм едины в том, что исходят из представления мира как «вещи-для-нас», оба отказываются от субъектно-объектного разделения реальности, её расчленения на сущность и явление, а в определённом плане и на истину-ложь. Это общий принцип, отличающий любое феноменологическое философствование от метафизического. Но далее торжествует «основной вопрос философии»: что первично = что есть сущее? Априорное (субстанциальное) Сознание, в котором бытие представлено в виде его состояния («интенциональность», направленность) или субстанциальное (апостериорное) Бытие, в котором в виде состояния представлено сознание («просвет», высшее свойство)? Эту оппозицию, как отмечалось, зафиксировал сам Гуссерль, отказавшись считать своим последователем Хайдеггера и назвавший, относивших себя к феноменологам, М. Шелера и Н. Гартмана «антиподами». Действительно, ни Хайдеггер с его Dasein, ни Шелер с его Ordo amouri (порядком чувств, пристрастий), ни Гартман с уровнями бытия, а потом и Р. Ингарден с его теорией социокультурных объектов никак не могут считаться трансценденталистами. Они — реалисты, но феноменологические, не отделяющие субъектность и сознание от реальности, а тем или иным образом включа-

ющие их в нее. Они — имманентисты, но объективные, не замыкающие человеческую природу в самой себе, а тем или иным образом включающие её в природу мира. Этот имманентизм отличает феноменологический реализм от эпистемологического реализма и материализма, в том числе их высшего выражения — диалектико-исторического. Его мы не относим к «философии людей» не из-за того, что присоединяемся к позорной антимарксистской коньюнктуре, а потому, что он тоже научный, прогрессистский, следовательно, в качестве идеологии модернизма не заботившийся о сохранении идентичности человека и адекватной ему среды существования. Тем более не заботится о ней трансценденталистская философия науки, отражающая становление информационного общества. Философия людей должна обосновывать мир, в котором они могли бы жить. Это философия бытийной сферы человечества, хотя знающая и признающая, что наряду с нею, в духе ММИ, могут существовать другие миры.

«Переосмысливая философию сегодня» — такова была тема XXII Всемирного конгресса по философии в 2008 году в Сеуле. Очевидно, что в ней выразилась неудовлетворенность состоянием философии не в тактическом и актуальном плане, а её общим историческим положением, к которому она пришла, следуя за наукой, обслуживая науку. Она пришла к отрицанию бытия. Парадным, «царским» путем к этому был редукционизм, принцип борьбы со всем, что познающий человек видел, слышал, воспринимал своими органами чувств. Всё это объявлялось «вторичными качествами», то есть видимостью, иллюзией. Постепенно, особенно после открытия микромира, иллюзорными оказались и первичные качества: конфигурация, размер, вес, другие объективные характеристики вещей. «Физику твёрдого тела» пришлось переименовывать в «физику конденсированных состояний». Потому что вещей и тел «на самом деле» больше нет. Есть только потоки энергии и их напряжение: «струны», «волновые функции», «сознание нейтрона». Или: «есть только кривизна и кручение пространства». Весь наш макромир — видимость, майя, вместе с ним, естественно, и сами люди, включая философов и теоретиков. Которые теоретизируют, выражая свои иллюзии насчёт собственной иллюзорности. Впрочем, микромир, струны, волны и пространство ещё слишком бытийны. «На самом деле» нет ничего кроме времени. А время — это распределённое по пространству небытие. Принцип исчезновения, у-ничто-жения. Существует только ничто. Есть = нет. Таков самоубийственный парадокс последовательно редукционистского отношения к миру. Смертельная истина науки как проявление бытийного апокалипсиса в познании.

К аналогичному результату наука «пробилась» с другого, нефизического конца теоретического тоннеля, через информатику и работы по искусственному интеллекту, прямо опираясь на количественные методы. Будучи идеологическим выражением информационной революции, постмодернизм, как и его предтеча — трансцендентализм, гуссерлианство, не случайно выступили не только против чувственности (онто-фоно-фаллоцентризма), но и логоцентризма, проповедуя логотомию(!). «Вторичным качеством», иллюзией объявляется логос, смысловое человеческое мышление, наше сознание и живой язык. Они, как и чувства, нас обманывают. Оказывается, истину даёт предметно беспредпосылочное, математическое, исчисляющее, дигитальное мышление. Сначала «ручное», вернее, головное, естественнонаучное, числа и буквы, потом «письмо», «пустые знаки», граммы=биты, т.е. виртуально-математическое. В своём дальнейшем развитии это количественное, «бессмысл(енн)овое мышление» автоматизируется, превращаясь в Искусственный интеллект, который, функционируя без рефлексии, становится новой реальностью. Следуя за прогрессом науки, мы, таким образом, вместо нашего мира получаем ничто (нуль, пробел), из которого машинное техническое мышление, оставляя за собой использованного человека, сначала его чувствующее тело, а потом и живую мыслящую голову как отработанные ступени ракеты, создает и конструирует «вычислительную Вселенную».

Очевидно, что рассуждать о сохранении человеческого мира, следуя по пути редукционизма, как физического, так и математического, больше невозможно. Философия же, которая не думает, не рассуждает о целях, смыслах и жизненных ценностях, никому не нужна. «Чтобы не думать», достаточно науки. Вот почему можно утверждать, что философия или будет феноменологией, или её не будет вовсе. Хотя, конечно, дело не в самой философии. Или мы будем считать мир, в котором живём и который воспринимаем как живые целостные существа не иллюзией, а своей действительной реальностью, приводя к нему все другие миры, или нас не будет вовсе. *Философия (для) людей — это феноменология*, такой вывод вытекает из переосмысления философии, если стремиться к сохранению её (и) человеческого мира. Сказать, что к подобному выводу мировое философское сообщество осознанно пришло, к сожалению, нельзя. «Конгресса» и призывов тут мало. К нему надо пробиваться, за него надо бороться.

Запрос на феноменологическую реконструкцию философии возникает в разных её сферах, однако, острее всего, как ни странно, он стоит в философии науки. Которая, продолжая опираться на логико-аналитическую,

научно рационалистическую традицию, даже эволюционистскую, в своём нынешнем виде себя исчерпала. Ходит по кругу и расщепляет волос на четыре части. Чего стоит проблема Body-Mind и бесчисленные попытки выразить научным образом субъективность человека, «поймать» математикой его сознание. Ближе всего к пониманию, что это занятие бесполезное, подошёл, по-видимому, Томас Нагель. «Тот факт, что мы не можем надеяться детально описать доступным нам языком феноменологию марсиан или летучих мышей, не означает того, что они не испытывают сложных субъективных переживаний, сравнимых по богатству деталей с нашими ощущениями. Было бы замечательно, если бы кто-нибудь развил понятия и теорию, позволяющую нам анализировать эти вещи, но полное понимание останется для нас недостижимым из-за ограничений, налагаемых на нас нашей природой»[1]. Хочется добавить: не просто «нашей природой», а «природой вещей», тем, что каждая форма бытия самоценна и «имеет своё лицо». Став знанием, она становится чем-то другим. *Другим феноменом как другой субстанцией, как иноеальностью.* Сущее не делится на разум без остатка, увещевал своих учёных современников ещё Гёте. Понимание, «что значит быть летучей мышью», не вопрос теоретизирования, какой бы изощрённости оно ни достигло. Для этого надо самому стать мышью, дабы ночью, ориентируясь с помощью ультразвука, хватать ртом насекомых, а днём висеть вниз головой, зацепившись ногами за верхнюю перекладину, на чердаке. И перестать быть человеком. Можно вытащить светлячка из темноты, но мы увидим серое насекомое. Светлячка не будет. Так и наше сознание: можно описать физиологию мозга, потом выразить её математически, но его всё равно нет, если кто-то что-то при этом не сознаёт. Не бытийствует. Упоминавшееся в первой главе, примечательное своим антисциентизмом и «феноменологичностью» высказывание Эйнштейна настолько глубокое, что мы теперь повторим его в виде цитаты. На вопрос, всё ли можно описать методами науки, он ответил: «Можно, но не имеет смысла. Это было бы изображением неадекватными средствами, как если бы изложить какую-либо симфонию Бетховена в виде кривой, выражающей давление воздуха»[2]. В феноменологическом реализме как философии человеческого бытия приоритетным считается звуковое восприятие сочинений Л. Бетховена, хотя признаётся и возможность их выражения в виде графика, набора цифр, перевода в цвета и т.д. При других формах деятельности, в иных жизненных мирах.

[1] Нагель Томас. Каково быть летучей мышью? //Глаз разума. Самара. 2003. С. 52.
[2] Борн М. Воспоминания об Эйнштейне. // Вопросы философии. 1968. С. 128.

Для феноменологии принципиально важно различать жизненные и объективные, «научные» миры. Что не делается физиками и им в этом не помогают философы науки. Потому что они сами не феноменологические. И – характерный пример, возникает созданная большими научными авторитетами мода на «антропный принцип», согласно которому, если бы у нашей вселенной были другие параметры, человека не было. Это, конечно, верно. Но отсюда почему-то делается вывод, что она, да в сущности всё бесконечно сущее создавалось и приспособлено «под человека». А не наоборот. Под эту нанопылинку в невообразимой бесконечности тёмной и светлой материи. Частью объясняется целое, из следствия выводится причина. У бесконечности, оказывается, была/есть цель. Причина столь странных умозаключений, в сравнении с которыми идея творения мира Актом Божественной Воли является верхом здравого смысла, в не отграничении мира феноменов от мира объектов науки. Мир феноменов — это человеческий (жизненный) мир, образующийся во взаимопроникновении субъекта и объекта и опирающийся на Umwelt как среду возможного обитания людей[1]. Он действительно обусловлен субъектом. В случае с антропным принципом — человеком. Но это *ценностный* антропоцентризм. А ценностный антропоцентризм — это гуманизм. Феноменолого-полионтическая и аксиологическая трактовка бытия придаёт гуманизму принципиально новый мировоззренческий смысл. С одной стороны, снимается упрощённое представление об однозначной обусловленности человека средой, а с другой, она не позволяет культивировать концепции произвольного конструирования им объективных звездных миров по формальной аналогии с созданием искусственной реальности и компьютерными играми в виртуале, порождающими «антропный принцип».

В феноменологическом переосмыслении нуждается не единственно философия науки и современная философия, а вся история метафизики. Нужна её своеобразная ре(де)конструкция, но в противоположность постмодернизму, расчищавшему место через ничто для Иного, ради

[1] Положение об едином бытии организма и среды, их функциональном круге, создающем умвельт, в сфере научного знания впервые в начале XX века выдвинул зообиолог Я. Икскюль. Параллельно эту идею стали культивировать в немецкой философии М. Шелер, «поздний» Гуссерль и другие, но у них она сузилась до Lebenswelt в русле специфически экзистенциального философствования. На общенаучном уровне представление о функциональном круге организма и среды нашло свое продолжение в виде признания существования особого рода автопоэзисных систем (Ф. Варела, У. Матурана).

укрепления корней нашего Бытия. «Если на технику не надеть эстетического намордника, она перекусает все человечество», — говорил В. Маяковский. Теперь ясно, что если мы хотим продлить свою идентичность, намордник должен быть гораздо более широким и крепким — парадигмальным. Тогда это будет действительно позитивный «after-постмодернизм». Не транс, а после-постмодернизм как обновленный реализм. *Неореализм = «неомодернизм», а по сути архе(мифо, поэзо, логос)реализм=феноменологический=человеческий реализм.* Ценностная переоценка персоналий и течений классической философии становится особенно актуальной в связи с формированием трансценденталистской философии науки, безудержной экспансией когнитивизма и коммуникационизма. В феноменологическом свете по-новому предстаёт русское духовное наследие, его значение, восточное философствование, так называемые эзотерические формы духовности. Становится понятной не случайность интереса к ним, их растущего влияния в наше время. Они отвечают на за(во)просы, от которых уходит или отвечает на них не заботясь о людях, их судьбе, а нередко во вред им, бездумное прогрессистское технонаучное теоретизирование.

Такова возможная, скорректированная линия развития человеческого духа, вокруг которой стоит пытаться выстраивать идеологию сохранения жизни на Земле. Для начала, хотя бы создания её «Красной книги», этой священной книги нашего Последнего Завета. Огромная задача. Великая задача, во многом утопическая, но другого варианта выживания в эпоху Вырождения и Mortido как культивировать этот подход в настоящем и будущем времени на практике — нет.

Зову живых — так звучит девиз ***программы консервативной, археоавангардной, полионтической, геоцентрической эстологической, акмеологической, феноменологической, реалистической, аксиологической, гуманистической философии*** перед фактом агрессии технически перерождённых форм сознания. В нём апелляция к человеческому, которое есть в любом Homo *vitae* sapiens, даже трансгуманисте, функционарии и интеллагенте. Это подлинно бытийное философствование людей и ради людей, оно близко целям великих религий, призывавших не к физической трансформации человека, а к его духовно-нравственному возвышению. Оно совпадает с perennial philosophy (вечной философией) и может стать предпосылкой вечности человечества.

Так продлимся…

Часть вторая. Философия жизни в постжизненном мире

Консервативное сопротивление в эпоху трансмодерна

Все умные мысли уже передуманы. Дело в том, что их всегда надо передумывать заново.

Гете.

УВЕРТЮРА

Всякое начало трудно. Но не начать бывает еще труднее. Это знают многие, может, слишком многие.

* * *

Primum vivere deinde philosophare — Сначала жизнь, потом философия. Сначала любовь — потом любовь к мудрости.

Предмет философии не мир в целом, а целостно о мире. «Чело-стно». Философия свободна и… тоталитарна. Как всякая любовь.

* * *

Дух веет где хочет и его свободные мысли любят располагаться свободно. Долой кровавую диктатуру логики! И мертвящую власть математики!

Сама реальность — белый шум, хаос. Конечный результат ее познания — черная бездна, космос. Обычная человеческая мысль — «хаосмос». Когда она истинная и живая — возникает синергия. ***Образ(ование) мира.***

* * *

Философские этюды. Этюд — «короткое музыкальное произведение виртуозного характера». Или — «живописный рисунок с натуры». Или — афористическая мысль. Чтобы виртуозно и с натуры. Живо-пис(а)но. Афоризм — это у(ксу)мственная эссенция. Для нормального употребления надо разводить минимум 1:20. По крайней мере, *временем освоения*. Этюд = эссе. Esse Homo. Се — человек. Э(е)ссе=есть=это=суть=эссенция. Сутизм, этизм, эссенциализм. И все — о Человеке. Гомоэссенциализм. Эссе + афоризм = ***эсфоризм***. Для умеющего читать эсфоризм может заменить статью. Графоман из него может сделать книгу. Книга эс(а)форизмов — книга книг.

* * *

Раз и навсегда не хочу много знать, говорил Ф. Ницше. ***Знал бы*** он, что в современном, называющем себя «обществом знания» мире, вся глупость существует в форме знания. С-Мысл-ь тонет в потоке слов. Долой информированное невежество! Об уме человека надо судить не по тому, сколько человек всего знает, а как он к этому относится. ***Как понимает свои знания.*** И (не) использует.

* * *

Какая ***самая великая ложь нашего времени?*** Вера, что для благополучной и счастливой жизни человечеству не хватает средств. Все наоборот. Живем почти в раю и сказки стали былью. Кругом самодвижущиеся ступы и сапоги-скороходы (ставить уже негде); ковры-самолеты, на которых можно спать и принимать душ; волшебные зеркал(ьц)а, позволяющие видеть все, что делается в любом конце Земли или даже в Космосе; чудесные коробочки, связывающие нас друг с другом в любое мгновение; на каждом углу развернуты скатерти самобранки, на каждом шагу непрерывно доставляющиеся из тридевятых царств золотые, они же молодильные, яблоки, называемые теперь апельсинами (недавно купил из Южной Африки, «от антиподов», так, ничего себе) и т.д. Не говоря уже о великих и чудовищных перспективах трансформации самих людей, открываемых новейшими технологиями. Под эти богатства и средства придумываются цели все чаще чуждые действительному благу человека, смыслу его жизни как стремлению к внутренней радости (счастью) и духовно-физическому самосовершенствованию. Люди истощаются в их достижении и борьбе с последствиями, когда достигнут. Мы страдаем от их избытка. И все менее счастливы. Кенозис — истощение творца в своих творениях. В построении рая. ***Рай — ловушка для человечества***. В нем живут умершие.

Пост-писатели, пост-философы

Свою жизнь провели в школах разного уровня.

Сразу же защитили диссертации (книги). Интеллектуалы. На страну им наплевать, на народ тоже. Истина, правда жизни, а что это за слова? Таких мы не знаем. С предметной действительностью связаны, и то все слабее, только через собственное тело — сексуальные проблемы или болезнь. Люди, у которых вместо биографии библиография и компьютерные игры. Потому они просто «самовыражаются». А поскольку выражаться особенно нечем, их тексты предельно абстрактны, концептуальны,

игра со знаками и слогами, заумными смыслами. Искусство, естественно, для искусства. Для блага общества и чтобы эстетично? Да Вы ископаемое, динозавр. Любят себя и призывают так делать всех. «Реален — только ты». По-прыгай сам на себе, как говорят американцы. Офисная «литер-софия»: дискурсологи–грамматологи, монтируют чужие цитаты и имитируют других авторов. Но для оживляжа, где надо и не надо «выражаются», вставляя «телесные» слова: ж…, х.., п.... И т.п.

Писатели за это получают Букера. Большого. Философы — Х... (я тоже вставлять умею). Такой вот «Пост». Надеюсь, где надо.

* * *

До XX века люди жили в мире соразмерном с их чувственными и мыслительными возможностями. Потом к ним прибавились микро, нано- и мегамиры, которые нашими телесными органами непосредственно не воспринимаются. На самой земле началось освоение недр, глубин океана, где фактически нет органических форм материи, овладение скоростями, с какими не передвигается ни одно живое существо. Деятельность людей выходит не только за пределы их чувств, но и за пределы мышления, воображения. Возникла Ноо-сфера и мир человека перестал быть равновеликим его Дому. Природное бытие людей (узкий диапазон температур, давления, состава воздуха, в котором существует жизнь) вступает в противоречие с их деятельностной реальностью и при случайном контакте с ней (радиацией, излучением, скоростью) терпит поражение. Философское, а не «гаишное» объяснение причин гибели тысяч людей на дорогах: живое не совместимо с такими скоростями. Собственно человеческая реальность стала частью технической, но человек в ней действует. Живое — за пределами жизни! Мир приобрел ***постчеловеческое*** измерение. ***В этом глубинная причина проблем экологии и гуманизма.***

* * *

Этапы кризиса цивилизации: «Закат Европы» (Шпенглер) — «Конец истории» (Фукуяма) — и вот сейчас — «Время Mortido» (влечения к ничто, к иному). Воля к смерти. Но это не кризис цивилизации. Она прогрессирует. В кризисе — Человек. И мир как его Дом. Дом Бытия.

XIX век: «Сумерки богов», «Бог умер», «Да здравствует человек»!

XX век: «Преодоление человека», «Смерть человека», «Да здравствует наука»!

XXI век: «Помрачение разума», Становление технического «Сверхинтеллекта», который, ради самообмана, выдают за человеческий. Болтают о бессмертии. А реально: «Да здравствует Большой брат»! Планета компью-терра. Обреченные на прогресс, приветствуют его!

ВРЕМЯ MORTIDO — это прогресс ради прогресса = трансгресс. Технотронно-информационная, утилитарно-открытая, финансово-торговая, глобально-инновационная цивилизация. Апокалипсис в раю — так можно определить положение этой цивилизации.

САМОАПОКАЛИПСИС!

Ему/ей посвящается…

* * *

В современной науке по любому вопросу существуют десятки точек зрения, говорят и пишут что угодно, исходя из потребности выделиться, и что-нибудь сказать. Какую бы теорию не выдвинули, можно смело утверждать, что через год будет другая. Отсюда ощущение бессмысленности накопления знаний. Обычно проходят весь спектр возможных взглядов: сахар полезен; бесполезен, яд; опять полезен. Больше есть надо утром; в обед; вечером; чаще; только два раза. Делать зарядку лучше… Америку открыл Колумб; викинги; арабы; китайцы — а в принципе — кто нравится. Познание стало игрой. *Праздномыслием.* В этом суть постмодернизма как типа культуры. Вопрос Понтия Пилата «что есть истина» представляется не только трудным, но и неправомерным, принципиально неразрешимым. В искусственном мире важен только результат. Эффективность. Для человека — имидж. Эффект. Вместо истины остается смысл. Смысл имеет любое нечто. И даже ничто. Конь существует, а Пегаса нет, это — фантазия. Но он(а) имеет смысл. Потом не остается и смысла. Знаки, форм(ул)а и программирование. Был профессор, стал процессор. Не хочу. Спасите… Спасайтесь!

Постмодернизм не тип культуры. Это ее конец. ***Превращение в технологию.*** Которая превращает наше бытие в нечто иное. В ***Инобытие***. Конец постмодернизма — ***Трансмодернизм.***

* * *

Говорят о необходимости «человеческого измерения» всего и вся. Надо полагать, что и мышления. Одновременно призывают к «защите Разума». Но Разум ***в человеческом измерении — Дух.*** Дух — это ум человека вместе со способностью верить и любить, надеяться и опасаться, вместе с воображением и страстным отношением к миру. Это ***человеческий*** разум. Голова + сердце = живая голова. Чистая = трансцендентальная мысль = мертвая голова. Они — теоретики с мертвыми головами — против человека. ***За*** человека и за ***человеком*** — Дух. Его и надо защищать как условие дальнейшего бытия человека. Не только словом-мыслью, но Словом, которое «было у Бога». Верой и делом.

* * *

Обсуждается какая-то проблема. Явственно видны тревожные тенденции ее развития. Приводятся аргументы, факты. Оппоненты их не опровергают, но говорят: ведь это пессимизм. После такой оценки они полагают, что вопрос закрыт. На самом деле он только снят. От него ушли. Подобная психологическая защита наиболее часто применяется при обсуждении судьбы человеческой цивилизации в целом. Кризис? Трагические перспективы? Да ведь это пессимизм! А вы «сделайте нам красиво». И плодятся иллюзии, мифы, ничем не обоснованные утопии, подмена понятий и благонамеренная ложь. Понятная ложь. Однако когда-то надо быть и трезвым, прямо глядеть в лицо опасности. Поэтому, как писал Достоевский, «мы останемся при факте».

Я против идеологии страуса — Позы, в которую, зарыв голову в технический песок, встало и идет человечество по пути прогресса.

* * *

Основной вопрос современной жизни — отношение между естественным и искусственным, человеческим и иным. Это вопрос нашей судьбы. Установка на их «мирное сосуществование» — последний бастион гуманизма. Не снимая человека, не возгоняя его в «нечто лучистое», как у космистов или «мыслящий океан» как у нано-(ино)нистов, она ориентирует на длительное взаимодействие того, что растет и рождается, с тем, что функционирует и изобретается. Она не лишает смысла нашу борьбу за сохранение природы и человеческой меры техники, как это происходит у всех сциентистов и когнитивистов. ***Коэволюция миров — идеология сохранения человека в постчеловеческом мир*****е.**

* * *

Антропо-онто-дицея = *оправдание Genus homo* (родового человека), его бытия — таков основной вопрос философии Вы-жив(мир)ания в эпоху Mortido. Оптимизм воли против пессимизма ума. Бытия против Ничто. ***Такова наша идеология надежды.***

ПРОЩАНИЕ С ПРИРОДОЙ

Мы не будем знать,
когда нас не будет.

Древние составляли мир из четырех материальных стихий: земли, воды, воздуха и огня. Это природные основы жизни, без которых ее нет. Они сейчас истощаются. Фундамент бытия — размывается. С ним, и как следствие, любым другим «фундаментализмом» — борются.

Из жизни людей исчезает земля как естественная почва, по которой ходили. Асфальт и обувь окончательно отделяют от нее. Мы видим ее в форме грязи. Или не видим вообще — в благоустроенном городе. Раньше говорили, что есть зе*м*ли, на которые не ступала нога человека. Теперь можно сказать, что есть ноги, которые не ступали на землю. Да еще жалуются, что они стали болеть. Потому что без связи с Землей Антей терял силу, а ноги... Спасибо им, что почему-то еще ходят. А может так: люди теперь не ходят. Они *пере-двигаются.* Быстро, и потому — еле-еле.

Из жизни людей исчезают реки. Реки — это прежде всего бесчисленные ручейки и речки. О ручьях уже забывают, от речек — последние остатки, а крупные «реки» зарегулированы в хранилища воды. Или превратились в сточные канавы. И речные суда, лодки больше не плавают. Либо их нет, не видно, либо в них (по водо-хранилищам) носятся.

Из жизни горожан, а это большинство населения, исчезает «погода». Не воздух, а кислород и дыхательная смесь, не снег или дождь, а осадки, не туман, а смог. И все это пронизано электромагнитными лучами и волнами. Вместо вещества — поле. Деревенское поле, которое пахали и которое нас кормило, заменилось полем техноцивилизации, которым мы окружены и пронизаны. Насквозь. Которое внутри нас.

Из жизни людей исчезает огонь (живой, пламя). Нагревание, отопление, освещение, плавка, вообще достижение высокой температуры происходит другим путем, через электричество. А когда-то это был решающий фактор, который помог встать человеку на ноги, герой-преступник Прометей дал его людям, украв у богов, был культ огня и т.д. Теперь он «светит, да не греет», особенно «дневной».

Пятой стихией или сущностью, т.е. эссенцией — ***квинт***эссенцией мира является человек. Он — микрокосм, в котором отражается космос в целом. Капля, в которой представлен весь океан. Или антропоморфное воплощение Бога. В этом мировоззренческий пафос гуманизма. Но что происходит с пятой синтезирующей сущностью, когда искажаются составляющие ее

четыре? Она теряет свое качество. *Из жизни людей исчезает жизнь*. Она «заизолирована» вовне и изнутри. Превращается в функционирование. Возникает техносфера. *Из жизни людей исчезают люди.* Возникает искусственный человек. ***Постчеловек.***

Дух и природа

В Начале отношение к природе было созерцательным. Дух присваивал ее, оформлял и любовался ею. Приносил жертвы. Иногда наказывал (Персидский царь Ксеркс велел бить море — плетьми — за то, что оно разметало его корабли). В Новое время, став наукой, дух начал ее пытать, ставить эксперименты. Появилось племя естество-ис-пытать-елей. А вот теперь, став технологией, дух ее убивает. Время постприроды — из-обре-тать-елей. Потом сам погибает.

В первую очередь гибнет все сильное, прочное, более развитое. Слабое и низшее живет дольше. Это хорошо заметно на смене форм жизни. От продуктов индустрии прежде всего вымирают наиболее требовательные и высокоразвитые животные и растения — дубы, тигры, орлы, осетры и т.п. «Биота» остается, но мельчающая, «сорная». В полях одуванчики, в лесах кое-где зайцы, в реках вместо форели и кувшинок караси и ряска. Потом не выдерживают и караси. Остается планктон. В городах***, у людей.***

Природа, в точном смысле слова, не погибнет. Она уже погибла. Газоны, парки, каналы, соотносясь с потребностями человека и выступая ***в функции*** природы, не имеют самостоятельного значения. А значит и бытия. Природа превратилась в окружающую среду. И экология, как следствие, трансформируется в «энвайронментализм». А потихоньку исчезает вообще, оставляя после себя «зеленые меньшинства». Бытие, даже когда оно превращается в небытие, определяет сознание, чтобы не думали об этом разные теоретические жучки-водомерки.

Памятники природы, существованию которых мы так радуемся, точнее было бы назвать памятниками природе. Вместо природы — Память-Ники о ней.

Исторически цивилизация человека располагалась на земле отдельными пятнами. Постепенно они сливались, и сейчас положение обратное: остаются вкрапления природы (заповедники, парки) в сплошь искусственной среде... ***Шагреневая кожа жизни.***

Идет уничтожение природы, т.е. жизни, т.е. человека. Корень зла ищут в избыточном потреблении. Он глубже — в избыточном производстве,

которое само развивается и «задает» потребление. Мир техники становится «первичным», причиной, а мир человека — «вторичным», следствием. ***Переворот миров.***

Плоды древа познания

Генные селекционеры с гордостью сообщают, что вывели квадратные персики, груши и т.д. Это для того, чтобы было удобнее складировать, легче перевозить. Что это выгодно. На самом деле это пример научно-технического хулиганства. При минимальном эффекте, да и то сомнительном, не сравнимым ни с затратами на само выведение, ни с потерями от других причин, оно призвано демонстрировать неограниченные возможности биотехнологии наглядно, непосредственно, на публику. Благодаря достижениям агрономической науки фрукты и так уж почти не отличаются друг от друга на вкус — потеряна их специфика. Все вроде среднесочные и средневлажные, что-то типа яблока Джонатан. Лежат, никак сгнить не могут. Также они ведут себя и в желудке. Клубника, например, лишь в первом приближении «отдает» земляникой, которую, по идее, должна была воспроизводить, а когда начнешь есть — мякоть почти без вкуса и запаха. Закрой глаза, и яблоко от груши не отличишь. А теперь вот и с глазами не отличишь. Все будут квадратными, останется справляться у продавцов. А ведь форма, допустим, груши входит в наше представление о ней, о том что есть груша, а что — персик. Торжество всеобщности над единичностью. Эмпирические философы иронизировали над Гегелем, утверждая, что «плода вообще» нет, есть только конкретные виды плодов: яблоки, груши, вишни. Они оказались не правы даже эмпирически. Теперь появляются. Просто плод, просто фрукт — и достаточно. Зато много, удобно, едим и зимой. На следующем этапе те же «генномодифицированные аргументы» можно применить ко всему живому. Начало положено. Коров выводят без рогов. «Рогатая корова» — это неотъемлемое сочетание, уходит в прошлое. Да и не изменить ли и форму человека, чтобы удобнее было набивать в автобусы или еще куда? Уже меняют — пол. А значит характер. Личность. Значит, манипуляция без границ, творческое хулиганство, которое заканчивается трансгуманизмом. А потом самоотрицанием. ***Неотвратимые успехи творчества.***

Охота на китов

Главная проблема экологии — сохранить жизнь китов. По крайней мере трех, на которых стоит Земля.

Три кита нашей души — Вера, Надежда, Любовь. Полнота жизни предполагает их вместе. Но так бывает не всегда. Да и центр тяжести смещается. Юноши питают надежды, со-зрелый хочет любить, а старик пусть верует. Когда выбиты все опоры — надо умирать.

Наука доказала, что Земля — только шар в холодном космосе, а души нет — есть только разум и эмоции. Китобойная флотилия «Знание» истребила всех китов...

* * *

Как часто бывает, что сегодняшний выход — это завтрашний тупик. Как часто бывает, что сегодняшний тупик — это завтрашний выход. Надо только в нем это увидеть и подождать. Но как? Ведь рядом — выход... В тупик. Такая вот экология с синергетикой! И наоборот.

Все еще многие, хотя все меньше, клянутся в любви к природе. Но просто клятв и даже любви — мало. Ее должна любить наша технология. А она норовит ее заменить, произвести новое окружение.

Глобальные проблемы человечества порождаются его глобальными преступлениями. ***«Преступление века»,*** на которое почти не обращают внимания — вакханалия запусков космических ракет. Без каких-либо квот, хотя очевидно, что они нужны. Они даже не помешали бы освоению космоса, только сделали его более ответственным. Это как бы производственное безумие. А вот и потребительское: с помпой объявили и начали выпуск первых пассажирских самолетов, на борту которых ресторан, видеотека, казино, парикмахерская и спальные кабины. Своеобразный бордель в воздухе. На подлете — сверхзвуковой. Насколько же лицемерны параллельные стенания об истощении озонового слоя атмосферы, потеплении и какова цена всех гениальных проектов спасения природы. (Пример, подтверждающий, что отличие гениев от людей часто в том, что они делают гениальные глупости.)

Ставить вопрос о необходимости производства окружающей среды — значит смириться с гибелью природы как таковой. «Производство окружающей среды» — последнее слово современной науки и экологии. ***Искусственное пожирает естественное.*** Сначала превращает в симулякр, а потом становится на его место. Как Иное. Идеология искусственного — ***Инонизм.*** Люди становятся инонистами. По своему мировоззрению. И не только.

* * *

Человек — это голая обезьяна. Так, с привкусом метафоры, говорили в XIX веке. Если посмотреть на современного человека, хотя бы в бане, то эту фразу пора воспринимать буквально и абсолютно. Обезволосение у европейцев почти полное — у мужчин тоже. Большинство как розовые поросята. У женщин заметно усыхание грудей. Остальные вторичные половые признаки тоже умаляются, либо их «не носят». Или «носят» силиконовые. Сначала вторичные, а потом... Нет, морфологически они не исчезнут еще долго. А вот функционально... Наверно уже в следующем поколении. Пронесшаяся сексуальная революция была истерией перед упадком нашей способности и воли к продолжению рода. Ведь гибель зарождается внутри расцвета, а скольжение начинается с вершины. Теперь пошли толки о «постсексуальной эпохе», исполняют «реквием по сексуальности». В основном те же деятели, которые под флагом всевозможных свобод проповедовали парасексуализм.

Пугаются перенаселения Земли. Да, это реально. Но набирает силу другая тенденция — вымирания людей. Ей дают всякие объяснения — экономические, социальные, забывая более глубокое: утрачивается желание иметь детей. С белой расой в этом отношении все ясно. Рожать ей осталось максимум 100 лет. Потом совокупление шприца с пробиркой и клонирование, которое уже началось. В слабо развитых, не так сильно мертвых странах люди будут рождаться подольше — лет 200. И потом только начнут — делаться. На конвейере. «Номерные». ***Уже началось.***

* * *

Звери развиваются физически, просто живя. Люди — изменяя природу, трудясь. Потом для физического развития пришлось отводить специальные места — стадионы. Сначала для соревнований, а затем и для занятий. Плавание из рек перешло в бассейны. Хоккей с улицы во дворцы спорта, и не на льду, а на полу (флорбол). Даже футбол уходит под крышу. Рекламируют «домашние стадионы» — набор приспособлений для физкультуры в квартире. Аппараты, обрабатывающие человека, мнут его мускулы, дергают конечности, толкают как мешок с ... Механизмы для пассивного и утомительного тренажа тела без участия души. Главное, чтобы не выходить на улицу, в природу. Да и некуда. Разрабатывают упражнения, которые можно делать сидя за столом, перебирая (щу)пальцами рук и ног. Большой спорт! Для ракообразных? Нет, если под контролем приборов то — валеология. Психологически — аутисты. Дальше — больше. Многие считают, что работать с компьютером, «производить интеллектуальную собственность», удобнее лежа. Так и делают — лежат. Завод в постели!

Начинают рекламировать физкультупражнения лежа. Стадион в постели! *Пост*ельная жизнь. Для «тела без органов». ***Шевелящаяся протоплазма...***

* * *

Физическая культура постепенно низводится до примитивного бега (трусцой), его воспевают (вали) и все равно занимаются (в массе) чрезвычайно мало. Дело кончится восторгами по поводу простого передвижения на ногах (пешего хода) и велоэргометром, беличьей дорожкой не сходя с места в квартире. Труд и игра в природе, труд на заводе и игра на стадионе, труд в кабинете и игра на видеоавтомате — таковы ступени падения физической активности человека, соответствующие деградации и упрощению внешней природы. Итог — голова профессора Доуэля. Потом человекообразный кибер. И просто — Кибер. Самолет не машет крыльями, а автомобиль давно не похож на карету.

На олимпийских соревнованиях и чемпионатах мира все меньше белых. Особенно по бегу, в атлетике. Эта раса сходит с дистанции.

Общество изобилия. Богато всем, кроме детей, т.е. людей. В нем возобладала ***воля к Ничто***.

* * *

Жарко. Пруды возле Олимпийской деревни в Москве. Щиты со строгими надписями: «Купаться запрещено». Но народ купается. А что делать? Ведь все равно в любом большом индустриальном городе можно написать при въезде: «Жить запрещено». И будет правильно. Но ведь живем.

Вода — кровь Земли. Переносит жизнь. В начале XX века не рекомендовали пить стоячую воду — из луж, болот. Только проточную — из ручьев, колодцев. В середине века нельзя стало пить воду сырую — откуда угодно. Начали обрабатывать: фильтрацией, потом химическими реагентами. К концу века она вообще перестает быть пригодной для питья — не поддается обработке. Начали продавать в бутылках. Нижний Новгород стоит на двух великих реках — Волге и Оке. Но толкуют о строительстве водовода из подземного озера — за 100 км. То и дело объявляют о закрытии пляжей — воду нельзя не только пить, в нее нельзя входить. Конечный этап — когда к ней нельзя будет приближаться. Будут говорить детям: не подходи, вода.

Вода — это жизнь. Мы живем во время, когда артерии жизни превращаются в линии смерти. ***Венозная кровь цивилизации.***

* * *

Когда в молодости я попал на море — это было под Сочи — оно еще пахло йодом, пацаны ныряли за крабами, отдыхающие боялись медуз, во время шторма на берег выбрасывало длинные водоросли. Потом море стало пустым, просто соленая вода. И ничем не пахло и ничего в нем не было

видно. Шторм выбрасывал на берег мелкую тину, какие-то сучки и кору. Потом море опять стало пахнуть. Канализацией. Когда выходишь на берег, на животе и руках нефтяные шарики. Прибой полощет какие-то бумажки и презервативы. По радио предупреждают об опасности купания: можно получить кожное заболевание. Предлагают строить выносные эстакады для купания в более чистой воде. Загадили — и дальше. Зато на берегу растут новые дворцы и коттеджи, прокладываются дороги, бетонируются набережные — для отдыха на море. Велико же безумие этого так называемого разумного человека!

Рекламируют отдых на пароходе. Когда-то давно я плавал, понравилось. А вот поехать опять — боюсь. Ведь чем ценен отдых на реке: вода, берега, пейзажи, знакомство с городами, зеленые стоянки, купание. Но об этом в рекламе ни слова. Соблазняют другим: рестораны, косметический салон, искусственный солярий, компьютерные игры. Видимо, это больше привлекает людей.

Ну и зачем тогда река! На идиотов рассчитывают. Жалко реки.

P.S. Не слишком ли много я ругаюсь? Но как не возмущаться любому человеку, который живой. Да если, как на грех, думает? Возможно, е. б. ж. до старости, примирюсь с таким прогрессом. Умирать-то все равно надо. А пока: «борьба со своим временем»! Потому что оно стало чужим. ***После-человеческим***.

* * *

Заявка на социальную рекламу: *Министерство здравоохранения предупреждает, что чрезмерное употребление чая вредит вашему здоровью.*

Переход от дикости к цивилизации одновременно был переходом от сырой пищи к вареной. Благодаря «готовке» человек оторвался от животного мира. Это, пожалуй, второй, после труда, признак его становления как «постживотного» существа. Однако, он все-таки живой. «Разумное», но животное. Нельзя, чтобы все было вареным. Хотя бы жидкость, вода, которая заполняет клетки его организма. Долгие века так и было, несмотря на то, что твердую пищу готовили. Последнюю цитадель дикости подорвало открытие и широчайшее распространение чая. Люди стали пить вареную, обезжизненную воду, да еще крашеную и сладкую. (Только индуисты, как и мясо, не признают чай). Тело человека на 80% состоит из воды. 80% мертвого тела! Это переполнило чашу терпения природы, прежде всего зубов, которые у современных людей фактически разрушились. Их непрерывно чистят, мешая естественному биологическому функционированию, в том числе самоочищению, то и дело лечат и, наконец, заменяют вставными. Вопрос решен, все довольны. Искусственные зубы даже красивее

натуральных. Но ведь зубные и костные ткани почти одно и тоже. Надо ли удивляться, что в массовом порядке начали болеть суставы. Кости. Поэтому ближайший этап нашей гордости за успехи медицины — повсеместное открытие костных, костно-стоматологических кабинетов, где будут вставлять созданные с помощью нанотехнологий великолепные протезы. Великолепные, но бесчувственные, мертвые. Рентгеновский снимок городской толпы: броуновское движение металло-керамических скелетов.

P.S. О химических растворах, которые сейчас продаются и вытесняют чай, делая его архаикой, я вообще не буду распространяться. Не хочу никого запугивать. Все будет Кока-кола!

* * *

Экологический пессимизм связан главным образом с конечностью Земли. Природа ставит пределы роста. Эту преграду хотят преодолеть выходом в Космос. Мода на «русский космизм». При этом забывается главное: ***пределы человека.*** Здесь космос не поможет. Нам, людям, преодолеть их нельзя. «Или мы останемся какие есть, или нас не будет» — так ответил один римский папа на предложение изменить символ веры. То же самое можно ответить энтузиастам автотрофности, бессмертия и прочим техницистам. У всех вещей есть своя природа и мера.

Лучшее украшение современной квартиры — свободное место. Место для живого человека, а не вещей. Когда просто(р). Также должно быть и в городах. На Земле! Западному миру вместо того, чтобы на Сибирь зариться, надо обязать Россию ее хранить, трогая только по всеобщему решению. Так же леса Бразилии. Пора бороться за пустоту! Нужна экология про-стран-ства.

* * *

Люди с таким цветом лица, который видишь у жителей большого города, не могут быть счастливы. Когда досрочно желтеют деревья, зеленеет человек. Теперь ясно, откуда — «движение зеленых»!

Вот и солнце стало вредным. Загорать не советуют, опасно для здоровья. Из-за озоновых дыр, да и без дыр не рекомендуется. Не только сильно, а вообще — нежелательно.

Все живое тянется к солнцу. Оно источник жизни и энергии. А человек начал от него прятаться. Прежде всего — в одежду, потом — в помещения, которые все старательнее изолируются от естественной Среды. Есть без окон, с постоянным внутренним освещением. Днем как ночью, ночью как днем. В крупных городах люди постепенно уходят под землю, отдавая ее солнечную поверхность машинам. Человек цивилизованный — человек пастеризованный. Такое молоко хранится дольше. Но оно безжизненное, «депрессивное».

Экологов и консерваторов обычно упрекают, что они зовут назад, «в пещеры». А на самом деле пещеры маячат впереди. Пещеры прогресса. Круг замкнулся. Выглядят эти дети солнца довольно бледно, как проросший картофель, если без косметического загара. Не удивительно, что прямой контакт с живым солнцем кончается для них драматически. Разадаптировались.

Анатомическое заключение: попал под свет. Убит солнечным лучом.

* * *

Волк, охотничья собака, сторожевая собака, домашняя, комнатная, постельные собачки; карась, зеркальный карп, аквариумная рыбка, но еще живые. Последний этап — рыбки на видеоэкране, золотые, плавающие, голографические рыбки. Собачки-тамагочи. ***Вещная реальность трансформируется в электронно-информационную.*** В «виртуальную», которую начинают считать истинной. В это время я думаю о человеке, о законе неразрывной связи системы и ее элементов, организма и среды.

* * *

Сначала нам становится ненужной природа. Многие ее больше не чувствуют и начали в этом сознаваться. Им в ней скучно, тоскливо. Природа вытесняется социумом, деревня — городом. Потом человеку становится ненужным и социум, другие реальные люди. Он их не понимает, ему с ними неинтересно и хлопотно. Некоторые лучше чувствуют себя с книгами, телевизором или компьютером, хотя это обычно еще скрывают, жалуясь на одиночество, Но скоро перестанут, ибо общение все больше заменяется коммуникацией. Возникает человек, живущий своим сознанием, духовный онанист. «Мыслитель». Интеллигент. Потом интеллектуал. Потом ***интеллагент.*** (Не)житель Сети. Все чаще это сочетается с прямым физическим вырождением: худосочие, атрофия органов восприятия, зрения и слуха, врожденные телесные дефекты. Дальше будет...?

Здоровый в условиях современной цивилизации человек — ненормальный. И образ жизни, который он ведет, воспринимается обычно как чудачество, странность. «Странные эти существа, люди», — так скоро будут говорить толпы роботообразных. Были рабы. Теперь — робы. Робовладельческое общество. Потом переворот. ***Гомовладельческое общество***.

* * *

Из дневника фенолога.

Конец ноября. Весь месяц стоит необычно теплая погода. Хорошо. Но у людей какое-то беспокойство. На радио пишут, спрашивают, в чем дело? Обещали грипп, мы и лекарства запасли, а его все нет. Ждут как первого снега. Когда выпадет грипп? Вместо него.

Конец декабря. Мечты осуществились. Снег был, но растаял. А грипп лежит. Вместе со своей половиной города. И истерией в средствах дезинформации.

Январь. В мороз и холод каждый молод. Увы, в реальности по улицам торопливо бегут сероземлистые лица, скрюченные фигуры. На ближайшей лыжне еще 10 лет назад в воскресенье была толпа. Раздражало, что мешают, нельзя раскатиться. Сейчас хорошо. Буквально изредка попадаются профессионалы и какие-то чуд(и)аки.

Да, кто помнит, когда-то был «бег трусцой». Потом объявили, что он «ведет к инфаркту». Стали провозглашать «оду пешему ходу» и отчаянно соревноваться в «ходьбе по городу на 3 километра». Но кто знает, куда ведет она? Лучше уж сидеть дома. В кресле. Перед компьютером. Еще безопаснее — лежать. (Ждите: ссылаясь на новейшие открытия и разработки, на «гены» этот рецепт скоро будут давать все медицинские светила). Все как в американских футуристических фильмах. Например, «Матрица», «Суррогаты», «Аватар» — великолепное предвидение. Но оно ничему не учит. Никак не влияет на вопли о благе дальнейшего технического прогресса.

A propos: Обсуждают, и вот-вот «спустят» в школы предписание вместо уроков физкультуры на стадионе (легкоатлетика) проводит их в виде фитнес-занятий в залах. Совершенствовать фигуру. «Косметическая (физ) культура» на марше. Правда, слово «марш» тут неуместно. Маршировать — как это грубо. Даже думать, если по сути и говорить, что думаешь — грубо. Не политкорректно . О(б)суждают. «Суррогаты» на марше.

Атомная энергетика

Философ должен выдвигать свои аргументы «за» или «против» нее, а не повторять как попугай, чужие. Я опасаюсь развития ядерной промышленности, а также мазеров, лазеров, магнитогенераторов и т.д. потому, что с ними на землю приходит «другой мир» — микрочастиц и микроволн. Он не совместим с миром тел и даже, если нано — молекул. Нашим миром. Тем более с жизнью. Не совместим в принципе, по организации. Прямой контакт с микромиром несет человеку гибель. Как всему живому. Прибегаем к обороне, которая все равно то и дело прорывается. Отсюда мутации, болезни, вырождение. Когда субмолекулярная реальность перестанет быть реальностью науки и благодаря нанотехнологиям ***окружит*** человека как ***среда,*** мы окажемся на Новой Земле. На чужой планете. В космосе. И/на/нопланетяне среди нас. Уже.

Детство — тело, материя. Зрелость — сила, энергия. Старость — знание, информация. Человек развивается как мир, а мир как человек. И вместе исчерпали свою форму. Начался переход к новой реальности: микро- и мега- материи, телам, которые нам несоразмерны и где Мы — Не-мы-е. Конец мезозоя!

Космос

Прометеевское отношение к миру превысило возможности жизни на Земле. Орудийная мощь человека достигла на ней предела. Она сопредельна Разуму и Космосу. Космос — истинная сфера Разума. Земля лишь его колыбель, а Человек — детство. Все живет смертью другого и всякий гроб суть колыбель, а колыбель — гроб. Земля в XXI веке: гроб для естественного и колыбель искусственного. Человек в XXI веке: тело в гробу, разум в колыбели.

Человек не разрушает природу специально. Не ставит такой задачи. ***Он со-з(и)дает.*** И этим разрушает. Вот в чем экологическая трагедия. В диалектике развития.

Люди воображают, что осваивают и побеждают космос. В такой же мере космос осваивает и побеждает нас. На Земле появляется все больше мест, в которых человеку как таковому жить нельзя. Это, в сущности, «пятна космоса». Подобно тому как «пятна цивилизации» постепенно слились в сплошную цивилизационную среду, так и «пятна космоса» начинают покрывать Землю. Скоро люди будут вынуждены защищаться от них специальными оболочками. Создавать искусственный климат, температуру и давление воздуха. «Среды с заданными свойствами». Их энтузиасты уже толкуют о жизни в «БТМ» — бесприродном техническом мире. В бесприродном — значит безжизненном. О жизни в безжизненном мире!? ***Космос опускается на землю...***

* * *

Все природное кустарно и индивидуально, все техническое стандартно и совершенно. Борьба с кустарностью и несовершенством человеческого — борьба с жизнью. Так и хочется все облегчить и автоматизировать. Ведутся исследования, как усовершенствовать питание человека, чтобы не архаически — зубами, через горло и живот, а прямо в кровь подавать питательные смеси. Неважно, что тогда должно атрофироваться тело, что его просто не будет. Зато будет автотрофное питание! Как же, ведь об этом мечтали В. Вернадский и К. Циолковский — наши новые

иконы. Но им было простительно: заря научности. Теперь повторять за ними — рас(ц)свет глупости. Совсем уж кустарем чувствуешь себя в акте любви. Насколько все тут примитивно и нелепо. Позорно! Его полезные функции в принципе механизированы — искусственное осеменение. Но как усовершенствовать и облегчить сам акт? Потеряется удовольствие? Так ведь от еды тоже удовольствие, а наука работает над ее ликвидацией. От движения, игр тоже когда-то получали удовольствие, но ведь ликвидируем. ***Все заменяется удовольствиями головы.*** Хотя голова не знает удовольствия. Только удовлетворение. Так и с любовью. Будем смотреть по телевизору, на мониторах и получать удов(ольствие)летворение. «От сознания». Вирт-у-порно-альная любовь.

* * *

Смотрел японский фильм о Средневековье. Суровая жизнь, нравы варварские, вплоть до скотоложества, что кажется очень аморальным, верхом человеческой низости. Однако, что такое мораль, чему она должна служить? В конечном счете — сохранению людского рода и поддержанию социальности как условия этого. С развитием морали развивается и аморализм, который приобретает все более замаскированные, и потому более разрушительные формы. И чаще всего они не там, где обычно видят. Ведь самое «злое зло» не в противостоянии добру, а в его подмене, разъедании изнутри, когда зло прикидывается моральной нормой.

Сейчас не осуждается, а точнее почти поощряется, ***самое глубокое извращение жизни — жизнь в одиночестве.*** Прежде всего, интимная. Измена семье и любовница на стороне, проституция и гомосексуализм, даже скотоложество — как ни оскорбительно это слышать рафинированному интеллигенту — более моральны, чем его «автономное существование». Там хоть кто-то или что-то живое или родственное нужно человеку. А «благородному», «чистому», «воздержанному», то есть в 100 случаях из 100, если исключить болезнь, онанисту, мир не нужен вообще. Или нужен в сугубо абстрактной, символьной форме. Аутизм. Эгоцентризм. Самодостаточность. Все заменяется воображением. В больших городах, где больше всего одиноких, можно заказать «ласку голосом» по телефону, «насилие голосом» — с магнитной ленты, «видеолюбовь» — по компьютерному терминалу, в которой можно как бы соучаствовать. Распространяется «искусственный секс», где вместо другого человека — технические приспособления. И единственное назначение этой огромной разнообразной сексуальной индустрии — обслуживание все растущей армии онанистов. Кругом народ, но каждый как Робинзон на необитаемом острове, если уже не обитает в Интернете. В том числе (а)сексуально. Вот оно, ***цивили-***

зованное варварство, перед которым бледнеют все остальные извращения. Куда там прежним, «неполиткорректным».

Самоотрицание человека. Сначала в лице другого. Потом «в лице себя». Аннигиляция общения. Возникает особый биосоциальный феномен: «человек онанирующий». I fuck alone — таково последнее достижение прокатившейся по миру сексуальной революции.

Это Чело-век XXI. «Новый», homo masturbator. По нему можно назвать и век.

Следующим этапом аутизма является прямое воздействие на мозг — наркотиками. «Пища Богов» — говорят нагло пропагандирующие их ученые и психиатры. Тут «другой» не нужен и символически. У «поколения пепси» вместо первой любви — первый наркотик. Или скоро будут подключаться к розетке — электронная стимуляция мозга. Так уже делается, сначала, как всегда, — «для лечения».

Я против психостимуляторов не из моральных, а экологических соображений (в основном). Потому, что прибегать к ним — это преступление не столько против общества, сколько против природы. Против человека как родового существа и самого биологического вида — «человек». Агрессия химии против жизни. Искусственного против Естества.

* * *

Магазин «Дары природы». Или «Дары окружающей среды»? В продаже:

Мясо животное.

Картофель полевой.

Напиток «вода» (глубоко устаревшее).

Готовятся продавать воздух. И последний «божий дар» превращается в товар. (Совсем бездарная цивилизация будет.)

Модель ситуации: живая природа и искусственная среда, человек и техника, человек и железобетонные джунгли города, предварительно уже проиграна на животных. Коров, птиц, свиней мы заключили в железные клетки комплексов, лишив их связи с природой, растениями, солнцем, воздухом, простором, и биологическое деградирует. Если в личном хозяйстве, где коровы еще имеют выпас, они доятся 13–15 лет, то из комплексов приходится выбраковывать через 5–7 лет. Болезни, яловость, снижение удоев, несмотря на все зоотехнические ухищрения. Или... повышение удоев — до 10 тыс. л. на корову, урожайности — до 100 ц. с гектара. Это патологические удои и урожайность, где корова и поле только предлог для переработки химикатов и искусственных биодобавок в продукты. Также и с людьми, несмотря на все ухищрения медицины: слабость, снижение жизненного тонуса и гордые цифры ежегодного роста количества диагно-

стических центров и скорости оборота больничных коек. Медицинский «товарооборот».

Побеждая многие тяжелые болезни, медицина высвобождает место для более тяжелых. Налицо явный прогресс:

в углублении болезней и сложности их лечения; все болезни становятся хроническими;

в отсрочке смерти и болезненности жизни; вместо здоровья или смерти бытие в «третьем состоянии», когда не болеет и не здоров! Возникает феномен больного здоровья (спортсмены, прежде всего) и ***новая порода людей: хроники.*** Хроник — это терпеливый носитель неизлечимой болезни. (Не)здоровый субъект больной жизни;

в изобретении болезней, их конструировании в лабораториях как артефактов с последующим нахождением у человека.

Зато может обеспечить «легкую смерть» — эвтаназию. «У нас умирают комфортно» — с гордостью сказал руководитель одного крупного медицинского центра. Это, по-видимому, и будет самым высшим и неоспоримым достижением человека по пути совершенствования своей жизни.

В Древнем Китае встречного человека приветствовали словами: «ешь ли рис»? В некоторых странах Африки: «как потеешь»? В европейской культуре — «Как здоровье»? Теперь более естественно спрашивать: «Чем болеешь»? А вместо «Как поживаешь?» — «Как выживаешь?» Но это пессимисты. Оптимисты, «вписавшиеся» и «перезагруженные», будут приветствовать друг друга: «Как шопинг(у)ешь?»

* * *

В аптеках столько же народу, что и в булочных. И берут помногу: открытый доступ. Лозунг дня: лекарство — наш второй хлеб. Не будет ли он скоро первым? с другой стороны, в богатых странах еда постепенно становится диетической, «с добавками», все больше выступая в функции лекарства. Впоследствии, в свете научных разработок по замене продуктов таблетками, питание и лечение сольются окончательно. «Впоследствии»? Но вот читаю рекламное объявление на автобусной остановке: «Американская фирма детского питания. Для больных и здоровых (!) детей. Одобрено Минздравом России. Предлагает продукты: инфамил, инфалак, прособи, нутрамиген, прегистимил и др.». По-видимому, это то, что когда-то у людей было мясом, молоком, хлебом. Хотят, чтобы весь мир был таким же толстым как американцы. Человек как жрачное животное. От сбалансированного питания тупеют не только собаки, но и люди. Баланс должен обеспечивать сам организм. Тогда человеку всегда «чего-нибудь хочется», веществ, которых не хватает. Ему «физиологически интересно», отсюда

психические желания. И человек — живет. Пусть еда будет вашим лекарством (Гиппократ). Его завет осуществляется, только наоборот: лекарство становится едой. Вокруг нашей же автобусной остановки в радиусе 5 мин ходьбы 7 (семь)! аптек. В микрорайоне Щербинки, где я живу, их 24. Живем в Аптеке. Аптечная жизнь. Хорошо ли живем? Хорошо. Главное, чтобы было больше лекарств. Какая забота о людях, а в сущности, «до чего дожили». Параллельно стирается грань между здоровьем и болезнью. Лечение становится перманентным состоянием, нормой. И соответственно в обществе индустрия лечения, которую почему-то называют индустрией здоровья, выходит на первый план. «Новое индустриальное общество».

В аптеке конца XXI века. Отдел эвтаназии. Богатый выбор средств. По крайней мере, трех групп: смерть мгновенная; смерть — угасание; смерть радостная (с улыбкой). Самые дорогие снадобья в последней группе. Еще бы, ведь это значит «умереть от счастья».

* * *

Лечиться современными мощными химическими средствами — это менять одну болезнь на другую. Появились так называемые лекарственные болезни. Их изучают и лечат тоже лекарствами и т.д. В тупик дурной бесконечности. Появилась новая категория больных — «залеченные». Для учета в медицинской статистике надо бы вводить две графы: «вылеченные» и «залеченные». Только искуснейший врач и умный больной, следуя завету Гиппократа использовать целебные силы природы, способны проскочить между Сциллой и Харибдой двух болезней — той, от которой лечатся, и той, которую, лечась, приобретают.

Рискну выписать один философский рецепт: непонятные болезни лучше лечить непонятными средствами. Особенно нервно-психические. Восточная медицина, внушения, заговоры и гомеопатия. Высокотехнологичные методы только усугубляют их, переводя на клеточный и субклеточный уровень. Там лечат не человека, а пытаются регулировать химико-биологические процессы. Дорогущие лекарства и врачи, которые знают аппаратуру и не знают болезней, а про человеческое тело забыли, как выглядит или воспринимают как порнографию.

Рискну выписать еще один философский рецепт: при сложных хронических болезнях помогают, в конце концов, самые простые средства. Наиболее простой из них — сменить образ жизни: климат, семью, профессию. Другими словами, стать другим человеком. А болезнь знала прежнего. Так Вы и разойдетесь. Но самое простое — всегда самое тяжелое, почти как смерть. Только социальная. Поэтому большинство предпочитает привычную, биологическую.

Волевой человек. Каждое утро делает зарядку... лекарствами. Динамо-машина стала аккумулятором.

Когда-то в больницах была детская палата. Потом стали открывать детские отделения. Теперь параллельно существуют взрослые и детские районные и областные больницы, детские федеральные кардио- и онкологические центры и т.п. Помню, мне казалось нелепым желать ребенку здоровья. Ведь это само собой разумеется, не старик же. Но вот теперь... ***Настало время, когда дети болеют больше стариков.*** Они больны от рождения. Значит ***больным стал*** не человеческий индивид, а человек как ***вид.***

Символическим подтверждением этого факта является использование убитых младенцев для омоложения стариков. Но тут важно как сказать. По-русски — грубо и неприятно. Скажите профессионально: «вытяжка стволовых клеток абортированных эмбрионов для лечения тяжелых возрастных болезней». От них теперь лечится чуть не вся богатая элита в медико-косметических салонах. Особенно к юбилеям. Глядишь на дряхлеющую знаменитость: опять помолодел(а).

ааА... кричит Жизнь на всей Земле. Заткнись, отвечает ей Разум в лице своей науки и техники. Земной человек — это мой эмбрион. Как хочу, так и использую. Я буду функционировать в Космосе.

Господи, а где же Бог? Господи-боже, образумь обезумевшее человечество. С-**паси** и по-**милуй**: всеми доступными Тебе средствами. Да, Апокалипсис... да, сейчас[1].

* * *

Вич-инфекция, синдром иммунодефицита — говорят и обсуждают все, кому не лень. Как-то лечат. Философия молчит. А сказать бы надо. Сказать, что в крови и лимфе людей, т.е. ***внутри человека*** как вида, у биологического вида «человек», включился механизм самоотрицания. В крови и лимфе людей начала функционировать смерть. Может быть, это и не вирус как таковой, а симптом общего ослабления организма человека как родового существа. Что не обязательно связано с прямым проникновение физиологических сред индивидов друг в друга, их внутрителесным контактом. Это еще сдерживает темп распространения гибельной для нашего биологического вида тенденции. Хотя в условиях тесного транспортного и аморального быта, а также агрессивной медицины — все

---

[1] Это алармизм, воскликнет почти любой читатель. Конечно. Все настоящие экологи, зеленые, вообще, живые люди должны быть алармистами: «Бить тревогу». А кем еще можно быть, глядя на современное отношение к природе. Кто сейчас не алармисты – зомби. Оптимисты.

меньше. Однако дальше — больше. В результате успехов в лечении иммунодефицита, появляются его новые, резистентные модификации. Которые также совершенствуются, что признают сами лечащие врачи. Значит, увеличивается вероятность, что вот-вот возникнут формы, способные передаваться внешним образом (через слюну, дыхание, кашель). Тогда жизнь на земле будет поставлена под вопрос буквально. Смерть выйдет из подполья. Что делать? *Не то, что сейчас.* Имея в виду, конечно, весь образ жизни современного человека, а не только практику медицины. Об этом и должна кричать философия, наивно веря, что кто-нибудь услышит: общая причина дефицита иммунитета в том, что человек живет во все более искусственной среде. Безжизненная чистота, стерильность — вот ее главное загрязнение.

* * *

«Болезни века» — это болезни преобразования человеческого организма под воздействием быстро меняющихся условий. Вид приспосабливается к ним через ускорение смены индивидов, через их повышенную смертность, особенно мужчин, так как через этот пол все живое осваивает изменяющиеся обстоятельства. Природа делает разные попытки ускорить обновление: аппендицит, например, намечался как важнейший путь. Но мы научились в основном с ним справляться. Тогда сердце. Тайно и внезапно останавливается: «лег на диван и умер». Подлинных причин этого никто не знает. Пытаются заменять искусственным. Тогда бунт природы происходит на клеточном уровне — раковая болезнь, СПИД, потом пойдут опухоли мозга и т.д. Делая пересадки, подавляют иммунитет, а потом ищут причины дефицита этого иммунитета. Стимулируют иммунитет, а потом ищут причины аллергических реакций организма. И все с ужасающе умным видом, хотя для понимания тупиковости такого решения проблем здоровья не надо никакого медицинского образования. Ежу понятно. Дальнорукие или близозоркие? Тсс… наука.

Бесконечное соревнование медицины с противоестественным образом жизни, приводящее к постепенному демонтажу человека как телесного существа.

* * *

«Заживет как на собаке», говорили когда-то, желая утешить получившего повреждение человека. То есть само собой, незаметно. Я бы уже не обрадовался такому пожеланию. Собаки стали изнеженные, слабые, часто болеют, погибают. Требуют ухода как дети. Может говорить, «заживет как на человеке»? Тоже нет оснований. И люди и собаки включены в один поток деградации живого в искусственной среде.

«Отремонтируем», — вот как утешают сейчас.

В XIX веке люди «лишались чувств». До середины XX века «теряли сознание». А теперь — отключаются («вырубился»). Конечно, надо ремонтировать, пересаживать органы сначала другого человека, а потом другой субстанции.

Парализованные люди в специально оборудованных «колясках для жилья» — вот передовой отряд эволюционирующего человечества, над пополнением которого неустанно трудятся наука, техника и медицина. Берегите и заботьтесь об инвалидах. Ин-валидность (в переводе на русский не-действительность) — наше будущее. Общее и не такое уж далекое. Инвалиды — новый социальный класс, в который переходит все больше людей. И тогда «целые» здоровые люди будут казаться варварами, пережитком дикой «естественной» эпохи. Их будут третировать как недоразвитых. Из милосердия, правда, в вузы для них оставят какие-то квоты. Уже сейчас иметь вставные фарфоровые челюсти, ультрасовременные очки и линзы престижнее чем «простые» зубы и глаза. То же самое происходит в сфере духа. Про здоровых нормальных людей, если они без извращений, читать и смотреть не хочется. Да, ну их.

...Плюс инвалидизация.

Рождение кентавров

Слово кентавр уже не пугает. Напротив, становится романтическим. Есть журнал, издательство «Кентавр» и кентавристика как научное направление. Но кентавр — это химера, монстр, по русски — чудовище. Чудо. Нарушение законов природы, когда к телу одного животного приставляются органы другого. Или к естественному искусственное. И (или) когда они превышают меру человека, его норму. Страшное чудо. Ненормальные (сумасшедшие) идеи, которых наука жаждала в начале XX века, на его конец пришли. И осуществляются в виде уродов-кентавров-химер-монстров-чудовищ. XXI век будет веком чудовищ.

Здравствуй, племя, младое, незнакомое! ***Чудовищный век.***

* * *

Как земная природа больше не может существовать без помощи общества, так человеческое тело нуждается в постоянном воздействии лекарств, стимуляторов, транквилизаторов, витаминов. Лечиться мы начинаем с рождения или даже в утробе матери, а не по поводу болезни. Или, сказать по-другому, мы больны изначально. Я всегда был против профилактического лечения и таблеток. Но обстоятельства складываются так,

что пора начинать их оправдывать. ***Мы окружены ядами цивилизации и применение противоядий становится необходимостью.*** Заботиться надо не о чистоте внешней и внутренней природы как таковой, а о том, чтобы не спутать яд с противоядием. Потому что из-за фармакологической агрессии микробы и вирусы, вообще — болезни так усложнились, что «чистый» организм не имеет от них защиты. Уже сейчас сильные люди хуже переносят грипп. И внезапно погибают, в то время как инвалиды, больные и слабые все скрипят. Здоровому теперь — не выжить.

* * *

Сумятица медицинских рекомендаций имеет под собой объективную основу. Для общего функционирования организма потреблять много сахара вредно. Но для мозга при напряженной умственной деятельности это необходимо. Потребности одних органов вступают в конфликт с другими. Мозг вызывает такой тип работы организма, который ведет к дезорганизации поджелудочной железы (диабет). Сшибка. Болезнь. Какую болезнь выбирать? Быть здоровым — суметь пройти по лезвию бритвы. С возрастом лезвие становится все тоньше. И мы все больше — обрезаемся.

У каждого человека есть свое биологическое время. Часы могут портиться, забегать или отставать. В истории известны случаи, когда у ребенка в 8 лет начинали расти усы, к 12 годам он лысел, а в 16 лет в облике старца умирал. Это считается патологией. Однако не таковы ли и причины долгожительства в некоторых случаях, особенно в самых выдающихся? Отставали часы? Тогда примеры жизни до 120 лет нельзя считать верхней границей нормы. Стремление к такой длительной жизни патологично и ведет к вырождению людей. «Интересно» оно в основном науке.

* * *

И все-таки в меня вселяют надежду, время от времени оккупирующие наш дом тараканы. Они есть даже в пятизвездочных отелях, в общежитиях Московского и Калифорнийского университетов. Как ни боремся с ними, как ни травим и ни уничтожаем — они есть. Жизнь живуча, у нее большой диапазон адаптации. Какой воздух в большом городе, какая толчея на транспорте! Так тесниться могут только рыбы и насекомые, высокоразвитые млекопитающие при таких условиях гибнут, люди же отделываются слабостью, болезнями и раздражительным настроением. ***Злые тараканы.***

P.S. Это «для красного словца». На самом деле, если притер(п)еться, они довольно безвредные.

P.S.-2. Страшное дело: тараканы, эти вечные спутники человека, его «домашние друзья» исчезли. Начали исчезать и насекомые-работ-

ники — пчелы. Говорят из-за мобильников. Исчезают все домашние насекомые. Крупнейшее историческое событие, которое, к сожалению, прошло не замеченное. Хотя оно может важнее, чем исчезновение мамонтов. Не выдержали нашей искусственной среды. Мы теперь с ней один на один. Никакой надежды. Но живем. Правда, в Америке по продажам после болеутоляющих и сердечных лекарств идут антидепрессанты. Проблема тараканов, что у них этих (анти)депрессантов не было. Несчастные...

P.S.-3. Нет! Тараканы остались и даже множатся. В головах.

* * *

Природа умирает, но это не значит, что ее бессмысленно сохранять, человек смертен, но он всю жизнь пытается быть здоровым и лечится. А некоторые даже занимаются физкультурой.

Когда экологов, зеленых, других защитников природы спрашивают, что они реально сделали, какой результат дали, то они могут указать хотя бы на то, что ***не дали сделать***: срыть, построить, перегородить, повернуть. Это тоже надо брать за результат, теперь, видимо, главный. Ведь развитие идет само, а для его регулирования нужны все человеческие силы. В современных условиях сознательные усилия людей должны носить тормозящий характер. Да, развитие не остановишь. Но неизбежен и конец одного человека. Каждый знает, что его не миновать, однако принимает меры, чтобы «остановить мгновение». Почти никто не считает такие заботы бессмысленными. ***Человечество попало в ситуацию одного человека и должно жить вопреки логике. Героически. Вступайте в ряды участников движения Сопротивления!***

* * *

Я экологический оптимист и считаю:

1) из всех живых существ человек умрет последним;

2) в мире всегда есть место случаю;

3) то, что случилось однажды, всегда может случиться вновь.

УНОСИМЫЕ ПРОГРЕССОМ

И пришло время,
когда сильному плохо.

Живем в постиндустриальном обществе, наука стала постклассической, вступили в постисторию, вера постхристианская, в культуре постмодернизм и т.д.

Поствремя какое-то? Или «конец времен»? Конец истории, как провозгласил известный американский социолог Ф. Фукуяма. Провозгласил, по-моему, без достаточного понимания исторического смысла происходящего. Но броско, по-американски. И также, не задумываясь, по-попугайски за ним стали все повторять. Или бездоказательно отрицать.

На самом же деле это, по-видимому, конец собственно (исключительно) человеческого времени, вступление цивилизации в человеко-машинное состояние. Человек существует, действует, однако не как автор, а как агент или фактор («человеческий фактор») Системы. Или Сети. Несоизмеримо более мощной, чем человеческое общество. ***Постчеловеческий мир!*** И все остальные «пост» вытекают отсюда. История продолжается, но человек перестает быть ее субъектом. Вот и все.

* * *

То, что называют проблемами технологической революции — это проблемы современного этапа цивилизации, вопрос о судьбах человечества. Подземный гул кризиса цивилизации великие люди слышали давно (Руссо, Толстой, Торо). Они кричали, но мало кто им внимал. Обычные люди стали его чувствовать, когда начались толчки. Большинство счастливцев так и умрут во сне.

Поступать в соответствии ***с разумными*** требованиями современной технической цивилизации — это и значит двигаться к гибели. Ее «разум» — в безудержном, т.е. без(д)умном новационизме, т.е. в бессмысленном возрастании искусственно придумываемого и навязываемого, в результате чего петля на шее человека затягивается все туже. И затягивает ее он сам — своей деятельностью. Разум-но затягивает. По большому счету, человечеству ничего не угрожает. Кроме самоубийства.

Техника и человек

Суть этой проблемы: горшок восстал на горшечника. Тварь превзошла творца. И оставляет от него — черепки.

В начале XX века царила общая уверенность, что все проблемы человечества разрешат наука и новая техника. Ее разделяли самые выдающиеся мыслители. В течение века были сделаны миллионы открытий и изобретений, сменилось несколько поколений техники. Но убавилось ли у человека проблем? Угроз ему? Сейчас уверенность в том, что эти проблемы разрешит новая техника разделяют только выдающиеся идиоты. Но их по-прежнему много и все озабочены «ускорением» развития техники. А вернее, она сама развивается. Самостоятельно. Наконец, волны технического прогресса превратились в девятый вал. Цунами. *Стали высокими (технологиями), т.е. пре-вышающими возможности человека, т.е.* ***постчеловеческими.***

Для существующей технологии содержание человека становится все более дорогим и нерациональным делом. Не говоря уже о том, что он крайне несовершенен как субъект производства — допускает много ошибок, быстро устает, не успевает, не выдерживает, не справляется, является «узким местом», короче говоря, нетехнологичен, из-за чего приходится ставить «защиту от дурака». На самом деле это начинается защита от человека. Перед лицом высоких технологий мы все дураки. Человек вообще невыгоден и уже мешает слаженному функционированию общества в целом. Система стремится превратить его в свой элемент, лишив индивидуальных особенностей и свободы (непредсказуемости поведения), преследуя его самость в максимально возможной степени, организуя ее. Острие удара обычно направляется против эмоционального начала жизни и «фаллоцентризма» как наиболее преступого начала, через которое прорываются остатки сопротивления. Глобальное же условие дальнейшего развития цивилизации — ***демонтаж человека*** как естественного существа, его замена рациональным робототехническим устройством. Это тайна всех пост/транс/модернистских «деконструкций» и «смертей» — субъекта, творца, автора, человека.

С барского стола, за которым пируют машины и технологии, человеку, их творцу и лакею, перепадают крохи. ***Под видом человеческих*** выступают потребности производства. Они искусственны для человека и естественны для искусственного мира.

Всероссийская конференция по нейрокибернетике. Освещающий ее журналист, выражая настроение участников, пишет, что ученые создают интеллект, который будет сильнее человеческого. «Он облегчит наше мышление. Пусть думает компьютер — он железный». Пишет бездумно и с восторгом. ***Додумались до того, чтобы больше не думать.***

Прогрессом мы называем свое движение к «снятию», в сущности говоря — к гибели. От энтузиастов прогресса теперь все чаще слышишь

фразу: прогресс не остановишь, он неотвратим. О чем обычно так говорят? — О смерти. Энтузиасты смерти.

* * *

Посетил выставку «Архитектура и строительство» на Нижегородской ярмарке. Особенно увлекает продукция фирм, производящих унитазы. Каких только нет! С жестким и мягким сидением, с подлокотниками, высокие, наклонные, из литого мрамора, керамические. (Уф...) Одно и двух режимные, настенные (??) — тут надо видимо говорить «пристенные» (или у меня просто не хватает воображения), а как вдохновляют газеты, «в Японии» уже есть с подсветкой (при посадке), с дистанционным управлением и компьютерным экспресс-анализом оставленного, характер которого виден тут же на экране. Выбирай — не хочу! Вот перспектива.

Но я скажу, что мало. Сам выбор той или иной модели ограничивает возможности выбора. Допустим, сегодня я ориентирован на мягкое сидение, а завтра придет мысль на жестком. Как быть? Как снять это ограничение моих желаний? Моей свободы! Моего права на безграничное потребление!

Выход один (так вот всегда: входов много, а выход один). Надо устанавливать все типы унитазов. Только тогда ими можно пользоваться по большому счету. Для полного комфорта нужно иметь ***зал унитазо***в. Его можно сделать парадным, лучшим, что есть в доме (передовых архитекторов предупреждаю: эта мысль — моя интеллектуальная собственность), и проводить там светские приемы. Произнесение тостов и здравиц будет завершаться одновременным дружным пользованием унитазами. (Представителей актуального искусства, устроителей перфомансов предупреждаю: эта мысль моя интеллектуальная собственность). Только тогда проблема, в примитивные времена называвшаяся «сходить до ветру», будет решена. Решена ***адекватно***. Да здравствует цивилизация унитазов!

Культура богатства, золота, получает, наконец, свое завершение в переходе к культуре (культивированию) дерьма. Оба желтые. Осве(я)щает их желтая пресса — действительный дух этой (пост)культуры.

И ты, который пишет, что человечество в кризисе из-за нехватки средств, изыди, провались. Смойся. Развивай науку и технику. Накапливай. Но помни: великие деяния человечества его героями и гениями свершались не на унитазах. Тем более не на биде. Конец истории? Мой критерий: когда она для и (у) тех, кого села на биде. Бидолаги. Богатые. И бедолаги. Бедные.

* * *

Робота вначале считали наиболее совершенным орудием, потом стали называть «наш помощник», теперь пишут «наш коллега», «наш друг». В следующее десятилетие он будет «наш консультант» и «наш руково-

дитель». А потом — наш господин. Но слово придумают другое. И никто тому не будет удивляться. Человек ко всему привыкает и со всем смиряется. Даже со своей ненужностью. Даже с перспективой поглощения нано(ро)ботами и превращения в «серую слизь», о чем сначала говорят всерьез, с теоретическими выкладками, а потом «просто так» — о(т)говариваются. Механизм адаптации: ***любая патология в конце концов возводится в норму.***

Предлагают применять компьютеры в поэтическом творчестве. Например, для заготовки рифм или «составления полного словаря русских рифм». Обсуждается это серьезно и с чувством удовлетворения за успехи наукотехники, имея в виду, что с ее помощью «на гора» можно будет выдавать гораздо больше стихов. Не говоря о том, что компьютер сам «пишет стихи» и что с помощью динамического чтения их можно больше и скорее прочитать.

Динамическое чтение. Соблазняют, что любой текст можно прочесть в несколько раз быстрее. Но после овладения основными навыками, скорость чтения определяется, «тормозится» прежде всего, чувствами и образами, которые при этом возникают. Их обилием и яркостью. Потом мыслями, которые приходят в голову. Их глубиной и серьезностью. Это-то все и надо отсекать, чтобы не задерживаться на тексте. Для творческого человека чтение только средство, возбуждающее его чувства и мысли, а цель и смысл — переживание и духовное преобразование мира. При динамическом чтении остается одна голая информация. Более быстрое о-владение ею, действительно полезно в некоторых сугубо технических ситуациях. Но их переносят на все. Тогда, может, стоит быстрее прослушивать музыку? С бо́льшей скоростью петь? Объезжать за один день не одну страну, а две? («Вся Италия за 6 часов»). Просматривать в кинотеатре за полтора часа не один фильм, а три, в музее за 10 мин. не одну картину, а четыре-пять?

Вообще, все это не поддается здравому объяснению. Кому, зачем даже не задумываются. Если истерия потребления приостанавливается, а скорость распада уменьшается, вопят, что «наступил кризис». Вся забота правительств как «выйти из кризиса». Одновременно в этот же кризисный год число миллиардеров в России увеличилось чуть не в 2 раза. Очевидно, что они будут прямо заинтересованы в продолжении такого «кризиса». В страны, где остаются элементы сопротивления разложению, посылают войска интервентов. Чтобы под лозунгами прав человека и борьбы с терроризмом навязать им свой прогресс к смерти. Они, видите ли, «верят», у них, видите ли, сохранилась «семья» и культивируется мораль, они еще различают «мужское» и «женское», имеют детей, а стариков, вместо того,

чтобы отсылать в благоустроенные резервации, почитают. Ну, не возмутительно ли! Все как в Библии или Коране. Как не осчастливить их благами свободы сексуального воспитания, порнографии с демократией и ювенальной юстицией. Чтобы они тоже — вырождались. Не только духовно, но буквально, демографически. Как «цивилизованные». Это какая-то постигшая человечество шизофрения. Постигшая в целом, как целое. Шизоумие(я). «Новый абсурдный мир» — так можно скорректировать предвидение О. Хаксли.

P.S. Сколько переводят название книги О. Хаксли: «Новый прекрасный мир», «Новый дивный мир», «Новый бравый мир» — и все неправильно. Конечно же, надо сказать: «Новый удивительный мир». И добавить: «Удивительное — рядом». Новационный мир. Но ему почему-то не удивляются. Если рядом — никогда не удивляются. Вот моя любимая, которую я готов всегда повторять, самая трагичная и горькая мысль о сладкой смерти, мысль-эвтаназия: ***мы не будем знать, когда нас не будет.*** Не знаем.

* * *

Современная технология на Земле, а тем более в далеком космосе требует минимум киборга, а не этого водянисто-хрупко-телесного существа, подверженного к тому же эмоциям, волнению и ошибкам, которое сейчас есть и которое называется человеком. Горе побежденным! ***Человека никто не разрушает извне. Он самоотрицается в пользу Разума,*** который может распространяться универсально, если меняет субстратные оболочки. Материя бесконечна, и чтобы осваивать ее, Разум тоже должен быть бесконечным, то есть бесконечно изменчивым. Останется ли и на какое время биологический человек наряду с другими носителями Разума? Может быть, у него будет своя «ниша»? Как мы снисходительно относимся к детям, так более высокий искусственный Разум будет терпим к собственному детству — человеческому состоянию? Может компьютеры нас сохранят? Хотя вот в Пентагоне, как радостно сообщает пресса, уже создали робота-людоеда. Но пока человек есть, биологическое начало является в нем источником творческих потенций. Оно незаменимо. Любовь и Эрос — топливо Жизни. Биологическое начало глухо бьется во все утолщающейся социально-технической скорлупе.

Как среди обезьян в свое время появились человекообразные, так среди людей сейчас уже есть роботообразные. Роботы становятся как люди (искусственный интеллект), а люди как роботы (бесчувственное тело) — процесс снятия человека идет с двух сторон. «Снятый человек» — снятое молоко, обездушено, обезжирено. «Обрат», если вспомнить деревню. ***Грядущий «пост».***

* * *

Большой город: сама жизнь в нем — труд! Люди устают просто от своего существования. Даже от отдыха. Даже молодые. Человек усталый. Поэтому слишком чувствителен к погоде, легко простужается, часто болеет. У-стал, про-стыл, о-слаб. И совсем не слышно призывов закаляться в природе. А ведь как надоедали во времена моей молодости. Мы пародировали песенку: If you want to be здоров, закаляйся. // To forget про докторов and cold water обливайся // If you want to be здоров! Теперь рекламируют только болезни. И боль(ш)ной спорт высоких коммерческих достижений. Правда, еще фитнес(физ)культуру, хотя все в помещении. Если бы человек, пусть XIX века, послушал, о чем сейчас больше всего говорят люди между собой или, например, по радио-телевидению, он пришел бы в смятение: что это с ними? Какие «прокладки» им все надо? Чего у них там все течет. И больше не стоит. Воистину — «падение в прогресс». Испортить такой аппарат, автоматический! Ведь это тоже, как если бы перестали двигаться руки/ноги. Импотент: рука не поднимается. Принял виагру, взял ложку; импотент: ноги не встают. Принял импазу, пошел к столу. Тема № 1 — здоровье, болезни, лечение. Оборот медицинской торговли конкурирует с оборотом промышленности строительных материалов. В городах действуют общества гипертоников, алкоголиков, язвенников. Объявлен «Всемирный день диабета», по случаю которого в школах проходят праздники с играми, викторинами и конкурсами на тему: «Я и мой диабет». Медицин стало несколько типов (одной не хватает): традиционная, нетрадиционная, аллопатическая, гомеопатическая и т.д. Возникает медицина высоких технологий, скоро будет «наномедицина», разбирающая и собирающая человека по молекулам. На любой чих обнаруживаются «гены», которыми и будут манипулировать в лечении даже насморка. От «всего» вакцинируют, то есть заранее заражают болезнями, только «в легкой форме». Потом удивляются всеобщей аллергизации. Тому, что у детей «вместо кори и краснухи мы получили рак и лейкемию». Общий диагноз: тех(урба)нопатия. Его боятся, никогда не учитывают. Проще давать лекарства. Их предложение таково, что хочется скорее заболеть, дабы получить возможность ими воспользоваться. Можно смело говорить о настоящей фармацевтической агрессии, которой подвергается человечество (наглядный пример, мировая афера с так называемым «свиным гриппом»). Большинство «лечащих» препаратов — симптоматические, то есть загоняют проблему вглубь, растягивая во времени и делая ее более опасной. Пенсии в основном стали уходить на лекарства. Назначаемые «критические дни» сливаются в сплошную

неделю. Вместо истории жизни люди завели «историю болезни». Возникает «медицинский образ жизни». Curriculum mortae!

Общество как большая безумная больница. Хоспис.

Мы у/*вы*/мираем?

* * *

В аптеках появились плакаты: «Осторожно, лекарство». Наверное их можно обобщить: «Осторожно, медицина!». И повесить в больницах. Знайте, что вы пришли в логово зверя. И дорого за это заплатите. В буквальном и переносном смысле. Зверь может спасет, а может загрызет. Но чаще — искалечит. Калека. Ис-ка-лечен-ный.

Из инструкции по применению лекарства «Мисклерон» (приложена к препарату).

«Показания: выраженное нарушение обмена липидов...

Побочные действия: тошнота, рвота, понос, зуд и высыпание на коже, головные боли, выпадение волос, увеличение веса тела, образование желчных камней...» (Привожу по тексту).

Забыли только дописать: смерть. Но и без этого ***зловещие успехи медицины ошеломляют.***

* * *

Переход от деревни к городу: культура поноса (от бактериальных инфекций и сырой во(е)ды), сменяется культурой запоров (от медицинского дисбактериоза и искусственных добавок), культура грыжи (от тяжелой работы), культурой геморроя (от тягостного сидения). Когда «удобства были во дворе», люди пользовались ими 2–3 раза в сутки. Как взрослые собаки. С появлением ватер-клозетов стали ходить туда раз 5–6. Как малые дети. В богатых домах/квартирах туалетов теперь много — не на семью, а каждому, индивидуально. А как иначе? (еще у последнего русского царя на летней даче туалеты были в виде прорезанной дыры в доске) — думают их обитатели. Ну, не рай ли, а мы все ноем. Шикарные, вплоть до полочек для одновременного (!) питья кофе. И на «свой» толчок бегают то и дело. Как старые утки. При социализме, когда общественные туалеты были бесплатными и грязными, их посещали надо и не надо. «На всякий случай». При капитализме, когда они стали за деньги и чище, желающих стало много меньше. «Не хочется». Вот какие умные у нас организмы, даже мочевой пузырь считать умеет. И понимает, в отличие от основной массы своих голов, при каком строе живет.

Современные культурные люди: в сравнении с прошлыми и необразованными, они чистые снаружи и грязные внутри. Не потеют, не плачут, перестали плеваться, не пользуются платками. Все остается или возвраща-

ется в себя. Потом лечат гаймориты, аллергии, почки. Зато моются каждый день (судя по американским фильмам, они вообще живут в душе), упорно вымывая из кожи и волос оставшиеся элементы жизни. Потом, применяя изощренную косметику, их опять как-то вносят. Глам-урны-е!

* * *

В век развития химии борьба с запахом жизни завершается полной победой культуры. В Японии сейчас культ чистоты, чистого дома и улиц, когда кажется, что единственным мусором в/на н(ем)их является сам человек. Культ чистого тела, ибо там, вопреки туристскому взгляду, дальше всех продвинулись в подавлении природы. Но иногда людей охватывает тоска по естеству, и они прибегают к его имитации: изготовляют духи под запах разгоряченного тела, трудового пота и т.п. Скоро на улицах специально будут разбрасывать мусор. А в центре города время от времени выпускать побегать собаку. Чтобы немного очеловечить.Человек пытается искусственно имитировать себя — утрачиваемого.

Далеко простирает химия руки свои в дела человеческие, говорил Д.И. Менделеев. Когда-то посуду мыли горчицей, а полы с песком. Потом стали содой и мылом — первоначальная химия. Потом изобрели намного более эффективные средства, но они были ядовиты, раздражали кожу и сильно пахли. Их надо было опасаться, осторожничать, тщательно избавляться от следов контакта с этим веществом. И только современная химия стала благоприятной к человеку. Ласковой и заботливой. Стиральный порошок отдает лимоном, а чистящие пасты земляникой и яблоками. Так вкусно пахнут, что гляди того, захочется съесть. Или воспользоваться как косметикой. Натерся стиральным порошком — и в гости. Намазался пастой фейри — на бал. Тщательно смывать с посуды все эти приятно пахнущие вещества кажется излишним. Так, по-минимуму. Даже дихлофос перестал вонять. Не то, чтобы «и вдоволь не мог надышаться», но падающие мухи вызывают удивление. С чего бы это?

* * *

Городской житель: где ему приобщиться к запахам природы, леса и сада, благоуханию трав и цветов? Да очень просто. В туалете! Освежители воздуха переворачивают мир запахов снизу вверх и сверху вниз. Формируя тем самым отвращение к естеству. И все живое — неприятно. То ли еще будет, когда в быт войдет подача ароматов с компьютера. Как скоро будут ароматизировать внутренности? Бальзамирование при жизни! Критики твердят, что наша цивилизация бездуховна. Неправда. Пахнет. Царица Клеопатра задохнулась бы от зависти, сравнивая ее бытовые освежители со своими притираниями для лица. Правда, в других местах, «на свежем

воздухе» дела обстоят не столь благоприятно — гарь, вонь. Никак не начнут забивать ее на улицах. Так, кое-где, в ресторанах, магазинах и появились машины, «окутанные запахом ванили». Но тут тормоз. Не всем, видите ли, нравится, боятся аллергии, астмы. Не понимают, что химия опять придет на помощь — глубокая диагностика, полное подавление иммунитета, мощное усиление иммунитета, модулирование иммунитета и прочая игра на организме. Заигрываемся. «Дауны» прогресса. Задушенные комфортом, занюханные удобствами.

Весьма древний фактор культуры в борьбе с природой — духи и дезодоранты. ***Здоровое тело хорошо пахнет***, оно нормально пахнет. Запах — его естественное продолжение, воздушная оболочка. Но цивилизация выводит запах за рамки приличия, ***преследует его.*** Духи — набедренная повязка человеческого запаха, его одежда. Теперь настолько хорошо одеваются, что появились ароматизированные презервативы. Цветные и чтобы красивые. Мода на них и чтобы от лучших фирм. Смотрят на брэнд. Да на то ли смотреть-то надо! Это выражение полного, абсолютного отчуждения человека от своей природы. И его полного социального оглупления. «Потр(д)ебилизации». (Совсем с-бренд-или, б-дь!). Уверен, обо что и чем угодно готов биться, что они провоцируют, порождают импотенцию. И нужны они импотентам, явным или будущим.

* * *

Почему люди все время недовольны телевидением, этим величайшим даром цивилизации? Потому что ***это дар данайцев.*** В нас бунтует подавленная, не находящая реализации часть нашего живого существа. Даже в новогоднюю ночь как, невольники на галерах, мы прикованы к ящикам — телеэкранам и компьютерам. Сами не способные ни петь, ни плясать, ни кричать, ни смеяться, ни флиртовать, ни любить, ни касаться или играть и разыгрывать друг друга — фактически не общаемся, а только смотрим, смотрим, в промежутках немного пьем и жуем, жуем, жуем. Коровы! Изредка перекидываются критическими замечаниями по поводу того или иного номера. А после общее чувство раздражения в оценках передач — неинтересные, скучные, ужасные. Даже если они были очень интересными — тогда говорят, что это за счет пошлости, вздора и порнографии. Спроси брюзгу, какие передачи, какого х… = рога = рожна ему еще надо — толком не знает. Пусть они будут сплошь смешными, наблюдать чужой смех с собственной кривой улыбкой, как отдаленным откликом на него, все равно скоро надоедает. У ног телезрителя весь мир, а он недоволен. Его развлекает вся планета на ста каналах, а он раздражается. Тут по Фрейду: ***живые люди недовольны своей полужизнью*** и переносят это раздражение

на объект. Наблюдателю, в отличие от участника, деятеля, в конце концов, всегда скучно. Деятель, работник устает, а не скучает. Скучают праздные, посторонние. При телевизоре мы все –«Посторонние». А. Камю это предвидел. Мне не нравится опошливший себя как политик Е. Евтушенко, но в свое время он написал хорошие строчки, мечтая о будущем, когда

Телевизор понесут под колокола
На всемирный страшный суд
За его дела.

Телевидение — символ всей современной аудиовизуальной культуры. Виртуального (не)бытия. И дело не в том, что дают плохие передачи. Или вредные. Когда интересные — еще хуже. Гибельная суть этой новой «культуры», что она лишает человека его собственного предметного мира, унося туда, где он существует только как фантом. И есть уже телевидеоманы, «элетронные почтальоны», которые забыли о естественных потребностях живого активного существа, чувствуя себя вполне хорошо без них. Умерли — и довольны. Сидят перед «ипфанами» и онанируют. Хакеры в квартирах как «клетках для орхидей». Впереди — Интернет-наркомания, которую называют пока «пребыванием в виртуальной реальности». Это будет наркомания, которую мы не заметим.

Парадокс (не)существования в Интернете. Он соединяет дальних и разъединяет ближних. Благодаря анонимности каждый человек может высказать все, что хочет, не боясь осуждения других. Это значит — наиболее полная его реализация. Появляется много острых и неожиданных мыслей. Максимум бытия, по крайней мере, «в сознании». Но он аноним, т.е. безымянный. Мистер икс, в виде мысли. Концепт, аватар. Для мира *этого* человека в его специфически собственном качестве — нет. Есть некто, почти никто. Даже указав фамилию, он может не краснеть, его стыд будет абстрактным, другие все равно не увидят. Это значит — минимум бытия, отчуждение (от) социальности. В «текст», в «письмо», в «виртуал». В (не) бытие Иного[1].

* * *

Как известно, самая красивая на земле поверхность — человеческое лицо. Для нас — людей. Красивый человек приносит радость одним фактом

[1] Тем, кто начинает тяготиться «этим нагнетанием пессимизма», напоминаем: 1) философия мыслит принципами, стратегически. Поэтому, желая понять явление по сути, надо смотреть на него радикально, доводить до конца («зри в корень»), а компромиссы нужны в реальности, на практике. 2) пессимизм и оптимизм категории оценочные, не аргументирующие, оспаривайте факты. 3) И, пожалуйста, принимайте за один раз не более 10 стр. текста.

своего бытия. Но почему, когда смотришь телевизор, особенно эстрадные концерты, так много противных лиц. Несмотря на косметику. Да потому, что так близко смотреть на человека неестественно. В обычной жизни есть дистанция. Без нее близость приятна, когда любишь или в экстазе. Экстаз же перед экраном, к сожалению или к счастью кому как — еще не у всех.

Изображение на экране красивее реального пейзажа, картина в альбоме ярче подлинника, удачный ксерокс четче текста, информации о событии интереснее события.

Копия стала лучше оригинала! — вот рубеж поворота к господству техники над природой, искусственного над естественным. «Симулякров» над вещами, роботообразных над человекообразными.

* * *

Люди стали меньше радоваться, потому что меньше плачут, бывают не веселыми или печальными, а в хорошем или плохом настроении, о будущем не мечтают, а строят планы, не поют и пляшут, а смотрят, как это делают другие. Понижение эмоционального фона жизни есть следствие повышения уровня ее информационности, которая по содержанию может быть чистой дезинформацией. Собралась компания. Вроде для общения, но левым глазом посматривают телевизор. Не помогает и водка. Последним усилием воли мне иногда удается отбросить этот наркотик (не водку) и убедить компанию побыть на свободе, самим с собой. Выключили. Тогда как бы очнувшись от наваждения, стали шуметь, спорить и, о ужас, даже запели. Сами! Но фильм был не порнографический, а телевизор не голографический.

В подсознание — основную творческую лабораторию человека — попадает только то, что прошло через чувства. Через чувства проходит прежде всего живое, непосредственное воздействие другого человека, природы, мира. Информационное воздействие затрагивает только мышление, «кору». От хоккея по телевизору остается легкий поверхностный след, который, как след самолета, быстро рассеивается с новыми впечатлениями, смешивается с ними. Хоккей на стадионе, даже наблюдение, а тем более, собственную игру, помнит все тело, весь человек. Она остается в нас. И так — любые события. По телевидению и компьютеру мы были везде, на всей планете. И слышали обо всем. Но что это дает? Общее впечатление без переживания. Мы многое из книжек узнаем, но истины передают изустно — пел В. Высоцкий. Многие удовлетворяются жизнью без и(е)стины — живут как наблюдатели, ***«рядом с бытием».*** Некоторые уже и не нуждаются в переживании — роботообразные, другие, напротив, прибегают к искусственной имитации переживания — наркообразные. Принцип дополнительности.

Жизнедеятельность перед экранами телевизоров и на экранах компьютеров становится деятельностью. Без жизни. А потом и без-деятельностью. Со-зерцанием. При-сутствием. Если жизнью, то в «блогах». (Не)жизнью в «живых журналах». (Не)бытием внутри комп/теле/ящика. От-сутствием. Что вне его/их, людей интересует все меньше. Таких — все больше. Некоторых предметный мир и близкие не интересует вовсе. Все их сознание, по старому, душа — «Там». Отлетела. ***Человечество сыграло в ящик.***

* * *

Нечто буддийско-научно-техническое: «Быть» — это иметь массу. Покой. Абсолютное движение — ничто, свет. Больше движения — меньше бытия. Чтобы «быть», мы стали слишком быстро двигаться, хотя это не быстрота тела. Наоборот, движение живого кажется нам слишком медленным. Даже в футболе от этого разочаровываешься: пока он добежит... Также на ипподроме — скучно, потому что медленно. В тотализатор играют в видеозале: там «всадники» «бегут» быстрее. Быстрота становится мысленной и технической. Судьба человека: быстрее, дальше — «меньше». Эпоха господства человека над природой кончилась. Как внешняя сила она почти покорена и уничтожается. Началось покорение самого себя.

Прогресс неотвратим, он захватывает нас избавлением от труда, облегчением жизни. Предложением удобств, от которых невозможно отказаться. Легкой жизнью. Но высшим, последним пределом легкости, ее освобождающим от всех труд(ностей) и трений идеалом является пустота. Свобода от бытия.

Я согласен с А. Печчеи, что нельзя слепо выступать против прогресса, но мы обязаны выступать против слепого прогресса. Слепого — значит без тормозов и управления, когда новации делаются ради новаций. А он сейчас именно такой — стихийный. Если говорят об управлении, то тактическом, ради «ускорения». А кто пытается сознавать: куда и зачем, спрашивает об этом, предлагает соотносить с человеком — тот консерватор. Тормозит прогресс. ***Я — тормоз.*** Скрип и визг. Наверное — безнадежный. Машина цивилизации сорвалась с тормозов, и с ножного, и с ручного. А главное, с головного. Сорвалась с человека, превращая его в дорогу, по которой она несется и в топливо, *био/ноо*топливо, которым она заправляется.

Быть или иметь. Иначе говоря, время или деньги. Современная цивилизация дала свой великий роковой ответ: Время — Деньги. Быть — значит иметь. Таким образом, она превращает в товар даже время. В главный товар. Да что время, само бытие. Дилемму: жизнь или кошелек, она решает в пользу второго. И мощно функционирует, все больше создавая и покупая. Продаются мысли — интеллектуальная собственность, продаются чувства — шоу-бизнес. И все люди — продажные вещи, с той разницей,

что одни дорогие, другие дешевые, кто в серой, а кто в блестящей упаковке. «Ничего личного. Только бизнес». Какие скорости, какая связь — все для экономии времени. Но его все больше не хватает. Его почти нет. Ни для кого, ни для чего. А нет времени, нет и человека. ***Аннигиляция реальности***. Агония бытия.

* * *

Когда мы все начали считать, оказалось, что невыгодно иметь детей. Браки еще остались и по любви, дети почти всегда по расчету. Аборт — это физиологическая реализация расчета (когда «просчитались»). Разум убивает жизнь в ее зародыше. Потом он пойдет дальше, убивая предпосылки жизни — любовь. Ведь это хлопотное дело, и не каждый занятый и куда-то стремящийся человек может себе ее позволить. Для любви нужна праздность, говорили древние. Для делового человека это непозволительная роскошь, говорим мы сегодня. Он может позволить любую роскошь, кроме чувств. Деятельность и потребление, потребление деятельности — вот новый «основной инстинкт» человека. Он так усиливается, что начинает использовать старый как средство своего развития. Реклама товаров пронизана сексуальностью, подчиняющей ее консьюмеризму. Консьюмеризм по-русски — потребление. Великий итог их синтеза, общий дух всесторонне рыночного общества, маркетинговой идеологии человечества, заменившей ему духовные идеалы и смыслы — ***потреблятство***.

* * *

Для современной цивилизации человек, прежде чем станет ненужным совсем, остается нужным на момент, в пик своего развития. Когда он дает высший результат — но поддерживать его долго не может. Начиная со спорта, где имена чемпионов мелькают с калейдоскопической быстротой. Большим спортсменом можно быть только раз, а потом в тираж. В искусстве, науке та же тенденция, старые академики не ученые, они не в счет. Сверхзвуковые летчики уходят на пенсию как балерины. Певец за 40 не смотрится, с эстрады его выталкивают, что бы он ни предпринимал. В сложных технологиях человек вообще не способен работать в течение всей жизни. Постепенно он и вовсе не будет способен угнаться за НТП, который сам же «ускоряет». И либо будет выбрасываться на обочину (многие безработные просто не выдержали темпа), либо должен стать смешанным существом, «кентавром», сначала духовно, а потом и телесно. Его будут пытаться «улучшать». Human Enhancement (усовершенствование человека) — таков теперь идеал прогрессивно обез(д)умевшего человечества. ***Безнадежная гонка с техноэволюцией.***

* * *

В «большом» спорте человек стал материалом, посредством которого соревнуются научно-исследовательские институты. Результаты решающим образом зависят от уровня разработанности технических приемов и биохимических стимуляторов. Соревнование идет техническое, а не жизненное, умов, а не тел, при том умов не столько спортсменов, сколько ученых.

Хотя тела ломают у спортсменов. Потому что усилия прилагаются извне, как в сопромате. Грузят, грузят, а потом смотри-ка — лопнул. Ну что, маленько не так сосчитали. Давайте другого.

Спорт, как и искусство, стал бизнесом. И в этом качестве — врагом здоровья, физического, как шоу-бизнес духовного.

Все мы теперь на подтанцовке у техники.

* * *

Идут процессы ликвидации ручного труда. Это значит — физического труда. Значит труда вообще, который заменяется умственной деятельностью. А труд создал человека! Это — истина, несмотря на все нынешние благоглупости насчет нашего неземного происхождения. А идеал человечества был (о нем благополучно забывают) гармоническое соединение умственного и физического развития человека. Приходится создавать станки для тренировки тела. В американских домах для этого есть специальные комнаты: workout rooms. Но что такое человек на велоэргометре? Это белка в колесе — что всегда было символом идиотского занятия. Основные профессии в XXI веке: чернорабочий на компьютере; ц(ш)ифровальщик предметного мира; офисный разнорабочий; уборщик виртуального мусора. Все они легкие, интеллектуальные и — «низкие». Введение в быт ионизаторов, очистителей воздуха, воды, логически продолженное, приводит к превращению квартиры или офиса в замкнутое пространство, отгороженное от неблагоприятной окружающей среды, а человека в космонавта на собственной земле.

Раньше человек работал только днем. Ночью спал. Даже при самой грубой эксплуатации. Одна из французских революций началась с отказа булочников работать по ночам. Они сочли, что ради прихоти богачей иметь на завтрак свежие булки, не стоит жертвовать естественным порядком жизни. Но человек создал машины, которые облегчили его труд. И теперь они заставляют служить себе непрерывно. И днем и ночью. Чтобы «повысить коэффициент использования техники» люди должны работать во вторую и третью смены. Жить не по логике природы и тела, а по логике орудий труда. Даже отдыхая. По логике орудий. По логике техно-логии. Логикой по логике. ***По программе.***

* * *

Биотопливо. Жизнь на топливо. Чудовищно истощая почву, засевают и обрабатывают машинами поля, выращивают живое, чтобы кормить машины. Вместо людей. Доить коров, чтобы заливать молоко в тракторные баки. На нем пахать землю, чтобы выращивать коров. А что — литр молока (X руб. — из бочки) теперь дешевле литра бензина (У руб. — на ближайшей заправке). И у кого-то поворачивается язык называть эту цивилизацию разумной? «Ноосферой»? Перепили(сь) бензина, что-ли.

Технологизация жизни приобрела столь чудовищный характер, что от продуктов отделился даже вкус. Пища дистиллированная, пресная — как американский хлеб, а носитель вкуса — разные соусы и химические добавки, с помощью которых какой-то вкус ей как-то возвращают. И извращают. Стали жаловаться на «дисбактериоз», который стал массовым. Особенно у детей. Потом диагноз уточнили: дисбиоз. То есть отсутствие в желудке (пока в желудке, животе) — жизни (био, с греческого, жизнь и живот, по-старорусски — жизнь). Объясняют избытком применения лекарств и искусственных добавок. Но выход видят в том, чтобы давать другие искусственные добавки и лекарства. Обеспечивающие «пребиоз». Вместо призыва не травить себя добавками и лекарствами, в основном симптоматическими, читателя фактически призывают устроить в желудке соревнование двух футбольных команд «дис» и «пре». «Пре» мол победит, оно современное, на базе нанотехнологий и быстрее «бегает» (проникает и нейтрализует), уверяет какое-то научно-исследовательское светило. Темнило. (Читатель, с меня хватит, оценивайте сами).

Купил недавно жареный картофель — «чипсы». Но это уже не просто картофель, а с «запахом смородины» и не ломтиками, а шариками из какой-то дисперсной смеси. Если бы не надпись, ни за что бы не узнал, что ем. И зачем нужно, чтобы картошка пахла смородиной, а смородина картошкой? На этот вопрос не отвечает никто.

Изощряемся в количестве сортов и оттенков продукта, а скоро кислое от сладкого отличать не будем. Искусственный вкус: всевозможные красители, ароматизаторы, подсластители. И все «яблочнее яблока», «земляничнее земляники». Горько думать, но образовалась какая-то всеобщая аллергическая корпорация «Сладкая жизнь».

Современные тенденции: кофе без кофеина, сигареты без никотина, вино без алкоголя, секс без партнера... человек без души. Вещи без своей сути — только имена вещей. От вещей — к «симулякрам». По-русски — подделкам. Жизнь «как бы». И человек — как ***название человека.*** Знаковая революция!

Успехи коммуникации

Все больше учреждений, в которые нельзя войти, не спросив разрешения у телефона, который может впустить или нет. Именно у телефона, ибо человека за ним мы не видим. И человек тот, благодаря телефону, общается иначе, нежели если бы это было лицом к лицу. Институты, редакции, больницы превращаются в безликие крепости. Мы уже не осознаем, в какое унизительное положение попадаем, излагая свою личную просьбу неизвестно кому, какому-то духу за аппаратом или самому аппарату. ***Техника соединяет людей информационно и разъединяет эмоционально.***

Человек мобильный. С мобильником. Который сначала был игрушкой, подсобным телефоном, а теперь стал миникомпьютером. С человеком. На человеке. Но вот-вот будет «человек на мобильнике». Который его отслеживает и им управляет. Билл Гейтс запатентовал человеческое тело как элемент беспроводной связи, объявив его «объектом интеллектуальной собственности». И получил лицензию № 6 754 472. А я не лицензированный. Имею ли теперь право на существование? Буду продолжать писать против прогресса, объявят контрфактной продукцией. А засекать будут заранее: по программе «прозрачный мозг» так называемые превентивные детективы (в списке профессий XXI века такие уже есть) будут отслеживать людей, наводя на их мозг (как гаишники на машину) особые устройства, дабы узнать, кто против чего возбужден, особенно кто против прогресса. А потом стирать у них эти «отрицательные мысли». Любые. Так хвастаются достижениями переднего края науки. «В Сколково», мол, будут разрабатывать. Это так ужасно, что я завидую идиотам, которые смотрят на все это широко закрытыми глазами и воспринимают как должное! Что они готовы глупеть и их стремление к комфорту дошло до ума. Умные удобства привели к удобствам ума. К удобному уму! Значит, тупому, а не острому. Пора ввести новое понятие: комфортный ум. На нем хорошо сидеть. Стоять на голове? Уже нет. Думать головой? Не обязательно. Сидеть на голове и, конвергируя, думать… «дружественным компьютером», слиться с ним в информационно-коммуникационных объятиях — вот настоящее приобретение мобильного потребительского общества.

Долго сопротивлялся этой дружественности. Отсталый человек. Вместо того, чтобы получать как можно больше информации, все пытался рассуждать. Сам. Между тем как чувствовать и размышлять — это такая же кустарщина, как работать руками и ходить пешком. Техника избавляет нас от того и другого. После первого избавления говорят: он гвоздя забить не может. После второго: он до ста не сосчитает. После третьего придется сказать: он

двух слов не связывает. Но, слава Технике, благодаря этому процессу деградации — преуспевает. Впереди — американцы. У нас реформа образования еще не закончилась.

Рубрика утреннего обзора газет на радио: « о чем думает Интернет». Лучше и быстрее всех на компьютере работают слепые. Возможно, что и глухие. Правда, этой информации я не слышал. Ирония прогресса. Цель: выше, сильнее, умнее. Результат: ниже, слабее, глупее. Но опять, слава Ей, знать об этом результате человечество не будет. Будет нечем. Антропология замещается технологиями. Нас ждет светлое будущее (непременно с чтением мыслей и стиранием памяти), восторженно галдят инновационисты, память которых действительно стерта. В общем, что происходит на Земле, если говорить «по большому счету?». Эволюция живого уступает место эволюции техники. Жизнь де(э)волюционирует. Я, как представитель жизни, удручен. Боялись, предлагают бояться, что прилетят инопланетяне и нападут на нас. А они делаются из нас. Потому и крик. Бесполезный. ***Они пришли.*** Судьба людей — геноцид по-научному.

По телевидению, в рамках некоего «русского проекта» призывают: «Позвоните родителям». Благородно, даже умилительно, если только забыть историю. А если помнить, то уже грустно. В традиционных обществах дети жили вместе с родителями. Обычай требовал их уважать, в старости кормить и почитать. В Новое время дети начинают жить отдельно. Моральным требованием было: «родителей надо навещать». Прошло время и в XX веке молодежь стали наставлять: «Пишите родителям». И вот, наконец, теперь: позвоните. Я жду последнего благородного призыва: «вспомните о родителях». Что они у вас где-то были. А может еще и есть?

* * *

В программах передач ТВ начали писать: «17.40 — выступление ансамбля «живой музыки». Итак, есть музыка живая и мертвая — техническая. О чем и предупреждают. О живой, ибо она становится «на любителя». Остальная обрабатывается в специфической тональности. Звук получается идеально чистый, но странный, холодный. Хотя постепенно к нему привыкают. ***Через несколько лет мы не сможем услышать человеческого голоса***. И никто этому не будет удивляться. Но главное в другом: недалеко время, когда придется предупреждать, что выступают «живые люди», ведь на экранах уже полно тех, кто ушел в мир иной. Знаменитые артисты, певцы, политики. Полно образов мертвых. Процентов 30. Все больше также появляется образов компьютерно-сконструированных, мультипликационно-графических. В Европе недавно вошел в моду какой-то рок-певец, но поклонники с ним встретиться не смогли. Оказалось, что он

«рисованный». И потому в ближайшей перспективе придется объявлять, что «выступают люди». ***Просто люди. На любителя.*** Так как кругом будут машины и информационная техника. Они будут петь, плясать, говорить, но иногда — показывать и людей. Мы не заметим, когда нас будут «показывать». А потом — не будут.

* * *

Говорят: «искусство кино». Киноискусство. Но все это инерция. На экранах господствуют американские фильмы. Киноиндустрия. ***Кинотехника.*** И не случайно, даже расхваливая их, критики прежде всего подчеркивают качество изображения, чистоту звука, яркость пленки и грандиозность спецэффектов. А высший эпитет — дороговизна постановки. Денежно-технологическое сознание ничего другого не воспринимает. Эстетическая ценность таких фильмов — стрелялок и взрывалок — для мальчишек-подростков, потом они от него уходили, из него вырастали. Теперь к этому уровню все приходят, до него деградируют. «Для нас важнейшим из искусств является кино» — таков был лозунг социализма. Его наследники, оппозиционные буржуазной культуре критики, ругают нынешнее кино как «плохое искусство». Да не искусство это вовсе. (Не)обыкновенная техника, но только в кино. Так же музыка — «техномузыка». Стала звукотехникой. Так же живопись. Стала техно(фото)графией. Как всегда, самых главных потерь люди не замечают. В условиях трансмодерна культура остается лишь в виде цитат и пережитков. Как традиция. Подобно личности. Вот потеря!

Рекламируют соревнования по шейпингу. Это что-то вроде конкурсов красоты, но гимнастические упражнения, долженствующие сформировать гармоничную женскую фигуру, исполняются по программе компьютера. Самое интересное, однако, в другом: результаты определяет тоже компьютер. «Кто на свете всех милее, всех румяней и белее» решает наше новое волшебное зеркальце — техника, оставляющая человека в роли постороннего даже в таком вопросе. Что же говорить о прочем!

Например, о душе. Благодушные люди говорят, что компьютер никогда не заменит душу человека. Правильно. Он ее не заменяет. Он ее — отменяет.

Овладевая жизнью, техника овладевает и сознанием. Даже когда обед или продавец хочет пойти в туалет, то вешают объявление: «технологический перерыв». Конечно, машина притомилась и надо слить воду. Возникло ***техническое бессознательное***.

* * *

Прекрасное вызывает удовольствие? — То, что вызывает удовольствие является прекрасным. Никакая красота не спасет мир, если человек не будет ее чувствовать. Едут в Париж, на дорогие курорты за «красотой и впечатле-

ниями». Да в полутемном подъезде или встречая восход солнца, по крайней мере в молодости, впечатлений можно получить больше, чем в Париже. И помнить их всю жизнь. Обладание, пусть малой, но реальной и живой красотой вдохновляет сильнее, чем когда пялишься на прославленную, но чужую. В музеях чувствуют меньше всего. Там «собирают информацию». Об искусстве. И не надо его столько, проблема в другом. В том, что ***для мертвой души мир мертв***.

Был на концерте — обыкновенном, в филармонии. Без лазеров и мазеров. Без «фанеры» и даже микрофонов. Не-шоу. Впечатление: самодеятельность. Да, теперь любое, самое профессиональное искусство, если оно человеческое — самодеятельность. Когда-то возмущались пением в микрофон. Теперь возмущаются, когда крутят фонограмму. Микрофонное «пение» считается нормой. Недавно произошел скандал из-за того, что пели под чужую фонограмму. «««Пели»»». Зрители требовали, чтобы это делали под свою. Чтобы ««пели»». Они уже не требовали, чтобы «пели» (в микрофон). Тем более не требовали, чтобы пели (без всякой техники). Когда в метро остановки объявляют по записи, это кажется отчужденным, а если машинист скажет сам — это уже «живой голос», хотя говорится через микрофон. Привыкание. К миру, отчужденному от человека тройными кавычками. ***Живем под чужую фонограмму.***

Скверный анекдот

Новый русский гуляет с сыном. Встречают художника за мольбертом: смешивает краски, наносит их кисточкой, стирает, опять наносит — рисует пейзаж. «Видишь, сынок, что значит быть бедным. Как человек без компьютерного мобильника мучается».

Теперь это можно сказать почти про все.

Водят смычком, дуют в трубу, бьют по барабану — как без синтезатора мучаются. Поют, танцуют, веселятся — как без телевизора мучаются. Приглашают, ухаживают, любят — как без службы знакомств мучаются. Думают, считают, сочиняют — как без компьютера мучаются.

Если живут, то выходит — мучаются.

Скоро, скоро все станут богатыми, и о человеке можно будет сказать: «ну, отмучился».

* * *

Еще во второй половине XX века в США было запатентовано первое искусственное живое существо — какой-то микроб. Теперь молекулярные

химики изобретают целые «химеры», а биотехнологи — «монстров». На Земле появляется «новая жизнь». Лучшая? Да, старая ведь была только «хорошей». Что будет с ней, старой? Ответ известен: лучшее враг хорошего. Мы достигли своей вершины и спускаемся вниз. Начался процесс де(э) волюции человека. Дальше пошла рожденная нами техника. Техножизнь. ***Технобытие.*** Появление ребенка отменяет бытие родителей, но только логически. Фактически они могут жить еще долго. Недавно я был на выставке рептилий, где глазами варанов на меня смотрели миллионы лет. Глаза бездонные, как у людей, вернее — глубже. Выжили, хотя вымерли; вымерли, но выжили. Обычная трагическая диалектика развития.

Еще в 80-х годах XX века Компьютер военно-воздушных сил США отдал приказ на взлет бомбардировщиков для «ответной» атаки. Он хотел начать войну. Вызов человеку был брошен. Скоро его некому будет принять. Мир делает систему ПРО/СОИ. Вернее, она сама «делается», — под новыми соу(и)сами типа «глобальная защита». От чего угодно. Придумают, что от какого-нибудь метеорита. Или вообще — от космоса. Хотя такое невозможно. Однако, в абсурдном мире это неважно. ***Мир прошел точку возврата.***

Еще в конце XX века в Японии на телеэкране появился первый диктор-робот. Рядом с диктором-человеком. Замаскирован под человека. Ведут пока двое, но робот может и один. Информация сыплется из него как из мешка и без ошибок. Казалось бы, у людей это должно вызвать если не шок, то, по крайней мере, шум, споры, опасения. Хотя бы у думающих и толкующих о гуманизме. Но все прошло незамеченным. И проходит. Теперь замеченным. Под восторги стремительно растущего числа идиотов.

Коридоры американских тюрем патрулируют роботы. Они засекают появившихся вне камер заключенных и преследуют их, ориентируясь на «запах аммиака». Это самый характерный запах человека, по мнению роботов. Сконструировавшие их инженеры, сообщают об этом вполне спокойно и деловито. Даже с гордостью за успехи человеческого (?!) прогресса. О неслыханном, о роковом унижении человека — с гордостью. Люди действительно не отдают отчета в происходящем. Они становятся ***агентами своего врага.***

Постмодернисты объявили о смерти человека. Это не выдумка, а так и есть. Однако остается главный вопрос: что делать человеку, когда он умер? И каково тем, кто остался жить в этом мертвом мире? Перефразируя название когда-то популярного фильма «Легко ли быть молодым?», надо сказать: «Легко ли быть живым»? В этом мертво активном, постчеловече-

ском мире. Или даже в активно мертвом мире? Где все функционируют, но мало кто живет. «Анестезированные». ***Живому человеку надо научиться бороться без надежды победить.***

P. S. Неплохая мысль. Жаль только, что я глупее своих мыслей.

* * *

Сетуют на умаление народного и засилье заказного искусства. Вместо собственных песен — рок, рэйв и т.п. Во многих московских клубах и ресторанах петь на русском языке не разрешается. Элита это презирает. Пена этого не любит. Такой «отказ от себя» характерен для всего незападного мира. И внутри самого его. В том числе в быту. Везде засилье иностранных слов. Да какое! Вытесняются национальные ругательства. Поражение терпит даже русский мат. На стенах и аудиторных столах я вижу надписи: «fuck», «I fuck you». Это вместо: «еб-ть», «Я еб-л тебя». Своих студентов я всегда убеждаю, что если ругаться — то матом. И еще раз — матом. Ведь это главное народное слово, когда-то чаще всего повторяемое, настоящий духовный стержень национального самосознания. Но только в гневе и не официально, чтобы оно оставалось нецензурным. Иначе, теряется его смысл. Вот что значит рубить под корень. (Власть(и)мущие мудрецы собираются принять или уже приняли закон о запрете ругательств. Больше им нечего принимать). Народ, потерявший свои ругательства, обречен. Это критерий его этнической катастрофы. (Влас(ть)мущие просветители этого не понимают). И если весь мир поет, молится и ругается на одном языке, то гибель культуры и глобальная победа цивилизации неизбежна. Конец мата как ***«конец истории по-русски».***

Явь сме(стра)шного человека

По мере подавления жизни разумом, ее человеческие проявления кажутся все более странными, нелепыми и необоснованными. «Смешными». Как телесные, так и духовные.

Собралась толпа людей. В большом здании, которое называют храмом. Поют, бормочут, при этом зажигают огоньки, целуют доски, обращаются с просьбами. К кому? Говорят, что «служат» какому-то Богу, которого никто не видел.

Вот другая толпа. Тоже в большом здании, которое называют театром. Прыгают, сучат ногами, соединяются и разъединяются, при этом издают разные горловые звуки. О чем? В основном про какую-то любовь. Остальные время от времени бьют рука об руку, «хлопают».

Да само пребывание на земле: ну родилось, мелкое животное, жалкое, ни к чему не годное, писает, орет, какает. Умерло, упаковывают в ящик, несут в яму, у окружающих из глаз вытекает жидкость. Зачем? Все свершилось по законам природы. Объективно.

Или вот это же существо, открывая рот, довольно часто произносит слова: ха-ха, хи-хи, го-го. Что за «слова»? Одновременно морщится, приседает, машет руками.

Говорят «смех». Или зевота: тут вообще простое открывание рта. К чему? Слов нет как это глупо. Будь я роботом, я бы смеялся (??!) до упаду. До отключки.

А уж в акте любви: Ночь, луна. Он, она. Много движений, мало достижений. Лезут друг на друга, слюнявятся, дергаются, стенают... С точки зрения науки и технологии все это абсолютно условно, нерационально, неэффективно. Абсурдно. Тьфу!

Такие вот мы, под ***мертвящим взглядом разума***. Все более смешные и нелепые. Так давайте быть серьезными, разумными. Увы, это не поможет. Человеческий разум перед лицом искусственного интеллекта нелепым будет всегда. Может компьютеры над нами уже смеются? Когда капризничают, издеваются?

Нет, давайте считать, что все хорошо в своем роде. И прежде чем плакать, можно посмеяться над нашими роботообразными и их идеологами, так называемыми трансгуманистами, которые хотят угнаться за техникой. Вот что действительно смешно. Вот кто действительно смешон. И страш(е)Он.

P.S. Один бывший преподаватель философии Б., весьма одиозный постсоветский политик, в «семейном» телеинтервью сказал: «Я никого не люблю. Я только уважаю.» Потерей чувств, ауры и души он уже гордился. Но он не говорил, а гундосил. И впечатление было, что это не человек, а существо. Гуманоид. Когда спрашивают, где Вы видите того, кем пугаете, всяких постчеловеков, теперь можно сказать: вот, смотрите. Смотрите, кто пришел. И представьте, что общество состоит из Б. Кругом одни Б-сы. Явь страшного человека.

* * *

Россия и Америка. Мы плохо живем. Они хорошо функционируют. У нас, что бы ни болтали нынешние демагоги и литературные пустомели, была культура. Мы хотим цивилизации. К ней стремится весь мир. От культуры — к цивилизации. От Духа — к Разуму. От личности — к актору. В этом смысл эпидемии американизма. Или «западнизма». Это эпидемия наукотехники. По потерянному плачут только поэты, экзистенциалисты и всякие славянофилы. Остальные как бы не замечают. Также не замечают,

что лишаются ума. Актор становится «человеческими фактором», интеллигент интеллектуалом и оба — ***интеллагентами.*** Но по актору и интеллагенту плакать некому. Нечем. Души-то уже нет.

Приступ гуманизма в заботе об инвалидах. Совершенствуют кресла, коляски, управление, лечение. Откуда мотивация? Сами госчиновники удивляются этой щедрости. А уж на Западе... Думается, потому, что инвалиды будут первыми опытными образцами роботизированных людей с искусственными органами и вживлением чипов. Технона(но)уке это интересно, есть поле применения, которое все расширяется, благодаря достижениям той же науки. «Крем для загара с наночастицами» очень, очень важный, чрезвычайно нужный, жить без него почти невозможно и непонятно как до сих пор жили, но все-таки недостаточный (вдруг остались люди в здравом уме), все-таки подозрительно хулиганский предлог, чтобы обосновывать развитие высоких, т.е постчеловеческих технологий, рискуя судьбой природы и человека. «Инвалиды=лечение=улучшение» звучит убедительнее. Они/мы в авангарде прогресса. Это забота о светлом будущем всего человечества.

Голова профессора Доуэлла, «мозги в банке», в направлении котор(ой)ых прогрессирует, деградируя, телесный человек, вполне может(!) жить в современной электронизированной квартире. В Японии такие уже есть. Голова профессора Доуэлла — это чистый разум. Но есть смысл сделать его мощнее. Это — искусственный интеллект. Потом система искусственного интеллекта. «Мыслящая квартира». «Мыслящий Дом». В умных домах живут глупые люди. Потом «мыслящая реальность». «Виртуальная реальность». От Жизни — к Мысли о жизни, потом — к жизни Мысли. Как таковой, без человека. Природа — Человек — Интеллект.

Так будет и с Богом. Бог как «Большой компьютер», всезнающий и всемогущий. Таковы, в сущности, новейшие модели вселенной в физике. Мы не можем создать лишь то, о чем не можем помыслить, а на остальное запрета нет. Дело во времени. И в смысле. А смысл в том, что Искусственный интеллект не оставляет места для человеческой мысли, как искусственная реальность не оставляет места для Естества. Они вытесняют, у-ничто-жают их.

Каждый предмет существует как нечто самостоятельное, поскольку имеет свою специфику. Свою «тайну». ***Идентичность.*** Смысл познания в прояснении, раскрытии тайны. Оно лишает предмет, говоря словами Хайдеггера, «потаенности». Лишает идентичности. Самости. Бытия. Наука трансформирует реальность в информацию о ней. ***Тайна мира уходит в машину.*** «Машинные тайны».

Об одном «знакомом»

Человек — это бесполезная страсть, говорил Сартр. Теперь наоборот, это бесстрастная полезность. Живет он по интенсивной технологии. Новый, мультипликационный человек. К-липовый человек. Постчеловек.

Его появление требует расширения терминологии: вещество- существо- тещество; вместо человека — техновек, а человечество — техновечество. «Все прогрессивное техновечество...» — так скоро будут начинаться передовые статьи прогрессивных журналов. В них будут громить недобитых реакционеров, разных экологов, гуманистов, традиционалистов и прочих живых людей. «Живых» будут обязательно брать в кавычки. Как сейчас уже берут «природу», «естественное» или лишают имени, давая отрицательное определение: «unmade» — несделанное. В постмодернизме это неприличное слово. Ненормативная лексика. Начали доказывать, что искусственное это естественное, а отсюда вытекает, что естественное надо считать искусственным, то есть чем-то необязательным, незакономерным, что касается человека, то он всегда был искусственным, да и вообще: «люди ли мы?» Растворяют... размешивают... превращают в материал. Не только фактически, но и идейно. Человек должен знать свое место! — все чаще с металлом в голосе говорят технократы. И, наконец, появились сторонники генетического, нейронного и прочего «у-совершенствования» человека — трансгоманисты. ***Пятая колонна машинообразных, до сих пор маскировавшаяся под человека, под заботу о нем, вышла на улицы и открыто подняла свои знамена.*** (следите за литературой, за успехами ка(о)мпании по расчеловечиванию человека и дискредитации гуманизма, их замене «гуманологией» и «персонологией»). Символический универсум захватывают гуманоиды.

Земля, Цивилизация, начало Третьего тысячелетия от Р.Х. ***Крик о небытии***. Отчаянный, тех, кто понимает, восторженный, тех, кто вы-числяет. И мы -(ол)чание ягнят.

* * *

Применение машин в сфере физического труда привело человека к потере мастерства, умений. Применение компьютеров в области умственного труда ведет к отупению ума, потере сообразительности. Без машины человек ничто. К тому же, если он находится в плохой форме, компьютер может отказаться с ним работать — сначала предупредительно, а потом — «выключит». И донесет, «настучит» по инстанции. Что человек становится здесь придатком — это очевидно. И только неотвратимость столь

печального процесса заставляет нас смотреть на него как на нормальный. Внедрять его в образование.

Уповают, что с развитием компьютерной техники человек сразу будет иметь нужную информацию о чем угодно — «информационный комфорт». И все процветет — особенно наука. К Internet подключают детские сады. А потом роддомы? Пренатальная компьютеризация? Но как любой другой, этот комфорт обезволивает, лишает энергии, только уже не одно тело, а и мысль. Получение готовой информации аналогично питанию через кровь, минуя желудок. Организм атрофируется. У мозга тоже есть «желудок», который готовит, обрабатывает информацию, чтобы родилась мысль. *Своя* (мысль). Новое появляется в ходе поиска, «переваривания» жизни и только потом — информации. Без подобного этапа угол зрения исследователя будет слишком узким, а мышление стерильным, то есть бесплодным. Безмыслие(м). ***Бесплодие духа идет вслед за бесплодием тела.***

От образования к о-программированию

Долго спорили о введении Единого Государственного Экзамена в образование. Большинство аргументов «за» и «против» посторонние, частные, мелкие. У самых крупных протагонистов и оппонентов — министров, ректоров, академиков и т.п. Без понимания, в чем суть дела, которая в том, что главное тут — переход на тестовое обучение, когда ответ заранее моделируется вопросом. Это, точнее говоря, переход к машинной проверке знаний, которая с очевидностью ведет к примитивизации мышления, лишению его кре-а(к)тивного, творческого компонента, к потере образности и ассоциативности. К оглуплению, механизации сознания.

Урок литературы. Сегодня мы изучаем поэзию С. Есенина. Найдите на экране его стихотворение: «Отговорила роща золотая. Березовым, веселым языком... Прочтите (про себя, не надо, не кричите, не надо вслух). А теперь ответьте на вопрос (только молча): Каким языком отговорила золотая роща? 1. Сосновым. 2. Осиновым. 3. Березовым. 4. Дубовым. Там, где Вы считаете правильным, поставьте галочку. Молодцы! Следующее стихотворение С. Есенина «Клен ты мой опавший». И. т.д.

Образовательное сообщество отчаянно этому сопротивлялось, но было побеждено. «Глупыми чиновниками». Чиновники, однако, только функция, а аргументы здесь — необходимость дальнейшего прогресса техники. *В этом все дело.* Всё стало технологией, а технология в сфере знания —

компьютерная. И если Вы внедряете в обучение компьютеры, пропагандирует e-learning, то будьте добры мыслить и говорить так, чтобы техника вас понимала, на её языке. А он основывается на принципе «или-или», «да-нет», + - , 1 и 0. Это язык однозначности. Чтобы никакой амбивалентности, противоречивости, субъектности, историзма, мудрости, поэзии. Только выбор и вычисление. Кроссвордистско-рубрикаторское сознание поверхностного манипулятора и — громадный эффект от математизации и автоматизация отчужденного от человека саморазвивающегося мышления. Прогресс техники и — регресс, де(э)волюция человека, в том числе, в конце концов, его творческого начала. Очеловечивание машин и расчеловечивание людей. Такова трагическая диалектика развития информационной цивилизации, которую, ради самообмана, называют «цивилизацией знаний», о чем подозревали, но, избегая радикализма, не решались понимать спорящие. «Тестированные» о ней не будут даже догадываться. Тем более спорить. Дистанционное = компьютерное = автоматизированное образование человека, частью которого является тестирование — это его *программирование.* В силу потребности прогрессистов в адаптационной лжи пока говорят: управление знаниями. Даже журнал такой издают: «Управление знанием». А на самом деле это: управление со-знанием. Начальный этап зомбизации. Если не бояться взглянуть на реальность как она есть. Нужна (бы) ***экология образования.***

* * *

Информационное общество: Древо Жизни засыхает, заглушаемое разросшимися ветвями Древа Познания. Возникает ***безбытийное знание***. Знание вместо бытия. Как универсальный язык, текст. «There is nothing outside of the text». Язык — дом бытия? Нет. В таком случае, язык — гроб бытия. Таков конечный результат нашего первородного греха.

Высшая, окончательная цена экспоненциального роста человеческого знания — человек. Скоро мы ее заплатим.

Парадокс роста информации: главной заботой человека становится не изучение и запоминание нового, а забывание старого. В пределе — это бессмыслица. Стоит ли вообще что-либо запоминать, заведомо зная, что в это время другие изобретают то, что опровергает изучаемое и запоминаемое. Безудержный бег как самоцель без надежды куда-то прибежать и остановиться.

Информационное общество, это когда:

Вера — в Большой компьютер (бывший Бог).

Надежда — Машинный прогноз (бывшие мечты).

Любовь — Сексуальные услуги (бывшие ласки).

Преступлением является переписывание информации, а болезнью называют компьютерный вирус. И глупость здесь в форме знания, которого накоплены горы. Горы мусора, которые опять надо разрывать, чтобы добыть что-то путное. В конце XX века в сфере человеческого духа произошел ядерный взрыв. В результате жесткого радиоактивного излучения мир теряет все качества, кроме информации. ***Информационная смерть Вселенной.***

Информационное общество, это когда: вещи превращаются в знаки, мысли в информацию, а человек в робота. Все три процесса взаимообусловлены. Однако отношение к ним разное. С первым мы почти не спорим. Приветствуем. В пользе второго сомневаемся, но ничего не предпринимаем. Насчет третьего предпочитаем не думать (мыслей нет, подавлены информацией). Практикуем самообман, надеясь неизвестно на что. Так и живем: ***будущим без будущего.***

Порнография, гомосексуализм, феминизм, онанизм, искусственное осеменение, клонирование — все это глубоко взаимообусловленные и подкрепляющие друг друга звенья одного и того же процесса разложения жизни, разрушение механизма ее воспроизводства. Утрата живых связей между людьми. Распад общества. Самоотрицание человека.

Навстречу ему прямо по курсу движется техника, совершенствуются системы искусственного интеллекта, развертываются новые поколения роботов. Образуется ноотехносфера. Предметная реальность заменяется информационной, виртуальной. Мозг людей все больше отрывается от природы и тела, замыкаясь на компьютерные сети. Становится их пленником. Самое великое изобретение человечества — Интернет — Double world, параллельный мир. В него возгоняется все сущее. Пока он параллельный, но может стать перпендикулярным. И начнет «сознательно» уничтожать родителя, как мы уничтожаем природу. Уже сейчас все попытки сомневаться в пользе безудержного развития науки и техники встречаются с глухим раздражением или прямой враждебностью встроенного в нее «человеческого фактора». Прослыть атехнистом сейчас то же самое, как атеистом в Средние века. Гляди того, сожгут. Как еретика. Или всех, кто «философствует» и излишне задумывается о судьбе человека, будут побивать камнями, Или /в духе времени/ закидывать мобильными телефонами. Или, как пред(по)лагают трансгоманисты, заключать в лагеря и резервации.

Под восторженные крики команды о прогрессе корабль жизни тонет в океане отчужденной от нее информации, этой нашей «бывшей мысли».

Техноромантика

Пошел в парк подышать свежим воздухом. В технопарк. Скоро их будет больше, нежели парков как оазисов природы в городе. Тем более лесопарков. Техника отнимает у природы даже слова. И никого это не удивляет. Будет и технолес? Технoприрода? Или просто: техническая реальность и чужеродный ей живой человек. Все это довольно грустно. Тогда нарисуем более вдохновляющую картину: «техногенный человек, гуляющий в технопарке, который расположен внутри технополиса».

Подслушанный на улице разговор родителей (в 2 тысяча ... году): перестал учиться, целый день шатается с роботами...

Влюбилась в ПК №..., говорит, что красивый, тефлоновый...

Завел роман с какой-то интеллектуальной системой...

Невероятно? Да, если не знать о случаях нешуточной привязанности к машинам и холодного равнодушия к людям. Возник даже феномен антропофобии. У людей. У «людей»?

Тест для искусственного интеллекта. Стояла большая толпа. Мне поручили найти незнакомую женщину. Примета была указана абсолютно точная: «вся из себя такая». Я узнал ее сразу. Как только это сможет компьютер, мы перестанем узнавать друг друга.

Из разговора подростков: если бы я был добрее, я дал бы ему в рожу. Когда это поймет компьютер, он будет с нами сама доброта.

«Приходи ко мне вчера, будем завтра вспоминать». Когда компьютер оценит эту прошло-будущую иронию, тогда настанет его настоящее время.

Зачин сказки в XXI веке (с вариациями): Давным-давно, когда еще существовала природа и мы были людьми, а не:

человеческим фактором...

техногенным киборгом...

интеллектуальными системами.

Сначала компьютеры были огромными. Стояли в учреждениях, куда надо было ехать. Потом стали персональными — на собственном столе. Теперь пришло время интернет-мобильников — у каждого в руках. На теле. Через некоторое время будут в теле. Уже экспериментируют, вживляя в виде чипов. Потом прямо в голову. Wi-fi. Внутри головы. Вместо головы. Рутинный процесс новаций и модернизации. Благо прогресса на марше. Наше светлое будущее. Скорее, скорее к нему. (По)приветствуем его. Если будет чем.

Природа, жизнь, общество — три ключевых слова человеческого бытия. Теперь к ним надо добавить четвертое — Интернет. Добавил, но в отличие

от традиционных трех, оно то и дело почему-то получается у меня с большой буквы. Потому что пишу на компьютере, а он лучше знает, кто теперь главный и велел людям писать правильно: природа с маленькой, жизнь и общество тоже, а про Интернет принято специальное установление: чтобы автоматически с большой. Как Бога.

Даже буквы вопиют о технократизме, буквально: «власти техники», а люди все думают, что ничего не случилось. Больше того: все большее их число все больше способствует и радуется этому. Презирать ли их за это? Всех прогрессистов. Это будет бесполезной гордыней. Тем более, что так думает, стремясь к «новому», большинство (исключая наших, сейчас, читателей). Но жалко этих жалких в своей глупости существ. В их, особенно безнадежной, «умной глупости». Да что поделаешь.

Самоубийство под наркозом.

* * *

До XX века в европейской культуре обычно считалось, что Алгебра не совместима с Гармонией. Алгебра сухая рациональность, а Гармония — живой дух. Сальери и Моцарт. Теория и Жизнь. Логика и Интуиция. Однако теперь мы вступили в мир, где интуиция из чувственной превратилась в интеллектуальную, жизнь вытесняется информацией о ней, а Моцарт сел за пульт музыкального автомата. Стал Сальери. Больше нет Моцартов. К концу *нашего века* не будет и Сальери.

Гармония стала геометрической. Дизайн! Нам нравятся функциональные обводы автомобиля, строгая симметрия высотных зданий, хищные линии сверхзвукового истребителя. Появляются «страсти по технике», люди влюбленные в машину, хакеры. Можно сказать, что возникает «технический эрос». ***Техноэрос.*** Если на технику не надеть эстетического намордника, она перекусает всех, — говорил В. Маяковский. Надели. Дизайн — ее эстетический намордник. Теперь она «мягкая» — душит и давит. Разговоров о гармонии природы и с природой больше не слышно. Это XIX век. Более того, природа стала какой-то ущербной, неуклюжей, а в городах прямо болезненной. Концентрирует в себе яды и несет вред. Ее еще терпят. И всуе славят. Но скоро она будет вызывать раздражение. Аллергию в буквальном и переносном смысле слова. Аллергию к себе. Многие от нее уже прячутся. От себя прячутся. Да так, что скоро никто никого не найдет.

* * *

Искусственное вытесняет естественное. Либо путем прямого уничтожения, либо путем имитации. Химия, биотехнология, синтетические вещи, продукты, организмы. Цветы и то все больше искусственные — «китайские». Имитируется вся природа, даже жизнь. Как спастись

и хотя бы продлиться «естественному человеку»? Спасение там, где опасность. Надо идти до конца, имитируя полный кругооборот природы, весь цикл жизни, составной частью которого является смерть. ***Нужна искусственная смерть.*** А вводить ее надо под лозунгом: ***смерть искусственному!***

Оно тоже должно уничтожаться. «Умирать». Надо развертывать деятельность по ликвидация результатов деятельности. Доведенная до своего логического конца идея безотходного производства предполагает ликвидацию всего, что сделано. Замкнутый технологический цикл должен распространяться на искусственную среду в целом. Тогда вторичное сырье станет первичным, а природа будет только для подпитки. Имитируя созидательное творчество, которое все больше становится разрушительным, надо имитировать и творчество разрушения, которое будет для нас спасительным. В Нью-Йорке пускают под бульдозер 10-этажные дома (еще не старые, в отличие от московских «хрущевок»), чтобы на их месте построить более комфортабельные или небоскребы. Современные технологии устаревают через 5–7 лет. Целесообразно сразу закрывать эти производства и на их месте строить новые. Можно сносить целые города. Главное, чтобы новое строить на старом месте; не выбрасывать песок из песочницы, чтобы не приходилось его слишком много добавлять. Ведь взять-то уже негде. Поскольку, например, главная проблема автомобилестроения не в том, чтобы произвести автомобили, а в том, чтобы их сбыть и ликвидировать, то при заводах по производству, надо сразу же строить заводы по уничтожению (кажется, начали). Однако наиболее продуктивно эти безумные игры начинают вестись в военном деле. Создаются производства уничтожения средств уничтожения. Разоружаются, чтобы вооружиться более эффективным оружием. «Нового поколения». Но зато в разоружении тоже заняты миллионы людей и затрачиваются миллиардные средства. Таких забот хватит на долгие годы. Перед человечеством открываются вдохновляющие перспективы — новое грандиозное поле деятельности по переработке сделанного. Абсурд погашается абсурдом. Хотя бы на время. Решается самая главная проблема — быть занятыми и ослабить удушающую хватку избыточных средств и богатства, которую они набрасывают на жизнь и любовь. Производство приобретает внутреннюю цель и собственное дыхание. Пока оно дышит, передохнём (если не перед*о*хнем) и мы.

* * *

Деяние — начало бытия. Деяние будет и его концом. Вступление в технический универсум деятельности поставило перед человечеством проблему — удержаться от безудержной деятельности. Считаться с ее

мерой. Из-мерять и дозировать. Направлять и регулировать. «Ликвидатор» — такова будет самая нужная профессия XXI века.

Три всадника Апокалипсиса были: Голод. Война. Чума. Доскакав до цивилизации, они превратились в: Изобилие. Технику. Лекарства.

Знаменитую фразу М. Хайдеггера «Наука не мыслит» нужно интерпретировать. Получается, что ее носители — «дураки». Это не правда. Ученые мыслят, часто тонко, изощренно. Больше, чем кто-либо. Но «не размышляют». Не философствуют. Раньше это было не страшно, да и размышляли больше, особенно великие — ср. Эйнштейн, Бор, Вернадский. Теперь такое без(с)мыслие опасно. Через него/них говорит Иное.

Всякий мыслящий человек, глядя на современные тенденции развития, должен быть пессимистом. Но он живет. Значит, живет или механически, или надеется. Кто надеется — оптимист. Каков механизм этого оптимизма?

Хотя бы все летело в тартарары, ***придумывается всеобщая великая иллюзия.*** Такая как ***ноосфера.*** Ноосфера как реальность — техносфера, которая губит и уничтожает все живое. Ее и воспеваем, на нее и уповаем. Радоваться своей гибели — это самая эффективная форма защитного механизма. Легче всего обману поддается безнадежно больной. Чем хуже положение, тем сильнее вера в спасение. Пока живем — надеемся. ***У нас нет выхода кроме как быть оптимистами.***

* * *

Из жизни Муз (с картины XX века): Алгебра, убивающая Гармонию. Гармония стала логической.

Из жизни Муз (с картины XXI века): Гармония, убивающая Жизнь. Жизнь стала Техникой.

Научно-техническая деятельность стала самоценной. Творчество ученых — игрой, в которой человечество проигрывает самое себя. Что делать? Да пусть играют. Надо и относиться к их занятиям как к игре. Спасение там, где опасность. Надо культивировать науку без воплощения. Как искусство. Тем более, что они и так сливаются. Пусть будет «игра в бисер», mind games, как говорят англичане. А перед практической реализацией все изобретения должны проходить через гуманитарно-правовые фильтры. ***Фильтры выживания.***

Жизнь ранена, хотя продолжается. Как Традиция. Традиционализм становится условием выживания, не только культуры, но и природы. Но кто осмеливается поднять знамя реакции? Немногие. И что принесет она? Хаос.

«Я учу о Со-Бытии»

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕКА

*Я верю в гибель человека
и торжество его разума.*

Все кричат: человек, человек! А может быть, его уже нет? Мы потеряемся незаметно. Выродимся. И даже воспоем свое исчезновение: в центре Москвы, через улицу протянут транспарант о праздничных концертах. Крупно написано: «Звуковая дорожка в Кремле», и мелко: в которой участвуют... Так кто выступает в Кремле? Где тут подлежащее и где сказуемое? В общем, уже воспеваем. Только не я. За это все и упрекают: пессимист. Я отвечаю: от оптимистов слышу.

* * *

Все люди — Братья! Братья и сестры. Свобода, равенство, братство! Человек человеку друг, товарищ и брат! Братья во Христе! Братская любовь... И т.д. Что такое быть друг другу братом, сестрой, очевидно и понятно. Было. Теперь для большинства людей это является пустой фразой. Символизм братства питался существованием реальных братских чувств и отношений. Но единственный ребенок в семье не знает, что это такое. Не будет знать их и человечество. Важнейший вид непосредственных связей между людьми, связей близости — распался. Этот распад предшествует распадению половых и родительских связей. ***Остаются только коммуникации***.

Од(н)ежда

Демонстрацией ее социальных функций в чистом виде является ношение набедренных повязок, ношение одежды там, где физически она не нужна — в жарких странах. Человечество, переходя к социальности и борясь с бесконтрольностью инстинктов, стремилось освободиться от зоологических оценок друг друга. Чистое выражение зоологизма природы — гениталии (у двуполых). Возбуждение не всегда поддается контролю разума, вожделеть человек мог к тому, к кому запрещалось (перверсивность, инцест), скрыть это трудно, особенно у мужчин и ***его*** закрывают. Для начала — днем. Од(н)ежда. Утром, после голой ночи, надо одневаться. Оценка человека идет уже не по сексуальным показателям, а по достоинствам, полезным обществу: сила, ловкость, сообразительность. Что человек не может подчинить контролю разума, он скрывает — закрывает. Когда за(с)крывать больше

нечего, одежда становится «дресс-кодом». Духовная одежда — лицемерие. Не иметь его также неприлично как ходить голым. Это цинизм и оскорбление общественной нравственности. Когда нравственности больше нет, исчезает и лицемерие. Остается пустота. Мар(с)кируемая знаками. «Прозрачность зла».

* * *

Споры о смысле обрезания как обряда у многих первобытных и древних народов. Исписаны горы книг, очевидным же представляется, что это символизация победы культуры над естеством, господства духа над плотью. Ограничение плоти. Не «отрезание», не уничтожение, но о-предел-ение, об-рез-ание, как ***наложение узды на телесность***. Приобщение к ответственности, к морали, введение молодежи в социум. М. Лютер упрекает Э. Роттердамского в «О рабстве воли»: как, мол, они могут судить о Боге, они «с необрезанным сердцем и умом», то есть, видимо, с варварско-языческим сердцем и умом. Отсюда уже все остальные действия — положить завет, отделиться от других племен.

* * *

Почему мужчина — инициатор, он подходит к женщине, а не наоборот. На танцах, ухаживание, брачное предложение — почти у всех народов. Это все окультуривание того факта, что конечным итогом данной знаково-символической деятельности должно быть физическое соединение. Акт жизни. Чтобы он состоялся, мужчина должен его захотеть. Он способен имитировать разное поведение: улыбку, гнев, печаль, особенно актеры. Но эрекцию нет. Он не может ее «иметь». Он должен в этом со-стоянии быть. И не может притвориться, как женщина, что «испытывает оргазм». Не может обмануть (отсюда и в остальной жизни он более прямолинеен и простодушен). Так устроена физиология. Хотение исчезает, когда его вынуждают. Ему нельзя сказать: Relax — расслабься. Тогда расслабится все. Эту скотину можно привести на водопой, но её нельзя заставить пить. Миллионы женщин, до 30%, живут с мужем не испытывая никаких, кроме неприязни, чувств, компенсируя ее бытовым террором. Мужчина скажет: я импотент, «нахватался радиации», буду алкоголиком, уйду в работу. И уйдет. К другой. Или в никуда. С одной стороны он животное более грубое и безлюбовное, чем женщина, а с другой, без чувств жить не может. В этом, а не в более высокой моральности или обычаях, почему среди мужчин мало проституции. С кем угодно, на заказ, без «желания» и «понравилось», у него не выходит. Или в форме, когда он «не мужчина». В этом же причина, почему его нельзя «естественно» изнасиловать. ***Отсюда вся цепочка культурных отношений*** и негативная реакция (когда еще была культура) на проявление ини-

циативы женщиной. Она должна «привлечь», раз(воз)будить его. Тогда все получится. Цепочка распадается по мере ослабления прокреативного значения половых функций и появления «искусственного секса», разного рода механических и химических (виагра) фаллоимитаторов. Она заканчивается вместе с концом человека.

Наличие имитатора отменяет необходимость оригинала. Протез вытесняет орган. Поэтому параллельно и вместе с появлением «виагры» распространяется «эректильная дисфункция», о которой раньше почти не знали. (Иногда, правда, ходили слухи в деревнях, что парня заколдовали — «сделали невстаниху» и надо было расколдовывать). Сама возможность протезирования обесценивает функционирование. Это взаимно поддерживающие друг друга стороны единого диалектического процесса. Однако «прогресс-дураки» так сложно не думают, их счастливый удел все время радоваться достижениям прогресса[1].

* * *

Размножение у двуполых в форме спаривания — главная функция жизни, и следовательно долг человека как телесного существа. Кто его не выполняет — отступник, предатель жизни.

Любовь и голод правят миром — говорили раньше. Как это меняется сейчас? Миром правят секс и прибавочная стоимость — таким стал этот девиз в XX веке. Идет социализация голода и выхолащивание любви. «Хлебом», потребностью сытых становится публичное самоутверждение, слава. Это называют «возвышением потребностей». Получают удовольствие не от самой жизни, а от информации о ней. Жажда общения с другими людьми сужается, расширяясь до общения с вещами и знаками. До коммуникации. Любовь, влечение «возвышаются» до абстрактного взаимодействия и воображаемого отношения. До порнографии. Проблема отмирания родительских чувств превратилась из моральной в социальную. «И в конце времен охладеет любовь» — Евангелие (от Матвея, 24:12).

Конец XXI века: Мать-героиня. Родила ребенка. Шипение гуманоидов-недоброжелателей: плодятся словно кролики. Хотя бы уж клонировались, а то разводят тут грязь всякую. Как животные. Вчера в центре города задержали пару, касающихся друг друга человеков. Говорят, что какие-то «мужчина» и «женщина» и будто это «естественно», «семья». Это противо-

[1] А вы хотите бороться с ним? Это бесполезно. Вы просто Дон-Кихот – ответит оптимист. Согласен. Может быть. Но не фаталист и не страус. Дон-Кихот все-таки лучше, чем раб и дурак. Зачем прогресс, если он будет без человека? Сохраняю надежду. На возможность разного выбора и остатки у нас мудрости.

естественно! Впечатление такое, что они не слышали об электронной почте и виртуальных коммуникациях. Когда же мы преодолеем эти пережитки, эти стереотипы, этого проклятого натуралистического прошлого? Когда в Системе/Сети будет наведен порядок?!

* * *

Одна дилетантская реминисценция об изменении роли тела в культуре. Оно шло снизу вверх:

Первобытная культура озабочена обузданием зоологизма, борьбой с инцестом, регулированием брачных, кровнородственных отношений. Культ фаллоса. Мир вращается вокруг гениталий. ***Человек-чресла.***

Потом проблема живота. Биться не на живот, а на смерть. Положить живот за други своя. Жизнь и живот, прокормление, еда почти тождественны. Вырастить ребенка — значит вос-питать его в буквальном смысле слова. Мир лежит на брюхе. ***Человек-живот.***

В Новое время на первом плане грудь, человеческие чувства, страдания плоти, борьба страстей. Сенсуализм и сентиментализм — любовь. Волнения души. Мир прижат к груди. ***Человек-сердце.***

Сейчас центром тела стала голова. Торжество расчета, рациональности. Интеллектуализм, церебрализация. Мир стоит на голове. ***Человек-мозг.***

Дальше у нас нет органов. Кончились. Далее киборг, искусственный интеллект, самоотрицание ***в пользу Другого.***

* * *

Сущность человека определяется соотносительно. Когда человека сравнивали с ближайшим к нему состоянием мира — животными, то его сущностью было все, что от них отличает: труд, сознание, речь. Сейчас явственно видно машинное будущее разума, возможность замены его биологической основы. Поэтому специфику человека начали усматривать в том, что его отличает от машин: страсти, интуиция, любовь, иррациональное, актуализируется внимание к биологической специфике, хотя она исчезает с катастрофической быстротой. Ее деградация в обществе: регламентация, рационализация, бюрократизация, а с другой стороны, возможность постепенной замены самого физического тела: «по частям» человек искусственный уже существует. Моделирование почти всех органов — ближайшая инженерная задача. Зрение давно полуискусственно, следующее поколение практически будет очковым (или оперированные, с линзами, как сейчас японцы), о понижении слуха все слышали, 32 зубов ни у кого почти нет, о прогрессирующем обезволосении все знают, эректоры рекламируют и прочее, и прочее. Перед лицом технологии значение половых различий между людьми резко падает. Из языка исчезают слова женского рода.

Пишет девушка, а подписывается «студент», работает она «лаборантом», даже и не учительница, а «учитель», не секретарша, а «секретарь». А ведь наш язык «дом бытия», отражение жизни. В поступках мужчины специфически мужское начало не имеет поля развертывания. К нему предъявляются противоречивые требования: быть смелым и быть винтиком, быть самостоятельным и быть функциональным. ***Одномерный человек реализуется в главном — как однополый. Бес / полый.*** Остальное — мелочи.

Сексизм

Гендерная патология: быть мужчиной или женщиной — «стереотип» и (!) — пережиток прошлого. Консерваторы против стандартизации людей, стирания различий между ними, тем более атрибутивных Против отрицания идентичности человека. Поэтому я — «сексист».

«Это может только мужчина: иметь цель вне себя. Женщина — сама для себя цель и хочет быть ею для всего доступного мира. Она, конечно, старается, подражая мужчине, тоже завести себе интерес снаружи от себя — щипание корпии или научные исследования, — ей плохо удается это притворство»... (Татьяна Набатникова. Каждый охотник. М., 1989. с. 306).

Все-таки это неверное рассуждение. Да, в «обществе спектакля» демонстрация и притворство важнее сути дела. К шоу-демократии и бюрократии женщина легче адаптируется. В экономике услуг она органичнее. Но она здесь уже эмансипированная, то есть неспособная к материнству или относящаяся к нему как к эпизоду. Напротив, женщина-мать всегда име(ет)ла цель вне себя. Цель эта — дети. Не просто природа и борьба с ней, на чем специализирован мужчина и что необходимо для развития общества, а природа живая, необходимая для продолжения человечества как совокупности существ, на чем была специализирована женщина. Говоря по большому счету, если женщины исчезнут из науки, техники, искусства (естественно, кроме исполнительства), то практически мало что изменится. Но когда они совсем забросят семью и воспитание детей, то мир забуксует. Отсюда и отношение к «деловым женщинам» и «образованным дамам», гордящимся тем, что как матери они принесли себя в жертву культуре или может быть избрали ее своей жертвой — двусмысленное. Сопротивляется природа, сколько ее у человека осталось.

Однако остается все меньше. По мере того как человечество продвигается по пути самоотрицания, все садятся не в свои сани. Дети почти родятся стариками (так называемые индиго), старики изображают

юношей, белые становятся черными, черные отбеливаются, интеллигенция любой нации предается мазохизму и чужебесию. «Глобализация». Но прежде всего, «в преддверии роботов», оно должно подавить, рассеять, дискредитировать мужчин, силовое, мускулинное начало. Через него/них в мир вошло искусственное, от них/него оно в первую очередь и избавляется. Борьба с сексизмом как «фаллоцентризмом». В процессе нарастания бытийной энтропии, человечество культивирует все противомужественное и противоестественное, чтобы заменить жизнь техникой, которую созда(ли)ют мужчины. Как требует прогресс. Это подлинно диалектично, по настоящему, как все в истории иронично, и очень естественно — для победы искусственного.

* * *

Доброта людей индивидуальна, однако у ней есть общие природные корни. Доброта женщин развивается, прежде всего в лоне материнства. Такова природа вещей. У женщины-матери она самоотверженнее мужской. Она почти слепая. Но сейчас материнство сведено к минимуму и сопутствующие ему качества остаются невостребованными, а если проявляются, то от «ума», который только очень умных женщин не кидает в «комплекс копирования» мужского, вернее машинного, не разбирающего полов, поведения. За редкими исключениями, не рожавшая женщина духовно, точнее, душевно неполноценна, как неполноценен не знавший женщин мужчина. Она слишком зрячая. Отцовство играет важную роль в индивидуальном развитии человека, но оно все-таки меньше роли материнства. Возникают новые социальные феномены: «женщина-не-мать» (не баба) и «мужчина-не-мужик» (не отец). «Не-родители». На грядках человечества все больше цветов без завязей. Пустоцветы. ***Человек бесплодный.***

Такая будет и доброта. Вежливая.

Где-то у Достоевского была мысль: человек — такое подлое существо, что приспосабливается к любым обстоятельствам, когда другие животные уже отказались бы жить, умерли. Это потому, что он рождается «никем», неспециализированным, «голым», «дырка в бытии». Он приспосабливается к любым обстоятельствам, потому что он их продукт. Они делают его по своей мерке. Нынешние школьники — будущие кибόрги. Скоро очипуют-ся.

Три сорта способностей, три типа ума: человек умелый, может сделать вещь, предмет, преобразует материю; человек ум-ный, оперирует понятиями, преобразует сферу духа; человек ум-удренный (опытный, понимающий) преобразует отношения, успешно общается. Сейчас в цене вторая способность, хотя многие теоретически умные практически беспомощны и социально глупы. Однако их стараются не считать дураками. А вот

кто делает вещи, но не может умно говорить, того считают недалеким, недоразвитым, того, кто умеет общаться и строить социальные отношения — только хитрым. Хотя сейчас, в условиях капитализации, произошел всплеск уважения к социально ловким, «хитрым». Но в целом мир все-таки становится на голову. На ее левое полушарие. С этой позиции голова наносит окончательное поражение рукам. Для множества интеллигентов руки нужны сейчас для держания ложки и застегивания ширинки брюк. Пока есть (за)чем застегивать. Хвост тоже не сразу превратился в копчик.

Циклы искусства

Классическое — изображение реальности.

Модернистское — преображение реальности.

Постмодернистское — изобретение реальности.

Модернизм превзошел классику и как бы впереди ее. Но этот «перед» есть «зад» науки и техники. Постмодернизм — это «искусство» как возврат к первоначальному смыслу данного слова — «технэ».

Искусство превращается в искусственное. Круг замкнулся. Скоро начнется второй — опять изображение реальности. Но эта ***реальность будет информационно-синтетической.*** Уже есть термин: «синтетический реализм».

Когда-то в истории большую роль играли ритуалы. Обряды и церемонии. Особенно на Востоке. Чайная церемония, свадьбы, похороны. Придавая действию смысл, ритуал превращает его в Событие. Тогда чаепитие становится Встречей, еда — Общением, женитьба — Бракосочетанием. Для души и духа важна прежде всего подготовка, предвкушение, ухаживание. Процесс. Иначе не чай, а пойло, не еда или трапеза, а жратва (Макдональдс), не любовь, а секс. Поглощение мира, а не забота о нем. Поглощение миром, а не присутствие в нем. Не жизнь, а функционирование. Не культура, а цивилизация. Не мир, а Америка.

Музыка в потоке времени

Старинные народные песни: резкие, протяжные, почти без модуляций. Без инструментов. Чувственные. Мы их почти не воспринимаем. Экзотика. Этнография.

Инструментальная классическая музыка и священные песнопения. Романсы. Симфонизм. Гармония. «Духовные». Воспринимает избранная часть общества.

Песни: лирические, гражданские. С довольно сложными модуляциями. Пели почти все. «Душевные». Кончаются во второй половине XX века. Многие их еще любят, хотя петь почти перестали. Иногда вспомнят строчки: «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...» Дальше обычно не знают.

Тяжелый рок: ритмы, надрыв, бьет по вегетативной нервной системе. Как секс вместо любви. Музыка «психофизиологическая». Исполнение человеко-машинное, требует некоторого специфического профессионализма. Сейчас, пожалуй, самая популярная.

Компьютерная музыка. Без чувств, без духа и без души. Интеллектуально-информационная, технически гармоничная, машинный ритм и петь нельзя в принципе. Иногда, правда, на каком-то переходе ее любители «подвизгивают». Голос исполнителя трансформируется до неузнаваемости и почти не важен. Под нее не удается даже танцевать и все дергаются сами по себе. Ритм не для живого. «Техническая» музыка. Как музыка техники и для техники. Доставляет удовольствие своей чистой формой как силуэт авиалайнера. Неважен даже композитор. Ее можно задать компьютеру как «тему» некоторым мычанием. Поэтому все мелодии — одинаково разнообразные. Одномногообразные. Слова песен — разнообразно пустые: все про какую-то «любовь». Любовную любовь про любовь. Затаскали, этого никакая реальная любовь не выдержит. Чем больше поют, тем меньше чувствуют. Ничего не чувствуют.

Нравится «постчеловеческому» человеку. Любит постчеловеческий «человек».

Из истории разврата (от сохи до секс-шопов)

Человеческий «верх» и человеческий «низ» развиваются вместе. Между ними, как теперь модно говорить, констелляция. По своей скрытой тенденции она примерно такая:

Человек чувственный — гетеросексуализм.

Человек духовный — гомосексуализм.

Человек мыслящий — аутосексуализм.

Человек информационный, компьютерный (гомутер) — асексуализм.

Да простят меня те, кто с этим не согласен. А еще больше — кто согласен.

Скотоложество (фи!). Мужеложество (фуй!). Техноложество (ура!).

* * *

В чем причина, что на всей земле и во всех своих формах цивилизация изобретена мужчиной? Принципиальные и даже бесчисленные мелкие достижения науки, техники, искусства сделаны им? Неравенство социального положения не объясняет причину, оно само должно быть объяснено. Кроме того, сейчас во многих сферах более чем равенство, а в биологии, экономике, медицине около 80 % женщин, но принципиально новые разработки дают 10 % из работающих в них мужчин. Библиотеки переполнены пишущими женщинами, которым не мешает ни семья, ни армия, но все равно чувствуется, что женская наука, как спорт или шахматы, требует других мерок.

Логической основой провозглашения полного равенства полов должно быть положение, что человек существо только социальное. (Дж. Локк — Т.Лысенко). Если же признавать, что человек биосоциален, а даже странно, как идеология могла затушевать оче-видные вещи, то придется признавать неравенство полов. Разделение единого человека на два пола (высших животных вообще) не бессмысленно, если оно биологически целесообразно для выживания. Потребность в нем возникает, когда к одному и тому же существу предъявляются противоположные требования. Например, быть активным и быть спокойным, быть агрессивным и быть заботливым. В определенный период жизни, если бы все особи были заняты рождением, им было бы трудно сохраниться. Поэтому один пол специализирован на контактах с внешним миром больше, чем другой. Иметь одинаковое поведение абсурдно, тогда незачем было разделяться. Специализированные во вне особи сильнее, у них несколько выше температура тела, чуть быстрее реакция и обмен веществ, больше мозг. Это обеспечивается особенностями гормональной системы и значимо при переходе к внебиологическим формам борьбы с природой. Даже если мозг только сцена, то и величина сцены что-то значит для постановки спектакля — больше возможностей. Но содержание спектакля социально. Поэтому среди мужчин больше святых и преступников, гениев и идиотов, страстных и бесчувственных. Они не по содержанию «лучше» или «хуже», у них больше амплитуда колебаний. (Как чаще асимметрия мозга и лица) Они — ***проблемные.*** А становятся — проблематичными.

В последнее время женщине стали «отдавать» эмоционально-образную, дионисийскую сторону бытия. Но это джентльменство не основывается на реалиях собственно человеческой истории. В религии, поэзии, музыке, живописи и прочих видах искусства мужчина господствовал не меньше, чем в науке. И только теперь, с потерей духовности (в транстмодернизме

все превращается в технику и технологию), из искусства уходит и он. Туда, куда уходит мир — в электронную музыку, компьютерную графику, виртуальную (гипер) литературу. Опять в первых рядах: но уже упадка. И первым там подох-нет (это не ругательство: имеется в виду — «задохнется»). Если при формировании Сетей (10–15 лет) женщин там практически не было, то теперь там бывают все. Значит, виртуальный мир перестал быть изобретением. Женщины там, *где норма, где обучают.* И человечество начинает делиться по другому параметру: «естественников» и «искусственников», на жителей Земли, у которых есть пол, возраст, чувства и обитателей Техноса, где эти характеристики не значимы и даже мешают. В Виртуальном мире все одинаковы. А пока...

Женщина существо более плавное и гармоничное. Сбалансированное и благополучное. Но в более ограниченном диапазоне.

* * *

Отмирание биологически обусловленного социального превосходства мужчин идет по мере технизации жизни и обезличивания, демонтажа человека. Сама идея равенства возникает по мере обесценивания женских, материнских функций, когда высшая похвала для женщины, что она похоже копирует мужчину или что может «не хуже», «почти как» мужчина. Что она не поэтесса, а поэт, и даже — «штангист». В общечеловеческом плане, однако, копирование мужского не вносит в мир ничего нового, делая людей одномерными. Симулякрами. Помимо рождения, воспитания и облагораживания человека, любое другое женское творчество подражательно. Коварство прогресса в том, что женщины отказываются от себя сами, а мужчины развивают технику, в свете которой их биосоциальные преимущества перестают иметь значение. Перед лицом машинных скоростей различие в величине шага на 5 см малозначимо, перед лицом подъемного крана способность поднять на 20 кг больше несущественна, перед лицом компьютера видение на два логических хода дальше становится неважным и т.д. Но уж если пол перестает быть спецификой человека как личности, то какие еще черты тут будут значимы? Техника — вот Великий Уравнитель всех наших способностей и отличий. Она их обесценивает! Переход от равноправия к равенству, т.е. одинаковости — один из важнейших механизмов обезличивания людей, самоликвидация жизни. ***Равенство полов будет полным по мере и когда не будет человек***а, когда и насколько его заменят роботы. Буквально, по субстрату, или, для начала, по характеру деятельности. Прежде чем стать совсем постчеловеческой, она становится немужской. Мелочность которой выдерживают только женщины. Образец — школа, модель которой распространяется на все

общество. А пока промежуточный этап — энтропия, Unisex, стремление «отменить пол», вытеснив его «гендерными установками» и «сексуальными ориентациями». Выбором. Свобода от природы дошла до свободы от человека. От себя.

Мужчина и женщина. Он и она — это собаки = псы и кошечки = кошки. Первые сильнее, грубее и простодушнее. Вторые слабее, мягче и хитрее. Живут как кошка с собакой. Эта модель, образ, эта «аналогизирующая апперцепция» заменяет сотни научно-психологических типологий, в которых пытаются зафиксировать особенности мужчин и женщин, делает ненужными тысячи глупостей, написанных в рамках «гендерных исследований».

Мужчина и женщина. Он и Она — это болт и гайка. Для скрепления мира. ***Но возникает Оно.*** Канцелярская кнопка. На кнопках мир теперь держится. Во всех смыслах.

Абсурдность складывающейся ситуации чувствуют прежде всего мужчины. Зачем бежать, если ни за чем не угнаться, или когда твой бег ведет в болото, к гибели? Отсюда инфантилизм, самоотрицание, ослабление мотивации к успеху, в том числе социальному. Собственно мужских дел всё меньше. Основная работа теперь — обслуживать «Матрицу», переносить информацию о мире в компьютеры. То, что раньше делали машинистки. Где надо быть детальным и добросовестным. Скучно, не охота. Некоторым стыдно. И охотничьи псы становятся постельными собачками. Пуделизация вида. У женщин еще есть что догонять: впереди — зад мужчины. У мужчин впереди только свой конец. У женщин есть ближайшая цель — имитировать, наконец-то, этот, так называемый сильный пол, занять освобождающиеся от него передовые траншеи прогресса, оставляемые в процессе движения. Хотя бы в движении вверх по лестнице идущей вниз. И во многом догоняют, выращивая в себе «симулякр мужчины», видя в этом смысл своей внутренней жизни и внешней деятельности. Становятся собаками. А мужчина? Должен ли он «выращивать в себе женщину»? Быть кошечкой. Голубой. Некоторые становятся, хотя это расслабляет, а не возвышает. Выращивать «симулякр машины»? Сознательно не хочет, но фактически делает. Таким образом, в целом, поезд собственно человеческой истории, особенно его первые «мужские вагоны», уже ушел. На перроне — гендерная интеллектуально-коммуникационная техника. Ее не остановишь, демонстрировать ей что-либо бесполезно. Кошка еще может бежать за собакой, а собака за машиной бежит не долго. Понимает — не догнать. И растерянно останавливаясь, высунув язык, тяжело дышит. Уходит на обочину, становится человеческим фактором, преступником и маргиналом

по отношению к Системе. Женщины еще «пост», а мужчины уже «транс». Таков будет конец XXI века.

* * *

В порнокультуре часто рассуждают на тему исторического права мужчин на полигамию. Тем самым обосновывается их право на супружескую измену в наше время. На то, что время от времени они должны «отпускать бобика погулять». И большинство отпускают. Феминистки возмущаются этим двойным стандартом, требуя подобного для женщин. «Выравнивают мораль». Но в чем коренится такая несправедливость, подумать никто не хочет. Объяснение, что мужчины поступают по «праву сильного» поверхностно. Корень же здесь есть и он одинаков у всех высших животных. «Работая со стадом», самцы действительно второй раз к самке не подходят. Бегут к другой. Для этого есть природные основания. Во-первых, будучи оплодотворенной, самка успокаивается и больше их не хочет. Нет сигнала, что «путь открыт», а животные насилием не занимаются. Во-вторых, оплодотворять самку, которая уже «понесла», биологически непродуктивно и как бы бессмысленно. Эта природная причина лежит в том, что в истории гораздо чаще распространено многоженство, а не многомужество. Чем больше жен, тем больше потомства. А много мужей потомства не прибавляют. «Пустая» трата вр/с/емени.

Поэтому животные, а долго и люди ищут новые возможности, дерутся друг с другом, гон, когда они буй-ствуют. (Буй-ный, буевой, боевой, боец, воевой) б/в/ойна; буй — рог, буй-тур, рогатый бык, козлотур (созвездие козла) = хуй-тур, наставить рога, чужой рог — значит действовал чужой /б/уй. Буй — возвышенное место, нечто торчащее над плоской поверхностью (воды). Буй-вол. Буйвол — бык, а без буя — вол. Рабочая скотина. Кастрированный, если по-русски, легченный. Пустой. Итак, х = б = в (распространенная сербская фамилия Вуйкович по-русски Рогов) = рог. (Куда ты на рожон = нах... прешь? Какого тебе рожна /х/ надо?) Рогоносец — это х-носец. Потому и насмешки. А дурак — это «турак», бык (тура вместе со слоном и конем в шахматах), то есть человек в состоянии гона, возбуждения, д/т/урной, д/т/ урится как бык. «Хочет». Драка, дурака, д(у)рачун. Многочисленные фамилии, в том числе аристократические: Дуракины, Дуровы, Дурново не признак глупости их носителей, а свидетельство производительной силы их родов. Ими гордились. Только в простонародье — Быковы. Только потом, кому-то «стало дурно». Тоже потеря сознания, но не от страсти, а от слабости. Дурак — это оценка не для ума, а для поведения. Антипод ума — глупость. Дурак — для мужчины в определенных ситуациях — похвала. Отголосок такой гордости, с довольной улыбкой:

«мой-то дурак...» Да и от любви «теряют голову», «влюбился как дурак», в отличие от умного, который не любит, а рассуждает. Кто не дурак, тот глупец. «Поздравьте меня, сегодня я был дураком».

Некий след этих инстинктов остался и у людей, когда различие законов природы проявляется в различии моральных норм (пока была культура). Но самцы за свое преимущество должны как-то платить — риском, готовностью погибнуть, защищая свое стадо, территорию или общество. Если не платят — они паразиты. Вот почему мужское начало ярко проявляется в неблагополучное время и умаляется в комфорте, который превращает людей в паразитов. Мужчине он противопоказан по самой его сути. Возникает Пост-Адам. Пост(транс)мужчина — начальная стадия постчеловека.

Мы становимся паразитами разума.

* * *

Феминизм — это движение женщин, озабоченных компенсацией за состоявшуюся историю человечества при его переходе к машинной цивилизации, когда создание существ обесценилось в сравнении с созданием вещей и веществ, когда ценности жизни терпят поражение от ценностей ума. Оглянувшись с этих новых позиций, они почувствовали себя оскорбленными малозначительностью роли, которую сыграли в истории. Отсюда попытки ее переписывания, придумывание великих социальных женщин (феномен Софьи Ковалевской в математике, которая всего только защитила докторскую диссертацию). Распространяются требования, чтобы задним числом, «для равновесия», поместить в Пантеон Славы Франции несколько женских фигур, страдания из-за фаллоцентризма вплоть до того, что Иисусу Христу пририсовывают груди, и смысл всей деятельности состоит в изживании данного комплекса. Девочки пытаются научиться п*и*сать стоя — чтобы похоже на мальчиков. Потерпев неудачу, взрослые феминистки требуют, чуть ли ни принятия инструкции, чтобы тогда мужчины делали это сидя. Равенство так равенство. Их оскорбляет сама мысль о невозможности воспроизвести, с-имитировать какую-либо мужскую позу, действие или жест. Отсюда стремление непременно «подсунуться» в любой мужской коллектив, обозначить, имитировать любое мужское занятие, вплоть до бани и желания общих туалетов. Появилась «женская наука», предложения о «создании женской квантовой физики», квоты на премии специально для женщин за открытия — наглядное свидетельство того, что в постмодернистском мире истина, история, факты не играют роли и можно говорить, что хочется, лишь бы смягчить обиду. Феминизм как идеология «отмены пола с компенсацией за историю» —

это проявление абиотических и антиэкологических тенденций развития цивилизации, потери ею живого разнообразия. Важнейший фактор демографического вымирания обществ западного типа. Разложение человеческого как со-пут(ь)ствие роботизации. Люди забывают, что самоценна каждая форма бытия и жизнь как таковая первичнее деятельности. При культурной установке на жизнь, а не социальный спектакль, у женщин нет, не было и не должно бы быть каких-либо оснований для чувства неполноценности. Неужели вырастить, сформировать человека менее значимо, чем соединять и разъединять какие-то желез(я)ки? Создавать, выращивать существа менее ценно, чем переделывать и «воспитывать» всего лишь вещества? Все сильны по-своему. Своим. Однако в современном мире жизнь уходит на второй план и все становится чужим. В том числе свой пол. Гомосексуализм и феминизм: свои среди чужих и чужие среди своих. Это раскол, разрыв самого мощного, обеспечивающего жизненную целостность общества каната. А потом сращивание этого разорванного природно-культурного каната через обезличивающий гендер и обесчеловечивающие, стандартизирующие, так называемые, по иронии самообмана, гуманитарные технологии. Технологии зомбирования существующего и конструирования постчеловека.

* * *

В западной цивилизации прои-с-ходит психологическое, социокультурное оскопление человека. ***Кастрация.*** Сначала духовная, а потом и физическая. Думали, что будет больно. А ничего и не заметили. Вначале и параллельно это делают на животных. Еще недавно смущались, что вот мол, пришлось кастрировать пса, стерилизовали кошку. Было какое-то чувство вины, инстинкт греха. Теперь, наоборот, считают добродетелью, широко объявляя: «Отдам собаку/кошку в добрые руки. Кастрирован! Стерилизована!» Что лишают их живой жизни, никто уже не думает. Хотя не совсем так: у-думали специальный «корм для кастрированных». Объявим дальше: Муж надоел, жена утомила. «Отдам мужа/жену в добрые руки. Кастрирован. Стерилизована». Пусть живут. В принципе человеческую кастрацию, подобно некоторым древним обществам, вновь начали узаконивать, материализовывать. Прямо физиологически. Правда, не ножами, а «политкорректно», то есть облачая в лицемерие, путем «лечения химическими препаратами при отклоняющемся поведении». Для борьбы с ним. Которым, гляди того, будут считать традиционный секс, «слишком мужчин» и «слишком женщин». **Now: 1984**. Ползучий = политкорректный = комфортный фашизм. К 2045 году его обещают материализовать в искусственном теле.

Гендер — это социальный конструкт Onedimenshional men. Духовно стерилизованный. Гендерный — значит бесполый, бес-полый, значит *бес*-человеческий.

Sos… sos…sos… (Save our soul… save our sex… save our self… Спасите наши души… спасите наш пол… спасите самих себя…)

Нужна ***экология пола.***

* * *

Мужская дружба. Она далеко не тождественна дружбе мужчин. Это дружба, возникшая в «мужском деле». Бою, походе, борьбе, тяжелых испытаниях, где было проявлено самопожертвование, когда ради другого рисковали собой. Тогда другой — друг. В этом суть общения. Нынешний «городской мужчина» его не знает. Он — коммуникант. Знает много, почти все — кроме главного.

Выражение: «ведет себя то как бык, то как теленок» символичнее, чем «то как лев, то как заяц». В первом случае дано крайнее состояние одного животного, во втором — разных. Вот что делают время и развитие. Мальчик и мужчина могут достигать такой же разницы. Могут. Но сейчас опасность в раннем взрослении (ума) и позднем развитии (души). Ни быка, ни теленка. Говядина.

Красивый мужчина — плохой любовник. Его самого надо любить. А умный, то бишь ученый — еще хуже. Он все знает, но мало что чувствует. Если мужчина красив и умен одновременно — мечта многих женщин — то им можно дать только один совет: бежать от него подальше. Общество не зря не поощряло заботу мужчины о своей красоте. «Природа вещей» предполагает, что он хочет, а не его хотят, он выбирает, а не его берут... Обычаи разлагаются вместе с разложением природы вещей.

Главная телесная проблема мужчины — живот. Если с возрастом он не выдается, то это (если не наркоман/алкоголик/хакер) — выдающаяся личность. Фигура. Вам за 60 и все еще без живота? Неважно, «достигли» вы чего или «не достигли», считайте, что жизнь удалась.

Подлинно тупыми и по настоящему глупыми бывают только мужчины. И даже лысина не признак ума. Она — наказание за бороду. Для сохранения баланса волос. А мудрых мужчин не бывает вообще. «Как сказала одна мудрая женщина…» Про мужчин говорят: «Как сказал один мудрый человек…».

* * *

Конспект эволюции. Эволюция живого и начало человека: человекообразные, предлюди. Эволюция человека: дикарь — варвар — личность — актор — фактор.

Постчеловек, роботообразные. Конец человека и становление искусственного интеллекта. Эволюция техники: орудие, машина, автомат, робот. Этот же процесс можно рассмотреть как эволюцию духа. Как историю его самоотрицания. От Духов природы (мифология) к Богу (религия), от бога к Человеку (гуманизм), от человека к Разуму (наука), от естественного разума к искусственному интеллекту. Эволюция информации…

Первым домашним животным был сам человек. Сам он, видимо, будет и первым роботом. ***Роботы вырастают внутри нас.*** Функционально многие ими уже являются. Главный признак роботизма — жизнь без чувств, без самостоятельного отношения к миру, особенно критического. А просто в качестве элемента целого. Раньше люди тоже редко поднимались до социальной самостоятельности, но тогда человек больше жил частной жизнью — в общине, группе, семье. Неприятное новое теперь в том, что механичность поведения проникает в эти группы — в общение с ближайшим окружением, с семьей, с самим собой. Потому вместе с ростом общения растет одиночество, в чем и заключается один из парадоксов современного социума — «одинокая толпа».

* * *

Популярная тема молодежных диспутов, когда они еще были (до «сексуальной революции»): что лучше: любить или быть любимым. Действительно, что лучше? Кто любит, тот субъект отношений, кого любят — тот объект. Кто любит, получает удовольствие или мучается, живет чувствами; кого любят, удовлетворен или раздражен, живет сознанием. Первый горит, второй греется. В век рациональности предпочитают больше греться. Это безопаснее и выгоднее — это целесообразно, а любовь, как и вера — противоразумна, нерациональна. Все поверхностные люди хотят быть любимыми. И мало кто хочет любить. А кто хочет, то «абстрактно». Или не может.

В древности, в мифах любовь представала как вселенская космическая сила. Как влечение вещей друг к другу. Наука заменила это понятием притяжения и любовь как влечение осталась только для живой природы. Техногенный человек к природе равнодушен, в том числе живой, за исключением себя. Любят тело друг друга. В результате чего любовь превращается в «сексуальные фантазии». И просто — секс (половое удовлетворение). Но все больше любят только свое тело. В результате чего секс превращается в бесполо(во)е самоудовлетворение. Постепенно, однако, целого тела для умалившейся любви становится много. Она сосредотачивается на его части. Малый секс. ***Дошла до конца.***

Эгоист бы и рад полюбить — себя, но не получается. Духовно не получается. Любить себя то же самое как себя щекотать. Физиологическое раздражение есть, а не смешно. Не радостно. То и другое можно испытать лишь с кем-то. Суть любви, как и языка — общение, только разговор идет всем телесно-духовным континуумом. «Без органов». Они только ставят точку. Любовь к себе и разговор в одиночку — щекотка сумасшедшего. Безумно не смешно.

* * *

Из фокуса интереса уходят женские органы продолжения рода. И фактически, и идейно. Это секс для одного пола. Мужчин. Дальше — больше. Еще не так давно велась компания лечения вместо таблеток лекарственными свечками через прямую кишку. Говорят «лучше всасывается». Особенно рекомендуют детям. Но во-первых, природа вещей предназначила для усвоения пищи желудок и всасывание через прямую кишку может вызвать ее функциональное перерождение с опасными последствиями. Во-вторых, это конечно «мода», придуманная в целях дополнительного стимулирования продажи медпрепаратов. Типичная потребительская агрессия против человека: рынок болезней и лекарств должен непрерывно обновляться. Пичкают лекарствами и в рот и в ж... Скоро так предложат принимать пищу? Ведь «всасывается»! Ну, люди, эти существа с куриными мозгами, особенно ученые, (куры не домашние, а с птицефабрики), они не ведают, что творят. А где Бог-то, куда он смотрит. Особенно «в-третьих»: введение в задний проход посторонних предметов, тем более с детства, это элементарная подготовка будущих содомитов — и мужчин, и женщин. «Это» + оральный секс оставляют женские органы сексуальности без работы. «Век п-ды» — эпатировал публику Вик. Ерофеев, говоря о нашем времени. Забвение п-ды — вот что происходит на самом деле. (Слово: «ле-песток, пестик, песта, п-да» почти не слышно). Потом все меньше будет желающих пользоваться своим природным органом и среди мужчин. Для содомитов он не актуален. Забвение истоков, откуда все мы вышли — вот к чему идет дело.

я, **я**, Я. Деловые, активные и... пассивизация желаний: все меньше, кто хочет брать, все больше, кто хочет отдаваться. Берите меня, л(е)-меня. Я, **я**, я... Гордые! Массмедийное антиискусство культивирует «не библейские» сексуальные позы не случайно. Это позы отчуждения. Когда партнеры друг друга почти не касаются. Не целуются и не обнимаются. Если страстно обхватывают, то себя. Просто дают друг другу орган. В пользование. В аренду. Без единоплотия, не говоря уже о любви — единодушии. Эгоизм тел есть следствие эгоизации душ. Бес-контактная цивилизация.

«Малый секс». Частичный секс. Секс с частью. С последним «человеческим фактором?» ***Поцелуй по-постмодернистски.***

Переход эгоцентризма в свою противоположность. Потеря центра. У-***пали.*** Впрочем, все можно поправить и поднять. Есть же фаллоимитаторы. Потом — ***цефаллоимитаторы***.

Гендерная деградация.

Все рассуждения о сексуальной революции — чистый пример превратности и ложности стандартного человеческого мышления. Образец самообмана. Ибо на самом деле это процессы, направленные против секса как «способности рождения и продолжения рода (определение Всемирной организации здравоохранения). Их смысл в том, что репродуктивные функции пола вытесняются рекреационно-гедонистическими. Средство, «приманка» становится целью, отклонения и патологии возводятся в норму, а норма (размножение человека) реализуется изредка, в порядке исключения (патологии). Секс, говоря по-старому, превратился в блуд (=бляд(ь), блу(я)дный сын, блу(я)дница). Это антисексуальная революция. Контрсексуальная революция. Сексуальная контрреволюция. И, наконец, если говорить не в принципе, куда все идет, а фактуально, это — ***парасексуальная революция.*** Паразит убивает хозяина. Естественно, не сразу, постепенно.

Каких только приспособлений для манипуляции сексуальностью сейчас не используется. Однако надо отдать должное первому великому изобретению для борьбы с сутью и предназначением половых отношений — презервативу. Как его недооценивают! А ведь этим оружием людей убито больше, чем стрелами, порохом и динамитом вместе взятыми. Милли — оны, а может быть — арды. Ах, как его недооценивают! Ах! Какое огромное влияние оно оказал(о) на прекращение естественного отбора, на предотвращение перенаселения Земли, на изменение межличностных и социальных отношений. На всю историю человечества. Именно это нехитрое приспособление подточило плотину и открыло шлюзы всем формам парасексуализма. Вот когда началась сексуальная революция — в XIX веке. Где Нобелевская премия какому-то французскому художнику, который его впервые изготовил? Не зря Лев Толстой отнесся к нему с таким гневом и отвращением. Презерватив и лишь потом пар и электричество следовало бы класть в фундамент первой научно-технической революции. Презерватив и лишь потом противозачаточные пилюли и аборт. А кто его воспевает?

Где оды, гимны, книги или хотя бы диссертации на тему: «Презерватив как решающий фактор человеческого про(ре)гресса». Или «Презерватив как феномен цивилизации». Где ему Памятник, на-конец!

Nota bene: внести в список проблем для диссертационных исследований по философии и социологии; учредить специальный благотворительный фонд и начать сбор средств для его увековечивания в памяти случайно избежавших с ним встречи потомков; объявить конкурс среди скульпторов, желательно работающих, кто остался, в жанре социалистического реализма.

* * *

Дружба в точном смысле слова может быть только в юности, пока человек не знает сексуальной стороны общения. Это «предлюбовь». Дружба и любовь — стадии развития одного и того же стремления к близости, только в первом случае со своим полом, во втором с противоположным (если в норме). В дальнейшем близкое общение возможно или как приятельство, без тех чувств, что были в юности, или же, если они есть, то это любовь, хотя чаше всего платоническая. Пройдя высшую стадию близости — любовь, человек не может возвратиться к низшей. Для дружбы нужна невинность.

Экзистенциальная любовь, это когда можно сказать: он мне не нравится, но я его люблю. Так относятся к «блудному сыну», близкому человеку, к своему городу. К Родине. «Люблю отчизну я, но странною любовью...» Не способный к такой любви не имеет души. Только отдушку. Космополит. Эмигрант. И все больше — «глобальный человек».

Но остаются пережитки. Такого могут обвинить в патриотизме или даже, страшно вымолвить, в «любви к Родине». Оправдываюсь так: надо же чего-то/кого-то любить. Кроме себя, и даже близких, если душа больше рукавицы.

* * *

В доинформационном обществе, когда чувства людей были живее и непосредственнее, муж, подозревавший жену в неверности, страшно ревновал, стремился уличить ее, отомстить сопернику, восстановить свою честь и т.д. Также наоборот. Теперь, когда люди стали рациональными, ревность как элемент отношений засыхает, разве что алкогольная. Предпочитают «не замечать измены», не стремятся разоблачить ее. Конструируя идеальное общество, мыслители прошлого были очень, очень озабочены этой роковой проблемой. Придумывали всякие регламентации. А она вот почти решилась, уйдя в сторону (вместе с любовью?) и семьи уже не рушатся. Они — «распадаются».

Семья? В социально-историческом смысле ее уже нет. «Контрактные семьи» все равно что «мертвые души». Да и зря, что ли возникла ювенальная юстиция?

Напряженность современных семейных отношений провоцируется завышенными ожиданиями в интимной жизни. Они буквально навязываются сексуальной пропагандой. На самом деле от семьи, ***в силу ее природы и назначения,*** человек вправе требовать лишь «секс по-христиански». А именно: жена «принимает» мужа, но сама не испытывает страсти. Для этого ей надо искать любовника. Муж «берет» жену, но без ответной игры и разврата. За этим ему надо идти на сторону или к проституткам. В целом получается полнота, правда, «разорванная». Таков один из важнейших способов — аморальный — укрепления семьи и брака. Укрепления их морали.

Все так называемые женские болезни, говорил Гете (до всякого фрейдизма) лечатся «через одно место». Все неврозы, сварливости и псих(стерв)озы. Мужские тоже, но мужчины обычно их не показывают. В монахи, пьют, самоубийство. ***Им некого обвинить.***

Тебе сказали все как есть? Значит, любят или ненавидят. Ты свой. Тебя обманывают? Значит, ценят и уважают. Ты — «нужный».

* * *

О многих семьях можно сказать: собаки пожрали детей. А детей — значит людей. Однако это старо. Распространяются семьи, в которых живых собак пожрали синтетические, а синтетических пожирают голографические (в США есть такие видеопрограммы). Все живое требует хлопот. Поэтому продается «видеокот», «видеопес». Они радуются приходу хозяина, лают на посторонних. Смотря какая программа. А не завести ли тогда видеожену? Виртуального мужа? Семью — тамагочи? Или вообще — видеолюдей.

Конечно, все это я преувеличиваю. Сразу — и без человека. Нет, просто будет решено, что это «новая семья». Социологи бросятся ее классифицировать и выделят минимум 3 типа: 1) живой муж, виртуальная жена и собака-томагочи; 2) живая жена, виртуальная собака и муж-томагочи; 3) живая собака, виртуальный муж и жена-томагочи. Поднимутся споры, какая семья предпочтительнее. Фамилисты, как отъявленные реакционеры, будут отстаивать сохранение первой. Феминистски, борясь с исторической несправедливостью, создадут организацию в защиту второй. А самые передовые представители социологической науки напишут диссертации с обоснованием прогрессивности и неизбежной победы третьей.

Члены семьи — домочадцы. Теперь лучше сказать телечадцы. Или — домотельцы? Тельца!

Совместная жизнь: тело в тело, душа в душу, в любви и согласии, по контракту. Последнее — с комфортом. Ну, как жизнь с молодой женой? Да все нормально. Мы тут недавно такой унитаз поставили — итальянский. Закачаешься.

Основная ценность семьи в том, что она лишает человека свободы. Не все могут ездить по дороге — и без узды. Особенно самцы. Когда их упрекают или удивляются, что вот в семье жена командует, их ограничивает, то про себя они знают — самих бы — по(у)несло. Не все люди еще нормализованы в «фи(а)ктор» цивилизации.

Курящие дамы, девицы: главное для них — независимый вид, который при этом принимается. Сначала демонстрация, а потом — реальность. Такова особенность женщин во всех делах. В обществе спектакля она становится особенно востребованной. Особенно величественны, да и просто неприступны курящие проститутки.

* * *

Русский эрос. Эрос, эротика. В отличие от мата и порнографии, говорить о нем дозволяется цензурою. Воспользуемся, в духе Г. Гачева. В транскрипции с греческого на русский, «э» будет «е»: например, эллины — еллины («Еллинских борзостей не читах», — гордился православный автор Средних веков); например, этажи — етажи («Запирайте етажи, ночью будут грабежи», — поэма А. Блока «Двенадцать); например, эрос — ерос. Херос («Да пошли Вы все на хер»(ос!).

* * *

Из записок интеллигента. Сегодня я провел трудную ночь. Влетевший в комнату комар то и дело пищал над ухом и совершенно не давал спать. Пикируя иногда прямо на лицо. Попытки наглухо закрыться одеялом не помогали. Это было что-то ужасное. И никому, никому до человеческих страданий нет никакого дела. Проклятое общество, безумный мир, отвратительная страна, из которой надо только эмигрировать. Так дальше жить нельзя.

Конечно, нельзя.

Судья: каковы причины вашего развода?

Муж: она перестала бросать на меня ласковые взгляды.

Жена: в прошлое воскресенье он забыл купить мне цветы.

Судья: признать брак расторгнутым из-за несовместимости характеров и невозможности дальнейшего совместного проживания.

Однако иногда приходится быть смелым и решительным, дерзким и отважным. Настоящим мужчиной. Хотя по разному. Дикость: А, была - не была, волков бояться, в лес не ходить. Цивилизация: Эх, где наша не пропадала, о комарах думать, на дачу не выезжать.

* * *

Девизы времени. До середины XX века говорили: Все надо делать с душой. Рекламировали: «Сделано с любовью». Человек-личность. Время воспитания.

В конце XX века стали говорить: Все надо делать профессионально. Рекламировать: «Сделано с умом». Человек-специалист. Время образования.

В XXI веке начинают говорить: Все сделано автоматически. Начинают рекламировать: «Интеллектуальный продукт». Человек-фактор. Время программирования.

В XXII веке замолчим: Все будет делаться искусственно. Будут рекламировать: «Сделано без человека». Человек-зомби. Время виртуалистики.

Признания времени

Реализм: Как я тебя люблю.

Модернизм: Ты бы мне нравишься.

Постмодернизм: я тебя бы нравишься, ты как мне люблю.

Трансмодернизм: меня… мине… меню…

Традиционная измена жене — с любовницей. Об этом вся классическая литература (век XIX). Модернистская измена жене — с любовником. Она зашифрована в авангардной художественной литературе XX века. Теперь же любовную связь мужчины и женщины называют ***традиционным сексо***м. То есть, чем-то устаревшим. Нес(в)о(е)временным, принадлежащим прошлому. Постмодернистская любовная измена — самому с собой. Как она будет происходить, я не знаю. Может быть так: убежал к женщине. В общем, это предмет литературы будущего. Остается надеяться, что хоть какие-то традиции у людей останутся. И не все превратится в литературу и коммуникации.

Позывные трансмодернизма: Виагра, виагра… я импаза, импаза, как слышите, прием… Прин(яли)имают. Половые наркотики. Как любые наркотики сексуально-химическое протезирование провоцирует дальнейшую потребность в нем. На компьютерных столах студенты пишут меланхолические признания: «За окошком осень// Отцвела капуста// у меня пропали половые чувства// Выйду на дорогу, положу х... в лужу// Наступай прохожий// Он мне уж не нужен».

Nobody wanted to fuck.

* * *

Самое полезное для человека природное лекарство другой человек. В Средние века ослабленных больных лечили «лежанием рядом со здоровым отроком». Теперь, когда общение превращается в коммуникацию, в бездушное отношение, стали толковать о пользе телесных касаний. Хотя бы случайных, эпизодических. Придумали даже такое лечение: «контактотерапию». Ничего удивительного, раз дети играют с компьютерами, а не друг с другом. Изначальное отчуждение человека от физической сути вещей. От телесности и тепла других существ. Скоро общение, да и просто «жизнь» начнут прописывать по рецепту: «Поезжайте, ***поживите*** недельки две». А диагнозом болезни будет: пережитки гуманизма. Не все еще превратились в роботообразных.

* * *

К феноменологии тела. Все чувства моего кота написаны на его хвосте. Очень выразительное лицо. Он главный орган в «схеме тела». Умница. Но иногда — хитрый, наглый, лукавый. Возможно, что когда злится, хвост спасает кота от инфаркта. Говорят, что глаза — зеркало души. Это уже деградация. Зеркалом души должно быть все тело. Как у моего кота Мадраса. По существующей табели о рангах для госслужащих, если применить ее к животным, он где-то на уровне доцента или даже профессора (15–16 класс). Своим поведением кот почти ежедневно заслуживает новое имя. Сегодня он: «Мыньга». А еще вчера был: «Спятило». Прозвища даю я. Дело обычное, ведь мы — «одноклассники».

После человека...

Больше всего за границей хочется побывать в Японии. Поглядеть все «вживую». Столько восторгов о достижениях этой страны. Правда, в основном у журналистов — представителей самой поверхностной профессии. А у меня закрадывается подозрение: являются ли японцы еще людьми? Может они уже сверхлюди? И сверхчеловек, о котором мечтал Ницше, появился, хотя история, как всегда, сыграла шутку: и не белокурый, и не бестия, а японец. ***Сверхчеловек осуществляется как постчеловек***. Может быть это существо, о предстоящем возникновении которого я так много толкую, в действительности уже есть?

Мои подозрения усилились после того, как одна умудренная опытом (умудреханная?) проститутка, сравнивая достоинства клиентов разных национальностей, сказала, что больше всего ей нравятся японцы. Самые

вежливые и лучше всех платят. Хотя как о мужчинах, добавила она, говорить о них не стоит. Просто не стоит.

В общем, хочу в Японию.

Первые постженщины, по-моему, американки. Распоряжением губернатора Калифорнии, там, например, в школах запрещено употреблять слова папа-мама, муж-жена, дабы не обижать тех, у кого их нет, и кто ими не является, особенно гомосексуальные «семьи». Также Совет Европы, вслед за ним Госдепартамент США не рекомендовали говорить: отец-мать. Правильно — «один из родителей» или родитель number one, родитель number two. Или даже, чтобы совсем без связи с жизнью — «персона с правом на воспитание» (по-немецки в одно слово). Маргиналы? Рехнулись? Нет, это Совет Европы и Госдепартамент США. Да! Это Совет Европы и госдепартамент США. Ликвидация обозначающего явление слова есть отражение его ликвидации в реальности. Ликвидации семьи, в которой рождается ребенок. Закрепление этой ликвидации. И причина тут не только в распространении гомосексуализма и феминизма. Это посыл от искусственного оплодотворения, которое происходит без отца, а последнее изобретение — искусственная яйцеклетка, когда оплодотворение и вынашивание происходит уже и без матери. Посыл из будущего вообще бесполового способа размножения — клонированием, над которым наука работает уже в настоящем.

Мать, Отец — это были (?) самые, самые, *Два главных слова* человеческого языка, отражающие то, на чем держится продолжение человеческого рода. У всех народов во всей истории. На них держится Родина (Motherland) и Отечество (Faterland). От них Отцы церкви и Римский Папа. После Бога, который тоже Отец Небесный и Богородицы, которая Матерь Божья, это у людей Святые слова. Были! СЛОВА. И вот теперь «не рекомендованы к употреблению», запрещают. Говорят, что запрет объявлен только в документах, «в письме» и официальных речах. За употребление в частной жизни преследовать не будут. Как за ругательства. То есть на слова отец-мать вводится (только!) цензура. Никого не смутило скандальное совпадение с когда-то всех пугавшим романом О. Хаксли «Новый удивительный мир», где слова отец и мать были ругательными. Да и вся политкорректность — это цензура. Как с ней боролись либеральные общества, как проклинали. И вот, пожалуйста, теперь любят. Но если нельзя, цензура на слова отец и мать, то тем более нельзя говорить: ребенок. Ведь это (р)ебенок. Некорректно и «сын». Усы, усыны — это ответвления от корня. Многие растения размножаются усами, усы-нами. Нельзя говорить и «дочь». Дщерь, дчерь. Многие растения размножаются черенками. Усы продолжают, а черенки отрываются от корня, их переносят в другое место. Как происходи(ло)т

в браках. Мужчина, женщина, отец, мать, ребенок — все это теперь неприличные слова. Продолжать жить — нецензурно. Вот действительно, «конец истории». Не просто культурной, а собственно человеческой. Но никто не ахнул, гром не грянул, здания Европарламента и Госдепа почему-то остаются невредимыми. Так называемая мировая общественность не видит здесь даже проблемы. Значит, инстинкт самосохранения этой цивилизацией уже утрачен. Значит, ее действительно надо «закрывать». Вернее, она сама за(на)кроется чем-то, связанным с материнством. И пусть идет на что-то, связанное с отцовством.

Строятся общие, не разбирающие полов раздевалки в спорткомплексах и бассейнах. Общие бани, входные тамбуры в туалетные комнаты. Гляди того, всех посадят в один ряд. Наши обезьяны стремятся к тому же. Так «по-европейски». Был тут в «Высшей школе экономики», зашел по надобности, буквами вроде не ошибся, а оказался в общем холле, идем, улыбаясь, с девицами и только в последний момент — разделение. «По кабинным блокам». Вульгарно, пошло, зато (и потому) прогрессивно. Ликвидация пола, жизни, таким образом, закрепляется материально и правовой регламентацией. Показывать, тем более подчеркивать его/их, как и свою национальную принадлежность, уже не принято. Таковы требования толерантной политкорректности как языковой энтропии, отражающей энтропию реальности. Однако, чтобы убедиться во всем этом по-настоящему, надо жить в Евроамерике.

Единственное гуманное следствие происходящей биокультурной мутации: утихнут страдания феминисток, так как заодно с человеком человечество избавится от антропоцентризма, ядром которого всегда был «фаллоцентризм». Без центра — гендер.

Постчеловек будет бесполым!

Хочу в... Нет, ***не хочу.***

* * *

Говорят и пишут о засилье секса в культуре. Вместо любви. Когда-то был фильм «Раба любви», а потом «Рабыня секса». Символично, но поверхностно. Секс процветает прежде всего на экранах, а не в жизни, не говоря уже о любви, которой не стало и на экранах. 20 % американских мужчин — импотенты. На втором месте после «прокладок» реклама озабочена впариванием эректильных стимуляторов. Как будто химически поднятая и прикрепленная палка поднимает либидо, доставляя удовольствие, и решет какие-то проблемы. Тем более она не решает проблемы оплодотворения. Поэтому не зря, все больше и больше супружеских пар, которые не могут произвести на свет ребенка. Хотя хотят. О «стране вос-

ходящего солнца», Японии, журналисты теперь пишут как о «стране заходящего секса». А Япония — образец прогрессивного технического общества, которому все завидуют и к которому все стремятся как к идеалу. «Антропологическая Фукусима». Те же процессы в Финляндии (страна мобильников и компьютеров) где соцопросы показывают, что более 50 % (большинство!) взрослых здоровых людей уже не испытывают сексуальных желаний. Что испытывают они вместо этого? Ведь любовь — цветение бытия. Бес-цветные, у-вялые или активно мертвые. Ну, и кем в таком случае надо считать людей, особенно всяких теоретиков, по уровню понимания ими вещей? Процессов? Своего положения? Это уровень домашних, хотя ученых, вернее, особенно ученых — куриц. Ко-ко-ко — я снесла новацию, дайте корму, снесу еще — и нечего больше. Вот ве(ко)нец их мышления. В лучшем случае мы вступаем в эпоху онанопорнографии. И... сексуальная революция превращается в порнографическую. Все это очень серьезно. Даже печально. ***Трагично.***

Любовь = влечение + дух: это — одухотворенная чувственность. Но что происходит, когда дух сжимается до «знательности», превращается в интеллект и информацию? Любовь трансформируется в «интерес». В подглядывание (философы и ученые всегда «подглядывали» за природой). Отсюда формула современности: интеллект + влечение = порнография. В силу обессиливания тела она становится все более изощренной. В силу интеллектуализации духа она становится все более смысловой.

Что такое порнография? Это не голое состояние или половой акт сам по себе. В бане, больнице, супружеской постели порнографии нет. Это половой акт сознания, духовное совокупление вместо физического. Секс не на деле, а в фантазии. В небольших дозах полезен, ибо человек существо с воображением, а как норма общественной жизни — яд, убивающий действительные сексуальные способности. Порнография — пятая колонна импотенции в ст/р/ане любви.

Порнография — это секс и любовь в техногенном мире. И.о. любви у и.о. человека.

* * *

По мере того, как детские игры становятся все более интеллектуальными, компьютерными (задачи, головоломки, знаменитый когда-то кубик Рубика, гонять шайбу световым лучом по экрану, охотиться в видеозале), т.е. становятся «игрой ума», взрослые теряют способность к игре вообще, даже в сознании. Всякая живая игра опирается на двусмысленность, вытекающую из чувственной природы человека. Подавляя эту природу, они становятся мертво-серьезными, «деловыми». И в сущности, бесталанными.

Ведь для таланта нужна anima allegro — играющая душа. Или страдают: депрессии, потеря интереса к жизни. В последнее время психологи толкуют о необходимости обучения детей игре. Предметной, не виртуальной. Даже простейшим формам. Сами, спонтанно, они больше играть не могут. Потом — жить не могут.

Дети не должны испытывать ни малейших неудобств. Памперсы. При мытье они не должны огорчаться. Специальные шампуни. А чтобы не ушиблись — не ползать. Манеж. Скоро им и ходить не будут давать: сидячие коляски чуть не до 3-х лет.

Дети не должны плакать и напрягаться. Но ведь плач — это детская форма выражения чувства неудовольствия. Дети не должны чувствовать? Или — «только радость»? Но так не бывает. Не удивительно, что став взрослыми, они все хуже переносят неприятности, «не держат удар». Духовная слабость как следствие физического комфорта. Слабость как следствие комфорта вообще. Комфорт — вот главная цель нынешнего человека.

Отдадим все свои силы на достижение слабости!

* * *

Уничтожение свободного времени — его организация и институализация. Свободное время — это время свободы. Институализация времени — борьба цивилизации с жизнью и индивидуальностью. Раньше подростки «убегали в Америку», взрослые этого опасались, потом стали опасаться влияния улицы, потом ругать двор, сейчас подъезд. Дети уже в квартире. И опять убегают в Америку, правда, не отрываясь от стула.

Люди все чаще ведут сидячий образ жизни. Формируется «культура сидящих». Или «сидячая культура». Это на XXI век. В следующем веке многие будут работать полулежа или вообще лежать. Также можно играть, «заниматься спортом» — у компьютера, в виртуальной реальности — не вставая с дивана. Это «лежачая культура». Расхожая фраза «сидеть у телевизора», по-видимому, заменится на «лежать у телевизора», точнее, у компьютера, уже в следующем поколении. И, кстати, чего уж тогда говорить о любви и сексе, если все будут — «лежащие».

Были действительными, становимся возможными. ***/Им/потенциализация бытия.***

* * *

Есть очень умные, самостоятельно мыслящие молодые люди. Особенно среди студентов. Всегда умны и все знают аспиранты.

Подумаешь, говорю я. Это еще не свидетельство таланта. В 17 лет и черт красив.

А вот защитить докторскую диссертацию и сохранить собственный взгляд на вещи, стать профессором и не стать тупицей — это трудно. Особенно в философии.

Когда человек все время читает и пишет, у него поневоле развивается «библиотечный взгляд на мир». Интеллигентская идеология. Да еще учат жить, выступая в роли экспертов в политике или экономике. Несут ахинею. Всегда критическую. Потому что, в отличие от людей дела и настоящих руководителей — безответственные. Кому-то так можно, но для творческой натуры убийственно. И вот рецепт спасения: больше пить (чай?) да гулять (в парке?). И никогда не выступать (по телевидению!).

* * *

Долгая разлука. Ждут, терпят, выносят, остается совсем немного — и вдруг, срыв, измена, побег — все прахом. Удивление. А удивляться, может быть, нечему. Падение на финише типичнее, чем на старте или даже на середине дистанции. Не хватило душевных сил. «Энергетики», как принято говорить в эпоху тотального сциентизма.

Проблема одиночества человека — это проблема его ненужности, невостребованности другим человеком. Он «не прорвался» к нему сквозь скорлупу социальности и мышления, через экран виртуального (не)общения. ***Добровольно одинокие люди — это люди, неспособные к любв***и.

Наиболее развитое воображение у людей одиноких. Заменяя реальные связи и контакты, оно у них много работает, церебрализация жизни ведет к росту одиночества. Будущее за одинокими? Ответ зависит от того, что понимать под одиночеством. Если как отсутствие лично-интимных, опирающихся на чувство отношений, то конечно, ибо способность чувствовать умаляется. Рационального же взаимодействия будет все больше и больше, вплоть до «растворения сознания». Таков итог движения мира в постчеловеческое состояние: к одиночеству без уединения. А потом — к отсутствию одиночества из-за потери индивидуальности. Научились жить одинокими. Много уже таких. Научимся жить и мертвыми. Таких тоже немало.

«Любовь или свобода» — так называлась одна из книг французских сюрреалистов в начале века. Очень глубокое это «или». Полностью свободный человек не может любить. Это не совместимые состояния души. В лучшем случае — секс. Торжество «открытого общества» это подтверждает.

Свобода — вот Знамя, под которым человечество движется по пути отрицающего его технототалитаризма.

Mortido

Часы тикают для каждого, для молодого и для старого. Жизнь может оборваться и в 10, и в 70 лет. Но у молодого это часы случайности, а у старого — необходимости.

Человек наиболее эгоистичен в молодости. В это время его самость проявляется ярче всего — как индивидуальность и честолюбие. Он хочет переделать мир по своей мерке или, по крайней мере, объявить ему о своем существовании. В старости он становится объективистом, иногда даже альтруистом и гораздо чаще готов сказать, что другие могут быть лучше его. «Я» человека, приближаясь к исчезновению, постепенно смиряется. Перестав участвовать в гонке, он стоит на обочине движения, сначала одной ногой (до пенсии), а потом — двумя. Такова одна из причин старческой мудрости и благожелательности. Неучастие. «Выбыл из игры».

Когда говорят, что старит не работа, а забота, это значит, что старит мысль, опасающаяся будущего. Если в настоящем хорошо, то превалирующая мысль о будущем — опасения. Если в настоящем плохо, то превалирующая мысль о будущем — надежды. Быть беззаботным — это жить «здесь и теперь», чувствами, а не сознанием, которое всегда в прошлом или будущем. Думать о будущем — значит заботиться. Человек молод, пока живет чувствами — пока глуп. Сколько чувства (не путать с «нервами»), столько и молодости, сколько ума, столько и старости. ***Сохранить энергию заблуждения*** — вот главное условие продолжения молодости.

Выходя из определенного возраста, человек живет им по памяти. Взрослый помнит о проблемах своей юности, старик о противоречиях зрелости. Эта память позволяет понимать новые поколения, вообще жизнь. Если же «жизни не было», то к старости это невыносимый педант и моралист. Но бывает педантизм от противного, от того, что раньше жил как хотелось, а теперь не может, но он опять хочет, чтобы все жили, как ему хочется.

Скорее состариться никто не хочет — сознательно. А бессознательно многие к этому стремятся. Они боятся соблазнов и искушений молодости, устают от напряжения, возникающего в силу необходимости удерживать единство своих противоположностей. Старость сулит смягчение душевной напряженности и снятие противоречия вообще — впадение в консерватизм и порядок. ***Бес***-покойство (молодость). ***Ус***-покоение (зрелость). С-***покой*** (старость). Покой-***ник*** (финиш). Таково содержание mortido — влечения к смерти.

Рецепт сохранения молодости: надо смотреться в затемненное зеркало. И чем старше, тем зеркало должно быть темнее. Когда умрете — его закроют совсем. Чтобы покойник не умножался. Смерть — черное зеркало нашей жизни.

* * *

Жизнь мысли — познание.

Жизнь тела — влечение.

Жизнь души — любовь.

Как «Мы» живем?

Иссыхание души, бесплодие тела и расцвет умственной деятельности. Это — техногенный человек. Компьютерный человек. Мультипликационный человек. Интернет - человек. Он почти не любит, судорожно эксплуатирует остатки сексуальности и все время «познает». В отношениях друг с другом следует принципу полезности, все продавая и покупая. Homo ratio. Homo economicus. Больная машина. Бедная больная машина. Скоро ли уж станешь здоровой? И умрешь. ***Родишься. Роботом!***

Реквием по человеку

Взрыв эротики, порнографии, вообще «сексуальная революция», выражающаяся в основном в сексуальной мифологии — это последние патроны (или лучше сказать «пистоны») жизни в борьбе с обесчувствливанием человека. Более тонкие формы воздействия до него «не доходят». Аура любви истончается как озоновый слой. Жизнь выдвинула резервы своего главного командования: идет прямая материальная и духовная эксплуатация гениталий. Но и они, окруженные со всех сторон техникой, в том числе «техникой любви», теряют стойкость. И все чаще терпят поражение: импотенция, перверсии, распространение эректоров, вибраторов и т.д.

Ницше говорил: «Нам надоел человек» и хотел заменить это слабеющее больное существо сверхчеловеком. Бестией. Сильным и дерзким зверем. Увы! «Нам надоел человек» устами своих бесчисленных идеологов говорит современная цивилизация и хочет заменить его зомбиоидами (для начала). А пока — переходный период: ***мы имеем дело с все более слабым раствором человека.*** Таково большинство известных мне людей. В их числе и самый близкий мой знакомый — Я.

Сначала остерегались, а теперь во весь голос говорят о трансгуманизме, гуманологии и персонологии. Естественно, что возникли они на Западе, первым бегущим к пропасти ничто. Но вот и у нас появилась орга-

низация «Российское трансгуманистическое движение», в котором все больше участников и у которого все больше пропагандистов. Это теперь передовой отряд философской антропологии. Антропологии или антропофагии? Трансгуманный человек, а правильнее надо говорить трансантропологический, трансг*о*манный, трансгенный человек. Человек или постчеловек? Смерть человека! И об этом они пишут открыто. Вместо людей будут н*е*люди. От проектов улучшения человека перешли к его отрицанию. **Людоделы стали людоедами.** (Само)убийцы среди нас! «Творческое исчезновение» — выдумывает М. Эпштейн, чтобы обмануть себя и других насчет сути процесса. «Российское движение убийц и самоубийц» — таков правильный перевод названия этой прогрессивной организации. Но это если думать. А ***думать не будут***. У общества возникает потребность в активном и фундаментальном поглупении. Чтобы не понимать, что происходит. Особенно среди теоретиков — ученых баранов. ***Смерть через процветание.***

А началось все с овцы.

Моя биоэтика.

Если бы у человечества еще сохранялась воля к жизни, если бы оно шло по пути Libido, а не Mortido, если бы, наконец, оно действительно верило в Бога, то овцу Долли, первое клонированное животное, надо бы вывести на площадь и вместе с ее создателем, «отцом-творцом» — обоих! Сжечь! Публично. При массовом стечении народа. Так поступать и далее со всеми генными манипуляторами и «легоконструкторами» постчеловека, прочими идеологами трансгомонизма. И нисколько не обращать внимания на крокодиловы слезы разных псевдодемократов и прогрессивных лицемеров, так называемых правозащитников, на деле ставших защитниками технототалитаризма, которые спокойно слушают и даже приветствуют рассуждения о необходимости нанесения бомбовых ударов по тем или иным «нехорошим» странам. Не боятся десятков тысяч возможных убийств. Немаловажно, походя добавляют они, что в результате таких акций повысятся/понизятся цены на нефть. А тут! Закрыть дорогу преступной игре (с) жизнью, в сравнении с которой, по объективным последствиям, деяния фашистских врачей во вторую мировую войну — детский лепет. Что там говорили о «евгенике» как улучшении породы человека. Генные инженеры теперь изобретают киборганических химер, монстров, которые будут

«совершеннее» человека вообще. Родового. Как такового! Потом опять «совершеннее», каждый год «совершеннее» как новые модели телевизоров или компьютеров. Надо (бы) не отделываться бумажными декларациями о «приостановке» такого рода экспериментов, хотя бы, например, по клонированию, т.е. по отмене полового размножения людей, а категорически запрещать их. Преследовать за них. (Или, проявите минимум последовательности — реабилитируйте осужденных в Нюрнберге врачей-преступников). Но для этого должно быть действительное осознание глубины опасности, нависшей над человеческим родом, решимость противостоять ей. Тут нужен не болтун и не безответственные политиканы, а ***Спаситель***. Мессия! Наверное, в дыму и пламени. Где Он?![1]

[1] Для тех, кто больше не выдерживает «этой иронии» и «нагнетания пессимизма», опять напоминаем, что философия мыслит принципами, что желая понять явление по сути, надо смотреть на него радикально. И что пессимизм с оптимизмом категории оценочные. А главное, принимать за один раз не более 10 стр. текста. И терпение – финал будет умиротворяющим.

АНСАМБЛЬ ОТНОШЕНИЙ

Каждый имеет право на место в песочнице,
пока не выбрасывает из нее песок.

Естественное поведение человека в обществе — это его неестественное поведение. Социальное. Опасность — понятие социологии. В культуре ее называют ответственностью. Страх — понятие психологии. В культуре это трусость. Влечение — понятие физиологии. В культуре оно — любовь.

Культура существует благодаря и вопреки природе.

* * *

Развитие общества идет через борьбу людей за иллюзорные цели. Этой «энергией заблуждения» должен обладать любой человек дела, в особенности политик. Для философа достаточно истины и понимания. Но это не обязательно «тоскливое всепонимание» и толерантное безразличие.

Begraifen ist beherrschen.

* * *

Весь мир театр, писал Шекспир в XVI веке. Теперь надо обязательно добавлять: Абсурда. Абсурдистское искусство XX века возникло, конечно, не случайно. Аб-сурд, в буквальном переводе означает «не слышу», то есть «не понимаю». Когда мы глухие не на уши, а на души.

Гласностью называется состояние общества, когда все кричат. И крик каждого — это глас вопиющего в пустыне. Говоря по-другому, стоит чудовищный информационный шум и передать или принять нужный сигнал так же трудно, как если бы его не было. «Internet». Многообразие точек зрения, плюрализм: каждый понимает в меру своего непонимания.

Экскурсоводы и школьные учителя — главные источники лжи о прошлом. Место, где его искажают наиболее профессионально. Это опошленная, идеологизированная история. История для масс. Массистория как элемент масскультуры. Как же было все «на самом деле»? Кому как нравится сейчас. Прошлое — заложник настоящего, а победитель получает все, в том числе и право (пере)писать историю. Например, советскую — новым классом буржуазии. «Новые русские» как симулякр (копия без оригинала) старой русской и «органической» западной буржуазии. (Ее/их) интерес перешибает хребет любой логике и морали.

* * *

Честность политика и откровенность дипломата свидетельство профессиональной непригодности. Однако ***настоящий политик никогда не лицемерит.*** Он лжет искренне и убежденно. Смутившийся, покрасневший

от стыда политик — самая нелепая картина, которую только можно представить. Он сохраняет вид победителя при любом обороте дела. Он должен обещать лучшее будущее, хотя бы возглавлял светопреставление.

Сейчас, к счастью, государственные отношения уже не портятся из-за носа Клеопатры и алмазных подвесок. Любовь и чувства утратили свою прежнюю роль в истории. Она, к сожалению, обесчеловечивается.

Новые цели общественного развития легче всего воспринимают поверхностные люди. Дилетанты. Они и составляют основную силу любых перемен. А побуждают к ним — фанатики.

Фанатики общественной жизни — неудачники жизни личной, собственной. Состоявшийся человек не может быть фанатиком. Он — обыватель. Он — «уже». А для перемен нужны — «еще».

Части-цы жизни: нет-еще-да-уже.

* * *

Социальная жизнь стала «сверхсложной». И любая случайность, даже опоздание автобуса, запускает целую цепь нарушений планов и намерений человека. Особенно трудно привыкнуть ***к стечению*** таких случайностей и нелепым совпадениям событий. Для многих это стечение кажется каким-то «судьбоносным», роковым. Но его не надо сакрализировать. Это не личное счастье или вина человека. Это нелинейность современных социальных систем. Их связи настолько запутаны, а при моральной оценке можно сказать — коварны, что люди должны быть готовы жить под девизом: наше дело правое — мы проиграем.

Конечную цель познания видят в прогнозе, предсказании хода событий. Чтобы успеть вмешаться, принять меры. Этому придается решающее значение и отсутствием своевременного предвидения объясняют чуть ли не все проблемы. На самом деле оно играет гораздо меньшую роль. Почти минимальную. Никакому прогнозу не внимают, пока в обществе не обнаружится потребность или массовый интерес к обсуждаемым процессам или явлениям. До этого про них просто не хотят слушать, каким бы грозным предвидение не было. Его не замечают. ***Кассандра — вот реальная общественная роль философа, политолога и прочих гадалок цивилизации.*** Практически бесполезная. В этом же одна из причин, что из истории не извлекают уроков.

* * *

В хаосе политических речей, деклараций и заявлений то и дело слышны высказывания о «веере возможностей», «праве на выбор», «альтернативах развития», которые упустили оппоненты. А любой свой поступок — и чем сомнительнее, тем чаще — объявляют «единственно возможным»,

безальтернативным (см. оправдания, которые были в связи с роспуском Советского Союза). И прячутся от ответственности за фатализм. О жалкие, о мелкие твари! Что человек — марионетка истории, я был уверен давно. Так было всегда (см. Гегель). Ново и обидно для меня то, что оказывается, это безнадежно самонадеянная марионетка. Она ничему не учится.

Глядя на историю России, хотя бы последних лет, теоретикам, политикам, философам, которые продолжают утверждать, что человек свободен и сам выбирает направление развития, мне хочется дать в морду. Больше того, надо бы давать в морду и тем, кто считает его разумным, sapiensom. Какой тут разум, когда хочется дать в морду. Самому себе!

Рыночная идиллия

В период индустриализации нашей страны был выброшен лозунг: «Техника решает все». Потом он сменился на «Кадры решают все». Наконец, энергия революционной эпохи кончилась, и мы вернулись к общему принципу современной жизни: «Деньги решают все». Они аккумулируют и переносят социальную энергию, вырабатываемую в результате поляризации людей на бедных и богатых. Если общество хочет стать богатым, оно должно решиться стать бедным.

Сбросив с себя оковы социалистической добродетели, искусство России совершило ликующий танец вседозволенности. Освобождение от запретов всколыхнуло творческую энергию и привело к опустошительному взрыву. Если через 5 минут после начала киносеанса на экране никого не убили и не раздели, фильм провалился. Взрываются наши души. Горе художникам, кто их еще имеет. Они чужие на коммерческо-технологическом пиру, этом празднике победы над духовностью и гуманизмом.

* * *

Экономическое общество. Потребительское общество: *бизнес сорвался с цепи культуры*. И все стало товаром. С этой точки зрения все и оценивается. Дети? Это «долговременное потребительское благо». Человеческие мысли — «интеллектуальная собственность». Его чувства — «затраты энергии». Он не учится, не воспитывается. И даже не получает образование. Он «пользуется образовательными услугами». Образование перестало быть фактором культуры и становится фактом экономики. Образовательной услугой. Для этого его реформируют. Студенты теперь клиенты. Стуенты. Как их воспитывать — ведь клиент всегда прав? Все педагогические смыслы рушатся. Это конец педагогики. Поэтому пре-

подаватели — даватели. За это — братели. «Эй, брательник!» — пора окликать друг друга. Даже покойники должны платить за свое место, иначе их с кладбища выбрасывают. Все должно приносить прибыль. Осуждают проституцию и коррупцию. А зря. Это рынок, доведенный до своего логического конца. Правда, последовательные либералы и не осуждают, а стремятся узаконить. Чтобы с проституток собирать налоги, а чиновникам отчислять % как чаевые. По(д)считано, что средний американец стоит 250 тысяч долларов. А мы, несчастные, да если еще «не средние»? Девиз времени: быть — это потреблять. Потребители-истребители. ***Потреблятели.***

Рыночная идиллия: стоят продавцы счастья, с мешками и сумками, оптом и в розницу.

Взвесьте мне килограмм красоты, сто граммов добра, помягче, который, кусочек правды и налейте стакан веры. Или лучше коктейль: добавьте туда надежды. В дорогу, пожалуйста, бутерброд с любовью.

Вот тогда я бы стал рыночником. А раз нет — увольте: за рынок(предметов), но не рыночник(духа).

В человеческом организме роль экономики выполняет желудок. В нем вырабатывается энергия для жизни. Для других органов и сфер деятельности. Также должно быть в обществе. Когда экономика служит культуре, искусству, любви и красоте. В них тратится все заработанное. Современная экономика становится глобальной. От культуры и искусства, от самой жизни требуется прибыль. Они тоже должны «зарабатывать». Как если бы в желудок превратился весь организм. Человек как «желудок в панаме».

Для чего живет человек? Устаревший вопрос закрытых, традиционных, идеологических обществ. Открытое потребительское общество никаких высоких целей не предполагает. Оно безбожное и безыдейное. Чтобы ни святых, ни героев, ни служения, ни самопожертвования. Юноши — мажоры, девушки — стервы. Только «самореализация». С комфортом. Идеалы мещанства, которые так проклинали все люди культуры 18–19 веков, от романтиков, писателей, поэтов, правых и аристократов (Ницше, К. Леонтьев), до левых и социалистов (В. Маяковский, М. Горький) стали идеалами всей цивилизации. Вернее, так: культура — это когда были идеалы, цивилизация — это когда их нет. О чем заявляют в официальных программных посланиях ее президенты и теоретики. Комфорт! Все по(с)мешались на комфорте. Главное в жизни, чтобы передвигаться от стола к унитазам с максимальным удобством. Комфортно, если по-русски, удобно. Удобно, когда минимум или вообще не надо делать усилий. Самое

близкое к этому состояние, когда человек лежит. Спит. Таков теперь идеал человечества. Пологий. Горизонтальный. Впрочем, один высокий идеал как будто остается. Свобода. Чтобы свободно = (!) безопасно передвигаться с максимальным удобством от стола к унитазам. Ради полной самореализации. Таково теперь наше Summum bonum (высшее благо)! Торжествуют идеалы средних = мещанских (людей и классов). Общество торжествующей пошлости.

Путешествуя из Петербурга в Москву на скоростном поезде «Сапсан» и пролетая на нем станцию «Дно», А.Н. Радищев записал о потребительском обществе: «Звери алчные, піявицы ненастные! Что душе своей мы оставляем? Воздух, один только воздух». Он не знал об экологических проблемах загрязнения воздуха. Вот так в реальности осуществляются великие проекты утопистов, начиная от «Города солнца» Т. Кампанеллы до коммунизма К. Маркса: лопающееся от богатства и технических усовершенствований гламурно-гниющее общество, члены которого не работают, а «зарабатывают деньги», чтобы получив их, на них развлекать-ся. И всем всего не хватает. В нашей квартире (трехкомнатной «брежневке») оказалось 12 штук, идущих (все вразнобой) часов: механические, электрические, настольные, настенные, в шкафу, в прихожей. Это помимо ручных, в мобильниках и компьютере. Много часов — поэтому все время нет времени.

(Ин)-новационное общество. Мы производим не продукцию, а прогресс — так заявляют передовые американские фирмы. Целью деятельности становится непрерывное изобретение чего-то небывалого, нового. Потом нового нового. И опять нового. Бегут, наращивают скорость, чтобы прибежать туда, откуда тут же надо убежать. Прогресс ради прогресса. Но это не прогресс, а прогрессизм. Или трансгресс. Потенциализм. Становление как самоцель. Без бытия. Что и воспевают, к чему стремятся. ***Исчезнуть — такова, по сути деятельности, новая глобальная цель человечества.*** Кто против нее — враги прогресса, технофобы, фундаменталисты и, показывая пальцем на опаснейший пережиток прошлого, гуманисты. Да и просто — живые люди. Человек больше не хочет быть человеком. «Скользит к антропологической границе», говорит С. Хоружий. А следует сказать определеннее: в-падает к Иному. Я, (пока «здесь и живой»), говорю: увольте, за прогресс (подчиненный сохранению человека, его бытия в вечности), но не прогрессор (против превращения человека в материал вечного движения). «Изменяясь, оставаться собой», как призывает реклама фирмы O'stin, которая, редкий случай, оказалась, умной. Другими словами, за «устойчивое развитие» = *за человеческое развитие,* если его понимать,

не извращая. За авангард, но «архео», за те научные теории и достижения, которые оставляют место «нашей» форме бытия.

Потребительское общество — это рай, в котором живут дьяволы. (Сильно сказано, правильнее, зомби). При том не страшные, а довольные, которые не знают, что как люди они умерли. Не только духовно, «по содержанию», а буквально. Демографически. Западные общества тоже «минусуют», рождается людей меньше, чем умирает. Не от нехватки же богатств! От образа жизни, от исповедуемых ими ценностей, прав человека, гендеризма, политкорректности. Значит, вся эта либерально-мещанская идеология несет *ценности смерти.* Которые провозглашаются идеалом для всего остального мира и кто им не следует, объявляются изгоями, врагами демократии и прогресса. Преследуются. Борьба глобализма с консерватизмом и фундаментализмом, особенно мусульманским, это борьба мертвых с живыми, с народами, которые пока смеют рождаться, а не вырождаться. Прод*о*лж*а*ться. Пока.

Тихо! ***Идет эвтаназия!***

* * *

Почему я не завидую богатым? Потому что они лишены сущностной для духовного здоровья потребности человека — в общении. Завидуя им, их не считают за людей, в том смысле, что рассматривают не как собеседника, или товарища, или любовника, а все думают, чтобы у него вы(по)просить. Как его использовать. В глазах других богатый человек лишается человеческого измерения. Он не личность, а «носитель богатства». Не хочу быть только носителем. Во-вторых, за это приходится платить ослаблением творческого начала. Потерей критического отношения к действительности из-за отрыва от того, чем живут люди, основной народ. Даже кратковременное пребывание в привилегированном положении — случается и такое — плохо влияет на мой образ мыслей. Возникает ощущение жизни за стеклом, в аквариуме (террариуме). Скрытое самодовольство. Нет остроты взгляда на мир. Как будто очки запотели. И чувства пошлеют. Так что бог с ним, с богатством. Оно сколько дает, столько и забирает. Дает извне, а отнимает изнутри, особенно у тех, кто его «получил» — украл или от родителей. По большому счету этим людям надо сочувствовать. Они паразиты — без корней, строятся на чужом фундаменте и со второго этажа. По/д/-саженные. Большинство из них делает не то, что хочет. Это значит, живет не своей жизнью. ***Люди с отношениями, но без свойств.***

Почему я не завидую бедным? В это положение человек попадает все-таки из-за слабости Духа. Души. Из-за нереалистического отношения

к миру. Из-за недостатка воли, ума. По болезни. Жизнь своя, но плохая. Бедным надо помогать и сочувствовать. Хотя бы понимать. Ведь все люди разные, бывают и не железные, а если железные, то не все время. Богатство и бедность — это Сцилла и Харибда социальности. Богатство рождает наглость, а нищета — подлость. Провести корабль, не разбив душу о скалу богатства и не утонув в водовороте бедности, это и есть искусство плавания по морю жизни. ***Этому*** завидую.

Слишком рано умирают всегда от «слишком». Распутной или правильной, легкой или тяжелой жизни (души). Не нашли баланса, не удержали равновесия. Падают с каната. У Канта было понятие: метафизическое нездоровье. От него и умирают.

Благо-твори-тельно-(сть)

Труднее всего купить любовь, здоровье, настроение. Все остальные блага — социальны, т.е. продажны.

Деловые, богатые: признают, что есть деньги, но жалуются, что нет времени их тратить. Что тут удивительного. Оно действительно превратилось, ***преобразовалось*** в деньги. И заключено в них. Да еще и упрощают. Им не хватает не только времени. Нет души. «Дело» — съело. Отсюда у некоторых возникает потребность в благотворительности. Это потребность не только в социальном уважении. Это вызов господству денег над собой. Попытка сохранить в себе другое, неденежное измерение жизни, подтвердить, что «я не раб своих денег». Это стремление сохранить душу. Благо-душие. Но таких единицы, а нулей — 1000000.

Япономама!

«Общество спектакля», «засилье брендов», «потребление знаков» — читал, соглашался, но все абстрактно. Пока не сходил в ресторан, подвигнутый рекламой об открытии в Нижнем Новгороде сети ресторанов «Японамама». Чтобы съесть «настоящий обед самурая». И что же: первое по вкусу напоминает отвар соленой трески с плавающей капустой. Закуски, «суши и роллы» — синий рис (потому что без масла), внутри которого кусочки огурца, какого-то моллюска или лосося. Все обернуто в полусъедобную черную кожуру. Но сотни, тысячи людей, тыкая палочками и делая вид, что умеют, что вкусно, сидят в этих ресторанах. Хотя в самой Японии

туристам в ресторане выносят ложку, вилку и они там орудуют ими. Я бы не удивился распространению, кроме русской, ресторанов французской или кавказской кухни. Но японская! Ведь исторически это еда людей с бедных островов. В отличие от народов Средиземноморья, они не строили больших кораблей для ловли «серьезной» рыбы, пробавляясь сбором прибрежной мелочи, моллюсков, водорослей, всяких ракообразных и прочих «морепродуктов». Вроде того, как в лесу, на суше собирали бы и ели паучков, слизняков, мокриц, муравьев и т.д. «Суш*и*» т.е. сырую рыбу или мороженое мясо (строганину) практиковали также аборигены Сибири, чукчи, якуты, иногда и русские питались невареной пищей или солониной, пока не умели или не имели возможности готовить. Были «сыроядцами» как снисходительно называли туземцев люди культуры. Но вот теперь этот низший уровень кулинарии получает статус высшего вкуса. Однако не из соображений здоровья. Это «брендовый перенос» высокого уровня японской техники и производства, особенно автомашин на низкую японскую еду. Это вкус «знаков», моды и симулякров, побеждающих, обманывающих даже такие коренные чувства людей как вкус Что же сетовать на отсутствие у них теоретически самостоятельных взглядов и мыслей, раз они есть и пить самостоятельно не могут.

Кстати: Не самая глупая часть наших правящих кругов и некоторые бизнесмены удивляются: мол, в целом не хуже делаем «Ладу-калину», чем например «Рено», это признают почти все знатоки машин. Но что только ни предпринимаем, как ни привлекаем — не покупают. Тупик какой-то. Да потому что вы ограниченные технократы и не способны понять, что вместо народа воспитали население и целое поколение извне зависимых, духовно повернутых головой на Запад, существ. Так что причина тут не техническая, а социальная. Квас-то, в отличие от Волги или Лады, уж очевидно вкуснее, а главное полезнее кока-колы. Но пьют больше что? Пятилетний мальчик в маршрутке смотрит в окно на поток машин и говорит: «Мама, когда буду большой, я куплю себе «Волгу». Ладно?» «Ладно, сынок. Может чего и получше купишь, заграничную» — говорит мама. Адрес разговора: Нижний Новгород, маршрутное такси № 25 «Автозавод(!) — Щербинки». Такое вот воспитание и все под флагом свободы. Под лозунгами сиюминутного комфорта. Им/вам привези стеклянные бусы — купят, а золото, если оно здешнее — забракуют. А уже если не золото… Кажется, страна («рашка», как подкидывает нужные себе слова пятая колонна) вот-вот лишится своей последней промышленности. И наступит полный комфорт(ец). Все связано, (у)му..ки.

(Хотя в жару!-2010, когда припекло, произошел поворот к квасу. А вместо болтовни о «волонтерах» на тушение пожаров стали призывать «добровольцев». Остается надеяться на клюв жареного петуха. Иногда он приводит в чувство).

* * *

Да есть ли на свете честные и порядочные люди? Кругом одни подлецы!

Вот именно, что ***кругом.*** А в центре восклицания ***Мы.*** Всегда честные и порядочные. Подлецы — всегда другие.

Спорили как-то два борца за правду. Остались при своих убеждениях. Да и как они могли договориться. Ведь один был лизоблюд, а другой блюдолиз. Есть также глупая правда. На юбилее один тостующий стал рассказывать о достоинствах и недостатках, жизненных проколах и промахах виновника торжества. Причем всерьез. Все чувствовали неловкость. Он не понимал, что, правда праздника — ложь. По образованию это был, кажется, математик. Правда (в) жизни — не точность, а адекватность.

Социальный кризис особенно ярко обнаруживает как много в обществе честных и талантливых людей. И как много подлецов и дураков. В разгар борьбы первыми у власти оказываются почему-то вторые. Занимаются популизмом, делают пакости, расставляют ловушки, в которые потом сама власть и попадает. Постепенно это все надоедает и наиболее одиозных личностей «уходят». Мавр сделал свое дело. Но честные и талантливые тоже куда-то исчезают. Или опять оттесняются в оппозицию. Власть приобретает IQ среднего человека. Наконец-то общество может вздохнуть спокойно. Кризис миновал.

Чтобы выжить в определенной системе отношений, надо перестать быть личностью. Есть виды деятельности, особенно в «аппарате», в «журналистике», в «коммерции», где вы ***обязаны*** потерять чувство собственного достоинства. Это условие профессиональной пригодности и отслеживается при тестировании. В некоторых случаях надо перестать быть человеком вообще. Тем более «настоящим мужчиной» как носителем чести, смелости и мужества. ***Не требуется.*** Их и нет.

Либо ты человек, либо ты преуспел. Стал у(по)-спешным.

Спешить — это суетиться. Унижение человеческого достоинства или если человеку угрожает опасность.

Все спешат.

ПиСи. В «процветающем обществе деградирующих личностей» (Ж. Бодрийар) распространяется, начиная с Америки, феномен «политической корректности» (political correctness). Это, когда приоритет отдается всяческим меньшинствам — национальным, сексуальным,

религиозным, криминальным. А также неграм (виноват, афроамериканцам), старикам (виноват, людям другого возраста), женщинам (виноват, «не называйте меня женщиной»). То есть всем, кроме и в пику WASP (белым, англосаксам, протестантам), чему-либо мужскому и сильному. Обрезают. Выравнивают. «Мужчина должен быть мужчиной, женщина должна быть женщиной» — так говорят отсталые консерваторы. «Все должно быть всем» — говорит прогресс. А рождение детей? Пусть женщины, в порядке исключения, некоторые, иногда, незаметно для себя, не показывая другим, рожают. Без всякой связи с остальными, необходимыми для материнства особенностями, которых не будет, с (пост)семейными ценностями, которые культивируют. Или пусть все (не)рожают. «Человек должен быть человеком» — упорствуют консерваторы. Нет. «Все должно быть всем» — стоят на (не)своем передовые технократы. Человек всем, это — кем? Вроде как задумываются. Но не надолго. Смешение полов, национальностей, рас, возрастов, «человеческого фактора», техники. Ничего не важно. Всем — это никем. ***Конец идентичности.***

В то же время все хотят чего-то нового, оригинального. Все хотят чего-то необычного, фальшивого. «Симулякров». Кошмар, который пред-видел и он его преследовал, еще Ницше. Искусственные квоты, административные привилегии, дискредитирующая пропаганда. «Бить по штабам», по центру — первое условие деконструкции природогенных атрибутов человека. Перевернуть естественные оппозиции — второе. Тогда все распадается. Отсюда борьба с тео-этно-фоно-фалло-лого(с)центризмом (Ж. Деррида). Зачем и кто это делает? Великий Никто. Хаотизация сознания — это необходимый базисный этап самоотрицания человека, его снятия техникой и технологией. Расчистка места. Удар направляется в сердце, через пи-си, по ценностям, которые без иерархии бессмысленны. ***Мультикультурализм.***

* * *

В древности по улицам восточного города бежал гонец и кричал: Пади, пади! Дорогу слонам султана! В феодальной Европе по улицам скакали всадники и кричали: На колени, на колени! Дорогу карете короля! В социалистическом Советском Союзе по улицам носились машины с мигалками и гаишники в мегафон орали: к обочине, к обочине! Прекратить движение. Дорогу для колонны (правящих бюрократов). При демократии, с мигалками, уже не орут, все сами прижимаются, а «большие люди», презрев земной муравейник, летают по воздуху на личных самолетах. Кто еще тут сомневается в социальном прогрессе?

* * *

Раньше русская интеллигенция все народ жалела. Была жертвенной. А теперь все себя. И жалеет, и воспевает, и денежек больше хочет. Жертву требует! и лжет почем зря. «Творчески». Одним словом — ....ты. Творгенция. Но творчество, оторванное от жизни — ядовито. Истекают иронией, мелкой злобой, фобиями. Особенно к своей стране. Сами и отравляют других. Плясуны. А в конце концов придет расплата и ее/их опять принесут в жертву. Сам(у)их. Без разбора. Вот о чем нам надо беспокоиться.

Индивидуализм — это социальный онанизм. Онанизм это самодостаточность, независимость и свобода, доведенные до своего логического конца. «Я сам(а)». Идеал открытого, т.е. атомарно-утилитарного, т.е. либерального общества.

Американский образ жизни: по ценностям — здоровье, индивидуальность, политкорректность, технологизм; по результатам — ожирение, стандартизация, феминизация, дебилизм.

У нас больные души. На Западе — продуктивное бездушие. Задача нашей реставрации: вырвать стершиеся зубы христианско-русско-советско-социалистической духовности и заменить их вставными (и стальными) челюстями европейско-американского рационализма. Долой культуру. Да здравствует цивилизация!

* * *

Свобода противоположна рациональности. Как не сводится она и к познанию необходимости. Значит наиболее рационализированное общество наименее свободно. Это — Запад. К/р/ичащие-ся о свобод/е/-ой — рабы. Только в безличной форме. Их хозяева — вещи, их господа — отношения. Парадокс: прогресс в движении человека от необходимости к свободе упирается в стену необходимости. Только новой. От необходимостей природы через разные степени свободы в культуре к необходимостям технологии. Завершение цикла.

Основной вопрос социальности — противоречие между равенством и свободой. Разрешается в «третьем члене» — братстве, любви, солидарности. Но для общества иметь такой член — утопия. Он несостоятельный. Сколько было попыток. И сколько раз падал. Или иметь только временно, в революционные, героические моменты. А потом сон.

Прослыть честным и бескорыстным человеком в эпоху, когда все продается, — это безнравственно. И для карьеры — не лучшая рекомендация. Быть добрым становится неприлично. А не слишком ли я забочусь о чем-то и о ком-то? Хлопочу. Вроде нехорошо, перебор, смутное беспокойство из-за выпадения из своего времени. Надо подумать, как бы представить, что мне это

нужно, полезно. И перед собой, и перед другими. Тогда все понятно, тогда ты вписался в рыночное общество с его сознанием «ты мне, я тебе». Придумал! Пришел в норму. Доволен. Вот теперь я не какой-то там «добрый», а вполне цивилизованный рациональный человек, живущий под девизом: «быть честным (добрым) — выгодно». Ну, слава Богу, соответствую.

* * *

Был в роскошной бане-сауне. Для «больших людей». Разные варианты температуры, лежанки индивидуальные, мраморные, с подогревом. Зеркала. Простор. Но ощущения, что это баня — не было. Ни на месте, ни потом. Скорее, то ли как на заседании, то ли на презентации. Потом обожрались. Ну их, такую роскошь. Больше не пошел. Все это для фальшивых людей.

Когда роскошно, почти всегда скучно. Скушно. Роскушная жизнь. Ро-скушенная жизнь. Уже, не говоря о том, что она антиэкологична и значит — безнравственна.

Говорят, что баня — единственное место, где все равны. Увы, это тоже не так. Бани-то разные. Места, где все равны, на земле нет. Люди не хотят быть равными даже в смерти. Умереть «с выгодой», по первому классу, лежать в полузакрытом лакированном гробу и попасть на лучшее кладбище — последняя жизненная цель потребителя. Его ***Последняя Покупка***.

* * *

Искусствоведческие статьи, литературная критика, рассуждения публицистов, вообще интеллигенции — как мало искренности, порядочности, заботы о реальных делах и людях, переживания за страну — и как много выпендрежа, оригинальничания, погони за остроумным заголовком и сенсацией, прожектерства и надуманности. Все время выё...ваются. И все под аккомпанемент разговоров об особой роли интеллигенции в обществе и об интеллигентности как высшем качестве человека. Может, эта роль и особая, но лучшая ли? Может, эта интеллигентность уже ядовита? Вопрос оставлю без ответа, так как ни один пишущий не без греха. А я пишу.

* * *

Статистика показывает, что у журналистов довольно низкая продолжительность жизни. Чуть ли не как у шахтеров. Часто гадают — от чего? При этом забывают важнейший фактор — слишком уж много приходится лгать. Этим напрягаются. Им бы надо платить за вредность, хотя быть может, им вообще за нее только и платят. А ведь еще недавно была уважаемая профессия, но... рынок. Торговать взглядами, как и любовью — труд одинаковый, легкий, но грязный. Потому — тяжелый. Несправедливо их презирают, что «продались и служат капиталу». Они теперь сами капитал-исты. Это новая

информационная буржуазия. Но несправедливо сказать, что все. Там тоже есть честные и бестолковые — низший класс. Информационные маргиналы, бомжи, трудящиеся. Люди с совестью.

* * *

Человек, совсем не считающийся с общепринятыми нормами поведения опасен и достоин наказания. Он преступен и асоциален. Считающийся со всеми общепризнанными нормами поведения жалок и достоин презрения. Он труслив и аиндивидуален.

Благополучие и порядок — это благо, к которому стремятся люди. Кризис общественных учреждений расценивается как зло. Однако многие рады кризису, так как появляется больше свободы для реализации тех потребностей, которые в обычное время они подавляют. Ведь каждый человек существо не только общественное, но и антиобщественное. В период общего кризиса легче переносить личные неурядицы. ***Кризис — праздник недовольных и недовольной части души благополучных.***

* * *

В XIX веке спорили, кто творит историю: личности или массы. Герои или толпа. Марксизм довольно убедительно обосновал решающую роль народов, социума перед индивидуумом. Теперь опять можно спорить о том, кто творит историю, так как проблема уже стоит по другому: люди или — кто? У Маркса — люди, но не как им вздумается, а исходя из унаследованных отношений. Теперь стало ясно, что дело не в одной традиции. ***Новации*** не зависят от человека — вот где зарыта собака. Ни как от индивида, ни как от родового существа. Люди — материал движения. История — процесс саморазвития наукотехники = технонауки = технуки посредством людей. Отсюда и «конец истории» (человеческой), в сравнении с «концом предыстории» у Маркса. Мы вступили в постисторическое = новационное общество.

У меня тоже есть предложение по реформе грамматики. Желая выделить в тексте слова, их пишут с заглавной, Большой буквы. Тем самым придавая особо важное значение. Но иногда нужно подчеркнуть низкий характер явления, выразить уничижительное отношение к нему. Предлагаю ввести в норму написание с уменьшенной буквы. В полроста. С такой полубуквы стоило бы писать даже некоторые имена и фамилии. Особенно больших людей.

* * *

Праздники и отдых существуют для того, чтобы их ждать, к ним готовиться. Их надо зарабатывать. Радость возникает на контрасте после усилий и страдания. Праздные люди не знают праздника: «ни сна, ни отдыха изму-

ченной душе». Хотя они все время развлекаются. Но тоже страдают, только их страдания — пустые. Праздные.

Читал очерки Н. Михайловского о жизни в сельской глуши, в ссылке. «Часто собирались и пели». Пели! Мужчины. Трезвые. Для удовольствия. Унтер Пришибеев у Чехова ходит по деревне и запрещает: «песен не петь, огня не зажигать». Теперь по первому пункту он был бы совершенно спокоен. Не поют даже пьяные. Ни в городе, ни в деревне. А если какая-то компания, группировка молодежи запоет на улице, то хочется позвать милицию самому. Как-то неловко. Да и поют ужасно. Голоса все замкнутые, зажатые. «Песня — душа народа. Перестанут петь — не будет души». Ну, вот и перестали. Совершенно перестали в передовых странах Запада, американцы. Для них это «фольклор». (Разумеется, если не учитывать бизнес-пения. Да и в нем — вместо песен «компьютерные композиции»). Теперь цивилизуемся и мы. Все сводится к говорению и еде. Это единственное, что еще делаем сами. Остальное отдано специалистам. Душу отдали. Пока технике. А может уже и Богу, только механизм этого события — дьявольский.

Пусты(ня)е реальности.

* * *

Чуть не каждый второй взрослый американец посещает своего психотерапевта. Можно подумать, что половина Америки больна или на грани сумасшествия. Вовсе нет. Они просто хотят пообщаться. Заплати 100 долларов и тебя послушают, даже поговорят. «Платные стоянки для отдыха на трассе гонки по кругу функционирования». Это та, живущая в безлюдно-перенаселенных городах часть американцев, которая до сих пор не научилась обходиться без души. Пол-Америки — и не роботы. Компьютера, им, видите ли, мало. Какая отсталость! А о нас так и говорить нечего. Время транжирим, будто оно даром дано. Большинство не имеет расписанной программы действий не только на год, но и на день. Живем, как трава растет. Каменный век!

Эпидемия ресторанов Макдональдс. Пандемия. У всех одинаковый стол. А каков сегодня мировой стул? Как и вчера. Глобальный! Стул-макдональдс. А настроение? «О, на биггамбургер!» ***Общечеловеческие ценности.***

* * *

В новые паспорта не вписывают национальность. Значит, наций больше нет или их вот-вот отменят. Официально. Кажется, что в XXI век Россия вступит без русских. Разве только по инерции будем употреблять это слово. Не будет, впрочем, и татар, чукчей, евреев, других народов, хотя дело может закончится неожиданным результатом: подъемом националь-

ных чувств. Но фактически объявлена «новая историческая общность» — россияне. Помнится, при социализме несколько лет спорили о новой исторической общности — советском народе. Так все и утонуло в дискуссиях. Теперь этносы хотят ликвидировать явочным порядком, никого не спрашивая. Очевидно, что при следующем обмене (или отмене) паспортов, ликвидируют запись пола. Чтоб ни «м», ни «ж», ни нации. Семейное положение указывать не будут тоже. Или все это будут знать только компьютеры, «электронное правительство». А для людей будет просто некто. Нечто. Оно. Общечеловек. Важен просто «человек» — радуется искусственная интеллигенция. Однако из каких свойств этот человек складывается? В чем заключается самость этого «человека без свойств»? Не пугайте, возразят они, считающие себя либералами и во всем насаждающие стандарт. Различие останется. Сохранится. У вас будет Номер! Вы, например, 123456789, а я 123456790! Чем мы не Личности? «Цифрочеловек». ***Числовек***. Во всяком случае, компьютеры будут узнавать нас прекрасно. А это главное. Это — все.

* * *

Греха он не боится — говорили о нарушителе социальных норм, когда господствовала религия. Регулятором жизни был страх Божий.

Совести у него нет — упрекали человека, когда регулятором жизни стало общественное мнение, его внутреннее восприятие.

Теперь говорить о совести стыдно. В лучшем случае: «Он не испытывает чувство вины» — сетуют на особенно распоясавшегося эгоиста в обществе вседозволенности.

Это последняя попытка опереться на духовность, остатки которой сохраняются у современного человека скорее по наследству. Но наследства надолго не хватит. И тогда человек должен стать или совершенным, вернее, совершенно рациональным, или вновь придется прибегать к регуляторам извне. Цинично насаждают-ся технические. Если отменили, отделили от государства, сначала религию, потом мораль и совесть (правовое государство), надо проверять на полиграфе. Если нет всевидящего Бога, надо ставить видеокамеры слежения.

* * *

Теперь часть преступников стережет электронный браслет на руке. Его можно запрограммировать и против нарушения социально-технологических норм. Если тебя обыскивают вручную, это унизительно. А если по тебе водят особой электронной палкой, то все нормально. Стоишь, как баран, которого стригут. Если за тобой следят шпики, «хвост», установлено «наружное наблюдение» — это наглое попрание человеческих прав. «Тота-

литаризм-сталинизм». А вот скрытая съемка на видеокамеру, которую против человека как угодно можно использовать — необходимость. Не только в магазинах, но и в целых кварталах городов по(рас)(на)ставлены технические шпионы. Следящие системы! Даже не люди. (А скоро будут записывать и звук!). В тюрьмах, даже в армии, в казармах, в школах и вузах, в детских садах (особенно богатых, передовых) — суровая необходимость. В квартирах — следить за нянями и домработницами. Чтобы кашу у ребенка не съели. Даже в банях (Н. Новгород, ул. Батумская, д. 13), правда, почему-то в холле ожидания, еще не в парилке. Спросил — почему? Ответили, что не знают). В Санкт-Петербурге (станция м. Чернышевского, справа от выхода) стоят (большое спасибо) две металлические туалетные кабины, с билетным контролером. Очередь. Наконец, наконец, я оказался в одной из них. Надпись на стене: «Уважаемые посетители. В кабинах нет камеры наблюдения. Будьте аккуратны». От теплой волны благодарности я чуть не… нарушил аккуратность.

«Телескрины» Дж. Оруэлла начали свое победоносное тоталитарно-террористическое шествие. Свобода от духовности ведет к диктатуре бюрократии. Чтобы не брали взяток, надо писать такие («не взяткоемкие») законы и инструкции, чтобы человек-чиновник ничего не решал, был бы пустым местом — миллионы инструкций. Избавляются от «человеческого фактора». Человек от человека. Открытое, правовое, рыночное т.е. безыдейное, аморальное и продажное общество мечется между Сциллой бюрократизма и Харибдой взяточничества. Свобода от культуры, т.е. от «внутреннего», от понятий греха, долга и совести несет диктатуру техники. Все надо автоматизировать. Вот последняя радость — создали робота–преподавателя. Значит, у него и студенты будут роботы. А если нет, то все равно, куда живых-то людей девать, если даже преподавание автоматизируется. Когда это описывалось в романах, ужасались, а когда это происходит в действительности, никто не замечает. Не говоря о технарях, но даже, и особенно, разные записные гуманисты и правозащитники. Удивительно? Да неудивительно. Ведь они боролись против морали, за торжество права или как пятая колонна. И победили. Полно идиотов, которые этому радуются. Их все больше, особенно в масс-медиа, их пристанище, и они все более (без)надежные.

* * *

Снимают биометрические показатели состояния тела. Это значит, что человек больше не рассматривается как личность. Отношения устанавливаются, минуя его сознание. Вы, например, волевой человек, герой, и в отличие от труса, не хотите, и не будете выдавать своих тайн и товари-

щей. Это-то и проявится в реакциях вашего тела. По ним все и узнают. Или вместо фамилий уже предлагают вводить личные номера, нанося их прямо на тело или прикрепляя к нему чип (сначала в паспортах, сначала заграничных). Удобно, безболезненно, а главное, рационально: тебя не потеряют и ты всегда под контролем. Когда я, чтобы вызвать бурный протест против оскорбления, говорю студентам, что вот Вы уже будете «очипованы», то они и не спорят. Видимо, да. Социальные последствия такой компьютеризации очевидны: это процесс ликвидации личной жизни, так называемой privacy, о которой несколько веков заботились буржуазные демократии. Казалось бы, либералы и правозащитники должны рвать на себе волосы, бросаться на стенку, биться в судорогах, выть, визжать и кататься. Ничего не слышно. Ворчат только бессмысленные консерваторы. Как всегда недовольны: «клеймение». Они опять забывают, что раньше это делалось кустарно, каленым железом, в тюрьмах и лагерях, а теперь — лазерным лучом, добровольно и для всего населения. Благо прогресса очевидно, но им все неймется.

Этак, пожалуй, они будут возражать против вживления под кожу чипов, как когда-то недалекие религиозные фанатики отказывались от ИНН и мобильных телефонов. Протестовали против использования человеческих зародышей, называвшихся «стволовыми клетками», в лечебных и косметических целях. Пока разум и техника не восторжествовали над этими близорукими экстремистами.

Так, пожалуй, они будут противиться усилению мозга искусственным интеллектом, их сращиванию друг с другом, как еще недавно кое-кто возражал против вживления под кожу чипов и возникновения e-Homo. Пока техника и коммуникации не восторжествовали над этими трусливыми «антропоморфистами» и гуманистами.

Гляди того, пожалуй, они будут выступать против превращения человека в столь необходимый для дальнейшего прогресса цивилизации нейросенсорный элемент информационной реальности, как когда-то отказывались от сращивания с искусственным интеллектом. Пока коммуникации и виртуалистика не восторжествовали над этими примитивными «телесниками» и материалистами.

Вечно вчерашние!

... Одновременно продолжается болтовня о «правах человека. Да того, кто продолжает называть современный мир «свободным» или «движением к свободе» или «несущим демократию отсталым странам», надо, связав по рукам и ногам, посадить в клетку и показывать на улицах: «Смотрите, вот последний свободный человек».

Машинный контроль за людьми без чувства страха, смелости, совести и вины. За людьми без души. Роботы за роботами. Поли-***техницейское общество.***

Антисемитизм

Регистратура хозрасчетной поликлиники в Москве (когда они были еще недорогие). Полно приезжих.

– Бабка, к какому врачу тебя записать, к кому?

– Запиши, милая, к мужчине.

– Так у нас и мужчин много, по какой болезни-то, выбирай давай скорее.

– Вот чтобы к еврею запиши. Они лучше понимают, обходительные.

Некто посылает в журнал свои статьи. Отказы. Если он русский, говорит — евреи засели, своих печатают. Если еврей — зажимают, антисемитизм. Одна знакомая дама пробивает докторскую диссертацию, уровень не в дугу. И вот начала «уставать»: не пропускают, потому, что я женщина. Да что Вы, говорю. К женщинам при защите всегда более снисходительны, при всех очередях и обсуждениях ставят вперед. Задумывается... Ну, наверное, потому, что я татарка (а осаждаемую ею кафедру возглавляет член-корреспондент К. — то ли татарин, то ли азербайджанец). — Никто не видит причин в себе.

Почему во всех областях деятельности евреи достигают больших успехов? Прежде всего, это феномен диаспоры. Ведь они веками вынуждены бороться за выживание. Даже русские, известные из-за своих природных богатств и пространств увальни, попав в чужую среду, становятся цепкими. Как и другие народы, когда возникает дополнительная мотивация к деятельности. Приезжие, независимо от национальности, везде активнее коренных. А если сотни лет — и все приезжие? Еврейская мама в России практически не мыслит, чтобы ее ребенок не окончил ВУЗа. В Израиле уже мыслит. Достаточно много. Частично это передается потомству. Ламарк и Лысенко, настаивавшие на наследовании приобретенных признаков, в чем-то правы. Детеныш современного человека намного чувствительнее, психически тоньше и болезненнее, чем например, в начале XX столетия. Да и рождается все больше — недоносков.

* * *

Чтобы хорошо писать, надо чтобы плохо публиковали. Раньше, в дорыночную, допродажную эпоху, так и было. Духовный порядок. Прибрано как в казарме. Сухо и стерильно. Столы писателей выровнены по линейке.

Все отчитываются перед всеми. Сейчас опубликоваться можно запросто, были бы деньги. А попавшие в обойму («поп-ные»), издаются прямо с колес. Океан духа кипит: выбрасывая гейзеры грязи, лопаются пузыри слов и статей; дымят свалки гнилых мыслей; громоздятся горы поломанных и выброшенных теорий. Никто ничего не убирает. Инфекции. Духовная дизентерия. И вот попробуй тут хорошо писать. Попробуй быть здоровым — без цензуры, без дворников, без санитаров. Зато свобода. Свободно больное общество. Больно свободное общество? Спасает только собственный иммунитет. Но ... распространяется СПИД — синдром приобретенного иммунодефицита; СХУ — синдром хронической усталости ... Человека. Его культуры.

* * *

Мораль — это только всеобщее и привычка. Голый человек на улице вызывает осуждение. Он странен, он нарушитель, бросающий вызов обществу. Но не менее странен и одетый среди голых. Как-то зашел один такой в баню, в мыльный зал и что-то там искал. Всем было неловко, в том числе ему. Хотелось улюлюкать: смотри, одетый. Он бросил вызов нашему голому обществу. ***Морально только одно: быть как все.***

Преследуя открытое нарушение норм, общество более снисходительно к тайному. «Свет не карает заблуждений, но тайны требует для них» — А. С. Пушкин. Это не случайно. Тайно нарушающий норму признает ее правомерность, но делает исключение для себя. Открыто нарушающий норму, не почитает ее саму, подрывает ее. Он принципиальный нарушитель и в ответ получает такое же осуждение общества.

Разумное общество, потребности, поведение. Да ничего собственно разумного не бывает. Общество, потребности, поведение либо нераз(без) умны, либо *благо*разумны. Разумность — условная пунктирная линия, за которую цепляются, двигаясь между двумя реальными крайностями.

Запретный плод сладок. Чем больше запретов, тем слаще жизнь? Горькое общество вседозволенности; скучная жизнь, когда можно все; одинок человек, который независим ни от кого. Запреты мешают удовлетворению потребностей. Удовольствие, это когда нельзя, но можно. А вот как и насколько можно, каждый определяет сам. В этом его выбор и свобода. В этом «интерес».

Сексуальность перестает быть опасной для целостности общества. Впервые за всю его историю она начинает сознательно культивироваться. Тревожный симптом. Потому что стихийно и автоматически подавляется всем современным образом жизни. Выдавливаясь на его поверхность, она перестает быть тайной личности и превращается в «отправление потребно-

стей». Дело дошло до сексуального воспитания детей. Только никакое это не воспитание. Это «секс по-научному», обучение технологии обмана жизни, чтобы не жить, а функционировать. Первый роковой удар по способности к любви, один из мотивов перверсионного поведения: «по-науч(ен)ному» не хочется.

* * *

На Западе давно имеется, а у нас появился новый вид деятельности: сексуальные услуги. И термин такой — характерный. Это означает, что секс становится формой быта. Публичные дома работают как общественные бани, ремонтные мастерские и парикмахерские. В них висят прейскуранты цен, зависящие от фасона и сложности «любовной» услуги. Уличные проститутки предлагают их индивидуально и специально. Но дело, видимо, идет к тому, что будут комбинаты бытового обслуживания, которые включат секс в ассортиментный минимум. Чтобы все комплексно. Сдал белье, побрился, помылся, пое... И пошел. Куда? Домой, «к семье». Возможно. А наверное, где-то уже существует самообслуживание с предоставлением материалов и инструментов: резиновая женщина, резиновый ххх — для онанизма. Раз есть в магазинах, то почему не быть в прокате или не создать условий для пользования на месте. Богатое и свободное общество должно обеспечивать любые запросы потребителя. Все возможности для «любви». Никогда, никогда, никогда не было таких условий для ее процветания. Гибельного процветания. Распад...

* * *

Начало XXI века: жизнь становится утопией. Утопия — это место, которого нет. Или не будет. На фоне разговоров о крахе утопий, мы вступаем в эпоху их торжества.

Утопии особенно нужны для утопающих. Человечество тонет, а веры нет — свирепствуют суеверия. Суетопия. Во всех смыслах. И томление духа — из-за «бездуховности».

Если в своих поступках человек ни с кем никогда не считается, то и с ним перестают считаться. Выталкивают из общества. Это понятно. Парадокс в том, что если человек всегда и со всеми считается, то с ним тоже перестают считаться. Поглощают обществом. Нельзя быть слишком хорошим. Вас «потеряют».

Говорят, что если человек живет созерцательной жизнью, достаточно внимательно посмотреть ему в затылок и он оборачивается. Не знаю, правда ли. Но что вот нынешнему деловому человеку в глаза смотришь, а он в упор тебя не видит — это правда. Все в себе. Или «не в себе»? Это одно и тоже.

* * *

Бог умер, констатировал Ф. Ницше в XIX веке. Его убила цивилизация. Верить в него можно лишь абстрактно. Но жить по вере, будто он существует — нельзя. Общаться с богом дозволено только в специально отведенных для этого местах — в храмах и монастырях. И упаси боже выйти за пределы резервации. Это фундаментализм. Мусульманам во Франции недавно запретили посещать школы и университеты в платках, христианам открыто носить кресты, иудеям «кипы». Веру нельзя даже обозначать. Чтобы другие не видели, не знали, потом и сам забыл. Священные книги переписывают на потребу сексуальных меньшинств и феминисток. Массмедийное искусство изощряется в профанировании и осмеивании образа Христа. Наиболее прогрессивные протестантские церкви благословляют однополые браки, признают аборты, клонирование и т.д. и т.п.

Включив небо в хозяйственную деятельность, люди отправили богов в космос. Но там — живому — нечем дышать. Поэтому для космоса постулируетсмя некий Разум. Без человеческих свойств и образа. Мертвый Бог. ***Без-образный бог ученых***. Хотя если подробнее, дело было так: языческие боги обитали везде — в траве, воде, лесу(ший), дому(вой). Греки их возвысили, подняв на гору — Олимп. Но все равно близко. Иудео-христианство определило Ему Небеса. А теперь отправляют на другие планеты. Бог становится инопланетянином. Так современному сознанию легче его признать и, «при встрече» — опознать. Вслед за Богом стать инопланетянином готовится человек. На своей Земле.

Говорят о ренессансе религии, Христианства. Не верю. Все поверхностно. Если еще в начале XX века люди своими глазами видели и лично сталкивались с ангелами и дьяволами, прибегали, испуганные, и рассказывали как им удалось выпутаться из этого переплета, то сейчас нет. Лично сталкиваются с инопланетянами и достоверно видят их. На небе обычно видели кресты и принадлежности религиозной службы, то теперь только тарелки. Вместо крыльев и рогов — скафандры и антенны... ***Тип мифологемы не христианский.*** А миф — это главное для существования того или иного религиозного направления.

Всегда удивлялся общераспространенной трактовке библейской фразы «Блаженны нищие духом». В том смысле, что бездуховность — благо. Церковь обосновывала ею вред гордыни учености в пользу духовного смирения, атеисты же считали оправданием невежества. Мне ее смысл представляется совершенно иным: нищие, неимущие блаженны (довольны, радостны) духом, в отличие от богатых, которые довольству-

ются материальным достатком. И более правильный перевод этой мысли будет: «Нищие блаженны духом». Это возвышение духовного над материальным, вечного над тленным, что и приличествует религиозному сознанию.

Две тысячи лет назад Христа распяли на кресте. Он умер, но потом воскрес. Сейчас его распинают на эстраде. Фарисеи и гонители христианства стали теле-проповедниками, его нищие апостолы — миллионерами. Нет ничего более антирелигиозного, профанного и атеистического, чем эти сборища во дворцах спорта и на стадионах, вдохновляемые чудовищной рекламой и «миссионерами от бизнеса», шоуменами и диск-жокеями бога, с ловкостью конферансье соединяющими бесовскую игру с духом партийно-профсоюзного собрания.

Недавно я видел приглашения на встречу каких-то христиан по проблеме «Бог и ваши финансы». Вот уж действительно «христопродавцы». Православная церковь до такого еще не дошла. Но все равно:

Это смерть Христа, после которой не будет воскресенья. Нужны новые мифы или наоборот, старые — «консервативная революция». ***Возврат к Традиции.***

* * *

Социальное скорочтение. Скорочтение жизни. Скоротечная жизнь. Но до сих пор есть педагоги, которые учат детей чувствовать, распредмечивать мир, развивать интуицию. Формируют человека, личность. Тогда как для социального успеха надо готовить роботообразных. Все эти выдающиеся учителя — отпетые консерваторы и реакционеры. Пора, пора заменять их дистанционно-информационными технологиями. Так мы скорее приблизимся к автоматизированному образованию. К программированию интеллекта. И никаких личностей не надо. Хватит об этом. В логистических системах всякое субъективное вмешательство является помехой. Пусть все университеты, а потом школы будут компьтеризованными. Благодаря этому образование вместо осмысления реальности будет учить поиску и распределению информации, ее организации в графики и диаграммы. Вместо познавательной ситуации учащиеся будут иметь дело с «познавательным меню» — тестами. Поиск решения проблемы заменяется его выбором. Девиз «знать и уметь» заменяется «компетентностью». То есть знанием, где, что и как нажать. «Метод тыка». Из аналитико-синтетического наше мышление становится рубрикаторско-сортировочным. И потребительским. «Нажми кнопку — получишь результат» (реклама на дороге). Умственная деятельность облегчается, ее творческие компоненты деградируют. Обойдемся без творчества.

Учитель! Самая гуманная и гуманистическая профессия. И вот — обойдемся без людей. Но если можно в этой сфере, то в других и подавно. Как это все-таки экономно, современно и совершенно. До чего они, люди, умны и проницательны. Пишут статьи типа: Joy B. Why the Future Doesn,t need Us? // Wired — 2000. Apr. vol.8.№ 4. (Почему мы не нужны будущему). Где все убедительно объясняют. Дойти до самоликвидации! И торопятся, радуются при этом так, что слов нет. (No comment).

А пока с трудом привыкаю, что социальные отношения, как нынешняя, еще не совершенная техника, требует смазки, ухода. Хотя бы в виде комплиментов. Издается ли книга, покупается ли товар, даже общение с близкими. Сколько потеряно из-за того, что я так долго был социальный идиот! И только теперь — полуидиот. К концу жизни я, пожалуй, совсем перестану быть идиотом. И что произойдет? Ни-че-го. Одним идиотом на Земле будет меньше. Все.

* * *

В движении по пути энтропии для современного человечества важно все делать патологично и противоестественно: сильное ослаблять, слабое усиливать, преступникам сочувствовать, жертвы игнорировать, высокое осмеивать, низменное пропагандировать и т.д. — следите за последующими достижениями в упрощении и опошлении общественной жизни. Все это под флагом свободы, и особенно свободы творчества.

Один средне известный художник, концептуалист и новатор выставил портрет красивой девушки. Гармоничная фигура, одухотворенное молодое лицо, сияющие глаза. Но она как бы ползет по песку и из нее вытекает, тянущаяся за ней, уходя за горизонт, дорожка произведенного ею за годы жизни кала. Сам я вряд ли уже способен на экстремизм, но если бы этого художника вместе с куратором выставки (обоих), кто-то нечаянно пристрелил, то в суде такого человека я бы всячески обелял, выискивая смягчающие обстоятельства. Я против публикации карикатур, осмеивающих Христа, Мухаммеда, Ленина. Против того, чтобы не было ничего святого, к чему стремится так называемое свободное общество.

Да все они/мы таковы, душители свободы (самовыражения) и апологеты консерватизма. Не мирятся с распадом, не толерантны к разложению. Подавай им возвышенное и преодоление. Жить хотят, обскуранты!

* * *

Деяния вождей, программы, решения — все это рябь, верхняя волна над движением глубинных течений исторического развития. Волна может захлестнуть каких-то пловцов или, наоборот, поднять их, но в целом

движение определяется течением, которое мало зависит от волн и от собственного барахтанья пловцов. Кто управляет нами и ведет нас, людей малых и рядовых? И кто, в конце концов вершит судьбами мира? — Это делает Великий Никто! Все «кто» подчинены «никому».

Или поставим вопрос по-иному. Человек в мире: нами управляют или мы управляем? Нас дергают или мы дергаем? Ни то, ни другое. Мы дергаемся сами. «Субъективный объект истории». «Habitus». ***Человек — это свободная, самостоятельная марионетка.***

HOMO NON SAPIENS

Начало мира — Бог.
Но не творит ли также дьявол,
это черное зеркало Бога?
Да. И разделение труда:
Бог творит, а дьявол Вы-творяет.

Разгар первых необуржуазных реформ: экономическая деградация, социальная смута, игра политиканов, болтовня демагогов... Но самое тяжелое впечатление на меня производила болезнь Духа, засилье, и как следствие, катастрофа его разума. Разума народа, масс, общества в целом, когда люди готовы верить откровенной чепухе, проглатывают самую нелепую газетную ложь, всерьез обсуждают любые бредни. Тут и ежедневные прилеты инопланетян, и неутомимая активность барабашек, назначение и откладывание конца света, ежедневные пророчества астрологов и почти каждый райцентр обзавелся «космическим разумом». Миллионы людей пожирали «заряженные» шарлатанами газеты, лечились «молчанием по радио», из пробуренных скважин, как заботливо сообщало центральное телевидение, выскакивали черти и т.д. и т.п.

Неудержимые потоки пустых домыслов, обмана и самообмана. Место мифологии заняла «информация», а в истории, пожалуй, не было еще столь дезинформированного и легковерного человека, как современный. Не было такого разгула суеверий и ересей. Создается впечатление, что находишься в сумасшедшем доме. Этот без(д)умный, бездумный, безумный мир. И никакого, никакого, никакого значения не имеет образование. Зачем изучать науки, философию, когда ученые и философы, кандидаты и доценты в первых рядах беснующихся, когда ядовитой оказывается сама культура и, в отличие от века Просвещения, уже не на что надеяться. Это не только у нас. Похожее, хотя в более «усовершенствованном» виде, творится на Западе. Потому что на рынке духа ложь дороже правды. Ведь правда одна, а лжи может быть много. Она и продается. ***Культурный кризис развертывается как интеллектуальная де/мо/билизация личности.***

* * *

Содержание мыслей умного человека примерно можно охарактеризовать так: 90 % — чужие, заемные, воспроизводящие социальную норму — ***идеологические,*** 9 % свои, субъективные, выражающие собственные желания и настроение — ***надуманные.*** 1 % — отражающие объективное положение дел, реальные тенденции развития — ***истинные.*** В зависимости от соци-

ального положения пропорции меняются. Особенно мала доля истинных мыслей у чистых теоретиков, интеллигенции. Но поскольку мышление является их постоянным занятием, то результат иногда может оказаться выше. Вообще же, духовная элита не любит простоты и глубины. Она предпочитает сложность и поверхностность. Путать, разбирать путаное и вновь запутываться — ее стихия. Впрочем, как говорил Г. Честертон, умного человека можно встретить даже среди интеллектуалов.

Профессионал: чтобы стать в чем-то умным, он стал дурак во всем остальном. Так закаляется научная сталь.

Только немногие существа являются субъектами своих мыслей. Большинство повторяет чужие. Иметь по всем вопросам свое мнение — задача непосильная. Приходится верить и повторять, хотя у каждого должна быть сфера, где он чувствует себя творцом, благодаря чему может выработаться способность к самостоятельному восприятию чужого. Вера как доверие к миру. Как ***творческая вер***а.

* * *

Отходы, грязь — это обычное вещество, только ему не нашли применения. Дурак — это обычный человек, только не на своем месте. Чем отличается дурак нынешний от дурака прошлого? Дурак пошел «умный», то есть ученый. Там и надо его в основном искать — в науке. Дурак — социальная роль. Есть положени(е)я, в которых быть умным — самая большая глупость. А быть умным на некоторых постах — значит совершать непрерывное должностное преступление. «Преступно умен» — говорю я о некоторых людях. Глупо умен — о других. А кое о ком — умнее помолчать.

О цельности современного человека, об истине, которую он выражает: думаем первое, говорим второе, делаем третье, получается четвертое, о котором мы думаем, что оно первое. И на этой «гранитной» почве — второй виток самообмана.

... Но надобно помнить, что иногда люди мыслят.

* * *

Видя как малоценна человеческая жизнь: сотни тысяч людей гибнут под машинами, от преступников, от случайной болезни, как быстро хоронят и забывают умерших, как почти никто никому не нужен, а с другой стороны, как врачи борются за спасение очевидно недоношенных младенцев, как пересаживают органы больным старикам и тратятся миллионы для излечения кого-то от экзотической болезни — трудно отделаться от мысли, что это делается вовсе не из-за возросшей ценности личности, а по биотехнологическим основаниям. Наука, точнее, технука

потакает всем извращенным потребностям обезумевшего общества вплоть до таких экспериментов, как смена пола. Она ***культивирует*** их. Предложение создает спрос.

Когда-то был популярен лозунг: мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача. Хотя без природы мы не выживем. В наше время он мог бы звучать так: мы не можем ждать милости от техн(она)уки. Спастись от нее — наша задача. Хотя без не(го)е мы не проживем.

Философия в бане

Я видел человека, который читал книгу — в бане. Голый, между торопливыми помывками. Запомнил даже дату: 10 июня 2005 года. Но уже после того видел, как кто-то притащился туда с наушниками — чтобы слушать музыку. Вот она, вершина духовности! Скоро ли придут с dividi и прямо в парилку? Или въедут на машине? Да, жаль человечка: еще недавно был живым, а теперь и в бане техника моется. Не баня, а мойка. Мойка-помойка. Есть роскошные. Но не греют. Роскошь вообще холодит. Тепло только там, где уют. А уют — это когда вуют, вьют (сами, гнездо), когда в предметах отпечаталась душа. Не зря помнят и рассказывают о деревенских банях. Рас-сказывают...

Из истории (пирамид) капитализма в России. В парилке, когда хорошо поддали пару, какой-то парень вместо «ой» или «ох» восхищенно произнес: «АО МММ»! Вместо Аминь стали говорить ***«Сертифицировано».***

А когда-то мужик, опрокинув стакан водки, крякал: «Эх, крепка Советская власть!» и вот — 90-е годы, о которых немецкий поэт XVI (!) века Христиан Гофмансвальдау писал:

«Все относительно, нет прочности ни в чем,
Что дорого отцам, над тем глумятся дети.
И с отвращением мы вечером плюем
На то, что нам святым казалось на рассвете».

Раньше все терли друг другу спины. Потереть спину — святое дело, что и за баня без этого. Теперь — не вижу, никто и никогда. Все сами по себе. Раньше, после парилки веники клали на лавки или подоконники. «Ненастоящие банщики» ими пользовались, удовлетворяя желание разок-другой себя похлопать. Теперь веники сразу бросают в урны или на пол. Пусть каждый покупает свой. «Да как скоро люди-то испортились — философствовал какой-то недомытый — все только себе, себе». Видно, что совок. Недобитый. Не понимает, что таким образом культурное бескультурье сме-

няется посткультурной цивилизацией. Рынком и технологиями. «Модернизация» в отдельно взятой бане.

* * *

Сколько говорится слов, которые не стоят одной мысли. Сколько пишется книг, которые не стоят одной строчки. Сколько совершается дел, которые не стоят одного поступка. Сколько людей, которые сказали тысячи слов, опубликовали десятки книг, устроили сотни дел — и это все не стоит ничего. ***Не***-на-***стоящие***.

Прочитывать больше одной газеты в день или больше часа сидеть «Вконтакте» — преступление против личности. Средства массовой информации — оружие массового поражения. Поверхностные люди скажут, что это красивые слова, метафора, «афоризм». Увы, горькая, до слез, правда. Учреждения и улицы кишат трупами погибших душ. Отравленные.

Краткость — сестра таланта, считали древние, когда главным органом труда были руки. Краткость — сестра милосердия, сказал какой-то острослов про время, когда главным органом труда стал язык. Длинные тексты оправданы лишь в художественном творчестве. Там это самоценно. В остальных случаях порядочный человек должен говорить и писать кратко. В информационном обществе это должно быть нормой морали. Хорошо бы сделать похожую норму права: «Встать! Суд идет! За загрязнение духовной среды приговорить демагога № к бесплатной уборке улиц. От выпавшего в осадок мусора его речей». А хорошо бы и религиозные заповеди осуществились: лизать ему в аду раскаленные сковородки. Или по-современному: зажарить его в адской микроволновке. Мечты, мечты...

Главное — это то, о чем человек молчит. Говорят всегда о второстепенном. Сейчас так много говорят... Цивилизация слов. Хотя скоро замолчат. Главного (внутреннего мира, у зомби) — не будет.

Многие люди читают, чтобы не думать — говорил Дидро. Чтобы он сказал в связи с распространением моды на «динамическое чтение». Быстрота чтения обусловливается умением отсекать возникшие при этом чувства и переживания. Без-образное чтение. Надо отсекать даже мысли. Бес-смысленное чтение. Оскопление духа. Его превращение в информацию. Без-надежная гонка за компьютером и бес-проигрышный вариант стать дураком. Способным только «с-качать». Всякий, кто хочет этого избежать, должен жить под девизом: ***медленное чтение.***

* * *

Считается, что человек разумен, *sapiens*. В чем-то, правда. Но насколько же он и *non sapiens*, да и просто глуп. Именно как родовое существо, а не индивид. Смотреть дико, как люди радуются процессу своей самоликви-

дации, с упоением сообщая, что все больше и больше, все лучше и лучше их жизненные функции воспроизводятся машинами. Как истово они уничтожают все живое, свое окружение, без которого существовать просто не смогут. И радуются при этом. То, что они уничтожают фундамент своей жизни — их трагедия, а то, что они при этом радуются, к этому стремятся — их безумие. Безумие как орудие небытия.

И вообще, этот sapiens не умнее обыкновенной домашней мыши. Подобно тому как она лезет в мышеловку не в силах отказать себе в лакомстве, так и мы не можем отказать себе в удовлетворении все растущих «потребностей». А когда аппарат захлопывается, уже поздно. ***Не умнее домашней мыши.*** Самое печальное, что это не эпатаж. Так и есть, о чем каждый день вопиют бесчисленные последствия наших деяний. Так какое право человек имеет считать себя принципиально, радикально, уникально, качественно выше животных, на каком основании? Только разный уровень, а не по субстанции. По главному жизненному параметру — нет его.

Я не говорю уже про политику, когда избиратели кроме первого хода e2-e4 больше ничего не видят. И обмануть их — раз плюнуть. Были бы деньги...

Я не говорю уже про интеллектуалов и ученых специалистов, профессоров и академиков, которые во всех делах, кроме своих новых изобретений, в предвидении последствий и нежелании их предвидеть, проявляют ум и (без)ответственность пятилетнего ребенка. Таков теперь уровень понимания своей судьбы (не далее своего носа, играя со спичками, в возрасте пяти — семи лет) всей нашей прогрессивно прогрессирующей цивилизации.

* * *

В разных странах объявляют о резком ужесточении наказания за наркотики. Чтобы сажать не только за продажу, но и за хранение, фактически за употребление. Видимо, это последний этап борьбы государств с наркотизацией общества перед тем, как окончательно сдаться и разрешить их свободное хождение. По крайней мере «легких» — для начала. Причина: не все еще хотят жить без чувств. А чувствовать без стимуляции больше не удается. Отмирая, жизненное начало болеет, приобретает патологическую форму. Погрязшие в чистоте и измученные комфортом индивиду(умы) алисты непрерывно борются с утратой чувства жизни.

Среднестатистический обитатель технопотребительского общества: ***механическое животное***.

Пытаюсь понять, почему потребительское общество, непрерывно занятое патологизацией тела и духа своих членов, так ополчилось против

курения. *Табако*курения. Забыли даже про пресловутые права человека. Что(-то) за этим стоит? И не нахожу ответа.

Ясно одно: в тамбурах и туалетах перестанет, наконец, вонять едким дымом. Его заменят более благовонные и сладкие запахи. Табак, все-таки, продукт модернистской эпохи. Он воздействует на нервно-физиологическое состояние организма. Марихуана и аналоги дают нервно-психический эффект. В этом их высокое преимущество и со-ответ-ствие эпохе депрессий постмодерна. В передовых странах (см. Голландию) подобное замещение стало массовым, оправдывается и узаконивается. Как всегда, «чтобы было лучше». Полное разрешение наркотиков можно считать критерием окончательного распада социальности, ее замены технологиями. В том числе и прежде всего — «технологиями лечения».

Алкоголь, наркотики — если и когда человек еще/уже не состоялся как личность. Не приобрел/утратил способность полноценно переживать мир. Спасается от самого себя. Как монах. В безбожном обществе.

Пора похвастаться: я знаю критерий конца нашей, собственно человеческой цивилизации. Это будет разрешение на свободное потребление наркотиков. Потребительская цивилизация должна идти до конца. И пойдет. Это будет сделано в обмен на разрешение принудительного лечения наркоманов путем перепрограммирования их сознания. Технократическая цивилизация должна быть логичной. Здравствуй, Зомби!

Весна. Россия. Город. Грязь. Везде валяются накопившиеся за зиму отходы человеческой цивилизации. Ее любви: то тут, то там видны вытаявшие презервативы. Видел раньше. А теперь не вижу. Под ногами хрустят вытаявшие одноразовые шприцы. Следы ***постлюбви.***

Опять этот пессимизм, нытье гуманистов и философов. Надоело. Да пошли Вы все — на Шприц. Вместе со своей любовью. Удовольствие от наркотиков, как все искусственное, выше естественного. Хватит болтаться между ног прогресса. Все равно — отрежет. Да здравствует транс-гресс(и/я)!

Человек без пищи может прожить около 40 дней. А без сна чуть более 5. Без воды — около 3-х. Сон — пища нашего сознания. Правильно спать, так же важно как правильно питаться. И правильно пить. Здоровье: простая еда, крепкий сон и свежая вода. Но все перепутано: сладкая еда, свежий сон и крепкая вода.

В Москве создан клуб «Здорового образа жизни» им. В. Высоцкого. Одна его экзальтированная участница в интервью сказала, что В. Высоцкий — самый совершенный человек, каких она знала. Она, правда, забыла, что этот великий талант был законченным алкоголиком, а в последние годы и наркоманом, что явно не вяжется со здоровым образом жизни. Тем

более — с совершенным человеком, с идеалом. Но это показывает, что ***для мифа нет преград в виде фактов.*** Они обычно нигде, никогда, никакой роли не играют. Достаточно посмотреть, что прямые и (о)посредованные идеологи олигархии сделали с советской историей. Если надо.

* * *

Что можно сказать о человеке, когда он чувствует себя смелым, радостным, добр и остроумен, любит ближних и готов на подвиг?

– это совершенный, гармоничный человек, о котором так много толковали в философии и формирование которого еще недавно было высшей целью общества;

– это пьяный — на первом взводе.

Не в подобном ли совпадении причина пьянства? И не в том ли достоинство трезвенников, что они, очень трезвые люди, смирились с жизнью без чувств и больше похожи на машины? Ведь просто радоваться теперь могут только единицы. Что значит перестать петь, плясать, кричать (одно время даже на стадионе затыкали(ют) рты), перестать смеяться, плакать, играть? Это значит перестать выражать свои чувства. А существуют ли чувства, которые не выражаются? Нет, ибо в этом специфика их существования. Не иметь чувств — значит не уметь любить. О неспособности к любви уже пишут газеты. О ней почти не вспоминают и в современных сексфильмах. Может быть, мы еще способны «претерпевать любовь», как способны не петь, а слушать, не плясать, а смотреть, как это делают другие. Не кричать, а вежливо хлопать, не смеяться, а улыбаться (обычно иронически). То есть мы еще способны быть пассивными, материалом жизни, но не более того. Перед тем как потерять и это, кто не смирился, пытается взбадриваться — вино, наркотики, порно; другие же только функционируют. Думают, что живут. Люди еще любят ошибаться. Пожалуй, это их последняя любовь.

* * *

Кто совсем не пьет, тот не знает реальной жизни и не может трезво смотреть на нее.

Поэт 20-годов И. Приблудный, друг С. Есенина писал:

Не дивитесь, так и надо
В годы разума и книг
Есть еще одна отрада
Быть безумным хоть на миг.

Естественную возможность такого безумия человеку дает секс и любовь. Когда этого нет или не хватает, прибегают к искусственной — вину или наркотикам. Трезвые — к работе. Трудоголики.

Алкоголь — древнейший наркотик, продукт земледелия и поверхностных химических превращений — брожения. Его потребление ограничено объемом человеческого желудка (особенно некрепких вин), непосредственным болезненным расстройством организма, воздействует на мозг через растормаживание контрольных центров, не затрагивая глубинных отделов подкорки. В общем, устарелый продукт начального этапа развития химии, прежде всего XVIII – XIX веков.

Другое дело, вытесняющие его современные наркотики. Они высокоэффективны, малообъемны, концентрированы, быстрее захватывают в плен весь организм. Неприятные последствия отсрочиваются. И — огромный выбор. Новые поколения «выбирают пепси». Вместо кваса — пепси, вместо табака — марихуана, вместо водки — героин. Так что прогресс, сопровождаемый борьбой с табаком и пьянством, идет и тут.

Идет парень в черной майке с надписью на груди белыми буквами: «Алкоголики против наркотиков». Он, как и я — консерватор.

И вот уже готова научная «концепция» происхождения человека: не какая-то там пошлая проза Дарвина-Энгельса о роли труда в борьбе за выживание или Божье Слово по Библии, а просто обезьяны случайно нажрались галлюциногенных грибов и у них стало развиваться воображение. Потом — сознание. Появился Homo sapiens, человек разумный. Вначале были... грибы. Теперь и в конце — «Грибы», которые объясняют свое происхождение.

И еще раз... почему пьют. Просто у людей не хватает смелости радоваться на трезвую голову даже когда могут. Быть веселым уже неприлично. И внутренне боязно. Ищут алиби. ***Пьяный — это человек, сбросивший иго разума***. ***Именно как иго, оставляя как свободу.*** Недавно на стене в одном обшарпанном подъезде я прочитал надпись: «Думать или рассуждать привилегия пьяных». Такова же задача философии. Ее привилегия. Пьющий, кто еще не потерял личность — всегда немного философ. Человек духовный. Духовно больной.

Zeitgeist

Типичное отношение интеллигентов к народу, особенно крестьянству в прошлом: темные, суеверные, невежественные. Однако, чтобы крестьянин поверил в целебную силу воды, признал ее святой, батюшка должен потрудиться: служить молебен, опускать в воду серебряный крест, кропить, благословлять и т.д. При нынешнем уровне образования

все проще. Некий «чудотворец» без сана и звания по радио объявляет, что своей силой — даже не всемогущего Бога, а своей! — заряжает воду в любом объеме и на любом расстоянии. И миллионы интеллигентов, физиков и лириков, подставляют банки, кремы, чуть не аккумуляторы, надеясь на чудодейственное исцеление. Потом мажутся всем этим, как дикари кровью жертвенных животных. Шарлатанство никогда не было столь беззастенчивым, как в век науки. Психотерапевты прошлого — шаманы, колдуны, знахари — предпринимали массу ухищрений, чтобы добиться нужного эффекта. Целители эпохи высоких технологий добиваются его без атрибутов, даже без личного участия. И новые миллионы образованцев лежат, закрыв глазки в ожидании благодати. Куда там Средневековью! Говорят, что это пройдет. Но ведь было. И только что. Значит, все может повториться: инквизиции, крестовые походы, революции, фашизм. Появится и что-то новое.

Смотрел по телевизору встречу (наконец-то!) с «космическим разумом». Интеллигенты, кандидаты и доценты особенно умилялись, что разум «высказывал вполне здравые мысли». Вот так немного надо нашим «критически мыслящим личностям». Если записался не прямо сумасшедший, а просто шарлатан, то «голос неба» существует. А уж если он может говорить на уровне выпускника философского факультета и в хорошей театральной манере (такой «разум» я тоже слышал), его существование можно считать абсолютно доказанным. Астрологический прогноз передают наряду с прогнозами погоды. Инопланетяне садятся почти каждую неделю, особенно с началом подписки на газеты. Иисус Христос тоже, оказывается, был не галилеянин, а инопланетянин. И хотя, в сущности, все это бред сивой кобылы в лунный день, в него верят миллионы. Значит это факт, социальный фактор.

Философы и ученые теперь ищут не истину, а «новое», информацию. Их, как пустую кишку, можно начинить чем угодно, лишь бы оно имело гриф «новое». А если оно с Запада, или с Востока — лишь бы не свое — это все. Туши свет. И тушат. ***Неомания.***

Идет ремифологизация общества. Если бы она была жизнеутверждающей, ее стоило приветствовать. Но она — техногенная и в сочетании с утратой современным человеком эмоциональной теплоты — дегуманизирующая. Мифы разума — утопии. А на практике — дистопии. Идет дис(у) топизация общества.

* * *

Все действительное разумно, все разумное действительно. Эту формулу Гегеля можно считать апофеозом идеологии Просвещения, веры людей в силу разума. Для нынешнего времени подходит другой девиз: все дей-

ствительное безумно, все безумное действительно. К сожалению, это не игра слов, как торопливо подумает поверхностное сознание. Это безумие самого разума. Его бодрствование рождает таких же чудовищ, как и сон. Разве что другого типа. (См. монстров биотехнологии.) Не случайно, к разуму перестают даже апеллировать. Если и взывают, то к «здравому смыслу». То есть к инстинкту самосохранения. «Наука победила разум», шутят ученые. Только это не шутка, а самая настоящая реальность. Предварительным условием такой победы стала победа разума над целостностью человеческого духа, в результате которой возник постчеловеческий разум — современная технонаука. Которая победила разум, победивший человека. В Пентагоне, как радостно сообщает пресса, люди (?) разработали «робота-людоеда». Съел бы, для начала, людей в Пентагоне. Всех. Каннибализм прогресса: культура съела природу, разум съел культуру, наука съела разум, техника съела науку. Змея укусила свой хвост. И: 1) подавилась? 2) подох(ла)? Нет. Превратилась в Иное.

Или вот еще достижение: «Ученые разработали Идеальную Любовницу, автоматизированного робота-жещину. Выполняет все, любые команды». Какое унижение и оскорбление женщин. Где феминистки-гендеристки? Свои благоглупости и псевдотеории разводят, а подобные вещи пропускают. Впрочем, ученых не остановишь. Дальше они создадут такого же Любовника. С ним, может, посложнее, но задача интересная. Чтобы про-являл инициативу, просто завидев, воспринимая женщину, без команды. Впрочем, ученых не остановишь. Дальше они будут соединять этих любовников вместе, моделируя взаимодействие. Половой (!) акт. Любовь. В исполнении роботов. Это конечно, еще сложнее, но задача творческая. Чтобы детей плодили. Убей их Бог, не пойму, зачем все это делают. Потому что сами ничего не могут? Ладно, Господи, не отвечай на вопрос, сделай только первое. Останови, Господи.

Один знакомый коллега, почитав кое-что из моих текстов, похвалил: хорошо, смело пишешь. Почему смело, против чего смело? Ну, против техники, прогресса, замены человека. Сказал автоматически. Значит, уже на бессознательном уровне закрепилось, что тому, кто выступает за сохранение человека, нужна смелость. Вот против, пожалуйста. Это норма. Успеть надо, пока безумие не объявили разумом, а разум безумием, пока не ввели цензуру против самих себя.

* * *

Если человеку все додумывать до конца, то в конце получается только одно — смерть. Именно к ней ведет разум. Мы живем в силу заблуждения, которое нам дают чувства. Применительно к обществу, истина —

это наука, а заблуждения — это утопии, которые нам обеспечивает идеология. Особенно ценны заблуждения в форме истины, а утопии — научные.

Итак, ***человечество больше не живет.*** Оно — выживает. Но как отдельный человек даже перед лицом смерти обычно не отдает отчета в своем положении и чем-то утешается, так и человечество, не желая осознавать свое реальное положение, продуцирует различные утопии. Теперь в основном космические. Переряживаем зло в добро. Самообман, ложь — великие свойства жизни. Что они важнее истины, об этом писал еще Ницше. Не верили. Теперь очевидно для всякого, если немного задуматься. Но мышление наше — бездумное. И это спасает от истины, знание которой — трагедия. Поэтому в искусстве такого жанра больше нет. Сплошная комедия. Хотя для думающего человека — трагикомедия.

* * *

Гений выводит знание как бы из себя. В нем говорит опыт рода, поколений. Талант — из обретенного опыта жизни. А бездарная ученость гоняется за чужим, за «информацией», беря ее из книг. И она ей не впрок.

Почему философы, эти мудрецы *ex professio* на практике не мудрее других людей? Потому что мудрость не может быть профессиональной. Она от жизни. По настоящему мудр поступок, а слова бывают только умными. Каждая профессия имеет своих кретинов. Кретинизм мыслителей по профессии — неспособность выбраться за пределы мысли. Вот почему большинство философов — «идеалисты». Как и математики, если бы они рассуждали о мировоззрении — трансценденталисты. Такова профессиональная необходимость. Чистая философия, чистая культура — это ***словоумие*** (если без «б»). Поэтому я не жалею, что не человек культуры.

* * *

Любой человеческий разговор приправлен ложью. Ибо чистая истина не съедобна, оскорбительна. Но самая большая ложь — это полуложь. Или полуправда. Ложь, вопреки арифметике, при делении умножается, так как представляется правдой. Кроме лжи о фактах, она лжет о самой себе.

... Но надобно помнить, что иногда люди могут говорить правду.

Рождение мысли про-исходит через (из) ее отрицание. Чем сильнее что-то отрицают, тем больше оно усиливается. В ничто таится нечто. «Первоматерией» в физике до сих пор считается «вакуум». Пустота, но потенциально несущая все. Хоть я тут и профан, но все признаки говорят, что это, в сущности, «мысль». Именно с нее они начинают рассуждать, переводя реальность в категорию возможного. Вместо открытия мира его изобретают и современные физики давно уже не «естественники», а инженеры,

«технизики». «Первоматерия» — мысль. «Первомысль» — ничто. На физическом языке — вакуум. Происхождение мира начинают трактовать по парадигме возникновения искусственной реальности: от небытия к бытию. А само бытие — отрицают. ***Нигитология.***

* * *

Достоевский говорил, будто красота спасет мир. Теперь выбирают королев красоты. Может они и спасут его, этот мир? Как все опошлилось. Красиво опошлилось. Теперь можно сказать: пошло — значит красиво; красиво — значит пошло. («Пошло пошлое» — В. Розанов). ***Гламурно.*** Мир стоит перед угрозой господства сплошной гламурности. Многие города, например Париж, уже пали ее жертвой... ! Не ин-те-рес-но. Красота без бытия. Кажущаяся. Имиджевая. Бре(н)довая. Внешняя. Виртуальная.

Красота — это эмоциональное восприятие гармонии. Гармония — это интеллектуальное восприятие красоты. Красота субстанциальна, а гармония функциональна. Гармония и красота относятся друг к другу как мысль и чувство, разум и жизнь. Они враги. Хотя друг без друга у человека не существуют. По мере того, как интеллект истощает жизнь, понятие гармонии вытесняет понятие красоты. Вот почему в эстетике базовой категорией стали считать не «прекрасное», а «совершенство». А почему — совершенно не понимают.

Опасные связи

Изучал все возможные восточные культуры. Медитировал. Усердно занимался йогой. И... йогнулся. Теперь в психбольнице.

Видел жертву духовного самосовершенствования. Этот человек вышел к трибуне и выступал в дискуссии с абсолютным спокойствием. Медленно и даже держа руку в кармане. Говорил, предельно владея собой. Настолько, что суть дела ни ему, ни нам была не интересна. Ницше утверждал, что слушают только запинающегося. То есть того, кто волнуется, переживает то, что говорит. Этот же «йог сознания» так навнушался, что сам того не желая, выпал из жизни. ***Патологическое спокойстви***е как вид психотерапевтического отчуждения и потери себя. Духовность и эгоизм, даже духовный — не совместимы.

* * *

К вопросу о профориентации: пошел в пожарные, хотя воды боялся как огня. Но... благоденствует: ни в воде не горит, ни в огне не тонет.

Теоретики пекутся о комплексном изучении и воспитании человека. Самые частичные люди (частично, люди) хотят научить других людей быть цельными. Вот уж действительно «бесцельное занятие».

Легко быть бодрым и веселым, когда молод, все хорошо и ты здоров. А вот… Хотя многие (да большинство) и на это не способны.

Этапы совершенствования: сначала «избалованное личико», потом «хитрая рожица» и, наконец, «наглая морда».

Всесторонне (гармонически) глупый человек. Круглый! Отличник? Болван? Шар!

* * *

Искусство вытесняет жизнь. Литературная критика заменяет искусство. Структурный (научный) анализ убивает литературную критику. Материя превращается в информацию, а содержание жизни — в ее форму(лу).

Если вера это духовно-теоретическая проекция бытия, то знание — его теоретическая возгонка в небытие. Знание — это ~~бытие~~. Как труп — ~~человек~~. Чем больше мы знаем, тем больше нас нет.

С. Кьеркегор писал, что ученые не любят, не верят, не чувствуют. Действительно, они только ***знаю***т, что есть любовь, вера, чувства. Они не переживают мир, а осознают его. Это можно считать психологической характеристикой сциентизма, то есть научного отчуждения от бытия. Чтобы быть объективным, надо исключить все личные пристрастия. Настоящий ученый — «живой убитый». Как раб, только науки. С жизнью он связан только через собственную плоть. Иногда этого хватает для развития в нем ее ***понимани***я. Не способный греть, он становится хотя бы теплопроводным. Понимание — и метод освоения искусственного мира, и условие сохранения остатков человеческого в человеке. Это то, что можно требовать от самого специализированного, самого бесчувственного и «лабораторного» интеллектуала. Именно требовать, ибо без свойства понимания он так же страшен, как всякая вырвавшаяся из-под человеческого контроля техника. Но сколько их, этой «техники». Все больше.

* * *

Сексуальный акт: соединение тел и соприкосновение душ. Дружба: соединение душ и соприкосновение тел. Любовь: соединение душ и тел — континуум реальности. Стыковка миров! Другие способы решения психофизической проблемы, так много обсуждаемой в философии, хорошо выражает русский мат: ... тебя в душу. По-видимому, это должно выражать наивысшую форму превосходства над другим. Ведь сказать: я ... твою мать, значит заявить, что я твой отец, тебя создал, родил. Вот насколько ты меня младше. Что в древнем обществе равнялось — ниже. Но все это

телесно. А тут — саму бессмертную душу! Претензия на Отца-Творца Вселенной.

Кстати, о творцах, откуда они берутся. Принято считать, что основное чувствилище человека, источник его душевных бурь и волнений находится в груди. Сердце. (У японцев — живот). Думается, однако, что этот орган расположен все-таки ниже. Гораздо ниже. Да, именно Он (Она). Но это при первом взгляде. Рассуждая философски, источник чувств глубже — «низ»: Почва, Земля, Материя. ***Тяжесть бытия***. Тогда оно нас про-низы-вает.

* * *

Разум — порождение жизни. И ее отрицание, ее смертельный враг. Он заставил ее прятаться в самой главной сфере своего проявления — в акте создания новой жизни, стесняться себя в своем воспроизведении. И осуждает, преследует все другие проявления естественности человека, хотя они только ослабленные следствия первого принципиального проявления акта враждебности. Сейчас это достигло апогея, перебросившись на борьбу со всем «нерациональным», на подавление вещей и материальных отношений информационными, «духовными». Воспевание духовности переходит в воспевание ментальности и информационности. Для рассудка реальность есть пред-рассудок. Идет процесс становления мира на голову. Телесный человек еще нужен, но только как носитель, подставка для ума, без которой сразу не обойдешься.

Разум появился как орудие жизни. Пройдя длительный путь развития, он приобрел самостоятельность. «Отпал» от человека. Он предал жизнь и начинает служить себе. В этом его вина. Перед нами, ибо мы, его носители, все еще живые. В этом наша беда. Бедные, неразумные.

* * *

Кого любят, того не уважают. В этом нет необходимости, ибо любовь от чувства, а уважение от ума. Чувство соединяет, хотя бы даже ненависть, а ум разделяет, хотя бы даже уважение. Главное условие сексуального успеха: когда Он встает, разум должен выйти. Два зверя в одной берлоге не живут. Трудная задача для современного человека: как вытолкать разум из жизни. Хотя бы на время. Сознание отделяет людей от природы, а самосознание — друг от друга. Подлинный враг любви не ненависть — рефлексия.

Как дух редуцируется к разуму, так любовь сужается до секса, ***это один и тот же процесс***. Дух → любовь, разум → секс, интеллект(уал)ист → онанист.

Либеральные дурачки разного рода полов и полуполов смеются над фразой, которая была сказана про социализм: «у нас секса нет». (В точном народном переводе на русский, секс — случка). Имелось в виду, что суще-

ствует еще любовь. Это была идеализация. Но по крайней мере и понимание, что хорошо, а что плохо. Что вдохновляет, а что приедается. Теперь не отдают отчета и в этом.

Радуемся «свободе». Свободе пустоты. Ничто побеждает бытие, об(в)ернувшись свободой.

Что самое, самое ценное на свете? Говорим — Человек! Мы способны производить это самое ценное в сотни, тысячи раз больше, чем есть. Но мы отказываемся от производства подобных ценностей, предпочитая создавать ценности не жизни, а ума — вещи и вещества, а не существа.

Миллионы потенциальных существ — на помойках. Там умирают целые миры. Или в лабораториях. Там их, назвав стволовыми клетками, режут и пытают. ***Несостоявшиеся галактики жизни.***

* * *

Стоит ли искать и превозносить смысл во всех наших действиях, когда главное дело бессмысленно — наша жизнь. Но это не должно удручать человека. Жизнь не обязана оправдываться перед разумом. Она первична, т.е. причина, а тут ее заставляют. Если поступать до конца разумно, то предвидя финал, не надо бы рождаться, а родившись и узнав о нем, не стоит жить. Не нужно заботиться и о своем здоровье — зачем наполнять бочку, из которой все равно все вытекает. Ведь это бессмыслица. Однако большинство людей с ней соглашается. И правильно делает. Главное, ***не всякое знание допускать в чувства.*** Аналогичное рассуждение полезно перед лицом возможной смертности человеческого рода.

Для поддержания чувства смысла жизни время от времени надо совершать бессмысленные поступки. ***Выпадать из него.*** В Деяние или «в осадок», хотя это рискованно. Но рассудок ценится на фоне безрассудства. В том числе и свой. Как жизнь — на фоне смерти.

Полнота жизни: уставать — до удовольствия, отдыхать — до отвращения. ***Жизнь без меры.*** Опасная, не гарантированная, но живая. Практикуя такую жизнь, важно не перелиться через край — знать меру. Иначе — гибель и возможность остаться в истории Великим человеком.

Никто не сильнее своей слабости. Ведь без слабостей он совсем бес-силён.

* * *

Когда пишу об особо мрачных тенденциях развития, втайне надеюсь, что преувеличиваю, что это только возможности, а реальных фактов нет. Но что сказать, когда читаешь такие сообщения: «Любопытный аппарат относительно недавно предложили японские изобретатели. Это небольшая коробочка с источниками питания, вся напичканная электроникой. Спе-

циальный датчик, через который проходят высокочастотные импульсы, прикрепляют к корню полового члена. Включаете прибор — возникает стойкая эрекция. Интенсивность импульсации столь высока, что способна вызвать оргазм с эякуляцией и без участия женщины. Один из обладателей этого аппарата заметил, что ему теперь даже не надо ждать прихода жены с работы». («Летний вояж». Дайджест эротической прессы. Издатель: ТОО «Наш вариант». С. 3.) *Техносексуализм.* И больше сказать здесь нечего. Бесполезно и возмущаться. Помолчим — над тем, что когда-то будет/было человеком.

Да, это и есть пост(транс)модернизм, суть которого во влечении человека к смерти, его борьбе с самим собой, своим жизненным миром. В авангарде борьбы науко-техника, ученые, работающие над «усовершенствованием человека», люди, чье сознание уже похищено силами иного. Постмодернизм — это философия вхождения человечества в ***состояние без(д)умия***. Его духовная квинтэссенция.

Праздник non-sapiensов

По радио сообщили, что если в последние дни над Москвой стоял туман и пахло гарью (жара, горят леса), то сегодня небо очистилось. Это ***сделано*** метеослужбой посредством пропускания сквозь атмосферу электрических разрядов и распыления каких-то химических частиц. Что тут сказать? Просто нет слов. Публично демонстрируется самое дерзкое экологическое преступление. Ведь если в Москве вызвали дождь (или солнце), то их не будет в Подмосковье или прочих ближайших городах. Или в полях. Очевидно, что подобные слепые воздействия запутывают все, ибо атмосфера принципиально нелинейная система. Возникает климатический хаос. Больше не надо сетовать на странности погоды, небывалые засухи, вихри и прочее «потепление».

Это экологическое хулиганство тем более отвратительно, что было вызвано политическими мотивами. Была годовщина так называемой победы так называемой демократии над так называемыми путчистами. Объявили праздник, митинг, по случаю чего захотели «освежить воздух». Понравилось. Потом еще несколько раз «освежали» по разным поводам. Постепенно ввели в норму. Теперь есть план лишить Москву дождя и снега на «постоянной основе». Чтобы не убирать. Чтобы она не очищалась. И подарить всю (не)погоду ближнему и дальнему Подмосковью. Дожди и снегопады на постоянной основе. Спасибо, умники. Как символично

это корыстно-суетное отношение к природе! «Сыру хочется», — говорит мышка. Захлопнется-то не сразу, потом. Ах, вы, известные ученые, видные политики и крупные госдеятели — мелкие дурачки. После таких решений экологическое движение можно «закрывать». Оно, как оказывается, ***ничего*** не дало людям в плане понимания их действительно необходимого поведения. Им, по-видимому, уж ничем нельзя помочь.

Возразить против подобного вывода можно только одно: это технофобия. Автор «мисолог», ненавистник разума. Но ради бога, укажите на ошибку, уличите во лжи. Или надо прекратить думать, пользоваться этим разумом. Потерять душу и перестать чувствовать. Пока не могу.

«Зову живых».

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № 000 000 000

Широкая натура: то жить не хочется, то умереть боюсь.

Личность — это человек с определенным артиклем.

Этот человек.

* * *

Гуманизм — любовь к человеку. К конкретному. А если любовь к человечеству? Ко всему? Уже скользко, ибо все подлости и преступления совершаются под этим лозунгом — любви к человечеству. Но скоро может наступить еще более опасное время, когда о любви к человечеству и человеку не будут даже говорить. По-тихому перестают. Не модно. Модно дискредитировать.

* * *

Человек — воплощенное противоречие. Двигаясь в борьбе между желанием и долгом, он всегда выбирает. Чтобы идти посредине. Пока ему это удается, он субъект самого себя, свободен и нормален. Избежать Сциллы и Харибды, — значит «не влипнуть» ни в одну из них, сохраняя возможность перемен. Это удается сильному, слабый остается прибитым к одной стороне, либо избегает жизни, держась пошлой середины. Пошлая середина потому пошла, что не знает крайностей. Настоящая середина — стрежень. Он же и стержень жизни — смысл. Гармоническое развитие — вот утопия всех утопий.

* * *

Самый опасный яд — сладкий, доставляющий удовольствие. Наиболее страшное зло всегда выступает в форме блага. Тогда его называют коварством. Но это внешние формы зла. Самый коварный яд тот, который вырабатывается внутри организма, это трагическое зло, вытекающее из блага, являющееся его второй стороной. Таково коварство прогресса, таковы его достижения. Улучшая и продлевая жизнь человека, они «снимают» ее.

Вещизм, мещанство, накопительство, могут быть не только материальными, но и духовными. Тех, кто любит путешествовать, ездить, смотреть, читать — ***потреблять*** культуру, тоже надо считать мещанами, если они не отдают ничего другим. Тех, кто плюет на справедливость и заботится только о себе. Отдающий себя делу, детям, другому человеку, много работающий, пусть менее знающий и информированный, не посещающий музеи и выставки, заслуживает гораздо большего уважения, чем эти ***духовные***

тунеядцы, гордящиеся своей культурой, начитанностью и интеллигентностью.

* * *

Разум — это кинжал, воткнутый в тело человека. Образовалась рана — его душа.

Говорят: торгует собой, продает собственное тело. Но не говорят: торгует своей душой. Потому что душу можно продать всего один раз. Больше она не возвращается. А главное, ее нельзя купить. Продать можно, купить нельзя — что за рынок! Душу только ***отдают*** — Богу. А ***продают*** — Дьяволу. Не нефть, не золото, не машины, а Души — вот главный товар рыночно-потребительского общества.

О потере смысла жизни человеком говорят как о чем-то вроде психического заболевания. Вот мол как важен интеллектуальный аспект существования. На самом деле за потерей смысла жизни обычно стоит потеря чувства жизни, того бесцельного и бессмысленного ощущения бытия, радости от него, которые дают мотив к деятельности, в том числе умственной. Последняя, особенно в виде информации, разросшись, подавляет свой источник. Поэтому в глобально-экономическом обществе все больше торгово-развлекательных центров, кружков и групп, где продают удовольствия и «учат чувствовать» — и все меньше радости. Возникает «депрессивное сознание».

Ступени церебрализации

Личность — субъект жизни. Тот, кто подавив инстинкты, получил душу.

Интеллигент — субъект культуры. Тот, кто утратив душу, обрел духовность.

Интеллектуал — субъект науки. Тот, кто истощив дух, остался с «менталитетом».

Интелл*а*гент — (не)субъект коммуникации. Средостение между человеческим сознанием и искусственным интеллектом.

Его носитель — «человеческий фактор». «Здравствуйте факторы, молодые, незнакомые» — говорю я своим знакомым компьютерщикам. Хорошие парни. Но головой и сердцем торчат в машине. В жизни только нижняя часть туловища — ноги и орган прямого продолжения этой жизни. И то торчит не у всех. Или используется не по назначению. Или не используется по назначению. Как руки. Превращаются в ласты. Компьютерные вирусы поражают не столько другие компьютеры, сколько компьютерщи-

ков, делая их вялыми, безразличными к «внешнему миру», к другим живым людям. «Виснутые», превращаются в «текст» и «разговор». Жалко их. Но пожалеют ли они нас, когда будут совсем бесчувственными, «люденами», нас, кто останется не очипован, с душой и похожим на человека? Нас, аборигенов, в статусе новых эскимосов и туарегов. Оставят ли нам места для резерваций? За которые пора бороться.

Аборигены всех стран, соединяйтесь!

Алкоголизм, неврозы, многие формы преступности являются следствием того, что человек ***не справился с противоречием:*** жить страстями и быть выше их. Стрессы и депрессии — это результат гипертрофии духа в ущерб телу, продукт перерастания психики в сознание, сознания в самосознание. Настоящее личностное (и личное) богатство человека в его открытости миру, т.е. способности к любви. Только любящий — не боится. Особенно кого/чего любит. На пике — ничего не боится. И стрессоустойчив. Этого богатства все меньше. Особенно у богатых. ***Новые бедные.***

* * *

Кто верит тому, что говорят другие люди — обычный, нормальный, плохороший человек. Простой и честный.

Кто догадывается, что они на самом деле думают и чего хотят — человек проницательный. Умный, хитрый.

И только кто понимает, что слова людей значат помимо их воли и желания, какие объективные тенденции и обстоятельства жизни через них выражаются, тот философ. Человек мудрый.

Как-то один человек давал советы «за жизнь»: если Вам плохо и преследуют неудачи, помните, что это пройдет. Если Вы радостны и вам везет, пройдет и это. Повторяя царя Соломона, слыл он мудрым и всем его слова казались глубокими. А по-моему в них только ум. Мудрый должен сказать: если Вам плохо, помните, что это пройдет. Если Вам везет и вы счастливы, живите, будто так будет всегда. Но это поведение почти сверхчеловеческое. ***Пре***-мудрость.

* * *

Еще на моей памяти говорили о формировании всесторонне развитого гармонического человека. Какой вздор! Трагическая утопия. Человек рас- падается даже как целое, как единство тела и духа, выражением чего была душа. Вместо души — чистая мысль и голая чувственность. Робот и животное. Совершенствующийся робот и слабеющее животное. С распадением души утрачивается способность к любви. Тем самым утрачивается аура жизни, ее магнетизм, разлитость жизненного начала в теле и вокруг его. Чувственность сосредоточивается на физиологическом уровне и кон-

кретном органе. Потому людям так трудно сближаться. Они одиноки, ибо их влечение не имеет силы выйти вовне, проникнуть в другого человека, который в свою очередь, тоже не имеет души и ауры. Двигаются рядом как ***размагнитившиеся куски железа.*** Заняты духовной мастурбацией, а ее результаты поверяют книгам, блогам, вообще — «публике». А сами пустые. Это же одна из причин «извращенности» человека. Гомосексуализм, феминизм, трансвестизм — любовь к себе, перенесенная на другого. Вместо любви к другому. Сексуальной энергии для преодоления аутизма и взаимной отчужденности хватает только на ближайшее состояние — лиц своего пола. Или на себя. Самолюбы, гомолюбы.

Однако совет типа, «берегись своих желаний» и простое осуждение их — поверхностны. Для большинства «извращения» не прихоть, но суровая необходимость. Иначе — невротизм, непрерывная боязливость, алкоголизм, секты, ранние инфаркты и даже смерть.

Ставят разные, самые причудливые диагнозы. А он один — ***самоотравление желанием.*** В этих обстоятельствах некоторые опускаются до решения жить. Другие просто опускаются. Заранее.

* * *

Что делает людей по-настоящему друг другу близкими? Генетически, близкий — это тот, кого можно об-лизать. Если вам (вас) некого (некому) лизать, у вас нет близких. (Поцелуй — краткое, символическое обозначение близости. А когда долго целуются, то говорят — лижутся). Что касается социальной близости, то она возникает из общности положения, дел и вытекающих отсюда переживаний — общности судьбы. Вот почему самоценны привычка, привязанность, составляющие ядро дружбы, да, пожалуй, и любви. Действительно, что за дружба и любовь, когда заранее знаешь, что в любой момент ты будешь не нужен. Это только влечение или «интерес». Связь «на время». «Семья» по контракту. Цивилизованное общество: дружелюбно улыбающиеся, глубоко чужие друг другу люди. *Flash smil*e, «бизнес-улыбки». Внешнее расположение как бы компенсирует внутреннюю самодостаточность, когда человек зависит только от себя. Прежде всего в труде, который все больше становится умственным. Для ума нужно общество, теперь уж, вернее, информация, а не люди. Конкретный человек нужен для души. А душа в техническом мире фактор брака, которым постепенно становится и сам человек. Со всем своим умом.

* * *

Вот еще одно диалектическое коварство жизни. Доверительность общения, которой так жаждут люди, включает в себя ядро саморазрушения. Доверительность предполагает сохранение тайны. Но доверительность

с другим человеком требует не таить ничего. Нельзя иметь доверительное общение со всеми людьми. Ложь — неизбежный элемент жизни.

Все интимное — любовь, порок, преступление скрепляется тайной, тем, что знают только причастные. Есть более широкие группы интимности — тайные общества. Тайна объединяет, снимает отчуждение между посвященными в нее. Возникает живая, жизненная связь, которой так не хватает людям. Преодолевается механистичность существования, его скука. Иногда такая потребность реализуется через «мафию». Но все это только у достаточно сильных душ. Большинство раскаивается, боится, что «влип». Однако человек, у которого не было тайн — пустой.

Тайна противоположна секрету. В секреты играют, ими делятся, а от тайн сходят с ума. Тайну, если употреблять слово строго, знает только один — сам человек! Когда min двое — это секрет. Преодоление невротизма: превратить тайну в секрет. Тайна здоровой жизни: никаких тайн, одни секреты.

По мере сил я стараюсь всегда говорить правду. Сбрасывать маски с себя и других. По мере сил я стараюсь лгать. Хранить тайну. Свою и чужую. Плохо, когда нет сил ни на то, ни на другое. Это — слабодушие.

Но что значит быть сильным? По крайней мере, в наше время. Это значит — ***уметь приспособить(ся)***. К человеку, к ситуации. К эпохе. Только не надо это понимать упрощенно, этически. Приспособляясь, — остаться. Собой. В этом сила. В идентичности. Как ее сохранить? Быть искренним. Искорени, из корня, из/по сути — жить. Трудно, фундаментализм.

Один мой студент сказал, что он не носит, даже не имеет мобильного телефона. Намеренно. Как я его зауважал. Не знаю, долго ли продержится, но на экзамене по философии — сразу пять.

Раздражают, ругаю, однако про себя уважаю опаздывающих на лекцию. Правда, кто не регулярно. Это уверенные и социально смелые люди. Разгильдяи.

Одинокий человек: если его бьют, некому пожаловаться, если победил, некому доложить о результате. Как бы он себя ни вел, ни чувствовал, по факту он — крайний индивидуалист. Ибо живет сам с собой. Социальный онанист. Мечтали об обществе коммунистическом, а возникает прямая противоположность — онанистическое

Могу ли я сказать, что у меня есть друг? Нет. Только другие. И так у большинства. Все друг другу — другие. Мы теперь не товарищи. Слово не зря выпало из обихода. Мы жители, мы население — гражданское общество. Но я не гражданин. И все еще встречаю неделовые, «негражданские» взгляды. Взгляды общения. Реальной дружбы нет. Но сохранилась потреб-

ность в ней. Любить людей, созерцать их как собак, траву, воду и прочую природу — это греет. Значит, жизнь еще теплится.

Проснулся

И совершенно нагло, не считаясь ни с какими социально-культурными нормами, мечтал. Между прочим, я долго себе не мог этого позволить. Скорее всего, мне повезло. Полная свобода воображения, у кого оно есть, очень опасна. Или не повезло. Упущена возможность для поступков. Один миг, один час жизни человека может сделать его судьбу и может стоить судьбы. Это час — Поступка.

Ошибки молодости. Безошибочный = старик. Некоторые — с молодости. Сплошная ошибка

Есть вещи, о которых можно думать, но не говорить. Есть вещи, о которых можно говорить, но не делать. Есть вещи, которые можно делать, но о них не следует ни говорить, ни думать.

Самая трудная проблема для человека не в том, чтобы думать, а в том, чтобы не думать. «Уметь не думать». Я думаю, что не думаю.

Всякий человек боится нарушить какой-то запрет. Мучается этим. Но запреты для людей разные. Каждый имеет свой. И нарушает его по-разному. Один, вопреки приличиям, внезапно уходит не попрощавшись. Другой, задумав убийство, долго колеблется. Первый совершает решительный поступок, но он дитя, второй — нерешительный, но он — бестия. Недо- или сверхчеловек? Крайние полюса отношения к социуму: безвольная преступность или дерзкая невинность. Средний человек как всегда посредине. Русское слово «середина» переводится на латынь и язык науки как «норма». У нормальных людей ненормальны только сны. Грехи прошлых жизней.

* * *

Фрейдизм в три предложения: болезненное напряжение в отношении некоторых возможностей возникает от сознания невозможности их осуществления. Но когда, хотя бы раз они осуществляются, человек становится либо их пленником, либо его напряжение нормализуется до «интереса», до взгляда со стороны и расчета ситуации. Тогда говорят, что он перестал быть невротиком — выздоровел.

Самое недосягаемое — рядом.

* * *

В утешение тому, у кого рухнули далеко идущие планы: человек не знает, что ему будет лучше.

В предостережение тому, кто достиг заветной цели: человек всегда найдет повод для страдания.

Утреннее сожаление об упущенных возможностях: ах, если бы я знал что это сон, то кончил бы дело по-другому.

Структурный состав многих поступков (героя и авантюриста, например) одинаков — это выход за пределы принятого. Но в нравственно противоположные стороны. У их поступков только разные знаки. Во всяком развитии есть элемент риска. Есть вообще «риск развития», без которого настоящего развития нет. Стремясь получить гарантии от плохих последствий оригинальности, общество убивает оригинальность. Или позволяет ее по пустякам, как «оригинальничание». Или, опираясь на достижения гуманитарно-технических наук: психокоррекция, нейролингвистическое программирование и прочее, вплоть до Hi-Hume, как манипулирование под наркозом разглагольствований о свободе.

Подлинных вещей, оригиналов в мире совсем немного, большинство — копии, результат тиражирования оригинала. Также среди людей. И все больше копий без оригинала. Копия важнее оригинала — провозгласили постмодернисты. Не зря.

* * *

Счастье: прожить жизнь со смыслом, ощущая это в течение жизни. И прожить дольше — «натворить больше», пропустить через себя больше энергии, по-русски говоря, силы, т.е. ***прожить сильно***, а не просто по календарю. Человеческое существо должно как можно полнее использовать заложенные в нем потенции — воз-можности и «взять от жизни все», поскольку «один раз живем». Это не значит прожигать жизнь, а значит, до конца исчерпать отведенное природой время, чтобы всесторонне развить свою сущность. ***Быть счастливым — нравственно***. Это важнейший долг человека, который, правда, (не) все не выполняют.

Написал мемуары. Книгу своей жизни. О том, как не надо жить.

Говорят: с ним случилось несчастье. Но бывает и по-другому. С человеком случается счастье. Отчего же считают, что оно к нему «приходит». Видимо все мы надеемся, что это не случай, а закон.

Звери и дети — самые счастливые существа, с умилением говорят взрослые. Несчастье, однако, в том, что звери и дети не знают об этом. Так и все счастливые почти не знают о своем счастье. А узнав, начинают бояться за него. И счастье кончается. Знание — враг счастья. И вообще — бытия. Чем больше образованных, тем больше несчастливых? Безбытийных? Нет, это было бы сильно сказано. Мы не несчастные, мы — ***бессчастные.***

* * *

Люди действуют либо от недостатка, либо от избытка. Чего угодно. От нарушения душевного равновесия (равно-душия), к которому обычно стремятся как синониму покоя и счастья. К такому счастью надо стремиться, но не достигать. Кто всего достиг — все потерял. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Не согласен. Искренно смеется первый. Хохочет. Последний — хихикает. Настоящий смех всегда дурацкий. Это телесно-духовное выражение радости бытия. Беспричинный. Он уходит. Вместо него — ирония, юмор, которые возникают при сдвиге или сшибке разных по уровню восприятия смыслов. Это «логический смех». Интернет и газеты переполнены анекдотами, но над ними не смеются, как когда-то было, когда их рассказывали. Только ухмыляются. Это «смех про себя», внутренний, в голове. Беззвучный, «смайлики». Невидимые миру слезы и неслышимый миром смех. Не смешно.

Интеллектуал: все его чувства отравлены мыслями. Настоящее поражено будущим. Он потерял нечто очень важное для жизни — способность к легкомыслию. Его физическое тело живет в силу инерции, ибо тяжелее х... он ничего не поднимал. Гляди того, не сможет и это. Всегда озабочен, однако, не столько реальными, сколько возможными проблемами. Виртуальная проблематизация мира — таков результат развития рефлексивных способностей человека. Существование в потенции, прежде чем перестать существовать вовсе. ***Эпоха Вы-рожден-и-я.***

Но тут навстречу радостно выбегает наука. Эстафета принята. Компьютерное сканирование личности, искусственный интеллект, саморазвитие информационных комплексов. ***«И примешь ты смерть от коня своего.»***

* * *

Если человек не увлечен никакой деятельностью, у него всегда что-нибудь болит. Не беспокоящийся о мире, беспокоится о себе. И в этом беспокойстве себя утрачивает. Немало людей, которым можно поставить диагноз: болен здоровьем. Довольно опасно. Такой выздоровеет лишь после смерти.

Человек устает, прежде всего, от самого себя. От беспокойства о себе. Зря осуждают эгоцентриков и рационалистов. Это непрерывные труженики, «з(р)аботники».

Нигилист — человек, который считает себя абсолютно свободным. Принцип вседозволенности. Аморален и циничен. Сверхличность. Герой. Преступник. Дьявол.

Конформист — человек, который не свободен ни в чем. Функция официальной морали. Тотально отчужденная личность. Обыватель. Раб. Ангел.

Реалист — абсолютно свободен в мыслях, относительно свободен в чувствах и ситуационно свободен в поступках. Принцип моральной автономии. Всегда движется между пропастью нигилизма и стеной конформизма. Как только останавливается, падает «туда» или «сюда». Интегрированная личность. Творец. Человек.

* * *

Хотят обычно то, чего нет. Это естественно. Странно было бы хотеть того, что уже есть. Также странно хотеть то, что можно. Подлинно хотят того, что нельзя. Запретного. (См. первородный грех Адама и Евы; о единственной закрытой двери в сказках и т.д.). Таким образом, все заветные жизненные стремления — греховны. Сильные — преступны. Отсюда центральная роль греха в религии и преступления в обществе. Проблема борьбы с ними. С желаниями, с искушениями. С дьяволом. Дьявол — это мифо-идеологическая манифестация искушений нашего Духа. Ведь он — падший Ангел, давший волю страстям. По-стра-давший.

Лев Толстой однажды сказал, что люди, побывавшие под судом, приобретают благородное выражение лица. Лев Шестов расширил эту мысль «до обратного»: благородное выражение лица признак того, что человек побывал под судом.

Думается, он банализировал мысль Толстого. По сути можно сказать так: благородное выражение лица имеют люди, способные на преступление и на подвиг. И совершающие их, хотя бы мысленно, в намерениях. А если на деле, то это зависит от соответствия деяния характеру деятеля. Силе его духа.

Грех и преступление в совершенствовании человека

В одних случаях грех разрушает личность, делая ее мелкой и скользкой. В других — способствует росту и возвышению. Второе возможно, если поступок соответствует внутренней силе индивида. Преждевременность вредна, и до 16 (25, 40, 60) лет многое нецелесообразно даже знать, не говоря о том, чтобы делать. Также и после 16 (25, 40, 60) лет кое-что надо уметь забывать.

Предпосылкой благополучного переживания проступка является предварительный труд души. *Интерпретация*. Она, как правило, важнее факта. ***Право на грех надо заработать. Вы-стра-дать.***

Что касается преступления: «Тварь я дрожащая или право имею», то ситуация Раскольникова должна интерпретироваться конкретно. Однако

я не хочу говорить об этом. ***Права не имею.*** Право на преступление имеет только гений. Талант может позволить себе грех. Другие должны грешить и преступать без о-прав-дан-и-я. Переживать чувство вины. Есть ли на свете мужество, каждый решает сам. А кто есть кто и объективную меру дозволенного ведает Бог: Мне отмщение, Аз воздам.

* * *

Храм Вознесения Господня в д. Матренино Чкаловского района Нижегородской области — шесть человек на исповедь. Из них двое «мужеска пола», которых, по церковному канону, должны исповедовать в первую очередь. Встают на колени, но видно, что о своих грехах говорят скупо, формально, священник отпускает им их и их самих тоже довольно скоро. Не то с женщинами. На каждую времени ушло в 2–3 раза больше. Потому что и грехов оказалось много, и отпускать каждый надо дольше. Похожая ситуация в кабинетах психотерапевтов. А, в самом деле, у мужиков какие могут быть грехи? Почти нет. Это существа открытые, чистые и непороч/ен/ные. А если закрыты — намертво и ключ забросят. У них — преступления, нередко мании и жестокие, которые гораздо чаще, в обратной пропорции, по «признательным заявлениям» отпускаются в судах. И искупаются в тюрьмах.

* * *

Безгрешные люди обычно нетерпимы и злы. Доброта и прощение вырастают из оправдания собственных грехов.

Зло и нетерпимость — грех. Потому первые не безгрешны. Грех — это зло. Потому вторые не добры. Божественно-дьявольский принцип дополнительности.

Всегда доброго не всегда уважают. Или даже всегда не уважают. Доброй натуре надо культивировать зло.

Ведь человек как лекарство, если безвреден, то бесполезен. Пусть будет больше полезно-вредных людей.

Спутник варварства — наглость. Спутник культуры — подлость. Прогресс нравственности: от наглости к подлости. А что потом? Ни того, ни другого. Технологии или лгут на голубом глазу. Естественно. Как норма. Это «высший пилотаж» — (без)-нравственности, по ту сторону добра и зла. Поту-сторонние люди.

* * *

Теряет дни, транжирит время — жизнь без ума; считает минуты, время — деньги, жизнь — без чувств. Все бегут, все спешат, физически и духовно: неблагодарное время, когда нет времени на благодарность. Даже Богу помолиться — некогда. А когда остановится, упадет как с велосипеда. Вышел из игры. Либо в жизнь, либо в смерть. Отыграл-ся.

Что такое образ жизни средне активного обывателя, затюканного работой или запуганного безработицей и прочей социальной суетой? Это когда образ есть, а жизни нет. Образованные! Пожизненное образование, образование — как бытие, — таков девиз XXI века. И множество людей везде хотят успеть, появиться, высказаться, опубликоваться. Хотят, чтобы ***их стало больш***е. А получается меньше, так как мель-ше. Мель-(те)шат. Чтобы было больше, надо стать меньше. Чтобы дальше распрямиться, надо сильнее сжиматься. Концентрация. Не успеют оценить? Ну и что. Зато «крепко жил». Количества так много, что его как бы нет. Фон. Пора слушать молчание. И выделяться «недеянием».

Смерть смерти

Много думали, писали, но ничего примиряющего с ней не придумали. И не придумаешь. Примирить жизнь со смертью невозможно, как бы ни исхитрялся, ни ловчил наш разум. Говорят, что когда много проживешь, то как индийский слон, довольный, пойдешь помирать. Но что из того, что мне потом возможно захочется умереть. Ведь сейчас я не хочу такого времени, когда захочу умереть. Представлять, что человек не умер, но не хочет жить, это все равно значит, что он умер раньше смерти, потеряв волю к жизни, сознание и желание ее. И жалко становится человеку себя перед такими перспективами (благоприятными), страшно старости. Также жалко все человечество с его страстями, удовольствиями, борьбой, красотой — со всем, что связано с биологической основой. Жалко, что ему суждено замениться на более умные, точные, мощные, бессмертные сгустки разумной материи, которые мы называем сейчас машинами.

Долой бессмертие. Да здравствует смерть!

Смерть — понятие мифологическое, религиозное, поэтическое. Долгое время она имела конкретный образ — старуха с косой. Теперь стала без-*о*бразной, но слово осталось все равно не научное. Для науки смерти нет. Точно также как нет души. Просто остановка организма. Смерть, виноват, «прекращение функционирования мозга». А потом — в Яму. Но могила, яма — это тоже высокая поэзия. Для науки и научной философии — смена формы бытия, превращение в иное. Например, в лопух. Или в интеллектуального робота. Чем не бессмертная материя? Поэтому для настоящего человека науки смерть не страшна. К мертвецам теперь относятся весьма прозаически. Без прежнего ужаса. Потому что сами полу-мертвые. Почти бес-смертные.

Раньше о людях говорили: бессмертные души и бренные тела. Оказывается, может быть иначе: души гибнут раньше. От людей остаются функциональные оболочки. Они и действуют. Гуманоиды.

Я — результат ночной случайности. Так мы приходим в мир без всяких оснований, а уходим с неизбежностью. Смерть — единственное правило жизни, которое не знает исключений.

Все время толкуют о смысле жизни. А в чем смысл смерти? Без ответа на второй вопрос нельзя понять первый. ***Это один вопрос***. Смысл нашей жизни придает смерть. Бессмертие сразу сняло бы смысложизненную проблематику. Оно — бессмысленно. В свою очередь смерть получает смысл через жизнь. Жизнь — это 1 (единица). Смерть — это -1 (минус единица). Плюс дает смысл минусу, а минус — плюсу. Жажда бессмертия — это жажда бессмысленного бытия. Бессмысленное человеческое бытие = небытию.

Долой бессмертие. Да здравствует жизнь!

* * *

Смерть перестала быть социальным событием. Вообще — ***событие***м. Помнят два дня и то ближайшие родственники, и то если не напились транквилизаторов. А если напились сразу, то забывают, кого хоронят и озабочены только тем, как бы скорее завершить это тягостное мероприятие. Другие мельком, про себя отмечают, что вот еще один человек ушел на кладбище. И то, если из своего подъезда. Или скажут: ах да, Вы слышали, такой-то умер. Да-да, как жаль. Смерть близких не афишируют, напротив, ее стесняются. Даже крышки гроба перестали выставлять. Плакать по покойнику неприлично. Это, как говорят на Западе, «потеря контроля над чувствами». Похоронных процессий больше не видно. Но это паллиативы. Принципиальное решение — отправлять умирать в особые дома. В хосписы. Умер «на руках плачущих специалистов». Оттуда прямо в могилу. Вернее в урну (какое точное слово). Чтобы в квартире не было ни больных, ни мертвых. Это не функционально. В общем, люди теперь не умирают. Они — исчезают. Про-пал (без вести). Как падали животные в бегущем стаде. «Падеж скота». А культура возникла, когда люди стали хоронить своих мертвых. Теперь их прячут. Так странно осуществляется мечта человечества об избавлении от смерти. Избавляемся сначала в сознании, а потом на Земле. Говорят, что уже есть «Интернет-кладбища». Чтобы не отрываться от компьютера ради пустяков. Таких, как жизнь. Но ***если не событие смерть, то не событие и жизнь.***

* * *

Есть предложение для фирм ритуальных услуг: поскольку плакать люди разучились, а оркестры средние покойники заказывать перестали

(дорого, да и шумно, привлекает внимание, а теперь хоронят «по-тихому») преобладает какое-то тягостное молчание (слишком тихо, «неловкость смерти»). Не проводить ли похороны «под фанеру», музыкальную фонограмму? Включать одну на все кладбище на целый день. Как «Радио на Покровке» (центральной улице Нижнего Новгорода). Покойники будут все это оживлять. Впрочем, так уже делают — в ритуальных машинах, под шум мотора, прямо на ходу. Автоматизация смерти идет вслед за автоматизацией жизни. Надо шагать в ногу со временем. Ставят же в католических храмах Богу свечки, опуская в прорезь монетку. Для получения благословения. Как для получения экспресс-кофе. Автоматизация веры. Самого Бога. Авто-мото-бог. + Бог в сетях Интернета. Как подводная лодка в степях Казахстана. И ведь исповедуются, молятся ему т(ут)ам, служат. А в храмах теперь «предоставляют религиозные услуги»: расфасовывают и продают веру. Господи, Всё-могущий!? До чего Ты дожил.

Брось на них молнию!

* * *

Современность перевернула иерархию Троицы: Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой. Несмотря на провозглашаемую равноипостасность, у богов всегда была разная, хотя исторически меняющаяся востребованность. Первопричинного Бога-отца, Йегову = Саваофа, «Творца небу и Земли» почти забыли и довольно давно. Уже в начале XX века В. Розанов защищал его, критикуя христианство за пренебрежение к чувственности. Ему и икон, кажется, нет. По крайней мере, больше не пишут. Однако сейчас Христа тоже забывают. Да, в отличие от сурового Отца он не требует, не грозит, не наказывает, а прощает. Но плохо помогает. Помогает просителям и эгоистам Богородица — главное теперь наше (не)божество. Потому что она — Заступница. За людей, перед Богом. Молиться надо ей, а она уж там постарается. Богородичных икон по названиям городов — на все вкусы. Потому что люди, особенно теперь, хотят, чтобы не они служили Богу, а чтобы Бог им. Кроме того, большинство верующих — женщины и по мере вырождения человека, размывания всего сильного, мужского, его замены феминистской имитацией, возрастает спрос на женское божество, женских святых. Троица теперь предстает как нынешняя семья: Бог-отец, Бог-мать, Бог-сын, с соответственно изменившимися ролями. С «материнским капиталом». Или как постсемья из (бого)матери-одиночки, у которой капризный сын-человек все время клянчит чего-нибудь сладкого. А с Бога только алименты. Что касается Святого духа, то он превращается в Разум. «Святой разум». Гностицизм: вместо веры — рассуждения о ней, вместо богомолов — бого-

словы. И Патриарх (старший архиерей) — политолог. Дух-разум любят использовать разные оккультные секты и гадалки, а также на «теологических факультетах», из десяти выпускников которых обычно выходит один мракобес и девять «религиоведов», т.е. еретиков и атеистов. В науке, у ученых как агностиков и непоследовательных атеистов, от Бога осталось: «Что-то есть». Это «что-то» ни образа, ни вида не имеет, молчит и ни с кем не общается. Оно скорее было, чем есть. На(со)творил человека и скрылся. А кто воспитывать будет? Он-о засох-ло, как их ученая душа, до пустой абстракции, математической точки, «сингулярности» или буквы, у Тейяра де Шардена, например, «Омега».

Тоже и со святыми. Во времена коллективизации в подмосковной деревне жила слепая девочка, потом малограмотная женщина. — Матрёна (или даже Матрёнка, как, зная деревню, можно уверенно предположить). Сверстники-подростки ее обижали, насмехались, но она начала лечить, заговаривала зубы, что-то предсказывала и приобрела известность. Братья вступили в колхоз, были против, но к ней начали наезжать из Москвы, даже «элита», а потом саму перевезли туда. Поскольку она держала иконы, её признала церковь. А потом объявили святой. Но не Матрёной, а Матроной! Я думал, потому что «гламур требует». Не о Матрёне же салонно-косметическая дама рассказывала и не Матрёне она хочет молиться. Но говорят, что так «по святцам». В общем, в православных церквях теперь иконы святой Матроны. На католический манер. Римляне. Может хохломские матрёшки назвать матрошками?

Эх, дела житейские…

Богоробо-Ты

Однако, скоро, скоро грядет перелом в отношении к Богу. Совсем недолго осталось, когда Его будет культивировать наука, ученые-технократы. Объявят, что он существует. И поэтому существовал. Под ним будут иметь в виду Универсальную Сеть, которая все знает и мгновенно творит новое. Посредством нанотехнологий. Сущий Бог. (Богоробот, Богоробы, Богоробица) Который также когда-то создал/спроектировал Землю и Человека. В котор(ую)ого можно уйти, сохранив себя как информацию. Стать «бессмертными». Будут ему/ей поклоняться, молиться, слагать гимны. Возникает техно-теизм. Техноверие, со своими апостолами, пропагандистами (в русскоязычной культуре им можно считать, например, М. Эпштейна). Число едино(после)следователей такого рода начинает быстро расти.

Религия трансгуманизма. Или просто: «Трансианство». Вместо христианства. Философы под это подведут соответствующую базу. Атеистами и еретиками будут считаться старо-веры (в живого Бога, разные традиционалисты, христиане и мусульмане) и «дикие, не отловленные», типа меня, светские консерваторы. Свободомыслящие фундаменталисты и реакционеры-атеисты, с одной стороны, и верующие фанатики транс(про)гресса, сциентисты и сайентологи, с другой. Борьба между ними, поражение первых (их будут приносить в жертву) и победа вторых (в награду они будут растворяться, воссоединяясь с бессмертной Матрицей). Такова диалектика Просвещения, ведущая к «ново-темному» (в рентгеновских и лазерных лучах) ***Трансвековью,*** которое будет объявлено Высшим Светом.

Прельщение бессмертием

Никто не живет вечно. Даже звезды. Чего тогда стоят разговоры о бессмертии человека. Это понятие с пустым объемом. В случае достижения непрерывности сознания путем «переписывания» его на другой субстрат, индивидуальность сознания теряется во времени. Бессмертие станет возможным, когда некому будет умирать. Не будет индивидуализации жизни. Другое дело, что слишком мало людей доживает до смерти. Стремиться к тому, чтобы от свечи не оставалось огарка — вот ближайшая и реальная задача человечества. А на все сетования о бессмысленности жизни надо сказать: жизнь не обязана оправдываться перед мыслью.

Наступление цивилизации на жизнь сопровождается усилением выступлений против смерти. Распространяется ***идеология бессмертия:*** надеются на него, призывают к нему, проектируют его. А в сущности, все это проявление абиотических тенденций развития, их превратное осознание. Ведь смерть входит в содержание жизни как самый глубокий и фундаментальный фазис ее обновления. Жизнь и смерть — две стороны одной медали. Стирать медаль можно с любой стороны. Наиболее коварное и завуалированное стирание — с тыльной. Смертный человек готовит себя к замене бессмертным разумом. Но перед тем как стать бессмертным, разум должен стать безжизненным. Что и происходит сейчас на деле. И что выражается в идеологии бессмертия.

Человеческому роду угрожает не смерть, а бессмертие.

* * *

Думая о последствиях, нельзя совершить ни подвига, ни преступления. Настоящие п(р)оступки не просчитывают. Они спонтанны, т.е. бездумны.

И вообще, возможно, что самые главные вопросы жизни надо решать жребием. Как древние.

Совершить поступок — это что-то нарушить. Нарушить в этом мире. Смелый — значит преступный. Настоящие преступники талантливы, настоящие таланты преступны. Почему их не судят? Свои преступления они совершают в сфере духа.

* * *

При современном состоянии сексуальной морали, муж, который не изменяет жене, подозрителен. Скорее всего, он «неполноценный». Или (не) любит (не) женщин. Короче говоря — ненормальный. Аморал.

Мой упрек жене в лучшее время наших отношений: нехорошо быть такой хорошей. Я чувствую себя «грязным типом».

Совет мужу сварливой жены: терпи днем, если нетерпелив ночью.

Совет невротику: если боишься выздороветь, то хотя бы не лечись.

Совет неопытному: остерегайся людей, ведущих хищный образ жизни.

Однажды я понял смысл выражения «стоять на ушах», но для тех, кто не стоял, пусть это останется загадкой. Ее можно включить в тест на «на-стоящего человека».

Мне всегда был неприятен старик, просто пожилой человек, много или даже просто разговаривающий о сексе и любви. Тем более, публично. Например, профессор на лекции. Молчи уж. Отговорила роща золотая. А также и какой-либо официальный авторитет, большой ученый, солидный начальник. Молчи уж. Это явно не твоя стезя. Второй вариант ко мне не относится. А вот по первому — молча пишу.

Учитель и ученик, почтенный профессор и студент — это скандал, если например, они встретятся в бане. Вместо личностей, два голых тела, одно из которых, как ни крути(сь), обезображено временем. Не могу представить. Из-за этого не хожу в ближайшую к университету баню. Вдруг столкнешься с аспирантом (Один раз столкнулся). Скрылись в мыльной пене.

Обычно восхваляют интуицию. «Интуиция его никогда не подводила» — пишут в детективах. Меня — сплошь и рядом. Даже в лесу: явственно кажется, что на выход, к свету надо идти «туда». Все наоборот. Иду вглубь, в чащу или на дно. Так и «по жизни».

Нормальный человек всегда должен быть немного навеселе. Потому что влюблен: в кого-то, что-то, как-то. Только тогда он живет, а не функционирует. И если не болен, всегда напевать. Войдет вот такой в автобус или метро и что будет? Функ(*по/ми/ли*)ционеры заберут. Сдадут психиатрам. «Для нормального (человека) планета наша мало оборудована» (В.В. Маяковский).

В близкой совместной жизни люди испытывают друг с другом всю гамму чувств. От любви — до ненависти. Стремиться только к «счастью», значит хотеть розу без шипов, климат без погоды, быть духовным потребителем, брать только одну сторону жизни — хорошую. Быть сладкоежкой. Близость же, как все на свете, имеет тень. А многие хотят только солнца. Пляжники. Потом не умеют быть близкими нигде, ни на солнце, ни в тени. ***Само***любив(м)ые.

* * *

Что лучше — иметь твердый взгляд или твердые взгляды? Я бы предпочел первое, но имею только второе. Да и то не всегда.

Люди обладают разными лицами (харями, харя(а)ктеристиками). А значит и характерами. Одни твердым, другие жидким, некоторые — даже газообразным. Самый счастливый — пластичный, со свойством приспосабливаться, сохраняя себя. Но не хамелеон. Протей. Устойчивое развитие.

Удачливый человек, это когда не он что-то находит, хотя бы например, грибы, а когда они его находят. ***Попадаютс***я. А неудачник — сам «попадается». О деятельности таких людей можно сказать: суетится как рыба в колесе и бьется как белка об лед.

* * *

Человек должен стремиться к другому человеку. Специалист должен вырываться за пределы своей профессии. Человек духа — к предметности, предметный человек к рефлексии. Интеллигент — к народу, человек из народа — к образованию. ***Все живет другим. То, другое — матери***я, среда и почва ***этого***. Любая замкнутая на себя данность — умирает.

В любом споре по вопросу «кто лучше» нравственная сила за тем, кто не боится сказать, что он хуже. А старше тот, кто отдает и уступает. Он субъект. Берущий всегда немного ребенок. Он объект. Эгоист: по форме субъект, по сути — объект. Квази-субъект. Брать — радость чувств. Удовольствие. Дарить — радость духа. Вдо(у)хновение.

Моя филопсофия

Гляжу на своего Филю, потом Мадраса и других знакомых собак: животные обретают душу. Параллельно тому, как у людей она распадается на интеллект и физиологию. А тот, у кого она остается, «по душам» может пообщаться только с псом. Недаром их так много заводят. «Для души». Полно семей, в которых только одно живое существо, да и то собака. И любой непредвзятый наблюдатель должен признать, что большинство

собачьих лиц благороднее человеческих. Взгляд тоже глубже и внимательнее. Мудрее, наконец. А сколько людей с мордами и пустыми глазами. Поневоле задумаешься, у кого на самом деле лицо.

Как в большинстве семей, в нашей все играют определенные бытовые роли, имея несколько обязанностей. Только у Фили — одна священная обязанность — Быть. Хорошо человеку, если у него есть такая же. Хотя бы среди многих. Иначе позавидуешь псам-бомжам.

А как они болеют и умирают: смиренно, терпеливо, молча. Ни раздражения, ни капризов или гнева, поистине по … (не пишу из-за боязни обвинения в кощунстве). Философия должна учить умирать, часто вспоминают кого-то из древних. Это надуманность, вслед за древними. Философия должна учить жить. А умирать надо учиться у собак. И теперь, любому хорошему человеку, когда придет срок, с чистой совестью можно пожелать: умри как собака.

Собака — друг человека, при том настоящий, способный на жертву. Собака — пол-человека. Кошка — ⅓. Наша добрая приятельница.

Раньше собаки охотились на дичь. В этом было их главное хозяйственное назначение. Теперь, если в хозяйстве, они охотятся на наркотики. Дичь нашего времени.

Хвост — улыбка собаки. Особенно у лаек. А сколько людей сидит, ходит, бегает с опущенными или даже всегда поджатыми хвостами. Собрание стаи. Главный пес Бар/босс (пре-ди-ре-ктор-крат) сидит за столом и сердито виляет хвостом. Периодически лает, временами переходя на рычание. Остальные слушают, поджав хвосты и прижав уши. Некоторые, в ответ на обращенное к ним гавкание, что-то скулят. Из кабинета все выходят (с) (пр)опущенными хвостами, хотя кое-кто позволяет себе иронически им помахивать. Грустное зрелище. Люди, деграданты Вы этакие, виляйте хвостами друг другу. У кого они остались. Вот как большой рыжий пес, который на станции метро «Двигатель революции» торгует семечками (хозяйка рядом).

Зачем вы держите собаку? Столько хлопот. Ответ: если на моем обычно озабоченном или печальном лице почему-то появляется и блуждает бессмысленная полуулыбка — это значит, я вспомнил про своего пса.

Хотя собак в городе скоро не будет. В урбанизированном мире они больше не нужны. Да и в деревне — лишние. Места им все меньше, они всем мешают. Машины убивают людей каждодневно, но никому не приходит в голову предлагать их уничтожить. Если же в миллионном городе кого-то укусила собака, по телевидению проводится интерактивный опрос:

что с ними делать. Как вообще со всеми существами, которые жужжат, ползают, просят есть и кусают. Естественно — уничтожать. Убир(в)ать все живое. В техническом мире оно больше не нужно. Чтобы ни малейшего беспокойства: «комфорт без помех».

Потом люди сами перекусают друг друга.

... И все-таки, нет! Давайте думать, что человек не хуже собаки, нет, не хуже! Он тоже чуткий и красивый. Бывает. Если постарается. Ведь все мы т(о)вари/щи Божьи. Котор(***ого***)ых хочется любить. Иногда.

* * *

1) Главному государственному санитарному врачу РФ
2) Генеральному прокурору РФ
3) Всем

Заявление
О повсеместном и злонамеренном отравлении людьми своих старших братьев.

Именно старших, и по Библии и по Дарвину, а не младших, хотя может быть и «меньших». Речь идет не об истреблении диких животных. Этот геноцид обусловлен общим развитием цивилизации и очевиден. Из-за него заводят «Красные книги», против него борются экологи, сокрушаются добрые люди. И не о хозяйственных животных, которых генетически уродуют, модифицируя «ради увеличения выхода молока и мяса». Какое-то понимание здесь тоже есть. Хотя бы в биоэтике. Но совсем не замечают преступного отношения к существам, от которых не ждут молока и мяса, заводя будто бы из любви. К кошкам и собакам. К комнатным птицам и другим зверькам. Их превращают в наркоманов.

Видя как лихорадочно, чуть не вырывая у меня пакет из рук, кошка набрасывается на сухие шарики корма, которые сами по себе и в рот бы не полезли, можно без лабораторных анализов утверждать, что здесь дело нечисто. Во все эти вискасы и чаппи добавляют какие-то специфические вещества-аттракторы. По сути — наркотики. Потом, как все наркоманы, кошки и собаки перестают чем-либо интересоваться и в основном спят, оживляясь только в предвкушении новой порции. Быстро толстеют и тупеют. Далее это состояние будет передаваться потомству. И мы погубим своих последних родственников на этой Земле. Из-за собственной лени, ради удобства, желая любить, но «без хлопот». Потом погубим себя.

Говорят, будто в некоторые, особенно привлекающие подростков напитки, тоже что-то добавляют. Капитал, ради наживы и сверхприбылей пожирает все живое и неживое. За людей не знаю, пусть сами думают, а за собак и кошек надо бы побороться.

Прошу Вас разобраться в этом положении и принять необходимые спас(а)ительные меры.

С братским приветом
рас(по)каявшийся От(п)равитель

* * *

В магазинах потрясающее изобилие продуктов. Если дело пойдет так и дальше, скоро есть будет нечего. Потому что все они, от конфет до колбасы, полусинтетические, начиненные всевозможными добавками, переслащенные, напитки порошковые, прямо или косвенно аллергенные, вообще — противные. И все больше геномодифицированные. Даже картофель стал сладкий (новые сорта). «Хлеб наш насущный (обогащенный!) даждь нам днесь». Разве только воспитанные на жвачке и пепси, новые поколения к ним привыкнут. Для людей же, чьи органы помнят о вкусе, что-то купить становится проблемой. Это если рассуждать без философских обобщений, исходя из интересов рта и желудка. А если думать, то такое изобилие не может быть обеспечено нормальными натуральными продуктами. **Оно патологично по своей сути.** Если же думать, к чему все идет, т.е. глубже, то см. выше: письмо Каина.

* * *

Люди могут гордиться чем угодно: количеством выпитого вина, любовниц, краж, даже убийств. Гордятся болезнями. Как-то на остановке две старушки, с трудом скрывая удовлетворение, делились высокими цифрами своего кровяного давления. Нет такого зла, которое нельзя посчитать благом и оправдать. Даже смерть всего человечества. Даже транс(превращение) человека в роботообразное.

Призыв современной западной цивилизации: главное — спокойствие. Призыв ушедшего Востока: главное спокойствие души. Это противоположные девизы. Овладение вторым автоматически дает первое. Овладение только первым *(keep smile)* разрушает второе. Улыбающиеся нервы — вот состояние одних. Радостное бесчувствие — состояние других. И все «с состоянием». Или стремятся к нему.

* * *

Запутавшимся в обстоятельствах людям легче иногда уйти в мир иной, чем сменить эти обстоятельства: профессию, жену/мужа, работу. Они

готовы сменить мир, но не его детали. Такие вот мы бываем узкими и трусливыми. А надо-то всего — перейти в другую колею, по которой тоже едут миллионы и считают себя вполне благополучными. Объяснение самоубийств «потерей смысла жизни» не глубже объяснения причин разводов «несходством характеров». Может, будет точнее, если объяснять самоубийства «потерей характера», а разводы «несходством смыслов жизни»?

По статистике, среди потонувших, тех, кто умел плавать всегда больше, чем кто не умел. Вторые не лезут в воду. Так в любом деле. Жертв больше всего среди полупрофессионалов. Так мы плаваем по жизни вообще. Полно «утопленников». Нежить и утопленники. Много барахтающихся. И только кое-кто — пловцы.

* * *

Поехал «за границу»: все радует глаз, но не трогает душу. Это любопытство. Вернулся на родину — наоборот. Это любовь. Вот почему я не завидую добровольным эмигрантам, их богатству, комфорту. Светит, да не греет. Космополиты, либералы, технократы и другие «беспочвенные» — это люди, теряющие чувства, сначала любви, а потом чувства вообще. Сначала к природе, к привычному месту, а потом к родным, близким, к человеку. Душа-то одна. Способность к любви — общая. И она у них — усыхающая. Превращается в Разум. В рацио. В калькулятор. Моя Родина и семья — чековая книжка. Мой друг — банкомат. «Я бамбук, пустой бамбук, я московский пустой бамбук» Дом, семья, своя страна… Земля. Все было шкурой, а теперь — рубаха. Раз — и в стирку. В ст(п)ираль-ную машину.

* * *

В молодости тянет туда, где не был. В зрелости едем куда нужно. В старости туда, где жил и что знал. Интерес смещается в область памяти. В конце пути не живут, а вспоминают как жили. «Мемуарное состояние бытия».

Благополучный человек. Не ввязывался ни в какие события. Прожил долго, но мало. «Долгонежитель».

Обладает ли человек тем, что не тратит? Вряд ли. Он только «имеет». Дольше ли живет тот, кто «бережется»? Вряд ли. Он только существует. Легкость (не)добытия.

Есть время, когда человек получает радость от разнообразия и есть время, когда он получает ее от постоянства. Когда его тянет бежать, а когда лежать. Время молодости, время старости. Сейчас живут дольше, но лежат больше.

С-рок человека: жить до 60 лет — обязательно, до 70 — нужно, до 80 — желательно, до 90 — можно, до 100 — исключительно. Все, что после — жизнь после жизни.

Наконец-то научился жить. Но было уже поздно.

О ком это?

Счастливое беззаботное детство. Беспечная юность и удальство молодости. Ответственная зрелость и печальная, ожидающая смерти старость. Такова классическая схема жизни. Но мы живем в постклассическое время. Дети — самые загруженные, самые занятые люди. Учиться начинают с 3–5 лет. В юности — вуз, заботы о карьере и работе. Думают, высчитывают, готовятся. Незаметно наступает зрелость. Потолок в основном достигнут и про себя это понимают. Стало легче. Однако на пороге старость. Ждать больше нечего, зато есть обретения, пенсия. Пора жить беззаботно. Удалым и веселым малым. Надо же когда-то быть молодым. Но не умеют, бояться. Да и окружающие почему-то вместо счастья желают здоровья. Злые языки… В отличие от бытия сущего (Sein), человеческое бытие (Dasein) = сущее +должное. Поэтому: старость не радость — с точки зрения сущего. *Старость как радость* — с точки зрения должного.

Когда-то счастье отождествляли с любовью. «Он нашел свое счастье». И женился на нё(м)й. Теперь все больше женятся на себе. Для здоровья. И ради выгоды. Когда счастье равно здоровью — признак старости. Когда приравнивается к выгоде — цивилизации. Счастье как успех. Он(а) все приравнивает к выгоде. «Честным быть выгодно» — соблазняет реклама быть честным. Бедные великие моралисты, хорошо, что не до(вы)жили до нашего времени.

... Только после 40 лет я стал думать, что старики тоже люди. И теперь, читая студентам лекции по философии человека, чтобы оправдать себя и преодолеть их юношеский шовинизм, я обычно говорю: есть только один способ избежать старости — ранняя смерть. То есть погибнуть. Надо полагать, Вы этого не хотите. Значит, желаю Вам счастья стать лысыми и седыми, в морщинах и с искусственными зубами, забывчивыми и бестолковыми. Итак, будущие склеротики и маразматики, не умирайте здоровыми, пусть ваша жизнь окажется долгой и плодотворной.

На молодых лицах смятение чувств. Кто чувствует. У кого лицо.

Культуре — конец.

***Да?* Да. Да!** Как воплощение духовных ценностей, она превращается в традицию. Что-либо новое рождается теперь в виде техники и технологии. Проявлением этого процесса на «человеческом уровне» стал исход из культуры мужчин. В книжной литературе, классической инструменталь-

ной музыке, живописи все больше женщин. А парни с детства, заклеив уши плеерами, толкутся у игральных автоматов, сочиняют техномузыку, «рисуют» на компьютерах; став «хакерами» грабят банки; «по работе» же опутывают землю и космос все новыми и новыми программами, и наконец изобрели другую, компьютерную реальность. Открыв какую-либо аппаратную комнату, вы всегда увидите десяток молодых затылков в задумчивости сидящих перед своими машинами. «Программируют». Исход из жизни. Из реала в виртуал.

Потеря какой-то сферой мужского элемента верный признак того, что внутренне она надломилась. Стала симулякром. Как все общество — спектаклем. Но вот недавно на вокзале, в толпе облепивших игральные автоматы пацанов, я видел трех девочек. Значит, в техническое творчество пошел второй эшелон и скоро культура совсем останется без носителей. Она превращается в наследие. Становится памятью. И существует как отдельные вкрапления в сплошь искусственной среде. Как пережиток среди High Technology, хай тек, — высоких технологий, только технологии эти игровые, а не производственные. Универсализация культуры, происходящая сейчас в Европе, да и во всем мире, состоит в том, что она превращается в технику. ***Культура заменяется тек(с)турой. Как жизнь функционированием.***

Технократы и космополиты, бывшие идеологи либерализма и певцы свободы, теперь воспевают стандарт. А у тех, кто ему сопротивляется и хочет сохранить свою веру, национальность, Родину, пол, наконец — «невроз своеобразия». От него лечат — толерантностью. Притом агрессивно. Адепты свободы ежегодно объявляют списки «врагов свободы». Чтобы знать, кого преследовать. Чтобы никакого различия. Вот как они заговорили! Мир становится Западом. ***Закат культуры.*** На восходе XXI века.

* * *

Приобщился к психоделической культуре, пережив измененное состояние сознания. Открывается подлинно экзистенциальное измерение бытия, начинаешь понимать его самый глубинный смысл. До бессмыслицы, когда Все предстает как Ничто. До тошноты, без которой его трудно выразить. Я выразил два раза. Но «не приобщенный» читатель это все равно не поймет. Единственный теоретический вывод, который можно сделать из такого постижения реальности состоит в том, что «все дело в концентрации». От нее меняются миры. ***Все дело в концентрации***.

А дело самого перехода в психоделическое состояние было в том, что я красил закрытую комнату. Это было мое первое столкновение с наркотиками как оружием массового поражения. Оно действительно массовое,

так как находится на наших стенах. Мы им окружены. Теперь я бы принял участие во всемирном движении за запрещение масляных красок. И почти всей современной химии. Но к этому почти никто не присоединится. Бедные мы люди — маляры, всю свою жизнь красим, чтобы стала красивее, а потом оказывается, что краски были ядовитые.

Помогая человеку пилюлями благополучия, давая транквилизаторы, можно прийти к полной неадекватности реагирования на среду, инициирующую болезненные состояния. Неадекватная реакция характерна для сумасшедших не только буйных, но и блаженных, довольных. Все скверно, а он спокоен, или даже смеется (раньше без таблетки, а тут таблетку принял). Он не преобразует мир, не улучшает его, а приспосабливается к нему. До каких пор?

Духовные (по-научному, психические) болезни лечатся в основном п(р)оступком, а не таблетками. «Не храни в себе тайну, дабы не (за)болеть» (Гиппократ).

* * *

Считается, что быть аскетом и стоиком в обычной жизни очень трудно. Нужна огромная воля. Может быть и трудно — но просто. Отдаваться одной стороне существования — воле, уйти от противоречия проще, нежели выдерживать напряжение борьбы его противоположных сторон, чувства и воли, ума и страсти. В аскетизме всегда есть элемент трусости, боязнь жизни. Настолько, что борющиеся с плотью монахи старались не спать: «во сне можно согрешить». Аскеты, даже святые — это культуристы духа. Сюда же относятся без конца «самосовершенствующиеся» — сидя на полу и в разных позах. Как и рекордсмены бодибилдинга, они — «надутые». Это все-таки слабость, хотя в образе силы. ***Патологическое совершенство.***

* * *

Верующий поклоняется чему-то высшему и лучшему в сравнении с человеком — Богу. Настоящий атеист тоже должен верить в лучшее и поклоняться высшему, но в человеке. Идеал такого человека был задан давно — Христос. Так что нужно — христианский атеизм? Или гуманизм? Для европейской культуры, это, наверное, одно и то же.

Христианство и другие религии — идеология человека как слуги Бога.

Гуманизм — идеология человека как самостоятельной Личности.

Просвещение — идеология человека как субъекта Деятельности. Актора.

Постмодернизм — идеология человека как элемента Техники. Человеческого фактора.

Трансмодернизм — конец человека. Ничто победило Бытие. Мы вступили в ***мир практики и идеологии постчеловека. Иного.*** Современная философия — это философия инонизма.

* * *

Обычно считают, что чью-то сложную работу может оценить только специалист. Но не менее верно, что подлинно новаторскую вещь может оценить только неспециалист. Предвзятость — порок (и порог) любого специалиста.

Чем отличаются сциентисты от гуманистов? Первые самоубийцы и сами роют себе (правда, и другим) яму. Они — могильщики человека. Гуманисты — его терапевты и плакальщики. В отношении и смыслах между ними огромная разница — и никакой разницы в результате. Что остается человеку в современных условиях? Только сохранять свое «достоинство». (Без всякого юмора или это (не)случайное совпадение). «Сохранение человеческого достоинства» — последний лозунг гуманистов.

... В философии науки пошли двусмысленные толки об Апокалипсисе. Это, мол, «обновление». Возможна «позитивная смерть», «пережизнь», «творческое исчезновение» и «светлый апокалипсис». Умрем, но в виде бессмертия. Не умрем, а «усовершенствуемся». Перепишем-ся на дискету и будем жить «там». «Войдем в Интернет». Будем там влюбляться, наслаждаться закатами и восходами, есть и пить, смеяться и плакать. В «виртуале». А зачем это в виртуале-то? Никаких мотивов для жизни там нет. Только «чистые»=стерильные=пустые=вычислительные мысли ничтожной капли в/об океане информации. — Помаленьку в(у)ходим. Ах, эти ученые обыватели, дезертиры жизни, бывшие «антропологи»! Торопятся согласиться с человеческой катастрофой. Да еще и недостойно лгут, культивируя (само)обман. ***«Антропомортологи».***

Упорная работа над созданием Искусственного интеллекта, то есть *безжизненного* Разума — это финишная прямая в движении Homo *vitae* sapiens по пути Mortido («позитивной смерти») как проявление «Last am Untergang» (нем.) — «Жажды собственной гибели».

Все к лучшему, в этом лучшем из миров, — говорил Лейбниц.

* * *

Диалог глухих: упорный консерватизм (***К***) традиционалистов и неуязвимый оптимизм прогрессистов (***П***):

К: Русские могут исчезнуть, надо сохранять национальные традиции и культуру. ***П***: Ну, а какая разница, вместо них будут другие этносы, гастарбайтеры или вообще все сольются в одно целое.

К: Белая раса на краю гибели, арабы и негры занимают Европу, коренной народ превращается в меньшинство, надо что-то делать. ***П***: Ну, а какая разница, это тоже люди, вам просто не хватает толерантности.

К: Людей вытесняют машины, искусственный интеллект подавляет человеческие способности, мы превращаемся в его придаток. ***П***: Ну, а какая разница, это тоже интеллект, Разум! Даже более сильный.

К: Природа гибнет, Земле грозит превращение в необитаемую планету, нужно соблюдать экологические константы. ***П***: Ну, а какая разница, есть другие планеты, переселимся на них, мир бесконечен. Или станем роботами.

К: Вы, в конце концов, состаритесь, будет немощь и болезни, не лучше ли заранее, вот сегодня умереть. Мы вам поможем. Прямо сейчас. Замахивается. ***П***: Ну, а какая раз… задумывается. Побежал… Почему? Для прогрессиста это (а)логично, ибо, в самом деле, есть же много других людей. ***Или нет?***

В последний час

Появились творцы и идеологи прямого светопреставления. Запускают Адронный Коллайдер, признают, что из-за этого эксперимента возможна цепная реакция и неконтролируемое развитие процессов. «Ученые утверждают, что запуск коллайдера безопасен, однако в мире немало и тех, кто готовится к концу света» (сообщение Интерфакс от 13 сентября 2008 г.). Другие физики (сами физики) признают, что такая вероятность есть, но она очень, очень мала. Хотя все-таки есть. Так «проговаривались» и физики, сооружавшие коллайдер, правда потом, когда поднялась критика, стали утверждать, что нет. (Двое из них подали в суд, кажется швейцарский). Пусть мала, однако, есть, так зачем же играть в эту безумную игру? Запускать русскую рулетку для всей Вселенной? «Науке интересно». Но чтобы до конца понять явление, его надо воспроизвести. Хотят воспроизвести рождение нашей Вселенной. В принципе, это значит, что моделируется = создается «новая Вселенная». А две Вселенных сразу быть не может. Значит, какая-то из них должна исчезнуть. Может быть это будет «старая». Если ее сразу не взорвут, разыскивая одну «частицу Бога», то к этому будут двигаться, решая следующие, более сложные задачи. О том, что игра продолжится, говорят как об очевидном. Аппетит приходит во время еды. И вероятность «неконтролируемого процесса» будет возрастать. Философское осмысление данной ситуации обязывает сказать, что ***человечество приступило к экспериментам по самоуничтожению***. Адрес Универсальной Машины

(УМ-а) смерти: Европа, граница Швейцарии-Франции; время начала ее работы: сентябрь 2008 года. Отсчет пошел, рано или поздно этот УМ сработает. И ничего его/её не остановит. Крики 3–5 % экологически озабоченных, философски понимающих, что происходит людей, жруще-жующая, шопингующая толпа и «немыслящие» технонаучные фанатики не услышат. «Однако в среду вряд ли удастся стать свидетелями конца света, поскольку образование новых частиц возможно лишь тогда, когда протонные пучки будут сталкивать. Пока же их запустят в одном направлении» (сообщение Интерфакс от 13 сентября 2008 г. — продолжение). «Вряд ли удастся стать свидетелями конца света» — в этом чудовищном выражении официального сообщения — бессознательное «всё» нашей безнадежно обез(д)умевшей цивилизации. Хотят быть свидетелями(!) конца света и жалеют, что «в среду» он еще не случится, а если случится, «в четверг?», то это недостаточно скоро! При этом, хотят остаться наблюдателями, как в телевизоре или перед компьютером. Начинаешь верить, что когда фантасты объясняют причины отсутствия в космосе сигналов разума неизбежностью гибели цивилизаций в результате самоубийства, они не такие уж фантазёры. Да и предсказанный в Библии конец света — вот он, рукой подать (потрогать). Конец света (будет) по-научному.

* * *

А пока, пока: разное отношение к миру: аскеты, эпикурейцы, мизантропы, стоики. Вот еще одно: «в жизни надо все попробовать» — сказал один подвыпивший мужик в поезде. Этот тезис может означать целое направление в философии. Как его назвать? Этика вседозволенности? Философия свободы? Скорее всего «идеология разложения». Она привлекательна тем, что отвечает духу постмодернистского человека, утратившего самоцензуру, т.е. духовную культуру, которая делает наше мышление ответственным, а не игровым, утратившим вообще какую-либо иерархию смыслов. Не самый худший способ отношения к миру, если его практикует биофил. Уход назад, к истокам. А если некрофил? Технократ? Тогда страшно.

Поступать, как хочется — вот в чем действительная свобода человека. Все время поступать, как хочется — вот рабство, в которое он попадает, если не может свободно ограничиться. Порок это страсть, ставшая неотвратимой. «Свободен первый шаг, но мы рабы второго» (Гете). Но шагаем за свободой. Все быстрее и дальше. ***Рабы свободы.***

* * *

Самая простая и глубокая игра, которую знают люди — в прятки. В нее можно играть даже с собакой. Собака не только ищет, но и сама скрывается

за препятствиями, выглядывает, ждет, когда ее найдут. Это самая философская игра: был — и вдруг нет. Явился — исчез. Куда уж «бытийней». Люди всю жизнь в нее играют. Друг с другом, сами с собой, с жизнью. Явился — исчез.

Всегда хотел казаться лучше, чем есть и никогда не был самим собой. Так был ли ***этот*** человек вообще?

Был честолюбив, энергичен, суетился всю жизнь. И как награда, в конце вытянул на некролог. На «описание смерти».

* * *

Иметь хорошую несбыточную мечту или утопию это не так плохо. Она и есть настоящая. Мечта, которая может сбыться, не обладает полнотой своего бытия. Не лучше было бы людям, если бы исполнялось все, что они пожелают. Так, кажется, говорили древние. Сбывшаяся утопия не существует вообще. Погибшие мечты — это когда они сбылись или не сбылись?

Все мечты сбываются ... когда это уже не нужно. Пусть мечты сбываются! Но не все.

* * *

Игра, Смерть, Онанизм — вот сущностные метафоры постмодернизма. Вместо традиционных — Вера, Надежда, Любовь. Прямо или косвенно это признают сами его представители. Особенно последовательные, «чистые» — экстремисты. Гордятся этим. Сначала хоронили советскую литературу и культуру, потом стали порочить русскую, а теперь отрицают культуру вообще. Их главный враг — духовность, душа, потому что ни того, ни другого, по их мнению, на Западе уже нет. Мы здесь отстали, а их идеал, чтобы все было как на Западе. Их тексты то чисто физиологичны, то чисто концептуальны или механическая смесь. Ядро духовности — способность к любви, поэтому борьба с духовностью требует борьбы с любовью. Ее разлагают на секс и интеллект. Выражением духовности в социуме и культуре является совесть, поэтому борьба с духовностью означает отрицание морали, отказ от различения добра и зла. Отказ от ценностей. Гордятся этим, что «беспочвенные». А значит бесплодные. **Постмодернизм — церебральный онанизм.** В чем их сила? В том же, что у могильных червей. Тело культуры, которое гложут, «деконструируют» и растаскивают на цитаты — в прошлом, а они — настоящие. Хотя черви. За ними будущее. Потому что живая культура умирает, а они, мертвые — живут. В чем причина их неуязвимости, глухоты к, казалось бы, очевидным признакам самоотрицательного характера такой деятельности? Да не только их, а всего «цивилизованного человечества». Потому что — техно(не)генные.

Постмодернизм — это посткультура, когда мир текст, а жизнь дискурс. «Риторика». Культура — тормоз прогресса и борьба с ней главная задача наших реформ. За цивилизацию. Ради техноса. Посткультура — это игра творцов смерти культуры. Имитаторы бытия, создатели симулякров. ***Постчеловеческое творчеств****о*.

* * *

Предел посткультуры — постбытие. Наше Ничто. Никто. Непрерывный инновационный процесс, поток, который размывает идентичность предметов. Размывает «присутствие». И уносит человека.

«Не быть» диктуется всем. «Быть» — ваше Личное дело. И тем, кто хочет выжить и спастись, я говорю: «На выход. Без вещей. ***Следуйте за мной»***[1].

---

[1] Кто не хочет следовать и больше не выдерживает «этого нагнетания трагизма», закройте, пожалуйста, книгу. С Вас более чем достаточно. В оправдание напоминаем: 1) философия мыслит принципами, стратегически. Желая понять явление по сути, надо смотреть на него радикально, компромиссы нужны только на практике. 2) пессимизм и оптимизм категории оценочные, а не аргументирующие, опровергайте факты. 3) принимать за 1 раз надо было не более 10 стр. (вы этому не следовали).

ПОНИМАЮ, ЗНАЧИТ СУЩЕСТВУЮ

Все в руках Бога, но неисповедимы пути Господни... потому что нет Его? Как жаль!

Духовная история отношений человека с миром: переживание — мудрость — мышление — исчисление. Миф — София — Логос — Матезис. Их сегодняшнее положение: Миф — архаика. София — в резервации, Логос — норма, Матезис — тенденция. Которая наступает. Искусство умерло, философию гонят в шею, наука информатизируется. It,s from bit. Пора переписывать Библию: В Начале была Цифра. И цифра была у Бога. И Цифрой был бог. Только как(ая)ой: 1 или 0? Реалисты — за 1, конструктивисты — за 0.

Разговор — обмен мыслями. Коммуникация. Из совместной деятельности. Молчание — обмен чувствами. Общение. Из совместного бытия.

Знаю, значит действую. Чувствую, значит живу. Компетентен, значит функционирую.

Раньше человек говорил: нет настроения. Пораженные бытом и побежденные медициной жалуются: депрессия. А философ скажет: опять приступ Небытия. Ничего не хочется. *На нуле.*

* * *

Бесконечные споры о предмете философии, попытки очертить круг ее влияния, схоластика определений и т.д. А если проще?

Разум, мышление человека — это мозг. Логика. Отсюда — познание и наука. Чувства, переживания человека — это сердце. Душа. Отсюда — религия и искусство. ***Философия — это отношение между умом и сердцем,*** выражение их единства и борьбы. В этом суть. Их неразрывной целостности, поскольку цел человек. Но выражается эта целостность на языке ума. Рационально. Философия — посредник между разными формами человеческого духа. Универсальный переводчик. Только выходя в коридор отношений между логикой и чувством, жители отдельных комнат общего дома, от подвала до чердака, могут надеяться на понимание. Более ранней формой духовной целостности человека был миф. Но она выражалась в нем на языке сердца. Художественно. Все люди были поэтами. Миф — непосредственное бытие человеческого духа. Миф и философия — родные братья. Старший Авель и младший Каин. Родные враги. Философия — как женщина: «вторая ошибка Бога» (Ницше). Потом чистый разум: научный потоп. После пото(м)па — «Новое небо и Новая земля». Не для нас.

* * *

Говорят о кризисе и смерти философии. Не верится. Хочется думать, что это интеллектуальное кокетство снобов. Однако проблема существует. Ведь постмодернизм — культура цитат и, кроме технологий, ничего не рождает. Сейчас можно сочинить миф, но он будет искусственным. Собственно мифология все-таки в прошлом. Значит — умерла. Фольклор и религия — тоже. Современный человек не способен, в сущности, ни верить, ни любить. Эти вершины духа остались позади нас и уже недосягаемы. Умерло, быть может, даже искусство, все больше становящееся «игрой ума». Прикладной наукой. Так и с человеческой философией. Она существует прежде всего как история. История философии. Значит — умерла.

Говорят о смерти философии. В определенном смысле это верно — как следствие кризиса человека. Но в другом отношении, вследствие того же кризиса, у нее большое будущее. По мере того как люди вместо жизни переходят к рассуждениям о ней, философия получает новые импульсы. Общий вектор развития направлен от бытия и любви к информации и рефлексии. Возник феномен технософии и филотехники. На этом ***пути Вырождения*** философия вполне может процветать. Пышно-чахлые цветы де(э)волюции. Вспомните, господа пессимисты: пир во время чумы был философским. И будет. ***Философия мутантов.***

* * *

Философствование бывает:

«Школьное», университетско-профессорское. Трактующее и обучающее. Излагается методически. ***Умствование. (Философия рассудк***а).

«Научное», познающее. Занято собственными проблемами и на специальном языке. Эксплицируется логически. ***Мышление. (Философия разум***а).

«Жизненное», общечеловеческими словами, о драме и искусстве бытия. Постигается в общении. Раскрывается симфонически. ***Мудрость (Философия духа).***

Философ — это думающая сороконожка. Когда бежит. Философствование начинается с вопроса «почему?», а завершается, когда спрашивают «почем?». И сороконожка останавливается. За(у)мирает.

Когда любой вопрос становится философским? Или считается таковым. Когда на него нет однозначного ответа. Теперь вводят тестирование. Однозначный выбор. Если в других дисциплинах тестирование — это их патология, болезнь, то для философии оно — смерть.

Есть люди с таким путаным и хаотическим умом, что я бы даже не советовал им мыслить. («Вам вредно думать»). Тем более писать. Особенно по философии.

Настоящие философы или сумасшедшие, или много не болеют. Это не мудро. Как и бояться сме … Это тоже не мудро. Высший критерий мудрости — не бояться ничего. Даже Бога. Но на это способен только Бог. Да и то — бог его знает.

* * *

Какого философского направления Вы держитесь? ***Утром я рационалист, в течение дня эмпирик, вечером экзистенциалист, а ночью Dasein-аналитик.***

Жизнеутверждающее мировоззрение = философия бытия = реализм.

Жизнепреобразующее мировоззрение = философия становления = модернизм.

Жизнеотрицающее мировоззрение = философия ничто = постмодернизм.

Жизнезаменяющее мировоззрение = философия иного = трансмодернизм.

* * *

Начиная с древних греков роль философии была в том, чтобы отличать истинное от видимого. За эмпирическим явлением усматривать теоретическую сущность. Чувства нас обманывают, доверять можно только мысли.

Все это верно для познания природы.

В техногенном мире нас обманывают не чувства, а мысли. Видимостью стала информация. Роль философии в том, чтобы отличать объективный смысл действия от непосредственно поставленных перед ним целей. Чтобы понять, как из рациональных актов получается иррациональный эффект. Чтобы раскрывать коварство (нелинейность) сверхсложного типа развития.

Мысль-чувство, «участное», диалогическое (М. Бахтин), художественное (М. Хайдеггер), моральное (И. Кант) или аморальное, верующее (Ф. Аквинский) то есть, ***неравно-душ-ное мышление и есть гуманитарное***, о котором столько разглагольствуют, в основном абстрактно и схоластически. «Голой мыслью». Менталитетом, а не духом. Сциентистски. И эта форма убивает содержание. Ограничить гуманитарные науки и тем более гуманитарные технологии — таков должен быть лозунг гуманизации образования. Гуманитарной и гуманной может быть только культура в целом.

Настоящее гуманитарное знание человек получает из жизненных ситуаций, в которые он сам попадает. Потом из наблюдений над жизнью. Потом из общения и обмена знаниями с другими людьми. Потом из искусства и только после этого из чтения специальной литературы. Человек может очень много знать, но если нет первичных бытийных импульсов, это только ученость. Ею в основном заполнены все журналы и книги. И лишь немногие — «с импуль-

сом». Живые. Только их и надо читать. Но как их выделить? Надо самому быть живым. Это называется «герменевтический круг».

Постмодернисткий мир. Трудно стать певцом, если у тебя есть голос и слух. Эстрада не принимает: «не формат». На слуху те, у кого нет слуха. Трудно получить известность художнику, который умеет рисовать, ваять и образно видеть мир. На виду те, кто совершают какие-то инструментальные действа, «инсталляции», фокусы. Трудно прослыть философом, если предлагаешь решение какой-то проблемы и ясно мыслишь. Известность придет, если ты внес лепту в запутывание вопроса темным и вычурным языком. Блуждание в словах — самое типичное занятие философов. (Не хочу говорить — слово-блудие, самому обидно). Текстурбация — пожалуйста, будут читать, толковать, а истина — увы, это старо. Ясно — всегда опасно. Людей злит, что правда проста, — говорил Гете. Да и кому она нужна (трагическая) в мире, вступившем на путь танатоса ?

* * *

Ранний ум. Тяжелая и скучная ноша, которую с повзрослением неизвестно куда нести и что с ней делать. В мире осталось всего несколько стран, еще богатых дураками, (и) этими полезными ископаемыми. Они — «сырьевой придаток» иссыхающей цивилизации. Это дает надежду, что у России есть будущее. Может даже великое.

Предлагают ввести изучение философии вместо вузов в школах. Поговаривают, что надо бы в начальных классах. Детям, мол, интересно. Но это и печально. Значит, они сразу живут в мире слов и экранов, а не вещей и чувств. Вместо междометий и радостных криков они произносят тирады с пятью придаточными предложениями. Иной раз оторопь берет. Или молчат. Даже если не болтуны и аутисты, все равно плохо: созрели, не успев расцвести. Зачем эта ученость, мудрецы на горшках и философы — молокососы? Эти старчески умные подростки. Филососы. Потом им некуда развиваться. Их постигает разочарование, гиперрефлексия, потеря смысла жизни. Потому что произошло преждевременное прерывание детства. Духовный аборт. В глазах старца будет свет, если в глазах юноши был огонь. Сова Минервы вылетает в сумерки. Она серая. Зачем нужны сумеречные де(ти)-каденты? Успеют.

Все это во вред человеку. Тем более, что аутистов стало все больше рождаться. Асоциальное поколение компьютерных присосок формируется биологически. На фоне распада общества началось прямое вырождение человека. Так зачем его усугублять? Спорю, объясняю, нервничаю — бесполезно. «Успокаивает» одно: ***теперь все делается ему во вред***. Уж раз прогресс нас переехал...

* * *

Можно ли сказать: «Наша безмозглая наука» — нет, почти нет. «Наше бесчувственное искусство» — нет, но все чаще да. «Наша бездушная философия» — да, почти всегда — да. Большинство людей смотрят на мир закрытыми глазами. Все спутано и куда что идет не понимают. Не таковы ученые и философы. Они смотрят на мир «широко закрытыми глазами». В своей теоретической массе они: Перекормлены информацией ... Несварение головы ... ... Со всеми вытекающими отсюда последствиями ... ...

Из-за этого бывает так, что не хочется слышать ни одного умного слова. Противно.

Мыслить принципиально и самостоятельно стало выражением консерватизма. И провинциализма. Прогрессивно — пересказ последних достижений западных авторов. А у западных авторов — друг друга. Отсюда чудовищное количество сносок, ссылок, чуть не больше самого текста. Рейтинги значимости — по количеству ссылок. Общество субъектов и деятельности, в том числе мыслительной, становится обществом агентов и коммуникации. «Смерть автора» вовсе не выдумка постмодернистов. Вот она, происходит на глазах, в характере текстов.

Века рассуждений, монбланы книг о смысле жизни и назначении человека. Многие жизнь загубили в поисках ее оправдания. Перед кем? Великие мудрецы давали изощренные наставления как жить, во что верить и каким быть. А все можно выразить несколькими словами. Будь в этом мире добрым, умным и веселым. В несчастье — мужественным. В конце — мудрым: спокойно уйди в мир иной.

Что сложнее всего на свете? ***Просто-та/к.***

* * *

Если теряем природу, пусть будет хотя бы дух, а не разум и интеллект.

Если теряем предметы, пусть будут хотя бы образы и свойства, а не только знаки и отношения.

Если теряем естественную реальность, пусть будет хотя бы искусство, а не только наука и техника.

Если не способны молчать, пусть будет хотя бы речь, а не только языки программирования.

Язык человечества — образы и понятия. Язык машин — символы и знаки. «Письмо». Математика, грамматология. Для человека он искусственный, а для машин естественный. Машинам его дал человек, но теперь они дают его нам. Возникает два языка: «родной» и «машинный». Не забудем мать родную! ***Фундаментализм.***

* * *

Алкоголь, наркотики и масс-медиа — это одно и то же. Может быть к ним иногда и надо прибегать, но в принципе живым и духовным человек должен быть сам. Информация — это только сырье, а в избытке шлак и энтропия. Я хочу иметь знания — о мире и понимание — человека, а не информацию о них.

Знать — владеть информацией. Понимать — проникать ***за*** знания, ***сквозь*** информацию. Знание (информация) — экран, который надо преодолеть, чтобы выйти к другому, войти в другое. В Другую. «Достать», как говорит сейчас молодежь. До-стал — п(р)онял — по(н)-ял, поимел. Войти и выйти в тело, в душу, в со-знание. Сделать их своими. О-свои-ть. О-влад-еть. Понимать — «владеть вопросом». Большинство людей «знают, но не владеют». Понимающих мало. Очень мало. Особенно среди умных. Да и нельзя все понимать. Ум — преграда для понимания, при чем неодолимая, не просто экран, а настоящий забор, если у человека нет души. Не зря фраза: «счастье — это когда тебя понимают» — стала крылатой.

Понимание — акт «спиритуального совокупления» с миром, который невозможен без сильных к нему чувств; понимание — это любовь, при-частие. Слияние; познание — секс, со-участие. Соединение; компетентность — поиск информации, безопасный секс (с презервативом). Прикосновение; запоминание готовой информации — самосекс, аутизм. Онанизм; дистанционное манипулирование чужой информацией (идеал нынешнего образования) — онанизм в презервативе. «Постсекс». Гарантированно бесплодный. Но именно это современно и прогрессивно. Как компьютерное образование. Никакой любви. И даже секса. Или, отсталость… о(т)сталость… с миром.

Песня: «Ничего не понимаю в этой жизни я. // Может просто обострилась шизофрени-я?».

Рождение смыслов

Отец Павел Флоренский искал в словах отпечаток духа. Шел от бытия к быту. Много искусственного, натянутого. Гораздо легче и плодотворнее, потому что правдоподобнее, рассмотреть, как дух двигался от быта к бытию, как вырывался, вырастал из природы и быта. Быт и природа — жизненная почва мысли, здесь ее корни и истоки понимания.

Истина. Есть = быть = существовать = естина; есть = съесть = исты хочу (южнорусские говоры). Еда как поглощение — это последняя, самая

полная стадия овладения предметом. Высшая форма признания истины бытия предмета, когда его можно было съесть. Истинный, значит съедобный, а уж потом пошли все остальные наслоения культуры.

Добро. Корень обр, обработанный, образованный, оформленный, то есть сделанный человеком, добытый (добро = пожитки) и т.д. Добрый = полный = толстый (раздобрел) = богатый. А уж потом появился о-добрительный моральный смысл.

Счастье. В чем наше счастье? Какой сложный вопрос. И какой он простой был в основе. Принесли добычу, сидят вокруг, делят. И кто получил свое — тот «с частью». У него есть доля. А кому не досталось — тот «недоля». Без — части, бесчастный, обездоленный. У-часть. Судьба.

Все было гораздо проще, чем мы теперь думаем. И труднее. Ведь это был вопрос жизни, а не смысла.

Красота. Символика цветов (в европейской культуре): Черный, подлый, под дланью, скрытый, под-ручный, «левый», дьявол за левым плечом, чернь; и наоборот белый, чистый, ангел за правым плечом, правый, правильный, белый, королевская лилия, белая гвардия, белый флаг. Черное знамя — разбойники, пираты, анархисты, кто против порядка, против первых, лучших, белого, власти, закона. Траур, гибель, зло, отрицание, разрушение. Красный, красивый, здоровый (красная девка), жизнь, кровь, сила, борьба, смесь белого и черного — Человек.

Вкус. Часть, если еды — кусок, кус, кусать, кусаться, откусить, вкусить. Кус(ш)айте гости дорогие. Вкусно. Вкус. И уж потом, художественный вкус как чувство прекрасного. Высокий вкус. Ис-кушение. Сначала в еде, а далее во всех остальных «грехах».

Всякое дыхание славит Господа:

Дух, запах, душа, душно, духи, д*у*хи, отдушина, отдых, отпых, вдохновение, выдохся, доходяга, сдох, доход.

Не мистика чисел:

Раз — это начало, удар, разить, сражаться, враги, врази (да расточатся врази его); зараз — одним махом, враз, тотчас. Развертывать, рас-ковывать, раз-зевать. Дать раза — ударить, взмахнуть; после раза, одного удара, логически получаются половины — два, две вещи, второй, то есть еще раз и т.д. Первый, второй, торетий (еще раз за вторым — уже торить, повторять). Третий, тор-етий — это уже много, несколько. После двух, «два и несколько». Далее четверть, пядь и шест (+1 после кучи). После пяти пальцев на ладони. И т.д.

Иметь и имя растут из одного корня. Что в имени(и) тебе моем?

На разных этапах жизни человек носит разное имя: детское — Вова, Вовик; юношеское — Володя, Володька; взрослое, мужское — Владимир; взрослое, социальное, старческое — Владимир Александрович (аналогии: Митя, Дима, Дмитрий, Дмитрий Владимирович; Шура, Саша, Александра, Александра Александровна). Смена социальных ролей выражается в смене имени. На курорте даже старые люди отбрасывают отчество. Для матери человек обычно всю жизнь носит первое имя, для жены — юношеское, а в определенных ситуациях — детское. Желая сохранить ощущение молодости, некоторые не хотят, чтобы их звали по отчеству: «Зовите меня просто Светланой». Во многом поэтому, на Западе не принято указывать отчество. Но не только. Длинные составные фамилии (испанцы) и отчества (русские) — остатки феодально-патриархальных отношений традиционного мира. Буржуазная цивилизация их отбрасывает: не важно, чей ты сын, важно кто ты сам по себе. На родоплеменной стадии у человека нет личной фамилии и отчества, только имя или прозвище. В патриархальном обществе в виде фамилии часто давало имя отца, потом добавлялась дополнительная фамилия. В России в настоящее время начался отказ от отчеств. Мода на одно «имя». Ему седьмой десяток, а знакомясь, говорит: Сережа. Мой издатель, взрослый, авторитетный человек, пишет: с уважением, Игорь. Я упорно отписываю: Уважаемый Игорь Александрович! «Безотцовщина» почти насаждается. Даже на президентском сайте указано, что при обращении, в качестве обязательного, надо писать имя, а об отчестве — не говорится. Не обязательно. Президент теперь у нас — Дмитрий. Хорошо, что еще не Дим(к)а. Это вместо Государя, Вождя, Отца народа. Без харизмы — менеджеры. «Супервайзеры мерчиндайзеров». Очевидно, что это проявление, с одной стороны, всепожирающго глобализма, универсалистского отказа от собственной культуры и языка (не важно отчество, не важно и отечество), а с другой, распада семей и потери реального влияния отцов; распада общества и замены духовных связей информационной коммуникацией. Потом пойдет отказ от Имен. В компьютере они уже пишутся с маленькой буквы. Имя — но не «собственное». Потом останется компьютерная кликуха, «nick». Потом номер. «Человек — номер-ник».

Засилье иностранных слов. Потому что нет собственных на всякий вздор и полезные новшества, если сами их не выдумываем. Что делать, приходится соглашаться. А расстраивает энтропия политкорректности, прямой сервилизм, когда и собственное слово есть, и осмысленнее оно. Например, доброволец, добровольцы. Но кругом и сплошь — волонтеры. Волонтеры пошлости и, нет, не сервилизма — хол(уй)опства. Добровольные холопы. Также с продуктами, многими товарами. Говно и отбросы покупают, едят,

но чтобы, если модные. Условие модности — чтобы чужое. Как собаки. («Люди холопского звания — сущие псы иногда, чем тяжелей наказание, тем им милей господа» — А.Н. Некрасов). Ксенофилия, комплекс неполноценности и мазохизма. А бороться велят с ксенофобией.

Традиционная лингвистика изучала физические корни имен, «переводила их». Сейчас на этой почве слишком много мистификаций. «Ученая ахинея». Самое же интересное — выявлять их социально-исторический смысл, ***рассматривать как рождение/распад культуры***.

Сила слов

Первым культурным человеком, говорил, кажется З. Фрейд, был тот, кто вместо того, чтобы бросить в соплеменника камень или ком грязи — выругался. Очевидно, матом. Если два идущих по улице мужика ругаются, матерятся, это просто наиболее древние культурные люди. Они перестали драться, как варвары, и не бросают перчатки, приглашая к смертельному поединку, как феодалы. Кидаются грязными словами. Но смысл ругательств, если всерьез, а не как выражение дружбы и взаимного опрощения — всё равно вызов. Другому, Обществу. Это слова для обозначения вещей и действий, которые не должны быть публично обозначаемы. Их, эти действия, знают все, только по отдельности, про себя, как тайну. В ругани индивид нарушает установленные законы, норму, табу, называя вслух этот священный тотем или акт. В ней выражается состояние души, когда человек провозглашает свое право на абсолютную свободу (праздник Ивана Купала в языке). Самые страшные ругательства — в самые священные и почитаемые вещи — в Бога, Душу, Мать. Это вызов индивида судьбе, обществу, всему свету, бросаемый им в минуту гнева и отчаяния, когда отбрасывается всякая условность в борьбе с неподдающимся окружением. Ах, так, гори все синим пламенем — и избиение божков, святотатство, послать на х... начальника, от которого все зависело, и перед которым долго унижался. ***Момент экзистенции***. Но объекты, используемые для выражения таких состояний, меняются. «Черт» — его называние вслух было когда-то сильным ругательством, не проходило цензуры, а сейчас бог и черт умерли и это «литературная ругань». Средством ругани остается называние интимных вещей. Но вот и о них стали говорить вслух. Скоро уж нечем ругаться. Как жить-то будем? Или останется одно страшное китайское ругательство: «Ты не умеешь жить». Оно будет самым актуальным.

Похвала — ласка голосом. Обмен комплиментами — словесные объятия. Или подготовка к ним. Оскорбление — удар голосом. Ссора — сублимированная драка, кулачный бой чувств и мыслей. Или подготовка к нему (ссора была не мужским делом: «что у вас рук нет, что ли?»). Выругаться матом — изнасиловать. Только идейно. Когда много — нанесение телесных повреждений в речевой форме. Посланное проклятие — выстрел в спину. Если попал — произошло убийство, только «устное».

Все мы движемся «к точке». От тычки. С разницей начала и конца в одну букву. Тычинки и пестики, мужское и женское — тыч и пест*а*. Это старое славянское название органов продолжения жизни. Отсюда негативно-двусмысленное отношение к «тыканию». С одной стороны: «ты» как выражение близости, неформальности отношений, а с другой, «ты меня не тыкай»,: «Эй, ты, недотыканый», см. например, рассказ Г. Успенского «Недотыкомка».

Тычка в виде палки, о-паленой ветки обозначала границу земельного участка и любого пространства. Его конец, ничто. Как у греков камни =термы для тех же целей. В культуре, на письме тычка превратилась в точку, обозначающую границы, конец предложения. А с греческого — в термин, однозначное понятие. Точное знание — чисто знаковое = чисто терминологическое = полностью формализованное = когнитивное = конечное = небытийное знание.

Любая тычка рано или поздно превращается в точку. Не только у индивида. К этому стремится вся современная цивилизация и, как следствие, ее философия. Когнитивизм! Когнитивный капитализм. А не надо (бы) торопиться. Ни в чем!

Итак, пришли к окончанию. Точке. Правда, потом еще будет тачка.

Если в поликлинике повесить табличку «психиатр», на прием идут немногие, кому невмоготу, и чувствуют себя скованно. А если на табличке написать «психотерапевт», то посоветоваться готов чуть не каждый.

Семантический инцидент на транспорте: от станции плавно отошел белоснежный красавец паровоз.

Стандартное оправдание ошибок: мы предсказывали хорошую погоду, но дело в том, что из Атлантики пришел циклон, и она испортилась. Но это как раз и надо было предвидеть! Проблема снимается наукообразным рассказом о ней. Принцип, на котором стоит чуть не вся методология.

Особенности статей, публикуемых академиками: всегда длинные (поскольку их не ограничивают), неконцептуальные (время, когда создана концепция далеко позади), абзацем дается чуть не каждое предложение (потому что они уважают каждое свое высказывание, считая особо ценной

мыслью), менторские (по той же причине). Все, о чем пишут, не доказывается и не развивается, а декларируется. Доказательством истины здесь является сам человек, его статус. Одним словом, недостатков достаточно, да не достает достоинств.

С другой стороны, о некоторых авторах можно сказать: он так ясно пишет, что его не понимают. Не хотят, бояться понимать, ибо все слишком серьезно. Мы против «репрессивной ясности», говорят постмодернисты.

Первая заповедь педагога, если он хочет преподавать свой предмет современно: никогда не учить тому, что изучал сам. ***Учи тому, чего не знаешь***.

Право на безмолвие

В век информации, когда все пишут, это занятие окончательно утратило ореол избранности. Возник феномен литературной толпы и интеллектуального базара. Все друг друга толкают и торгуют словами — ученая чернь, плебс, журнализы. Настоящие говорят мало. Пора бы за это платить, а может и награждать — Орденом Человеколюбия.

Слава как известность — профанная. Многие предпочитают славу как неизвестность. «Серые кардиналы». И эта слава — сакральная, хотя тайная слава похожа на жареный снег. Но это блюдо самое изысканное. Оно приготовлено на костре диалектики.

Несть человека, иже не согрешит. Я не встречал автора, который удержался бы от разговора о своей новой книге. Как раньше о детях.

Искренне написанная книга — это овнешненная душа. Издав ее тиражом несколько тысяч экземпляров, автор начинает жить тысячами жизней. Это большая ответственность. Когда тиражируются грязные души, они отравляют весь мир. Сколько таких! Я надеюсь, что моя отпущенная на волю душа никому не принесет вреда. А может и поможет, особенно родственным душам. Ведь они узнают друг друга сразу. Ну а с чужими, всегда деловыми или мертвыми, я всегда готов вежливо раскланяться.

Рукописи не горят (М. Булгаков). Зато они тонут. Даже изданные. Участь почти всех книг и душ в том, чтобы на мгновение показавшись в волнах бушующего информационного моря, тут же скрыться без следа. Их постигает судьба газет. А подаренные книги не читают вообще. Это как навязанные дети. Теперь ценят только то, что куплено. И книг жалко, и детей жалко. Не буду дарить. Ни-ко-го.

* * *

Первый шаг к одиночеству сделал Нарцисс: поглядел на себя как на другого. ***Вместо другого.***

Вторым шагом было создание зеркал. А почему, пусть каждый домысливает самостоятельно. Перед зеркалом, с собой как другим. Воспользуйтесь тем, что появились «зеркала-льстецы»: в них добавляют бронзу и вы будете загорелым и без морщин. Третьим шагом стало появление еще более совершенных и совершенно нас друг от друга изолирующих зеркал-экранов. Видеотелевизионные. Видимо невидимые стены клеток. Зоо(homo)парк.

* * *

Только безответственный человек всегда может говорить правду. Например, ученый. Политик, муж, родитель обязаны уже лгать. Делать выбор, то есть ***поступать по совести.***

Свои поступки и действия мы стремимся обосновать необходимостью. Поступки других относим к области свободы. Это значит, что их могло бы не быть. Но наши дела и мы сами — обязательны.

Цена свободы — ответственность. В ней воспроизводится отвергнутая свободой необходимость. Отрицание отрицания.

Чем я сегодня занимался? Руководил миром по телефону. Каков результат? Мир по-прежнему сопротивляется.

Как проводить день? Утром обратись к должному, а вечером к желанному. — Высокий ответ древности. А как быть тем, кто работает в ночную смену? — Низкий вопрос современности.

Учитесь радоваться малому: пришел с работы, а квартира не сгорела и все близкие живы. Как это чудесно, как таинственно!

Все остальное уже роскошь.

* * *

После чудовищного количества споров о том, что такое материя и наша реальность, в качестве высшего достижения современной мысли родилось мнение: это отходы, своеобразное загрязнение чистого пространства-времени. Так заявляют многие логики, математики, теоретические физики и другие представители переднего края познания. Если перевести подобные идеи с птичьего языка (и сознания) ученых на язык людей, то чистое пространство-время есть Мысль. Значит, материя — это загрязнение мысли. Таково теперь решение «основного вопроса философии». Но материя, природа включает в себя все живое, в том числе человека как естественное существо. И вот он и природа предстают как отходы мысли, как грязь от функционирования созданной мыслью искусственной реальности. Мы свидетели настоящей экологической перверсии. Если обычно речь шла

о загрязнении природы результатами научно-технической деятельности, то здесь природа рассматривается как отходы самой этой деятельности. Как загрязнение ноосферы, мусор и помеха в развитии нового техногенного мира. Следствие становиться причиной. ***Смена субстанции.***

Больше того. В мировоззренческой ипостаси чистое пространство-время — Разум. Всемогущий и всеобщий разум — Бог. Раньше Бог творил природу и человека в своем высшем усилии — из уст. («В начале было Слово. И Слово было у Бога»). А теперь это его экскременты. Он посетил отхожее место, в результате чего возник мир. Итак, по данным новейшей науки и мы, и мир в целом — г.... Правда, Бога. Вот ответ на все, мучающие философов тысячи лет, вопросы, что есть Бытие? И его высшее проявление — Человек. ***Божественное .....!*** *Б–Г. Это утешает.*

К проблеме идентичности

По мере развития систем управления и информации, мир становится все менее управляемым. Принципиальный скачок в его хаотизации — появление компьютеров, самого мощного средства управления. Окруженный ими человек попал в среду, где ничего не может предсказать. Это если они работают. Если перестанут, будет еще хуже. Мы сидим на технической игле. Это — наш общечеловеческий наркотик. Самый тяжелый. Футурология потерпела фиаско. Прогнозировать события уже и не пытаются, уповая лишь на усмотрение их некоего «паттерна». Гадают, как раньше по панцирям черепах или на кофейной гуще. Угрозы и катастрофы стали техногенными, а если природные, то в основном спровоцированные человеком. Броуновское движение, нелинейный вихрь, турбулентный поток — таковы общепринятые метафоры этой ситуации. Синергетика является теорией процесса без субстрата, по которой все существует для того, чтобы скорее исчезнуть. Замениться другим, «новым». Приспособление, а не управление, адаптация, а не самоосуществление становятся задачей как человечества в целом, так и отдельных стран, организаций, индивидов. Изменяют не свое создание — искусственную среду, которая саморазвивается, а себя. Приспосабливают не кресло для человека, а человека под кресло. И вообще, под кресло его, под кресло. Такая вот эргономика. Думают, что ради жизни. Зря думают. Так вообще сейчас люди мыслят. Особенно ученые. В чужом, а не в своем, не в человеческом мире и уме. «Где Полоний? На ужине. Да на таком, где не он ужинает, а его ужинают». (У. Шекспир. Гамлет).

* * *

Для обыкновенного человека мир состоит из объектов. Объект — часть мира, выделенная в чувственно-предметной деятельности и закрепленная в образе. Однако сейчас расчленение мира предварительно происходит в уме, в теории. Сначала знак, который онтологизируясь, превращается в симулякр. Симулякр — это напившийся крови знак. Знаки как вампиры — высасывают из тел и вещей кровь. Опирающаяся на них цивилизация высасывает из людей жизнь. Лингвистический поворот, семиотическая революция.

A propos: Первыми представительницами малого секса были русалки. Ведь для любви у них только рот. Этим они и завлекали «бедных юношей». А не каким-то там «пением».

* * *

Особенно страстно надо бороться за то, что неосуществимо против того, что побеждает. Это подлинно диалектический подход к реальности, действительная задача настоящего человека. Объективные тенденции реализуются сами. Для них достаточно исполнителя. Марионетки. А для противостояния им нужен Герой. ***Борец со своим временем.*** И его несвое(со) временные мысли.

Логика примирения с явно патологическими достижениями прогресса такова: Да, это опасно, плохо. Но мы не можем остановиться в своем движении, оно неизбежно. Значит это хорошо. Переряживаем. Вполне цинично, на как бы не замечая. Все действительное разумно, говорил Гегель. Значит, в реальности зла нет. Одно добро. Необходимость зла превращает его в благо. *Злаго.* Злобро. (Есть люди злые и добрые. Но все мы, в сущности, злобрые). Фатализм стал доминантой современного технократического сознания. Особенно у тех, кто любит говорить о свободе и правах человека. Вернее, любил. Говорил.

«Гребите против течения» — таков должен быть призыв философа к человечеству, которым овладело желание собственной (правда, комфортной), гибели. По крайней мере, к его мысле-чувствующей части. Которая должна призывать к этому всех остальных. Оставшихся с желанием. Жизни. Любви. Людьми.

Грести против течения — это ***быть реакционером***. Оставаться человеком. Осмелиться? Да. Кто еще? Кто не боится правды, кто способен выносить трагическое состояние сознания и решается смотреть сфинксу в глаза, вместо того, чтобы пересчитывать волосы на кончике его хвоста. Тогда вступайте в ряды консерваторов и реакционеров. Реа(к)листы против виртуа-листов.

«Живые люди всех стран, соединяйтесь»!

Меня упрекают в пессимизме. Может быть да. Но опаснее начинающееся «безболезненное» восприятие болезни, превращение патологии в норму. Привыкание. Пессимизм же не обязательно пассивизм. Я призываю стоять и надеяться до конца: корабль тонет, но матросы заделывают пробоины и заряжают пушки. Стреляют. Я матрос.

* * *

Что есть истина?

Вечный вопрос. Ответов было много, вот еще несколько, навеянных духом времени. Это:

то, к чему все стремятся;

что никому не нужно;

о чем обычно молчат;

что как факт не существует.

Как вольтова дуга, она вспыхивает на мгновение — в столкновении разной лжи.

Что такое красота? Сияние Истины (Платон) или Цветение Бытия (Гете)? Проявление Духа или проявление Жизни? Ответ мой будет: между ними, в напряжении борьбы. Любовь.

Моя новация: в новационных центрах создавать специальные отделы по придумыванию разнообразных пустяков и глупостей, которые бы оправдывали придумывание новаций. Надеюсь превратить ее в инновацию (вот только что позавидовал достижению: «продается пляжное одеяло Hi-Sun со встроенными динамиками»). Хорошо бы усовершенствовать одеяло чем-то еще из «нано». Пошлю заявку в Сколково. Это будет мой гуманитарный вклад в процесс техноэволюции.

Самая простая, лежащая на поверхности событий тайна нашего времени: технонаука стала врагом человека. Как ее укротить? — Вот основной вопрос человечества! Но об этом бояться даже думать.

Непрерывное ожидание конца света. Назначают и откладывают даты. Да не будет его. Потому что, уже произошел! Мы находимся в этом процессе, внутри его. С исторической точки зрения — это мгновение. Только для нас оно — длится.

Конец света начался со смерти Бога. А завершается смертью человека.

* * *

Разговор эволюциониста с креационистом (дарвиниста с верующим).

Креационист: Человек настолько сложное и совершенное существо, что поверить, будто он возник в результате эволюции невозможно. Не хватит никакого времени. Посмотрите на глаз, его изумительные возможности.

Никакие ваши аргументы про миллионы, миллионы лет ничего не объясняют. Все они неубедительные, натянутые, искусственные. Это настоящее чудо.

Эволюционист ... ??

Верующий: Его сотворил Бог. За один миг, максимум за шесть дней. Это же так естественно. И никакого чуда. А то: «миллионы лет».

Одиннадцатое (феноменологическое) доказательство бытия Бога

Происхождение человека. Непрерывные тысячелетние споры. Великая борьба. Конечно, мы — животные. Наш ближайший родственник действительно обезьяна. Наше тело — это мясо, кровь, кости, лимфа, наша любовь завершается выбросом какого-то белого вещества, слезы — это вытекание из глаз особой жидкости, смех — это икание, непроизвольное открывание и закрывание рта. И т.д. Такова проза жизни. Так видит человека физиология, наука вообще. Однако ***фактически*** мы воспринимаем все иначе. Мифологически, феноменологически, экзистенциально, эстетически. **Духовно!** Какая совершенная (неуклюжая) фигура и красивое (неприятное) лицо, какой благородный (невыразительный) взгляд и отточенные (нелепые) жесты, какой задорный (печальный) смех. И т.д. Мы отвлекаемся от физиологических отправлений и не знаем о них. Иначе, без этой духовной оболочки, как и без кожи, невозможно жить. Нельзя быть человеком. Все бы опротивели друг другу и каждый себе. То есть на самом деле мы науке не верим. Или верим только частично, ситуационно. ***Человек живет поэтически*** (М. Хайдеггер).

Таким же должно быть наше мировоззрение. Люди сотворены Богом по его подобию. Они не обезьяны, а почти ангелы. У нас душа, а не психика. Прекрасное тело, а не постоянно отмирающий организм. Каким-то образом мы воскреснем. Земля не песчинка во Вселенной, не вакуум и не кручение пространства, а наш Дом, живая и теплая. Небо голубое, а не черный космос. Из-за засилья науки религиозным мифам и феноменологическому восприятию перестают верить. Или только иногда. А жаль. По науке можно функционировать, а не жить. Жизнь засыхает, человек становится депрессивным и бесплодным. Ради блага жизни, чтобы не утратить радость ее духовного воспри(н)ятия, теоретическое мировоззрение надо бы забывать. Прочь Коперника, долой Дарвина, на свалку Винера. Можно ли забыть и насколько?

Итак, драматическая формула объяснения сущности человека должна быть, по-видимому, такой: гносеологически (по истине) он произошел от обезьяны, а онтологически (по бытию) его создал Бог. Знание про-ду(кт)цент бытия. Знание pro-тив бытия. Знание против бытия. Знание за-бытие. Забы(*ва*)ть знание! Когда оно мертв(ящее)ое. Вот искусство жизни. А форм(ул)а Жизни Господа Бога (не)нашего Иисуса Христа, Магомета, Кришны и т.д., объединяющая фидеистов и рационалистов будет: Бог не существует, но он Есть; Бога нет, но Он существует. Как вечность через/сквозь время, бытие сквозь/через ничто.

Бог — это конечный образ бесконечности. Таинственной и непостижимой. ***Вечность, представленная во времени***. Предполагая бесконечность и вечность, допускайте Бога как их человеческое переживание. Недоступное (по определению) науке. Почитайте Е/их/го.

Вера в Бога — это низшая сте(у)пень знания и высшая сту(е)пень мудрости.

* * *

Решение большинства проблем состоит в том, что из острых они становятся хроническими. А на месте старой чаще всего появляется новая — более трудная, даже тупиковая. Но снятие старой, надоевшей и ставшей невыносимой проблемы воспринимается как решение. Так и живем, так и решаем-ся. ***Прогресс проблем — вот суть «проблемы прогресса».***

Почему считают, что чем больше какую-то проблему обсуждают, говорят о ней, защищают по ней диссертации, тем она становится ясней и «решается»? Напротив, результат умножающихся обсуждений в том, что ее запутывают. И это вовсе не ирония. Так идет развитие духа. Назначение проблемы в том, что она дает высказаться заинтересованным лицам. И в зависимости от преобладания интересов она запутывается в ту или другую сторону — куда идет развитие. При этом облачается в новые теоретические одежды, что дает основание обсуждать и запутывать ее на другом уровне. Сдвиг в сторону и облачение в новые терминологические одежды признается ее «решением». Это действительно некое решение, так как в нем пробили дорогу другие интересы и тенденции, пришли новые люди. Когда все говорят о сохранении чего-либо, это верный признак, что явление либо погибает, либо погибло. (Например, о сохранении природы, культуры, человека.) Что дело идет или будет идти в противоположном направлении. (Например, разговоры о гуманизации образования под аккомпанемент его реальной технологизации.) Но не говорить нельзя. Никто не хочет и не должен погибать молча. Это значило бы признаться, что ничего не было. Вас не было. Но это неправда. Все было, было. Было. И пока обсуждаем —

есть. ***Садист в отношении природы человек стал мазохистом в отношении техники***.

В эпоху экспансии Иного прогрессизм и либерализм стали знаменем философской толпы. И толпы вообще. Либеральный, в переводе на русский — свободный. В мировоззренческом переводе — поверхностный. Ветреный, флюгерный. Консерватор и либерал — фундамент и крыша. Цивилизация ведет борьбу с фундаментализмом. Потому что становится одной крышей. Которая поехала. Покрывает пустоту. Любой, сколько-нибудь глубокий философ — консерватор. Как человек вообще, если он личность, а не актор, или фактор, или интелл*а*гент. (Написав это, почему-то пробормотал: ах, талибан, талибан).

* * *

Познать нельзя помиловать. Карнеги, имиджелогия, визажисты и пр. Типы взглядов — деловой, социальный, интимный. Курсы обучения поведению лица (12 мышц, левую угловую растягиваете, правую у рта поднять). «Как читать другого», «Как продать себя», «Пошлите любящий взгляд»...

Все это называют познанием человека. Гуманизацией. Да пропадите вы все пропадом. Манипуляторы. И сами — манипулируемые. Психология стала самой страшной дисциплиной. Да и перерастает она в «когнитологию», то есть прямую об(пере)работку сознания. Это уже не дегуманизация, а деантропологизация. Уничтожение человека. Превращение жизни в технологию, бытия в обладание, чувств в информацию. Мне улыбаются, но я тоже знаю, что со мной «работают». Я — объект, меня «имеют». Все друг друга «имеют». И никто не живет. Или живут «по остаточному принципу», до кого эти достижения не дошли. «В отсталых странах».

Да, много еще не познанного. Познаем, дойдем, доходим.

* * *

Ни в чем не надо бояться глубины. Если превысишь свои возможности, она, в конце концов, тебя вытолкнет. Голову ломают на мелководье.

Ум всегда на грани безумия. Какие-то гарантии психического здоровья дает только глупость. А вместе — дух, включающий в себя способность откликаться на зов чувств, «делать глупости». Многие безумны, особенно шизофреники, потому и от того — что не дураки, утратили этот дар.

Самоотверженная любовь к себе. Мне очень нравится эта фраза. Но невозможно, просто невероятно, что она не была сказана кем-то другим и раньше. Вот так с большинством наших мыслей: они собственные только потому, что нравятся себе.

* * *

Самая глубокая причина существования явления — отсутствие причины, когда оно существует само по себе — *causa sui*. Мир таков в целом. Но момент абсолюта есть в каждом явлении. Иначе как бы мир был *causa sui* в целом?

И самые драматичные ссоры между людьми — беспричинные. Как любовь. Экзистенциальная несовместимость. Или влечение.

Как мелкая речка перед плотиной образует омут, так душа обретает глубину при сдержанности. И в страданиях, и в радостях. При несчастье, если сдержанность «после», при счастье, если сдержанность «до».

* * *

Человек — домашнее животное Бога. Создавая Адама, Он не наделил его разумом. Он вдунул в него «Душу живу», которая постепенно истощилась, а потом умерла. Стала Разумом. Где-то с эпохи Возрождения. Потом умер и разум, став Интеллектом. Где-то в XXI веке. Далее, интеллект превратился в искусственный, который начинают выдавать за «естественный», будто бы человеческий. Животное отвязалось от Бога и тоже умерло. Где-то к началу XXII века. Про/сти/щай, живо(тно)е! И sapiens! Рождается Иное, восторжествовали Новые (не)Боги.

Святые праведники, молите Бога о нас!

* * *

Сколько лет человечеству? Археологические раскопки, споры, радиоуглеродный анализ. Обычная научная суета. А я думаю проще: оно вышло на пенсию. Да, где-то уже лет за 60. Пенсия заработана, платит ее техника. Так что поживем, сколько там по статистике в среднем осталось.

Мысль о смерти всего человечества, о его гибели в результате ядерной катастрофы (ужасная, трудновообразимая в своей бессмысленности), кажется всего лишь огорчением разума, его страданием, если помнить, что по отдельности человечество умирает ежесекундно. ***Со смертью человека умирает и человечество.*** Каждый человек его когда-нибудь хоронит. Смерть одного человека также абсурдна, как и всех. Перед лицом абсурдности бытия количественный фактор значения не имеет. Жалко только молодых. А если бы вдруг всем стало по 80-90 лет и все сразу умерли, то чего жалеть? Только культуру. А культуре все равно, тем паче, что она, этот *последний бастион человека*, тоже кончается, захватывается «гуманитарными технологиями». Преобразуется в технику. А техника в нашей печали не нуждается. Она не пропадет.

Но как ликуют легкомысленные…

* * *

Все необходимое человеку для жизни уже изобретено. Где-то к средине XX века, до того, когда произошла Великая постчеловеческая революция — до открытия микро и мега миров. Сотворено. Дальнейшее творчество, новации, в особенности их современный взлет, ведут к его демонтажу. И одновременно — к затуханию творческих способностей человека. К деградации мышления. Изобретение электронно-вычислительных машин (ЭВМ) было изобретением электронно-мыслящих машин (ЭММ). Но как «всякий охотник хочет убить фазана», так всякая машина хочет стать автоматической. И становится. Значит, это было изобретение мыслящих автоматов = автоматического мышления, делающего ненужным «ручное» = головное мышление. Как более ранние автоматы сделали ненужным физический труд. Отсюда неизбежная эрозия собственно человеческого, смыслового мышления. Что нагляднее всего видно на образовании, в сфере, где учат, вернее, учили мышлению. Учащегося теперь учат «компетенции», где и как найти готовое знание/информацию. А здесь не надо творчества, только навык. Технический. Кто-то удачно сказал, что компьютерное образование без преподавателя похоже на обучение игре на гитаре по самоучителю. Получается примитивно, схематично, без ауры живого опыта. Происходит самозатухание творчества и мы, как радостно сообщают прогрессивные теоретики, вступаем в «посткреативную эпоху». Человеку останется только описать задачу, а «решать ее будут суперкомпьютерные системы». Значит, и ставить задачу будут они, однако эта очевидность уже сейчас выше понимания энтузиастов дальнейшего бесконтрольного развития науки. Ну, всему радуются, главное, чтобы «было прогрессивно». Министры образования, в качестве профессиональных функционеров, обеспечивающие его машинизацию и автоматизацию, становятся врагами подлинного, т.е. творческого мышления и, следовательно, образования. Адептами тестирования и компетенции — вместо знания и понимания. Адептами вырождения и де(э)волюции = деградации человека. Американцы (это уже заметно) де(э)волюционировали — и достигли громадных материально-технических успехов. А мы — отстаем. Поэтому не надо удивляться, что наши последние министры образования (Ф-1 и Ф-2, да и дальше, кто будет), имеют идиотический оттенок в лице и поведении. Такова их страшная и, в своей тупой необходимости, трагическая роль. Когда эта принципиальная и грязная работа в пре-образовании будет исполнена, оно автоматизируется. Скажут: «электронное правительство». Оставшиеся живые люди будут *его* под-*данные*.

Вперед, к де(э)***волюции человека.***

Третья лягушка

Известная притча о двух лягушках, одна из которых, попав в молоко, сложила лапки и утонула, а другая стала биться, получилось масло и она выжила, обычно приводится как урок надежды и борьбы до конца. Берите пример со второй лягушки. Забывают однако, что лягушка билась без какой-либо цели и надежды. Она ***просто*** билась. А будет ли «биться» без цели и надежды человек? Человечество? Ведь это «лягушка с рефлексией» — третья лягушка. Нам обязательно нужен смысл. Если не внешний — масло и выживание, то хотя бы признание ценности самого процесса деятельного дерганья, его внутреннее оправдание. Вплоть до того, чтобы ***найти смысл в отказе от поиска смысла.***

Еще раз о лягушках. Если на эту, сидящую в кастрюле особу, вылить кипяток, то она выпрыгнет — «как ошпаренная». А если воду в кастрюле подогревать постепенно, она не заметит, как сварится. Так сейчас человечество сидит в кастрюле науки и техники. Все происходит на наших глазах — поэтому мы ничего не видим. Сидим с комфортом. Кто бы ошпарил?

* * *

Если в творчестве тебя хвалят твои ближайшие коллеги, ты и в самом деле неплохо работаешь. Но только если они тебя замалчивают или хвалят за что-то другое, ты можешь предполагать в себе некоторые способности. И только если они тебя ругают, можно надеяться, что ты талантлив. И только если человека гонят — он гений или бездарь. Талант может быть признан, но другими, гений — и другими, и в другом месте, а часто даже в другом времени.

После посещения ОДО (центра одаренных детей): Сколько людей погубил их талант! Он повышает риск развития. К нему нужна соответствующая воля, без которой человек, хотя и может что-то совершить, но довольно скоро пропадает и тем скорее, чем талантливее. А такое сочетание бывает редко. Даже способности могут принести немало зла. Я знаю людей, которые «никем не стали» только из-за них. Талант — дар и проклятие. Мы в основном знаем тех, для кого он стал первым, но как много тех, для кого он стал вторым. Самая большая опасность, если талант проявился в детстве — созрел раньше человека. Он его съедает. Обычно стараниями родителей. Есть очень заботливые людоеды.

Все толкуют (токуют) о творчестве. Теперь уже «не красота, а творчество спасет мир». Забывают только, что ***дьявол тоже твори***т. Какой только чепухи не изобретают: квадратные персики, очки с рисками для

разрезания торта, машина для подсчета волос на голове, аппарат для автоматического надевания презерватива — настоящее научное хулиганство, то и дело перерастающее в прямые преступления. А главное, что по мере нарастания криков о творчестве реальная жизнь становится все менее творческой. Начали приветствовать и это: «деантропологизация творчества». Творчество — видимость, «вторичные качества», — так следует из синергетики. Вместо творчества — самоорганизация. Пусть «творят» машины. И тогда — не хватает творческого воображения представить, что тогда будет.

Машины представят!

Чтобы помнили…

Наука и религия имеют дело с возможными мирами. Нам важна ***наша реализация возможного.*** Мир, в котором мы живем. Это вполне достаточное основание, чтобы считать его высшим и лучшим из миров. В определенном смысле мы всегда должны быть антропоцентристами. Ценностный антропоцентризм — это гуманизм.

Нынешнее состояние общественного сознания таково, что приходится опасаться прослыть реалистом. Все чаще и чаще критикуют «антропоцентризм». Думаю, что скоро придется опасаться прослыть гуманистом. А потом — человеком.

Философам пора начать разрабатывать новое понятие: «пережитки гуманизма». О нем, о том, что человек все-таки был, надо ***успеть сказать.*** Пока все не накрыло виртуализмом, технологиями и трансгоманизмом. Пока его совсем не затоптали стада диссертантов, пишущих в разделе «новизна полученных результатов» про счастье быть зомби с искусственным интеллектом и даже про счастье «не быть». Радость по поводу «расчеловечивания человека», замены его постлюдьми уже выражается.

Жили-были старик со старухой …

* * *

Чтобы существовать, теперь надо делать усилие. Самым банальным образом. Желание, энергия, дурь уже не рвутся из человека. Он все чаще принуждает себя к действию. К самому обычному, к движению. Гиподинамия тела и инфантилизм духа. Гиподинамия в сексе: мужчины перестают проявлять инициативу: «Не охота». Если только, «кто бы взял». Женщины еще играют в первенство желания. Из тщеславия. А мужикам (и) это не надо. Появилось даже новое слово: «нехоть». Диагноз: «нехоть(ный)». Это

страшней, чем немощь(ный). Потом депрессии. Потом нежить(ный). Даже по студентам заметно: стали спокойнее, апатичнее, на лекциях почти не вертятся. А в перерыве ни взрывов дикого хохота, ни беготни, особенно как не стало стройотрядов и «картошки». А у меня правая (или левая?) ключица сломана на студенческой практике, но не в драке, а просто когда «все боролись» и я оказался внизу, в «куча мала», на которую сверху поднажали.

Соответственно, философия не дремлет и появились спекуляции на тему, что жизнь — это вообще «усилие». Всегда — усилие. Усилие быть. (М. Мамардашвили).

Да не всегда, а только теперь, только начинается. Раньше жизнь надо было обуздывать. Для чего и мораль. А теперь надо стимулировать. Для чего и порнография, а также другие, все новые и новые «мании».

В ближайшее время в моду войдет новое философское направление: «философия усилия». А может и не войдет, поскольку в моде «философия небытия» как философия смерти (через бес-смертие) которая, в сущности, и есть (пост-пост)трансмодернизм.

* * *

Возгонка всего и вся в разум: не удивлюсь, если на руке заключенного вместо наколки: «нет счастья в жизни» скоро будет: «нет в жизни смысла». Вместо счастья ищут его смысл. Вместо существования началось «смыслование». Бытие разошлось со смыслом. Вот какое несчастье случилось с человечеством в XXI веке. Хотя к концу века оно от него избавится. Будут только считать (его). Смысл расходится с (машинным) мышлением. Счастье — понятие культуры. В цивилизации вместо него — комфорт. В техносе, как результате победы инновационизма и возникновения техногенного рая = комфортного электронного концлагера, такой проблемы вообще не будет. О н(ем)ей забудут.

Писание, ученость, философия. Как и все завожу разные папки по проблемам. Одна из них посвящена поискам смысла жизни. Так и озаглавлена: «смысл жизни». Взгляды и высказывания великих, где и как его обрести. Вчера подумал: а чего далеко ходить, может он у меня и заключен в этой папке? Там и лежит? Пожалуй, да. Для философа, теоретика заполнение картонных папок и писание текстов является основным занятием. Такова их картонная жизнь. И бумажные кораблики ее смысла. Или самолетики. Иногда — солдатики. Но главное, что все бумажные. Теоретику достаточно осознавать, что он нечто ***может*** осуществить и потому реально он ничего не осуществляет.

Осмысляем, чтобы не жить.

Бум с познанием человека. Открываются гуманитарные университеты, центры, музеи. Академии человека. Несть числа лабораториям, исследующим его. Измеряют, тестируют, моделируют. Пишут рекомендации, вычисляют душу.

Изучаем, чтобы не любить.

Начали «конструировать».

Чтобы заменить.

Постчеловеком. Согласно трансгуманизму, все шире распространяющемуся движению, вбирающему в себя все новых и новых сторонников, вовсе не фантастическому, а имеющему даже секцию в Философском обществе РФ, теперь есть люди, н*е*люди, трансхьюманы и не люди. Или людены.

Ах, да что говорить. Когда все больше н*е*людей и люденов.

Скажите, люди!

Разве не ясно, что высокие (нано, био, инфо, когно)технологии, так называемые Hi-Tech и осоёбенно гуманитарные, так называемые Hi-Hume, нас снимают? Трансформируя, отменяют? Их (бы) точное название — постчеловеческие. И разве перед их девятым валом всякий мыслящий человек не должен стремиться к традиции, быть последователем К. Леонтьева, Ю. Эволы, М. Хайдеггера, т.е. стремиться «к почве», к «Schritt zurück», быть Консерватором?

Если нет, то он либо ещё не мыслил, либо уже не человек. Жертва технократии. «Перезагружен». Н*е*людь. Хотя по факту, больше такого: ещё люди, но уже не думают. А когда думают, то **не в своем уме.** Значит, не видят. И никаких предупреждений не (у)слышат.

Скажут: алармизм.

Скажут: пессимизм.

Скажут: спать хотим.

Или заболтают, зацитируют, задушат в объятиях как Ницше, Хайдеггера и любых других мыслителей, решающихся думать по сути, об основаниях, т.е. принципиально, т.е. фундаменталистов.

Почему люди (вслед за американцами) глупеют? Не видят оче-видного нарастания процессов своего само-у-ничто-жения. И даже приветствуют его. Превращаются в трансгоманистов. Это защитная реакция. На невозможность что-то изменить. А кто видит и хочет изменить, тот «спорит с веком». Без-защитный/надежный дурак. Но: Omnia homini, dum vivit, speranda sant = Пока человек жив, он на всё должен надеяться.

* * *

В заполярной тундре иногда можно видеть удивительное зрелище. Тысячные стада мышей-леммингов, теснясь и давя друг друга, несутся к Ледовитому океану, и бросаясь в него, тонут. Ни одна особь не способна уклониться от этого массового самоубийства. У людей, к счастью, так не бывает. Всегда находятся 3–5 % индивидов, которые понимают, что происходит и пытаются объяснить остальным опасность безудержного, всепоглощающего поток(п)а технических новаций и инноваций, гибельность бесцельной гонки по пути нерегулируемого прогресса. Доказывают, увещевают, призывают к сдержанности. Бесполезно. Но не зря. В этом проявляется уникальность человека, мы спасаем его достоинство как разумного существа. Мышь- sapiens-a.

* * *

Великий основной вопрос философии, как бы над ним не иронизировали поверхностные головы — существует. Природа и дух, тело и мысль — это Земля и Небо нашей жизни. Разве не эта оппозиция в центре мировоззренческих споров и доныне? Но характер взаимодействия противоположностей исторически меняется — на вплоть до противоположного.

Быть материалистом сегодня (феноменологическим) — консервативно, реакционно и человечно. А идеалистом (трансцендентальным) — динамично, прогрессивно и технологично.

Все первое когда-то становится вторым. А новое — старым. И наоборот. Все — универсальный круговорот гибельного перерождения одного в другое. Наверное, это и есть бес (дьявольская) конечность, представляемая нами в виде похожего на человека Бога — ***Конечный образ бесконечности.***

За(ис)поведь реакционера

Конец света — такова будет последняя инновация человека. Принять «вызов сложности» или «вызов выживания» — так на птичьем языке постмодернизма выражается раскол человечества на два все более враждебных лагеря: сторонников технологизации или экологизации, роботизации или гуманизма, искусственного или естественного, бессмертия или жизни. И будут они бороться не на жизнь, а на смерть. Природа или культура — трещина, раскалывавшая XIX, первую половину XX века. Культура или технология — пропасть, образовавшаяся к концу XX века.

Человеческое или Иное — вот глобальная, роковая проблема Третьего тысячелетия.

Благо(м)намеренные теоретики начнут поправлять: зачем «или», пишите «и». Мы не хотим « выживать», надо говорить «о жизни» — (по)учительно продолжат они. Да вы можете говорить о чем угодно, хоть о вознесении в рай, но это все пустые слова. На то они и пустые — эти люди-слова. Ситуация такая, что приходится выживать. Самое страшное в этой абсурдной цивилизации — ее успехи. Кризис, неурядицы дают человеку хоть какую-то надежду. А успехи — никакой. ***Современная цивилизация влюблена в смерть.*** Беременна Иным. Её передовой отряд — безнадежно, для о(т)ставших-ся еще может быть разное.

Поэтому, идти под знаменем полионтизма и реакции (выживания) или под знаменем линейного прогресса (самоликвидации) — вот выбор, который стоит перед любым думающим человеком. Наиболее оптимальный выбор — не думать, отдаться утопии. Типа ноосферы, бессмертия, космоса и т. п. Так или «никак» поступает большинство. «Отдаю(ё)тся». Чтобы не знать, когда нас не будет. Но это оптимально безответственный выбор. Философ на него не имеет права. Как обычный человек, делая утром зарядку и заботясь о своем здоровье, делает себя врагом прогресса (не говоря уже о таких отъявленных реакционерах, как посетители фитнес-клубов и косметических салонов), он тоже должен действовать по логике сопротивления. *Эко-логике.* Нести крест понимания и надежды. В каждой деятельности каждый человек несет свой Крест. Пере-крестился — и неси.

Да, не пессимист я! Это воззрение — диалектико-трагическое, т.е. подлинно философское. Всего лишь. Когда признается, что оппозиции бытия и ничто, жизни и смерти, добра и зла имеют равно объективные основания. А борьба человека за победу бытия, жизни и добра над ничто, смертью и злом бесполезна. Но необходима. Смыслообязательна. Какая-то надежда есть на катастрофы. Они нужны для вразумления. Ибо одних слов, объяснений недостаточно. И они будут. Желательно небольшие, хотя бы средние. Чтобы приостановить вялотекущую, предотвратить или хотя бы отсрочить всеобщий Самоапокалипсис. Знаменитый тезис К. Маркса «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его» сам должен быть изменен. Нынешний девиз: «Люди лишь различным образом изменяли мир, дело заключается в том, чтобы сохранить его». Сохранить как ***мир человек***а.

За-клинани(е)я реакционера

В Новое время, когда заговорили о смерти Бога, когда рационализм и наука, схватив его за бороду и, по выражению современных порнографических нигилистов, «за крайнюю плоть», стаскивали с небес, Ф.М. Достоевский восстал против науки: «Если истина вне Христа, то я останусь со Христом, а не с истиной». Теперь, когда дело идет о (бес)смерти(и) человека, когда от бороды он отказался сам, вплоть до выдумок, что Адам был гермафродитом, а крайняя плоть перестает служить продолжению его бытия и вообще, чему-либо, можно только повторить: «Если прогресс и техника переступают через человека, то я предпочту остаться с человеком, а не с техникой». В дилемме: консервативно жить или прогрессивно умереть, я выбираю первое.

Консерватор! Не успеваю деградировать вслед за новым и прогрессивным. Консерватор! Против расчеловечивания и замены людей трансхьюманами. Консерватор! За сохранение живого на Земле. Трижды консерватор — реакционер!

Консерватор? Реакционер? Хайдеггерианец? Это если рассуждать в парадигме однонаправленного развития. Так называемого прогресса. Если же смотреть на мир шире, синергетически, в парадигме спиралей и поворотов, возможностей и циклизма, то когда караван меняет направление, хромой верблюд может оказаться первым. Настоящий реакционер, это революционер в отношении настоящего. Состояния, которое его не устраивает. Это человек, который верит в свободу и многообразие форм бытия. Их коэволюцию. Верит *в свое* будущее. И в этом смысле — в вечность. Свободный человек. *В нынешней ситуации* знамя свободы выпало из рук прогрессистов. Его несут консерваторы и реакционеры. Консерваторы, геоцентристы, экологи, феноменологи, верующие, гуманисты, да все живые люди, чье сознание не похищено силами Иного.

Мы, консервативные революционеры! (XXI века) = Идеологи Бытия. Немного нас. Не больше, чем зд(о)раво-мыслящих людей.

В эпоху Трансвековья прослыть атехнистом также опасно как атеистом в Средние века. И тем не менее: Да (будет) проклято оно, это (ин)новационное общество, в котором брачный союз и рождение новых (будто бы) людей регистрирует и благословляет «робот-священник» (Япония).

Девиз для стран и народов, которые хотят продолжаться и жить: *Отсталость, отсталость и еще раз отсталость!* Люди, у которых еще блестят глаза, не торопитесь отказываться от счастья борьбы и труда, чтобы от(пре)даться «счастью по-научному», когда «всё будут делать экзофлопные супер-

компьютеры, управляя миллионами наноботов вокруг и даже внутри нас». Не завидуйте этой самоубийственной глупости и о(т)ставайтесь людьми. Как можно дольше.

Люди, с пустыми или впе(а)ренными в экран глазами, которые все по(ис) требляете, а сами мертвые, и лишь на вид живые, да (по)смотрите дальше своего носа — хотя бы на расстояние вытянутой руки; и не доверяйте(сь) прогрессу — он всегда амбивалентен; не бойтесь прогресса — это только одно из состояний жизни. Скажите ему — НЕТ. Или, если так привыкли отождествлять его с «движением к лучшему», считайте им глобальный гомеостаз: оптимизацию своего положения в потоке неопределенностей и перемен. Направляя их в круг вечно обновляемого существования. Но не бессмертия, а смертной жизни. Люди — вон из рая!

Заботьтесь о главном: как защитить себя от новаций. Молите Бога о потеплении, похолодании или других катастрофах, которые бы остановили ваше превращение в зомби. Мы должны Быть, людьми и с людьми — вот «Третий Завет» на III тысячелетие. Следовать ему почти невозможно, а не следовать, значит не жить. Общая трагическая ситуация личного Вы-жив(мир)-а-ни-я. Долой инновационный экстремизм!

Мириады семян и зародышей жизни гибнут. Те, кто выжил на этой Земле — Герои. Но по отдельности. Теперь в этом нуждаются все. Сохранить ***Присутствие Духа*** в коэволюции с техникой и ее носителями, технократами — основной вопрос нашего выживания. Или хотя бы сохранения достоинства: ***НЕ*** все, даже ученые, ничего не понимают, ***НЕ*** все, даже философы, никого не любят, ***НЕ*** все, даже верующие, ни на что не надеются. Вот Святая ***НЕТ***роица, в которую надо верить, уповать и молиться. ***Миссия Человека во Вселенной должна быть Вы(ис)полнена до Конца.***

*ТАК **PRO**-ДЛИ-МЫ-СЯ ...*

ФИНАЛ

Как жалко, что все проходит. Как хорошо, что все проходит!

* * *

Человек умер. Это мы его убили. Самоубийцы. И теперь, когда вытесняемые технологией живые люди так близко подошли к своему концу, они, наконец, заслуживают жалости и любви.

Чьей?

Друг друга!

* * *

Мы живем в эпоху, когда человеческая техника превращается в технического человека. В «постчеловека». У него есть будущее: несколько веков. У живого, традиционного, исторического человека все будущее — в прошлом. **Про(*сти*)щай, человек.** У тебя есть только вечность. **Да здравствует вечное возвращение!**

* * *

Консервативная революция под знаменем археоавангарда — вот «повестка дня» на XXI век. Стратегия радикального (о)сознания своего положения и поддержания динамического равновесия. Идеал канатоходца. Все остальное — повестка ночи. Вперед к истокам, к соразмерности мира с человеком. **К экологии Бытия.**

* * *

То, что однажды случилось, всегда может случиться вновь.

Spiro, spera. (Дыши, надейся) … Такова ***Философия сопротивления.***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кутырёв Владимир Александрович
Время Mortido

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *Е.А. Виноградова*
Корректор *Д.Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72
E-mail: office@aletheia.spb.ru *(отдел продаж)*,
aletheia92@mail.ru *(редакция)*
www.aletheia.spb.ru
Заказ книг: fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 20,53. Печать офсетная.
Заказ №